

3063

Л. А. Кроль.

ЗА ТРИ ГОДА

(ВОСПОМИНАНІЯ, ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ВСТРѢЧИ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я пишу не исторію, не лѣтопись, а личныя воспоминанія и впечатлѣнія, отнюдь не претендуя на объективность. Я забочусь при этом лишь об одном: чтобы воспроизвести свои впечатлѣнія такими, какими они были в свое время, хотя в настоящее время я, вѣроятно, ко многому отнесся бы иначе, чѣм тогда. Путь от Всероссийскаго Учредительнаго Собранія до Приамурскаго Народнаго Собранія не мог для меня пройти даром. Жизнь показала полную негодность в борьбѣ с коммунистами тѣх планов и построений, которые казались правильными и разумно рассчитанными в свое время.

Хотя я пишу для современников, а не для историка, но послѣдному, может быть, мои очерки пригодятся для уясненія психологіи общественных и политических дѣятелей в тѣ моменты, которых касаются мои очерки.

Условія переѣзда моего от Москвы до Владивостока были таковы, что мнѣ нельзя было сохранить документы и записи. Мнѣ приходится писать почти исключительно по памяти, с трудом возстаивая тѣ или другія даты. Поэтому в части, касающейся дат, вполне возможны небольшія ошибки, за которыя заранѣе приношу извиненія перед читателем.

Владивосток

1921 г.

ЧАСТЬ I.

В МОСКВѢ

• (ЯНВАРЬ—ИЮНЬ 1918 ГОДА).

Г Л А В А I.

Переѣзд в Москву.— Центральный Комитет к.-д. в подпольѣ.— Открытіе и разгон Всероссийскаго Учредительнаго Собранія.— Убіиство Кокошкина и Шингарева.— Большевизм на Уралѣ.

1.

Будучи выбран во всероссійское Учредительное Собраніе, я в декабрь 1917 года собирався выѣхать туда.

С выѣздом я ждал извѣстій от Ц. К. партіи к.-д., предложившаго мнѣ не выѣзжать до получения от него извѣщенія. Прибывшій в это время в Екатеринбург член ц. к. К. К. Черносивтов (впоследствии разстрѣлянный большевиками в Москвѣ), передавал мнѣ, что в ц. к. весьма сомнѣваются в том, чтобы Учредительное Собраніе могло функционировать, а потому он не думает, чтобы я получил от ц. к. обѣщанный вызов. 27 декабря я, однако, этот вызов получил с предложеніем пріѣхать предварительно в Москву. В тот же день я выѣхал, усиѣвъ выступить с прощальной рѣчью перед избирателями, для чего использовал лекцію К. К. Черносивтова «о необходимости борьбы с коммунистами и защиты Учредительнаго Собранія», лекцію, по какой-то оплошности, допущенную властями держащими. Въ очереди, так как я торопился на вокзал, мнѣ разрѣшили выступить в перерывѣ лекціи, объявленном Черносивтовым, и тут я высказал избирателям тѣ чувства, с которыми я ѣду в Учредительное Собраніе. Я указал, что депутат — то же, что кредитный рубль. Он полноценен, если позади его имѣется обезпеченіе; и ничего не стоит, если этого обезпеченія нѣтъ. Практика разгона первых двух Государственных Дум показала, что наше населеніе очень равнодушно относится к судьбѣ своих представительных органов, а потому я и на этот раз мало вѣрю в

то, чтобы Учредительное Собраніе было поддержано настолько, чтобы большевики не осмѣлились в случаѣ надобности его разогнать. Это в достаточной мѣрѣ рнеует тѣ чувства, с которыми я ѣхал. Их мало разсѣяло и то, что, как оказалось на вокзалѣ, власти дали распоряженіе о выдачѣ проѣздных билетов членам Учредительнаго Собранія внѣ всякой очереди и о содѣйствіи их удобному проѣзду.

Вмѣсто трех суток я проѣхал до Москвы чуть не недѣлю. Уже в Вологдѣ я рассчитал, что прибуду в Москву 3 января. 5 января открывалось Учредительное Собраніе. Поэтому я телеграфировал московскому отдѣлу ц. к., чтобы мнѣ оставили инструкцію и обезпечили проѣзд в Петроград, в случаѣ отъѣзда всѣх туда.

Но от Вологды, — откуда до Москвы сутки ѣзды, — мы еще умудрились опоздать на сутки. Мы долго стояли на каком то полустанкѣ, потому что впереди нас застрял в снѣгу поѣзд. Кто то предложил пустить наш поѣзд на перегон по лѣвому пути. Начальник полустанка отвѣтил, что это вполне мыслимо, но практических результатов не даст. В идущем впереди нас поѣздѣ много солдат и они нас несомнѣнно выбросят, пересядут в наш поѣзд, а нам предоставят свой, так что мы ровно ничего не выиграем. Оказавшіеся в большом числѣ солдаты и в нашем поѣздѣ заявили, что они готовы принять бой. Тогда был произведен учет реальных сил. Оказалось, что перевѣс на сторону того поѣзда, а потому мы остались на мѣстѣ. Как штрих рисующій эпоху момент не безынтересен. Еще рѣз-

полная расхлябанность государственного механизма сказалась при въездѣ в Москву. Мы приѣхали до разсвѣта и нам на вокзалѣ посоветовали дожидаться утра. Улицы не освѣщались в видах экономіи топлива, и в центрѣ города убивали и грабили. Мы послушались совѣта, и хорошо сдѣлали. Бандитам в Москвѣ процвѣтал во всю, и только путем драконовских мѣр, безконечными разстрѣлами «при попыткѣ к бѣгству» и «на мѣстѣ преступленія» удалось большевистской власти в теченіе первых двух мѣсяцев 1918 года установить полусомнительную безопасность по ночам на улицах.

2.

В конечном счетѣ, я приѣхал в Москву 4 января, т. е. наканунѣ открытія Учредительнаго Собранія. В квартирѣ, куда я заѣхал, меня ждала записка от секретаря ц. к. с просьбой не уходить и дожидаться личной бесѣды, а спустя час секретарь пришел навѣдаться, не приѣхал ли я.

Вѣсти его были печальны. Центральный комитет в Петроградѣ был разгромлен. Партія к.-д. объявлена врагом народа. В Петроградѣ работать неммыслимо. Члены ц. к. перебираются в Москву. Но и здѣсь приходится работать конспиративно. О пользованіи своим помещеніем и думать не приходится. Члены Учредительнаго Собранія к.-д. Коконкин, Шингарев, Кишкин, кн. Долгоруков, Набоков — в тюрьмѣ; остальные, находящіеся в Петроградѣ, а равно члены ц. к. вынуждены скрываться. При таком положеніи дѣл ц. к. наканунѣ постановил, чтобы партійные члены Учредительнаго Собранія в первое засѣданіе его не являлись, а в дальнѣйшем поставить вопрос в зависимость от освобожденія арестованных членов Учредительнаго Собранія. Сюда же как второстепенный, входил вопрос о недопустимости регистраціи у большевика Урицкого. Рѣшеніе ц. к. о неявкѣ в первое засѣданіе Учредительнаго Собранія было принято единогласно, при неучастіи в голосованіи членов ц. к., выбранных в Учредительное Собраніе. Сообщив мнѣ эти свѣдѣнія, секретарь передал мнѣ, что засѣданіе ц. к. состоится в частной квартирѣ

в тот же день через нѣсколько часов.

Впервые пришлось мнѣ участвовать в конспиративном засѣданіи нашего ц. к. Даже во время царизма и послѣ того, как мы были «разъяснены» в 1907 году сенатом, мы не собирались конспиративно и не только ц. к., но и любой съезд. Они не были официальные, но они и не были конспиративны. Говорить о «конспиративном» съездѣ кадетов, продолжающемся нѣсколько дней в столицѣ в одном и том же помещеніи, было бы, конечно, смѣшно. Власть, конечно, знали, но, что называется, смотрѣли сквозь пальцы. Теперь мы были «враги народа» и приходилось засѣдать и собираться дѣйствительно конспиративно.

В сборѣ были почти исключительно москвичи. Предсѣдательствовал профессор Новгородцев. Вопрос, вполнѣ естественно, вертѣлся вокруг Учредительнаго Собранія. Завтра его открытіе; завтра — манифестація, организованная комитетом защиты Учредительнаго Собранія. Какое участіе принять в этом дѣлѣ? — Оказывается, что мы, как партія, в состав комитета не входим. Почему? Очень просто. Инициаторы комитета эсеры и другіе социалисты установили, что в состав комитета могут входить социалистическія партіи и демократическія «организациі». А так как к.-д. партія не социалистическая, а хоть она и демократическая, но не организациі, а партія, то большинство комитета по этому формальному признаку нашло, что партія к.-д. нѣтъ мѣста в дѣлѣ защиты Учр. Собранія. Волей-неволей, раз мы отстранены, пришлось отказаться от какого-либо официального участія партіи в организуемой демонстраціи, предоставив отдѣльным членам партіи, за исключеніем членов ц. к., принимать участіе в демонстраціи по их усмотрѣнію. Из других вопросов, поднятых в этом засѣданіи, я помню вопрос о том, чтобы поручить одному из членов Учредительнаго Собранія к. д. огласить в первом его засѣданіи декларацию от имени фракціи к.-д. о мотивах ея неявки в засѣданіе с протестом против содержанія под стражей членов Учредительнаго Собранія. Эта мысль была однако отклонена, ибо счи-

тали, что будет одно из двух: или наших сотоварищей освободят к моменту открытия Учредительнаго Собрания, тогда они и другіе, находящіеся в Петроградѣ к.-д., члены Учредительнаго Собрания явятся в засѣданіе; или заключенных не освободят — тогда явно безцѣльно подвергать риску кого-либо из наших членов Учредительнаго Собрания для декларирования чего бы то ни было перед людьми, способными держать в тюрьмѣ народных избранников.

Наши предположенія насчет того, съѣм мы имѣем дѣло, нас не обманули. 7 января, утром, мы уже могли читать в газетах про ту гнусную картину издѣвательства, которую создали большевики из перваго и вмѣстѣ с тѣм послѣдняго засѣданія Учредительнаго Собрания. Так как эс-эры, как и мы, считали невозможным регистрироваться у Урицкаго, то вопрос был обойден тѣм, что им прислали членскіе билеты во фракцію. О «врагах же народа» в таком порядкѣ не заботились. Кресла в залѣ были оставлены строго по числу зарегистрированных, а остальные вынесены из зала. Нам мѣста не было. За нас и без нас рѣшали. Очевидно, если бы кто-либо из нас явился, то для него было уготовано другое мѣсто, а не курульное кресло.

Через пару дней мы это почувствовали. Пробрался из Петрограда Винавер. Дѣлились впечатлѣніями. При выѣздѣ он захватил какую то газетку, которая сообщала, что среди коммунистов большіе дебаты по поводу содержанія под стражей без предъявленія обвиненія членов Учредительнаго Собрания, включая к.-д., и что, повидимому, их освободят. Тут же было оглашено только что полученное от гр. Паниной письмо, в котором она сообщала, что благодаря связям в медицинском мірѣ сестры Шингарева, кажется, удастся добиться, чтобы Шингарева и Кокошкина перевели из Петропавловской крѣпости в частную лечебницу; что, так как все-таки все может случиться, то, опасаясь возможнаго разочарованія, от Шингарева и Кокошкина это скрывают.

В том положеніи, в котором мы были, когда мы весьма мало считали обезпеченной жизнь «врагов народа», даже находящихся на свободѣ, а тѣм болѣе опасав-

лись за жизнь находящихся в тюрьмѣ, по адресу которых шли угрозы со стороны их стражи, полученные вѣсти нас весьма обрадовали.

В этом хорошем настроеніи мы открыли засѣданіе, приступили к разсмотрѣнію дѣла, но... тут мы были прерваны звонком. По телефону из «Русских Вѣдомостей» нам передали ужасную вѣсть об убійствѣ Шингарева и Кокошкина. Засѣданіе пришлось прервать...

Трагическая обстановка убійства во снѣ этих двух больных, именами которых гордилась по праву вся Россія, потеря этих двух выдающихся своих членов вполне естественно заставили ц. к. отвлечься на время от всего остальнаго. Почтить память покойных, демонстрировать протест общества—стало очередной задачей.

Всѣ усилія получить разрѣшеніе на перевозку тѣл покойных в Москву оказались безрезультатными. Власти боялись, как бы это не вызвало слишком опасной демонстраціи. Рѣшено было ограничиться устройством панихиды в храмѣ Христа Спасителя, обратиться с просьбой отслужить ее к патриарху и широко оповѣстить о предстоящей панихидѣ населеніе. В вопросѣ о патриаршем служеніи встрѣтился ряд обстоятельств, по которым это оказалось невозможным. Но панихиды в храмѣ Христа Спасителя все таки добились. Она состоялась при невѣроятном стеченіи народа. Присутствовал весь палочный в Москвѣ состав ц. к. По окончаніи панихиды, при выходѣ, как-то невольно всѣ остановились. Получилась весьма импозантная живая картина. Вся монументальная лѣстница храма была усыяна публикой, а наверху ея рѣзко выдѣлялась знакомая москвичам фигура проф. Новгородцева. Импровизированный молчаливый митинг протеста говорил сильнѣе всяких слов. Очевидно, это дѣйствовало даже на большевиков. Несомнѣнно, что их шпики тут было вполне достаточно. Но арестовать членов ц. к. тут же не рисковали, хотя через нѣсколько часов на их квартиры являлись.

3.

Не успѣли мы придти в себя от убійства Кокошкина и Шингарева, как я получил извѣстіе о разстрѣлѣ двух выдаю-

щихся дѣятелей партій в.-д. в Пермской губерніи, супругов Агѣвых, пользовавшихся особенной популярностью в Кунгурском уѣздѣ, гдѣ они отдавали в теченіе ряда лѣтъ и свое большое состояніе и свои личныя силы дѣлу просвѣщенія народа. Этот разстрѣлъ был прямым актом власти и объясняется особенностями Урала.

На Уралѣ большевизм свил себѣ гнѣздо почти с первых дней своего появленія (1904 год) и стал там, если можно так выразиться, одним из коренных мѣсторожденій. Не даром он дал коммунистам таких видных дѣятелей, как Свердлов (первый предсѣдатель Цика), Крестинскій (нарком финансов), Чуцкаев (его товарищ, введшій натуральное обложение и разверстки), Сосновскій, Спунде и др.

1917 году застал на Уралѣ большевиков вполнѣ организованными, и ими в «столицѣ Урала», Екатеринбургѣ, был образован для управленія Уралом свой автономный совнарком, дѣйствовавшій, как он выражался, «в контактѣ» с Московским совнаркомом. Москва сильно боролась с таким сепаратизмом и только в началѣ мая 1918 года одолѣла его, когда уральскій совнарком стал сильно нуждаться в денежных знаках, не успѣвая изготовлять их и будучи вынужден обратиться за помощью к Москвѣ. По моим свѣдѣніям Москва отправила тогда поѣзд с кредитками и с... сильным отрядом, чтобы предложить уральскому совнаркому на выбор то или другое в зависимости от подчиненія или неподчиненія. На этой почвѣ произошел крайне трагическій случай. Уральскій совнарком, очевидно, зналъ о характерѣ этого отряда, который для охраны должен был сопровождать поѣзд с кредитками. Получив извѣстіе о приближеніи к Екатеринбургѣ какого-то поѣзда из Перми с отрядом, совнарком распорядился приготовиться встрѣтить его с оружіем в руках. По городу раскинулись цѣпи, красноармейцы залегли по улицам и кое-гдѣ, поддавшись по неизвѣстной причинѣ паникѣ, бѣжали, бро-

сив оружіе. Этого было достаточно, чтобы бывшіе в городѣ крестьяне Березовскаго завода (17 верст от Екатеринбурга) немедленно поскакали туда с вѣстью, что в Екатеринбургѣ совѣтская власть свергнута. Тогда там немедленно свергли Березовскій исполком. Тревога в Екатеринбургѣ оказалась ложной. Отряд оказался ничего общаго не имѣющим с тѣм, котораго ожидали. Березовское «возстаніе» было подавлено с необычайной жестокостью, а уральскій совнарком, повидому, убѣдившись на мало удачной «репетиціи», чего стоят его красноармейцы, больше попыток к единоборству с Москвой не дѣлал и подчинился.

Но это, как я указал, было только в началѣ мая. До этого же Уральскій совнарком дѣйствовал совершенно самостоятельно и шел впереди Москвы. Так, уже в теченіе января-февраля на Уралѣ были націонализированы всѣ фабрики и заводы, а в это время в Москвѣ Ленин на митингѣ на требованія націонализировать промышленныя предпріятія отвѣчал: «Бланки отпечатаны, за моею подписью дѣло не станет. А управляющіе, руководители у вас есть? Когда они у вас будут, тогда подпишу». То же было и с политическим террором. Урал шел впереди Москвы. За Агѣвыми послѣдовали другіе «враги народа». В Екатеринбургѣ был разстрѣлян «при попыткѣ к бѣгству» доставленный из Верхотурья предсѣдатель Верхотурскаго комитета в.-д. Ардашев (двоюродный брат Ленина), в Осѣ предсѣдатель комитета Насонов и в Н. Тагилѣ — предсѣдатель мѣстнаго комитета Бларк. Не знаю, какова была бы моя участь, как предсѣдателя губернскаго комитета, не могу судить об этом и по участи сочленов по комитету, т. е. всѣ влиятельные из них скрылись. Я же, получив в Москвѣ в январѣ извѣстіе о полученном в Екатеринбургѣ приказѣ из Петрограда о моем арестѣ, предпочел остаться в Москвѣ.

Я дѣлаю это отступленіе, чтобы не возвращаться к Уралу в связи с событіями в Москвѣ.

ГЛАВА II.

Увѣренность в непрочности совѣтской власти. — Учредительное Собрание или возстановление монархіи? — Битыя ставки.

1.

Разгон Учредительнаго Собрания естественно поставил перед политическими дѣятелями вопрос о власти. О том, чтобы у власти могли надолго оставаться коммунисты, никто и не думал. Забастовка служащих или «саботаж интеллигенціи», по номенклатурѣ коммунистов, была в полном разгарѣ: у коммунистов служить не хотѣли и считали возможным выдержать это положеніе, учитывая его временность. Сами коммунисты далеко не вѣрили в прочность своей власти. Так один из очень видных московских коммунистов С. урезонивал своего друга, оставившаго пост управляющаго крупным муниципальным предпріятіем, вернуться обратно слѣдующим образом: «Что вы дѣлаете? Сколько мы пробудем у власти? Ну два, три мѣсяца. Вѣдь веревки, на которой меня повѣсят, даже готовить не приходится, она уже лежит готовая. А вы губите серьезное предпріятіе». Так на власть коммунистов, как на временную, смотрѣли обѣ стороны.

Каков выход из положенія? Их было предложено два. С одной стороны эс-эрами-собрать Учредительное Собрание и открыть борьбу с коммунистами во имя Учредительнаго Собрания; с другой стороны правыми (націоналистами и октябристами) — возстановить монархію. Одни составляли большинство печальнаго «хозяина земли русской», другіе базировались на накопившейся реальной силѣ в области войска Донскаго и на весьма крупной военной организаціи в Москвѣ. Эта организація, по словам правых, бы-

ла вполне достаточно, чтобы захватить в Москвѣ власть.

И этому можно было тѣм болѣе вѣрить, что в началѣ 1918 года «красноармейцы» в Москвѣ представляли собой зрѣлище болѣе, чѣм печальное. Это была большей частью молодежь, пугавшаяся на уличных постах в темнотѣ малѣйшаго шороха и с перепугу открывавшая стрѣльбу, вызывавшую отвѣтную с других постов. С такой «арміей» справиться было, конечно, не трудно. Правые учитывали, что захват власти в Москвѣ не дал бы ее им на продолжительное время: Петроград со своими латышскими и мадыарскими полками оказался-бы сильнѣе. Поэтому расчет их основывался на подходѣ арміи Корнилова с юга и переворотѣ в надлежащій момент в Москвѣ. Свой план правые выдвигали перед к.-д. в своеобразной формѣ: «если вы с нами, тогда монархія будет хорошая, конституціонная, или вы не с нами, мы остаемся одни, тогда мы возродим в полной мѣрѣ самодержавіе».

Так стали перед нами два пути. Один — Учредительное Собрание, путь народо-правическій; другой — путь монархическій.

О третьем пути, об измѣненіи отношенія к власти коммунистов никто из нас, как я уже говорил, и не мыслил. Какой путь избрать; таков был вопрос, ставшій перед нами. Вопрос был тѣм болѣе сложен, что, стоя на точкѣ зрѣнія необходимости избавиться от власти коммунистов во что-бы то ни стало, какой-нибудь из путей необходимо было выбрать, и путь реальный, могущій дать результаты, а не

только красивый жест. Наше положеніе было тѣм болѣе трудно, что в Учредительном Собраніи нас было всего 15 членов (при общем числѣ, превышавшем тысячу). Значит, там мы были без вліянія даже при исключеніи из него коммунистов, «самоустранившихся актом разгона», как говорили эс-эры. С другой стороны реальной силой располагали не мы, а правые, чуть не нас винившіе в революціи. Для эс-эров мы были контр-революціонерами; для правых мы были революціонерами; ни силой голосов, ни силой штыков мы не располагали; и тѣм не менѣе и тѣ и другіе усиленно тянули нас в свою сторону.

Принципіальному республиканцу может показаться странным вопрос, о чем тут задумывались к.-д. Раз они заявляли себя республиканцами, то всякая мысль о монархіи должна была быть ими отброшена. Но такіе принципіальные республиканцы, кажется, только в Россіи и водятся. В других мѣстах считают, что форма правленія—вопрос цѣлесообразности, а не принципа. Так, русскіе журналисты-соціалисты были в свое время очень поражены, когда встрѣтили на границѣ французскаго министра-соціалиста Тома и выслушали с его стороны по нѣкоторым вопросам довольно рѣзкое заявленіе: «сейчас я гость русскаго императора и мнѣ неудобно об этом говорить».

Если подходить к вопросу с принципіальной стороны, то, несомнѣнно, к.-д. послѣ революціи настолько-же плохіе республиканцы, как они были плохими монархистами до революціи. К.-д. твердо стоят за власть народа, выявляемую парламентаризмом, за отвѣтственность исполнительной власти и за ничтожную роль главы государства. Что касается вопроса о наследственном или выборном главѣ, то к.-д. считают этот вопрос принципіально совершенно второстепенным; для них это вопрос только цѣлесообразности. Вот почему на первом же сѣздѣ послѣ революціи предложеніе о замѣнѣ требованія парламентарной монархіи парламентарной республикой не вызвало даже возраженій.

Ставшій перед Ц. К. вопрос, вопрос дѣлового характера, надо было разрѣшить.

2.

Что такое Учредительное Собраніе, что оно представляет собою без коммунистов и лѣвых эсеров, какую роль оно может сыграть? Таковы были вопросы, ставшіе перед ц. к.

В оцѣнкѣ Учредительнаго Собранія мнѣнія в ц. к. мало расходились. Всѣ были согласны с мѣткой характеристикой одного из членов ц. к. (не помню сейчас, кого именно): «Учредительное Собраніе, председателем котораго может быть на выбор Спиридонова или, в лучшем случаѣ, Чернов — не Учредительное Собраніе».

Привыкшіе к чрезвычайно серьезному отношенію к законодательству, мы просто были неспособны психологически воспринять то, что под видом и именем «земельнаго закона» было принято в первом и единственном засѣданіи Учредительнаго Собранія. Было и больно и смѣшно.

Не было у нас разногласій и в том, что разогнанное Учредительное Собраніе не может дальше играть своей прямой роли. Историческій опыт показал, что только рѣдкія из Учредительных Собраній выполнили свою миссію. Обыкновенно их разгоняла исполнительная власть, располагавшая вооруженной силой, раз они по своему составу ей не подходили. Участь нашего Учредительнаго Собранія была из обычных. Тот же историческій опыт говорил нам, что разогнанный орган народнаго представительства теряет свой моральный авторитет. Мы это видѣли и в Россіи на примѣрѣ первых двух государственных дум. Орган народнаго представительства силен, покуда его не осмѣливаются трогать. А раз тронули, а народ не возстал, то его пѣсня спѣта.

Не было у нас разногласій и в том, что без коммунистов и лѣвых эсеров Учредительное Собраніе, как выразитель воли всего населенія, перестает существовать. К этому заключенію мы приходили не потому, чтобы коммунисты нам очень нужны были, а потому, что без них почти половина населенія остается без представительства, а уж этого никуда не дѣвнешь.

Одним словом, все вело к тому, что Учредительнаго Собранія, как такового, болѣе не существует, и, максимум, что оно могло бы даже теоретически сдѣлать, это — выбрать временную власть, назначить

новые выборы и самораспуститься. Но в реальную возможность и этого мы всё мало верили.

Будучи солидарны во всем предыдущем, мы весьма сильно расходились в оценках того, может ли или нет разогнанное Учредительное собрание послужить знаменем, вокруг которого могло бы быть достигнуто объединение для борьбы с коммунистами. Одни находили, что Учредительное Собрание — труп, а потому не стоит с ним и возиться. Другие полагали, что так относиться к вопросу не слѣдует. Пусть Учредительное Собрание — труп, но бывают покойники, за которыми идет толпа, и, если возможно, то надо испытать, не пойдет ли толпа за Учредительным Собранием против коммунистов.

Мало-по-малу члены Учредительного Собрания стали съѣзжаться в Москву; подавляющее большинство их составляли, конечно, эсеры. Нас, к.-д., в тот момент было в Москвѣ всего трое — П. И. Новгородцев, Н. И. Астров и я. Из нас троих я один стоял на точке зрения возможности использовать Учредительное Собрание, как знамя для борьбы с большевиками.

Прибывшие из Петрограда в Москву эсеры выдвигали в первую голову вопрос о созывѣ Учредительного Собрания без большевиков. Гдѣ? — О Петроградѣ или Москвѣ нечего было и думать, о провинциальном каком-нибудь городкѣ — тѣм менѣе. Оставалось на выбор — или за границей или в области войска Донского. Первое не выдерживало никакой критики; второе пугало эсеров. Выдвигали также Киев, но почему-то и это казалось неподходящим.

У нас еще окончательной точки зрения в отношении Учредительного Собрания не было установлено, как неожиданно по окончании одного из заседаний ц. к., когда большинство уже разошлось, мы получили приглашение немедленно прислать представителей на Собрание членов Учредительного Собрания. Посоветовавшись с оставшимися нѣсколькими членами ц. к., я совмѣстно с другим членом ц. к. отправился на собрание исключительно с информационными цѣлями.

На собрании мы застали человек 60 — 70. Оно происходило в отдаленной

комнатѣ кооперативнаго учреждения. Было тѣсно и душно. «Учредительное Собрание» в подпольѣ мало импонировало. Выступали с рѣчами далеко не приподнятыми; чувствовалась вялость, отсутствіе увѣренности в чем бы то ни было. Послѣ нѣскольких первых ораторов, началось то, чего я опасался: один за другим ораторы стали отмѣчать, что необходимо было бы выяснить точку зрения на Учредительное Собрание Партии Народной Свободы. Молчать дальше становилось совершенно невозможным.

Мнѣ пришлось выступать, и я рискнул идти напролом. Объяснив, что я выступаю не по порученію ц. к., который еще не установил окончательно своей точки зрения, и излагаю только свой личный взгляд, как член Учредительнаго Собрания, я выдвинул свое главное положеніе: «Я считаю, что для Учредительнаго Собрания — счастье, что его разогнали. По составу и характеру своему Учредительное Собрание могло бы только скомпрометировать себя, а вмѣстѣ с собой и самую идею Учредительнаго Собрания. Разгон — же Учредительнаго Собрания по крайней мѣрѣ не скомпрометировал идеи». Вывод был ясен: говорить о данном составѣ нечего. Если о чем-либо еще можно говорить, то лишь о том, как использовать разогнанное Учредительное Собрание для созданія новаго.

Произносятся такіа еретическія слова, как то, что разгон Учредительнаго Собрания счастье, в Собрании почти сплошь из эсеров, я, откровенно говоря, ожидал по своему адресу бури, ожидал всей привычной словесности о буржуазности, о контр-революционности к.-д. и т. п. Велико-же было мое изумленіе, когда от перваго — же оратора, выступившаго вслѣд за мной, я услышал, что в том, что говорил «товарищ от Народной Свободы» кроется много правды. Как далеко подвинулись вперед, когда за какой-нибудь мѣсяц назад нас не пустили в комитет по защитѣ Учредительнаго Собрания!

Ярко вырисовывалась полная беспомощность эсеров, недавно только бывших большинством в Учредительном Собрании. Из дебатов выяснилось, что путей никаких не намѣчается. Было рѣшено устроить взаимную информацию и попытаться что-нибудь намѣтить общими усилиями в бо-

лѣе тѣсном небольшом кругѣ представи-
телей антибольшевиков - демократов.

Чувствовалось, хотя и не провозглаша-
лось, что карта Учредительнаго Собранія
бита.

3.

Вопрос о созданіи монархіи, выдвину-
тый правыми, вызвал в ц. к. гораздо боль-
ше дебатов, чѣм вопрос об отношеніи к
Учредительному Собранію и использованіи
его.

К вопросу подходили не с точки зрѣнія
принципальной, а с точки зрѣнія цѣлесо-
образности, при чем прежде всего ставил-
ся вопрос, приемлема ли монархія для на-
селенія или нѣт.

Как оцѣнить, чего хочет населеніе? Ес-
ли оцѣнивать настроеніе населенія по ре-
зультатам выборов в Учредительное Собра-
ніе, то выбором в большинствѣ эс-эров оно
как будто манифестировало свои респуб-
ликанскія чувства. Но, с другой стороны,
было несомнѣнно, что эсеры привлекали
крестьян главным образом обѣщаніем: зем-
ля «даром». Когда же большевики предло-
жили землю не только даром, но и немед-
ленно, то населеніе очень охотно восполь-
зовалось предложеніем и отнюдь не оказа-
ло сопротивленія разгону органа народо-
правства во имя диктатуры.

Чувствует - ли населеніе истинную по-
требность в народопрравствѣ если оно охот-
но подчинится любой власти, готовой дать
крестьянину землю и дать порядок?

На вопросѣ об оцѣнкѣ народных масс
мнѣнія сильно разошлись. Тут огромную
роль играла личная психологія отдѣльных
членов ц. к. В особенности сильно сказыва-
лась метаморфоза в членах ц. к. с народ-
ническими взглядами. Как всѣ народники,
они идеализировали народ, и для них рево-
люція и печальный ход войны были невѣ-
роятным ударом. Они так вѣрили в осо-
бенно высочія качества «народа», и вдруг
они видѣли дезертирство с фронта, безче-
ловѣчныя расправы с офицерством, пре-
кращеніе работы на заводах, разнуздан-
ность, одним словом все то, что является
изнанкой революціи. Ярые сторонники
«побѣды до конца» и «Дарданеллы» исклю-
чительно в интересах крестьянства, они

убѣдились, что крестьянин не дорос, что-
бы понимать свои интересы.

Чтобы понять, насколько такое положе-
ніе удручало нѣкоторых членов ц. к.,
укажу на то, что один из них, старик Р.,
еще лѣтом 1917 года, буквально рыдал
при мнѣ, говоря: «неужели я 25 лѣт моей
молодости провел в тюрьмах за народ толь-
ко для того, чтобы этот народ вмѣстѣ с
царским режимом разрушил и внѣшнее
величіе Россіи, созданное этим режимом».

Это разочарованіе кадетов - народни-
ков сильно сказывалось. Большинство из
них было обычно в лѣвом крылѣ. Теперь
разочарованіе вызывало в них реакцію, и
нѣкоторые из них сильно метнулись впра-
во. У них стала развиваться мысль, что,
если широкая народная масса не понима-
ет необходимости в ея собственных инте-
ресах довести войну до конца, то это надо
сдѣлать, не считаясь с ея волей, не оста-
навливаясь перед возстановленіем монар-
хіи, если это возможно. Монархію, конеч-
но, они считали возможной только парла-
ментарную, ибо банкротство монархіи с
безотвѣтственным перед думой правитель-
ством было еще слишком свѣжо в памяти.

Гораздо устойчивѣе оказались члены ц.
к., не зараженные ранѣе народничеством.
Они, не дѣлая себѣ ранѣе иллюзіи отно-
сительно особенно высоких качеств народ-
ных масс, не потерпѣли разочарованія. Ре-
волюція была для них тѣм, чего они ожи-
дали, чего опасались, во избѣжаніе чего
они настаивали на проведеніи программы
партіи. Привыкшіе подходить к оцѣнкѣ
вещей с холодным анализом, они видѣли,
что населеніе связывало с царизмом всѣ
бѣдствія, войну, разруху и что возстано-
вленіе монархіи не встрѣчало-бы ничего,
кромѣ отпора со стороны населенія.

Экономическая разруха не могла не вы-
зывать больших опасеній за будущее, и
это оставило перед ц. к. вопрос о путях
для выхода из нея. Выдвинулось поэтому
особенно ярко теченіе за необходимость
усиленнаго развитія частной инициативы
и покровительства ей. Во главѣ этого тече-
нія был П. И. Новгородцев. В связи с этим
стал вопрос, что же мы, к.-д., за партія:
либеральная или демократическая. П.
И. Новгородцев доказывал, что англійскіе
либералы давно отошли от абсолютнаго
принципа невмѣшательства государства в

отношенія между капиталом и трудом, что мы — партія либеральная и на этот путь мы должны твердо стать, стать партией с болѣе широким діапазоном, на подобіе англійской либеральной партіи. В нашей средѣ ясно вырисовывалось новое отвѣтленіе — націонал-либералов. Это либеральное теченіе естественно легко мирилось с монархіей.

Вопрос начинал выходить далеко за рамки основного, как быть с дѣловым вопросом, с предложеніями справа о возстановленіи монархіи. Дебаты развертывались, переносились из засѣданія в засѣданіе. Тут, между прочим, впервые возник вопрос о диктатурѣ, имѣвшей в послѣдствіи роковое значеніе в Омскѣ. Диктатор будет, утверждали одни. Откуда возьмется он, спрашивали другіе — Из под земли, да явится, отвѣчали им.

Правые ждали отвѣта. Надо было его им дать. Нужно было рѣшить прежде всего вопрос, остаемся мы на почвѣ программы, то есть республиканцами, или нѣтъ в случаѣ возстановленія правыми монархіи. Рѣшила вопрос очень удачная постановка его профессором К.

«Мы — партія реальной политики, при знающая необходимость своего участія в органической государственной работѣ. Если правые создадут «приличную» монархію, то мы будем имѣть возможность работать, оставаясь республиканцами. Если же они создадут монархію «неприличную», то она безнадежна, вредна, а потому мы тѣм болѣе, в противовѣс ей, должны оставаться республиканцами. Предоставим по этому все это дѣло правым».

Момент, в который это происходило, был очень острый. Накопившееся в Москвѣ офицерство, которое правые держали все время наготовѣ, начинало терять терпѣніе, да у нѣкоторых и нервы не выдерживали напряженія. Ибо среди офицерства стали производиться аресты.

Посѣтив по порученію ц. к. одного из ветеранов эсеров г. М. для переговоров в связи с вопросом об Учредительном Собра-

ніи, я, к моему изумленію, услышал от него нѣчто совершенно неожиданное. Он сообщил мнѣ, что к нему явилась группа офицеров и заявила, что дальше она выдерживать не может и произведет переворот. Им совершенно безразлично, кто возьмет власть, и, если группы, готовой взять власть, не будет, то тѣм хуже. Об этом М. просил меня передать ц. к., замѣтив, что он кадетов не понимает. «Вы обязаны, говорил он, помочь правым создать монархію. Иначе ее создадут они одни и повѣсят не только нас, но и вас».

Рецепт созданія монархіи оказался, однако, и для правых далеко не так прост. Для монархіи нужен опредѣленный кандидат. На этом они и споткнулись. По дошедшим до нас свѣдѣніям они послѣдовательно отвергли кандидатуры Николая Второго и великаго князя Николая Николаевича и, получив отказ Михаила Александровича, остановились на кандидатурѣ цесаревича Алексѣя с регентством при нем. Эта идея оказалась для правых болѣе приемлема, но, когда подошли къ вопросу, кому быть регентами, рознь у них пошла такая, что и от этого им пришлось отказаться.

Много позднѣе было запрошено справа, как отнесся бы ц. к. къ тому, если бы Михаил Александрович издал манифест о том, что он в свое время отказался от власти впредь до рѣшенія вопроса Учредительным Собраніем, что он передал власть временному правительству с тѣм, чтобы оно созвало Учредительное Собраніе; так как Учредительное Собраніе разогнано и временнаго правительства нѣтъ, то он берет обратно власть в свои руки в качествѣ Верховнаго Правителя с тѣм, чтобы созвать Учредительное Собраніе и ему предоставить окончательно рѣшить всѣ вопросы. Но не успѣлъ ц. к. не только отвѣтить, но даже обсудить вопрос, как надвигавшаяся с юга армія начала отступать, и ставка на монархію оказалась не болѣе основательной, чѣм ставка на Учредительное Собраніе.

ГЛАВА III.

Брестскій мир. — Нѣмцы в погонѣ за русской общественностью -- Выигрыш нѣмцев от отсрочки подписанія мира. — Москва в ожиданіи прихода нѣмцев. — Обывательскія настроенія. — Положеніе обывателей. — Внѣшній характер совѣтской власти. — Возвращеніе петроградских узников и их впечатлѣнія.

1.

Начавшіеся с прибытіем 7-го января большевистской мирной делегаціи в Брест мирные переговоры с Германіей не могли не остановить на себѣ вниманіе Ц. К. Начинаясь новый, чрезвычайно опасный для Россіи момент. Мир Россіи с Германіей означал предательство по отношенію к союзникам, и Ц. К. учитывал всѣ могущія быть от этого послѣдствія. Необходимо было установить во что бы то ни стало, что правительство Ленина далеко еще не Россія. Отмежевать в глазах союзников Россію національную от ея большевистскаго правительства стало задачей дня.

Этот вопрос не мог не поставить в свою очередь на обсужденіе Ц. К. нашего международнаго положенія во всю ширь. Какой мы держимся ориентаціи? Тверды мы в ориентаціи на союзников, или нѣтъ?

Не мало горьких истин пришлось тут выслушать по адресу наших союзников. Они нас утилизировали, что называется, во всю. Они совершенно не хотѣли учитывать происходившей у нас революціи, нажимали на временное правительство требованіями наступленія в то время, как психологически не слѣдовало бы этого дѣлать, учитывая усиленіе этим вліянія коммунистов на усталую армію. Вообще говоря, отношеніе союзников к нам рисовалось весьма далеким от каких бы то ни было признаков альтруизма.

Несмотря на все это, совершенно ясно вырисовывалось, что всѣ интересы Россіи связаны только с союзниками и противо-

положны интересам Германіи. Ориентація на союзников казалась единственно приемлемой. Сочли необходимым так или иначе установить контакт с ними и выяснить, что можно сдѣлать при наличіи современных условій.

Выясненіе отношенія союзников было поручено отдѣльным членам Ц. К., которые должны были войти в контакт с представителями тѣх или других государств.

10-го февраля большевистская делегація в Брестѣ отказалась подписать мирный договор, и тогда же было объявлено о прекращеніи состоянія войны с Германіей и всѣми ея союзниками и о демобилизаціи арміи.

«Ни мир, ни война» — такова была новая формула, изобрѣтенная большевиками! Это ставило всѣх в тупик. С одной стороны мир заключен не был. Это было отрадным явленіем. С другой стороны война была фактически прекращена. Как будут реагировать нѣмцы? С их стороны отвѣта ждать пришлось недолго. 18 февраля они заявили о прекращеніи перемирія, быстро двинулись вперед и, заняв полосу до Орши, остановились. Нѣмцы были в 500 верстах от Москвы и от Петрограда и могли появиться в них в любой день, когда бы им было угодно, не встрѣчая никакого сопротивленія. Почему они этого не дѣлают, ежедневно задавали себѣ москвичи вопрос, ожидая каждое утро проснуться и увидѣть на улицѣ нѣмецкаго шупцмана. Одни ждали этого с величайшим нетерпѣніем, другіе с большим трепетом. Но факт был нали-

по. Нѣмцы остановились и чего-то ждали.

Тѣм временем в Петроград пріѣхала нѣмецкая «торговая» делегация. По ея составу, по обстановкѣ, характеру дѣйствій по ея приему властями, по всему мы уже чувствовали в Москвѣ, что тут имѣетъ налицо германская миссія, которая ведет фактически мирные переговоры с коммунистами, хотя и не официально.

Наши догадки не замедлили подтвердиться. Прибывшій из Петрограда член Ц. К. рассказал нам о бесѣдѣ главы «торговой» делегации с одним из видных представителей общественности. На вопрос послѣдняго, как можно ставить такія драконовскія условія мира, как поставленныя в Брестѣ, глава делегации стѣбнул: «Мы — коммерсанты. Возьмите любой банк. Развѣ он одинаковые проценты берет со всѣх кліентов? — С солиднаго он берет 3 годовых, а с сомнительнаго он берет и 6, и 8. Согласитесь вы — некоммунисты — дать вашу подпись на мирном договорѣ, и вы увидите, что вам мы предложим совершенно другія условія и что подпишете договор вы, а не коммунисты».

Если сопоставить с этим имѣвшіяся свѣдѣнія, что в Петроградѣ, на островах, германскіе военнопленные были вполне организованы под начальством своих офицеров, и могли поддерживать свою «торговую» делегацию, а «армія» Ленина была довольно малой, то, повидимому, возможность для нѣмцев заключить договор с тѣми, с кѣм им было угодно, была полная. Им очень хотѣлось заключить договор за «солидными» подписями с русской стороны, но русская общественность на это не шла. «Союзники» также цѣнили ее и, за исключеніем американскаго представителя и китайскаго, который ссылался на полную оторванность от Пекина, дѣлали ей всякіе авансы.

Попытки нѣмцев, дѣлавшіяся, повидимому, ими к привлеченію в Петроградѣ русской общественности, ни к чему не привели, и 3-го марта большевистская делегация подписала в Брестѣ мир, «не читая его». Это был новый большевистскій ход, не имѣющій прецедентов в исторіи.

Между отказом от подписанія договора

в первый раз и подписью его, «не читая», прошло всего 22 дня, но Россіи это обошлось не дешево.

Как выяснилось позднѣе на съѣздѣ военно-промышленных комитетов, нѣмцы, продвинувшись от Бреста до Орши, забрали в занятой полосѣ военнаго имущества на скромную сумму... всего на 30 милліартов! Если принять во вниманіе, что коммунисты отказались 10 февраля подписать мирный договор, потому что в нем были «аннексія», то спрашивается, не были ли первоначальный отказ и затѣм подписаніе просто игрой, позволявшей нѣмцам получить в скрытом видѣ «контрибуцію», контрибуцію в 30 милліардов. и не деньгами, а гораздо болѣе цѣнным — готовым военным имуществом, в том числѣ, насколько я помню теперь, на 3 милліарда рублей колючей проволоки, на 5 милліардов рублей автомобилей и (что хорошо помню) 16 десятин (!) повозок.

Как бы то ни было, мир был заключен. Вѣрили ли в его прочность? — Нѣт. Нѣмцы еще долго послѣ этого стояли в Оршѣ, легко пропускали в Москву пассажиров со всякими, весьма цѣнными для Москвы, съѣстными припасами. Пріѣзжіе пропагандировали райское житье под нѣмцем. А московскій обыватель слушал, вздыхал и засыпал с надеждой увидѣть утром на улицѣ шуцмана. Нѣмцы тоже, очевидно, ждали измѣненія отношенія к ним со стороны общественности. Ц. К. твердо стоял на своей увѣренности в том, что в конечном счетѣ побѣда будет на сторонѣ союзников.

2.

Обыватель, как я уже сказал, ждал с надеждой прихода нѣмцев. И со стороны обывателя это было вполне естественно. Жилось ему далеко не сладко, хотя, вѣроятно, по нынѣшним временам и то житье показалось бы ему раем.

Лучше всего жилось крупной буржуазіи. Хотя она и получала, как и вся буржуазія, всего одну восьмую фунта чернаго хлѣба (с примѣсью соломы) в день, но она не нуждалась в этом пайкѣ, так как совершенно свободно покупала из-под полы крупчатку, которую ей доставляли на дом. Всѣ остальные продукты совершенно

свободно продавались в частных магазинах. Надо было только иметь деньги. А деньгами крупная буржуазия располагала.

Правда, на текущие счета в банках власть наложила руку. Но нужно платить жалованье служащим и рабочим, платить за сырье и материалы, приобретаемые для промышленного предприятия, значит приходится разрешать получать деньги с текущих счетов. А раз уже какой то путь для разрешения есть, то является на помощь старое средство — взятка. Установилась такса: 10% с суммы, получаемой с текущего счета.

С закрытием частных банков все дело-производство их было передано в одно место — в Народный банк. При сходстве наименований некоторых банков и тысячах Ивановых и Петровых в Москве, нет ничего удивительного, что счета отдельных лиц совершенно перепутывались. Вместо того, чтобы записать выдачу с текущего счета одному лицу, ее записывали другому, очень часто даже не за счет того банка, клиентом которого лицо состояло.

В течение нескольких месяцев все настолько запуталось, настолько перестало поддаваться контролю, (в котором, кстати, никто не был заинтересован), что, по слухам, стали выдавать суммы свыше числящихся на текущем счету, взимая за это уже не 10, а 20%. Выдавались такие суммы, как говорили, крупным, в нормальное время кредитоспособным, промышленникам. Служащие Народного банка, как и все, мало верили в прочность большевистской власти, и таким промышленникам не боялись выдавать свыше прилежащих им сумм.

Действия же свои служащие всегда могли объяснить естественной путаницей.

Такая постановка банковского «дела» создала для некоторых крупных промышленников новую прибыльную отрасль. Выдавшие выдачей с текущих счетов не любили мараться по мелочам и иметь дело с слишком обширной клиентурой. Это увеличивало бы их риск. Поэтому обладателю небольшого текущего счета получить деньги с него весьма трудно. Его чеки и «учитывал» обладатель крупного текущего счета, взимал «за операцию» 20 — 25%. Вносил такой чек, как якобы

полученный «за товар» на свой текущий счет, он получал потом по своему чеку деньги, уплачивая мзду в 10%. В результате он оставался в барыше в размере 10 — 15%.

Так же, как с текущими счетами, обстоит дело и с сейфами. Тут выдающие этим делом «работали», по слухам, из 50%, но при условии, если речь шла о крупных суммах. С «мелкотой» не хотели возиться.

Не особенно плохо с материальной стороны были поставлены владельцы крупных промышленных предприятий. Производительность была чрезвычайно низка, ничего, кроме убытков предприятия давать не могли. Оставалось одно из двух: или закрывать предприятия, или казнь возмещать убытки. Так как о закрытии и думать нельзя было, то казна шла на убытки. Фабриканты возбуждали ходатайства о субсидиях или о «ссудах».

При оглашении каким нибудь «товарищем-швейцаром» перед «товарищами-управляющими» результата суждений по ходатайствам, почти всегда неизменно оказывалось, что в сотысячных суммах отказывали, а в миллионных удовлетворяли. И тут 10% играли существенную роль. А так как 10% с большей суммы — больше, то, вероятно, не особенно точно проверяли, вполне ли правильно подсчитан убыток, требующий компенсации в виде субсидии или «ссуды». Оставалось кое-что фабриканту и сверх убытка!

Поступив в качестве инженера-консультанта в одно из учреждений Второва, я мог убедиться, что не стеснялись даже в крупных затратах на разработку грандиозного проекта. Крупная буржуазия, конечно, далеко не была уверена, что она сохранит свое имущество, но жила она, не только не нуждаясь, а широко и богато.

Чем ниже стоял по социальному положению слой населения, тем хуже ему жилось и непропорционально хуже. Средняя буржуазия перебивалась, мелкая буржуазия жила плохо, лицам свободных профессий приходилось туго, а хуже всего жилось рабочим.

Правда, последние получали около фунта хлеба, но, при отсутствии денег, покупать мясо и другие продукты, рабо-

чим не на что было, а хлѣба не хватало; надо было его прикупать, а цѣны из-под полы были недоступны рабочему. Рабочему приходилось самому мѣшечничать и возить муку издалека на крышѣ вагона, рискуя быть застрѣленным в пути или лишиться своего мѣшка муки, который могли отобрать в Москвѣ, у самого выхода из вокзала.

Политическія стѣсненія шли совершенно в том же порядкѣ, какъ экономическое положеніе.

Большевики сразу оцѣнили политическій вѣс крупной и средней буржуазіи, какъ равный нулю. Ленин открыто на митингахъ предупреждал рабочих, что социальную революцію на западѣ не осуществить такъ легко, какъ у нас, ибо там буржуазія — не нашей чета. Не рѣшаясь на націонализацию предпріятій в центрѣ, коммунисты в эту эпоху заигрывали с крупной буржуазіей, столковывались или показывали вид, что столковываются и политически смотрѣли на нее сквозь пальцы.

Хуже было положеніе наше — кадетов. Но и оно, конечно, относительно, было сноснымъ. «Саботаж интеллигенціи» давил на большевиков и они, повидимому, старались не слишком раздражать нас.

Отвратительнѣе положенія всѣхъ было положеніе рабочих. Их большевики опредѣленно опасались и тюрьмы наполнялись политическими «преступниками» из рабочих. Рабочая конференція была разогнана, главари ея — арестованы. Арест в числѣ ихъ ветерана социалистов-революціонеровъ Л. В. Фрейфельда в качествѣ «контр-революціонера», успокоил многих кадетов, обижавшихся на коммунистов и эсеров за кличку «контр-революціонер».

Административный режим большевиков отличался подчеркнутой грубостью. Физическую мощь власти, обычно подразумеваемую, они какъ будто умышленно манифестировали, какъ иллюстрацію того, что такое диктатура пролетаріата.

Так, очень оригинально и быстро наладили они порядок на Московском трамваѣ. Вагоны ходили перегруженными; публика, что называется, висѣла на площадкахъ. Солдаты ѣздили безплатно.

В одинъ день послѣдовали два распоряженія: 1) прекратить безплатный проѣзд

солдат и 2) всю выручку предоставить в пользу трамвайныхъ служащихъ. Заинтересованные кондуктора и контролеры старались безпощадно высаживать ѣдущихъ безплатно солдат. Стало нѣсколько свободнѣе, но, все таки, на площадкахъ висѣли.

Тогда послѣдовалъ новый приказъ: повисающимъ на вагонныхъ площадкахъ... стрѣлять! Постовые милиціонеры приняли приказъ к исполненію и эта мѣра помогла! А когда эта мѣра помогла, тогда тарифъ в 10 копеек за станцію замѣнили тарифомъ 40 копеек, заявивъ служащимъ трамвая, что в ихъ пользу останутся тѣ 10 копеек, которыя лежали в основѣ тарифа, когда было объявлено, что плата за проѣздъ идетъ в пользу служащихъ трамвая. Поднятіе тарифа с 10 до 40 копеек окончательно, уже без выстрѣлов, помогло лѣтчию вагоновъ от переполненія.

Полный произвол, грубость власти, какъ принцип, не могли не повести за собой обычнаго спутника — взятки. И она процвѣтала в такихъ размѣрахъ, какъ никогда раньше. Одинъ помощникъ участковаго комиссара милиціи, бывший ранѣе в том же участкѣ помощникомъ пристава, отозвался такъ: «Спасибо большевикам; они научили. Раньше бывало возьмешь с купца четвертную и какъ-то совѣстно. Думаешь: человекъ ограбил. А жить без этого также нельзя. Теперь большевики научили, сколько с купца взять можно».

При всей свирѣлости власти, при постановкѣ «к стѣнкѣ» тут же, на улицѣ, на глазах публики, с крикомъ: «эй, сторонись», безопасности все таки не было. При выходѣ из театра слышны были выкрики: «кто на Мясницкую?», «кто на Плющиху?» и т. п., и вокругъ взывающаго образовывалась группа болящихся итти в одиночку.

Итти вечеромъ и нести краюху хлѣба, явно не казеннаго образца или размѣрами не укладывающуюся в паек, также было не безопасно: постовой милиціонеръ «по закону» отберет. Держать дома запасы тоже небезопасно: тоже «по закону» при продовольственномъ обыскѣ отберут.

Все это крайне раздражало полуголоднаго обывателя, и онъ ждалъ нѣмца.

3.

Подписание брестского договора мотивировалось Лениным, как необходимая «передышка». С началом этой передышки совпадает некоторая передышка и для нас.

Трудно сказать, почему но факт тот, что заключенных в Петроградъ к. - д. освободили. Возможно, что большевики искали путей примирения с все еще «саботировавшей» интеллигенцией. Возможно, что самый факт соглашения Германии на подписание мира с большевиками укреплял уверенность их в своей власти. Возможно, что некоторые другие соображения в связи с открывавшимися сношениями с Германией здесь играли роль. Факт был тот, что у нас настолько появилось уверенности в возможности свободного существования, что мы решились открыто возобновить свою деятельность. Начали функционировать районные комитеты, городской комитет, начались собрания делегатов районных комитетов, возобновились работы комиссий при ц. к.

Из Петрограда приехали освобожденные из тюрьмы Н. М. Кишкин и кн. П. Д. Долгоруков. Они дѣлились впечатлениями о послѣдних днях временнаго правительства, о своем пребывании в заключении. Оба вышли из тюрьмы в весьма бодром настроении, сохранив много юмора.

Долгоруков, вспоминая об угрозах в Петропавловской крепости со стороны стражи, сопровождавшихся размахиванием винтовкой, говорил, что он очень опасался лишиться своего единственного глаза, на что он указывал матросам, и это на них дѣйствовало. По его утверждениям, несмотря на всю грубость и внешние проявления жестокости, в матросах скрывалось и много хорошего человеческого чувства. Когда Долгорукова отправляли из Петропавловской крепости в Кресты, то вмѣстѣ с конвоирами отправился сопровождать его один из матросов, часто окарауливавший коридор, гдѣ была его камера. Это Долгорукову показалось недобрым признаком. И велико было его удивление, когда в Крестах матрос этот подошел к нему и сказал: «Ну, слава Богу, доставил вас в цѣлости. Только для этого и пошел с конвоем. Я опасался, как бы с вами не случилось того, что случалось с тѣми» (он, очевидно, на-

мекал на Шингарева и Кокошкина). В общем, на Долгорукова тѣ мытарства, которыя он претерпѣл, ни малѣйшаго вліянія не оказали: он ничуть не измѣнился в своих взглядах; никакого разочарования в нем не чувствовалось.

Н. М. Кишкин был, как и всегда раньше, полон энергии, а вынужденный «отдых» видимо только был дополнительным стимулом к активной работѣ.

Из очень многих его рассказов о впечатлениях за это время у меня сохранились в памяти некоторые отлѣльные эпизоды.

Так, он рассказывал о некоторых странностях в поведении Керенскаго в послѣдніе дни его власти. За два - три дня до большевистскаго переворота, который явно надвигался, Керенскій, встрѣтившись, утром с Кишкиным, обратился к нему: «Знаете, что я сейчас сдѣлал?» — Кишкин ожидал, что услышит о каком -нибудь государственном актѣ первостепенной важности, и вдруг услышал: «я поднес 300 своих портретов!».

О поведении Керенскаго в послѣдній день, когда Керенскій уѣзжал, оставляя остальных министров в Петроградѣ, Кишкин отзывался далеко не благопріятно. Керенскій уѣзжал настолько спѣшно, что когда выяснилось, что в его автомобилѣ нѣт достаточнаго запаса бензина, то бензин перекачивали из других стоявших у подъѣзда штаба автомобилей.

Генерал Маликовскій, бывший тогда военным министром, соглашаясь оставаться вмѣстѣ с остальными членами временнаго правительства и раздѣлить их участь, отказывался, однако, принять мѣры к организации обороны. Это дѣло выпало поневолѣ на Кишкина — министра призрачія (не даром, видно, раз Милоков в шутку назвал на съѣздѣ Кишкина — «министром призрачія... временнаго правительства»). Нѣт ничего удивительнаго, что Кишкин не мог удачно справиться с совершенно чуждым ему дѣлом. Между тѣм, по его словам, противник далеко не был силен. Как иллюстрацію он приводил факт, что, заслышав шум в сосѣдном с комнатой заседанія временнаго правительства залѣ Коновалов вышел туда. На часах Коновалов застал человѣка 30 ворвавшихся красноармейцев, немедленно убѣжавших, как только он направился к ним

один с револьвером в рукѣ. Правительство мало, оставшись фактически совершенно без защиты. Чрезвычайно жуткіе моменты переживали, по словам Кишкина, члены правительства, когда их вели через мост в Петропавловскую крѣпость. По настроенію толпы и ея крикам, они с минуты на минуту ждали, что их сбросят в Неву.

Чрезвычайно красочен был рассказ Кишкина, рисовавший картинку из жизни в Крестах, гдѣ благодаря большевикам встрѣтились в качествѣ узников старые враги.

Играют в винт. За столом визави — бывший военный министр Сухомлинов и эс-эр Рутенберг (убійца Гапона); их партнерами являются бывший директор департамента полиціи Бѣлецкій и видный эс-эр (кажется, насколько мнѣ не измѣняет здѣсь память, Авксентьев). За игрой наблюдают Кишкин, Бурцев и другіе.

Сухомлинов, уже почти влвшій в дѣтство с трудом отличающій туза бубен от туза червей, сдѣлал нелѣпый ход. Рутенберг мало стѣсняется в выраженіях, негодую по поводу ошибки. — «Если бы я знал, что вы такой сердитый, то я не сѣл бы играть с вами», шамкает Сухомлинов. — «Кто? Он?» — восклицает Бѣлецкій, — «да еще ни один человек не создавал столько хлопот в Парижѣ нашим филерам, как он». И эти вчерашніе, а, может быть, и завтрашніе враги, сегодня, объединенные общим несчастьем, живут общими интересами. Бѣлецкій и Бурцев мирно спорят по вопросам так интересующей их, хотя и с разных сторон, общей специальности.

Возвращеніе в Москву Кишкина и Долгорукова содѣйствовало подъему бодрости и энергіи в Ц. К., гдѣ еще недавно, на вопрос одному из членов, о чем он замечтался, получили отвѣтъ: «О чем теперь можно мечтать? — О царской тюрьмѣ!»

ГЛАВА IV.

Разгром анархистов. — Большевики и анархисты. — Пропаганда „объемами“. — Последний манифест. — Испуг буржуазии. — Моральный выигрыш советской власти. — „Союзники“ и их дипломатические представители — Флирт с советской властью — Вопрос о борьбе с советской властью в связи с восстановлением противогерманского фронта. — Вести из деревни.

1.

12 апрѣля я проснулся необычайно рано. Еще только сѣрѣло. Взглянув на часы, я увидѣл, что всего 5 часов (по солнечному времени — 3 часа). Сразу я не понял, почему я так рано проснулся, но все объяснилось через нѣсколько секунд. Всѣ стекла в домѣ дребезжали от пушечных выстрѣлов и пулеметной стрекотни, явно происходивших очень близко от дома. Первая мысль была: уж не нѣмцы-ли?

Очень скоро весь дом был на ногах. Бросились к воротам. Против нашего переулка (Дегтярный, между Малой Дмитровкой и Тверской) стоял на М. Дмитровкѣ пулемет, который время от времени обстрѣливал пустой переулок. При остановках командовали: «кому нужно, перебѣгай». Люди перебѣгали, опять зачѣм то начиналась стрѣльба. Стрѣляли не нѣмцы, а свои — красноармейцы. Зачѣм и по ком, было неизвѣстно. Время от времени бухало орудіе.

Так продолжалось до 11 часов утра, когда все стихло, и всѣ высыпали на улицу.

На М. Дмитровкѣ всѣ тротуары были усыпаны стеклом; цѣлых окон в домах почти не было. Зданіе Купеческаго клуба (дом Купеческаго общества) было повреждено орудійными выстрѣлами. Орудіе, как оказалось, было установлено очень близко у выхода М. Дмитровки к Страстному монастырю (сажен сто от зданія), и оттуда обстрѣливало, как зданіе Купе-

ческаго клуба, так и другое по той же улицѣ, зданія, в которых свили себѣ гнѣзда анархисты.

Такая операція, как выяснилось, была предпринята одновременно противъ всѣх помѣщеній, занятых анархистами по всей Москвѣ, без всякаго предупрежденія, без каких бы то ни было ультиматумов. Это было тѣм болѣе неожиданно, что анархисты занимали помѣщенія с разрѣшенія и благословенія большевистской власти.

Разоруженіе и плѣненіе анархистов (были раненые и убитые, так как анархисты оказали вооруженное сопротивленіе) произведены были по всей Москвѣ с таким же грохотом и треском, как и в нашем районѣ. Очевидно, большевики придавали большое психологическое значеніе шумливому методу выполненія своей задачи. Им нужно было создать впечатленіе, что они одолѣли сильнаго противника, и этим произвести эффект. Что это было так, можно судить по тому, что в зданіи Купеческаго клуба было всего 30 анархистов, которых, конечно, можно было одолѣть без таких героических мѣр.

Эффект нужно было произвести, повидимому, с одной стороны, на нѣмцев, с другой — на буржуазію. Не знаю, какой эффект это произвело на нѣмцев (говорили, будто граф Мирбах опасался из-за анархистов ѣхать в Москву), но, что касается московской буржуазіи, то могу засвидѣтельствовать, что на нее эффект большевики произвели огромный. В этот день большевистская власть была героем в глазах буржуазіи. «Вот если бы Керен-

скій так дѣйствовалъ противъ большевиковъ! Вотъ это — власть!» Такъ привѣтствовала буржуазія «сильную» власть.

И буржуазія привѣтствовала в этомъ случаѣ совѣтскую власть не только какъ образецъ сильной власти вообще, но какъ власть, избавляющую буржуазію отъ еще большей напасти, грозившей ей в лицѣ анархистов. Все на свѣтѣ относительно, и, при сравненіи с анархистами, большевики (тогда еще названія «коммунистов» в Москвѣ не было в ходу) несомнѣнно выигрывали.

В то время, какъ большевики в качествѣ власти дѣйствовали, имѣя в основѣ своихъ дѣйствій декреты, такъ сказать, «закономѣрно», анархисты дѣйствовали по вдохновенію, налетами. От большевиковъ болѣе или менѣе было извѣстно, чего можно ждать хотя бы на завтра: декретъ предупреждалъ. От анархистовъ можно было ожидать всего, что имъ вздумается.

Облюбовавъ тотъ или другой домъ, большей частью особнякъ, анархисты дѣлаютъ на него налетъ. Дальше все зависитъ отъ обстоятельствъ на мѣстѣ. Если особнякъ не оправдываетъ ихъ ожиданій, то просто обираютъ, что в немъ есть цѣннаго, заберутъ всѣ състные припасы и увѣзжаютъ. Это — наиболѣе благоприятный случай.

Если налетъ совершился днемъ, то, забравъ, что полезно, себѣ, открывали раздѣлку остальныхъ вещей публикѣ. Предлагали становиться в очередь и выдавали по одной вещи: кому часы, кому пепельницу, кому чернильницу, кому стулъ. Любители брать вещи находились; образовывались хвосты; нѣкоторые становились в очередь вторично. Анархисты замѣтили это обстоятельство и, получивъ нѣкоторую практику, стали требовать при раздѣлкѣ вещей паспортъ, на которомъ ставили штампъ: «вещь выдана».

Это совершалось, если особнякъ не оправдывалъ ожиданій. Если же онъ эти ожиданія оправдывалъ, то поступали просто: владѣльца выселяли и занимали особнякъ. Такимъ путемъ анархисты присвоили себѣ десятка два—три лучшихъ особняковъ в Москвѣ. В числѣ ихъ былъ особнякъ Морозова на Воздвиженкѣ с рѣдкой по подбору коллекціей фарфора и фаянса, не считая другихъ рѣдкостей большой цѣнности. Оставивъ жить в домѣ огромный штатъ прислуги, какъ «пролетаріевъ», и выселивъ владѣль-

ца, анархисты приняли на себя охрану этого частнаго музея, какъ «національную» цѣнность, и «охраняли» его такъ, что впоследствии, при изгнаніи изъ него анархистовъ, многих, особенно дорогихъ вещей, не досчитались.

Налетъ на Купеческій клубъ былъ совершенъ около полуночи, во время крупной карточной игры. Обобравъ у бывшихъ в клубѣ всѣ деньги и всѣ бывшія при нихъ и на нихъ цѣнныя вещи, анархисты завладѣли зданіемъ и обратили его в свой клубъ, который сталъ центромъ ихъ пропаганды.

Средствами пропаганды служили, во первыхъ партійная литература, обильно предлагаемая в роскошныхъ залахъ и мягкихъ гостинныхъ клуба одна изъ лучшихъ, если не лучшаго, в Москвѣ, и, во-вторыхъ, обѣды. Сохранивъ весь поварской штатъ клуба, анархисты предлагали «гостямъ» тонко приготовленные обѣды в прекрасной столовой при прекрасной сервировкѣ «по 3 рубля с хлѣбомъ». Если принять во вниманіе, что в самой захудалой столовой обѣда дешевле 5 рублей нельзя было получить, да и то без хлѣба, то, понятно, что пропаганда обѣдами пользовалась большимъ успѣхомъ, и тѣмъ болѣе, что получить рекомендацію гостю было не трудно.

Для прокормленія по дешевкѣ оравы «гостей» требовалось покрытіе дефицита. Это совершалось путемъ налетовъ на «буржуевъ» и ограбленія припасовъ. Анархисты все болѣе беззаконили обывателей, а обыватели — власть пререкращую.

Недостаточно еще окрѣпшая большевистская власть, не осмѣливалась вступать в открытую борьбу с «товарищами-анархистами», засѣдавшими вмѣстѣ с ними в совдепѣ и имѣвшими вліяніе на толпу, старалась «регулировать» налеты и ввела на нихъ «ордера». Такимъ путемъ кругъ дѣйствій анархистовъ по мѣрѣ возможности ограничивали особняками и сугубо-буржуазными кварталами.

Такого рода порядокъ — налеты «с разрѣшенія начальства» — не могъ, конечно, удовлетворить анархистовъ. Анархисты и «начальство» — понятія совершенно несовмѣстимыя. Между анархистами и большевиками началась глухая борьба, которая не могла не расти по мѣрѣ того, какъ власть большевиковъ крѣпла, чего анархисты не могли не замѣчать. Анархистамъ

грозила опасность. Пришлось им волея-неволей вступить на путь усиленной пропаганды против большевиков.

Низы московской массы были недовольны. Как я уже указывал, фактически в Москвѣ уровень жизни шел в том же порядкѣ, как обычно при капиталистическом строе: лучше всего жилось крупной буржуазіи, хуже всего — рабочему. Этим недовольством и пользовались анархисты, доказывая в рѣчах и прокламаціях массам, что никакого «коммунизма» фактически большевики не осуществили, что широкія массы живут впроголодь, в то время, как буржуазія живет в полном довольствѣ. Отсюда — призыв масс идти за анархистами.

В одной из послѣдних прокламацій было обращеніе «к товарищам швейцарам и дворникам». Текст этого обращенія был приблизительно таков: «Вы, товарищи-швейцары и дворники, лучше всѣх других знаете, что буржуи по старому живут хорошо. Они все еще живут в лучших квартирах, а вы все еще ютитесь в подвалах и под парадными лѣстницами. И вы этих буржуев еще охраняете. Большевики много обѣщали вам и ничего не дали. Наднях выступим мы, и мы покажем, что такое настоящая коммуна. И когда мы выступим, то вы поможете нам: широко раскройте настежь ворота и двери в парадных подъѣздах!»

Такой «манифест» мало обѣщал хорошаго буржуазіи, и она трепетала. Мало подходил он, видимо, и совѣтской власти. Она окрѣпла и 12 апрѣля дала рѣшительный и окончательный бой анархистам.

В теченіе трех дней послѣ этого в опредѣленные часы всѣ арестованные анархисты, включая членов совдепа, выводились на показ на площади в Кремлѣ, а потерпѣвшіе от обычных грабежей граждане приглашались для опознанія грабителей. Так как примазавшихся к бучкѣ идейных анархистов профессиональных грабителей было не мало, то результаты опознанія были ошеломляющими.

Большевики сразу убили двух зайцев: морально совершенно опозорили анархистов в глазах масс и сильно подняли свой престиж среди буржуазіи. Они в глазах обывателя становились властью, пусть очень жестокой, но все таки властью,

избавившей Москву от самой страшной опасности — от анархій.

2.

Заключеніе Брестскаго мира, ратификація его 4-м съѣздом совѣтов, поздравленія, полученныя съѣздом от президента Вильсона, расправа с анархистами, укрѣпляли совѣтскую власть, как в ея собственных глазах, так и во внѣ. Мы стали чувствовать, что сдольніе этой власти далеко менѣе просто, чѣм это казалось раньше, и что сама собой она не падет.

Отношенія представителей союзников к общественности становились холоднѣе. Как реальные политики, они цѣнили силу, а силы этой за русской общественностью они не чувствовали. К этому надо добавить, что среди представителей союзников, невидимому, не было ни одного, кто отдавал-бы себѣ ясный отчет в том, что происходит в Россіи. По отзывам членов Ц. К., входивших в контакт с дипломатическими представителями союзников, очень сильно сказывалось отсутствіе сэра Бьюкенена, отозваннаго своим правительством, единственнаго из дипломатов, хорошо знавшаго Россію, понимавшаго ее и сочувствовавшего ей, и вмѣстѣ с тѣм пользовавшагося большим авторитетом в средѣ дипломатическаго корпуса.

Представители союзников, бывшіе на лицо, далеко не были из первоклассных фигур. Франція, наиболѣе заинтересованная в русских дѣлах и как кредитор и как наиболѣе угрожаемая со стороны Германіи страна, не находила охотников среди крупных политических дѣятелей на пост посла в Россіи во время революціи, особенно послѣ того, как министр-соціалист Тома вынес болѣе чѣм отрицательное впечатлѣніе из своих собесѣдованій с Петроградским совдепом. В качествѣ французскаго посла был г. Ньюланс — фигура очень небольшого масштаба для таких событій, которыя развивались в Россіи. За отъѣздом англійскаго посла, сэра Бьюкенена, Англію представлял только повѣренный в дѣлах, фигура уже и официально втораго ранга. На представителя Соединенных Штатов рассчитывать Россіи нечего было.

Представители союзников в цѣлом не имѣли ни малѣйшаго плана дѣйствій. Им

бы хотѣлось, конечно, возстановить восточный фронт. Они понимали, конечно, что с большевиками им каши не сварить, но что дѣлать, как держаться, они себѣ явно отчета не отдавали. Из опасенія возможности захвата нѣмцами Петрограда они перебрались в Вологду, чтобы быть поближе к Архангельскому порту, и, живя в вагонах, готовые всегда к отъѣзду, вели политику, что называется, текущего дня, не зная, что будут дѣлать завтра.

Заключив Брестскій мир, совѣтская власть, только недавно демобилизовавшая армию, стала проявлять вдруг сильнѣйшія заботы о созданіи новой регулярной армии — «красной армии». Она стала усиленно звать к себѣ на службу кадровое офицерство. Традиціи стал проявлять в этом отношеніи исключительную энергію.

Зачѣм нужна эта армія? — На это никаких официальных объясненій не было. Но если сопоставить с одной стороны заявленія Ленина, что Брестскій мир — только передышка, а с другой — глухо распространяемые кѣм-то слухи, что передышку предполагается использовать для подготовки свѣжей армии против нѣмцев, то, при извѣстном желаніи, можно было в послѣднее вѣрить. У союзников же такого желанія не могло не быть.

Освободившись с заключеніем Брестскаго мира от восточнаго фронта, нѣмцы получили возможность свободно перебросить новыя силы на французскій фронт, и союзники там сразу почувствовали, какое значеніе имѣл русскій фронт не только, когда с него наступали, но и тогда, когда на нем только стояли. Возстановить этот фронт было мечтою союзников, и достаточно было, чтобы им померещилось, что ~~Франція~~ готов возстановить фронт, чтобы их взоры обратились к нему.

К русской общественности уже стали показывать явное охлажденіе. Представители французской военной миссіи стали появляться у ~~Франціи~~. Доходил слух об отзывѣ одного из таких представителей, что ~~Франція~~ est en somme un brave garçon (в концѣ концов славный малый), что большевики — народ рѣшительный и что даже в Брестском мирѣ есть своеобразный шик: не всякій подпишет мирныя договоры, не читая его.

Начался флирт союзников с большевиками. Дипломаты были, конечно, осторожны, чѣм военные агенты, и тянули «дипломатическую» линию. В Вологдѣ начались засѣданія послов «для обсужденія вопроса о признаніи совѣтской власти». Совѣтская пресса ликовала. Но засѣданія все откладывались, а общественности под сурдинку сообщали, чтобы она не слишком беспокоилась: что, если бы так или иначе пришлось дѣйствительно не только рѣшать, но и рѣшить вопрос, то рѣшеніе могло-бы имѣть лишь одну форму — акта о непризнаніи. Так велась игра на двѣ стороны.

Общественность мало вѣрила в то, чтобы из флирта, которым увлеклись французы, что-нибудь вышло. Было ясно, что коммунисты и не думают в возобновленіи войны с Германіей, и что ~~Франція~~ проведет союзников, а не они его. В ожиданіи конца этого временнаго увлеченія, общественность продолжала изученіе вопроса о том, как-же быть дальше.

Вопросы о продолженіи войны с Германіей и об избавленіи от совѣтской власти были тѣсно связаны друг с другом, ибо первое было немыслимо без второго. Желает-ли, однако, населеніе этого избавленія?

Зимой мы ждали, что с началом весны в деревнѣ должна развиться страшная борьба. Земли были захвачены у помѣщиков крестьянами ближайших деревень. Такія деревни сплошь и рядом обосновывали свое преимущественное право на эти земли на том, что при крѣпостном правѣ деревня принадлежала данному помѣщику. Деревни, болѣе удаленныя от двух ближайших помѣстій сплошь и рядом совершенно земли не получили. Захватили землю крестьяне далеко не поровну. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, надо было ждать, что, когда приступят к запашкѣ, то внутри деревни поднимется борьба, и, так как крестьяне вернулись с фронта с винтовками, борьба вооруженная.

Весна этих ожиданій не оправдала. Оказалось, что нѣтъ сѣмян, обсеменить полей нѣчѣм; значит, незачѣм и запахать побольше. А раз это так, то на ближайшее время обладаніе большим количеством земли не давало никаких преимуществ перед меньшим.

Такие результаты от захвата земли не могли не вносить разочарования в большевиках в крестьянскую среду. Центральным губерниям никогда своего хлеба на круглый год не хватало. Отделение Украины, снабжавшей в это время хлебом немцев, и трудность доставки хлеба с востока лишили деревню не только семян, но и муки на текущую потребность. С другой стороны голод гнал рабочих из обеих столиц (особенно из Петрограда) и городов в деревню. Количество ртов в деревне росло в то время, как расчет на получение хлеба все падал. Рабочие несли

в деревню мало хороших вестей о советской власти. А в довершение всего в деревне появились продовольственные отряды для реквизиции продуктов, т. е. советской власти некогда было отдавать себе отчет, где можно, а где нельзя отбирать продукты. Со всех сторон шли сведения, что деревня недовольна, волнуется и готова в любой момент возстать. Настроение города мы в достаточной мере чувствовали и видели сами каждый день. Вывод напрашивается сам собой: обязанность интеллигенции помочь народу сбросить большевистское иго.

Г Л А В А V.

Вопрос об иностранной помощи. — Опасность японской интервенции. — Необходимость объединения противобольшевистской общественности — Внутренняя рознь у к.-д — Союз Возрождения, Правый Центр, Национальный Центр — К.-д. и диктатура.

1.

Хотя, как я уже говорил, задача избавления от Совѣтской власти казалось нам менѣе простой, чѣм раньше, но увѣренность в скором паденіи этой власти была так велика, что финансово-экономическая комиссія при Ц. К. в числѣ других вопросов разрабатывала проект государственной росписи на 1919 год.

Как же рисовались возможности сверженія Совѣтской власти? — Онѣ мыслились исключительно в формѣ возстанія против власти со стороны самого народа, которому должны были приходиться на помощь лишь тѣ или другіе отряды добровольцев. Необходимы были, конечно, базы; ими должны были служить окраины.

Допустима-ли помощь иностранцев и какая именно? Этот вопрос вызывал самые страстные споры в средѣ Ц. К., и отнялъ не одно засѣданіе. Были принципиальные противники, считавшіе какую бы то ни было помощь иностранцев в какой бы то ни было формѣ недопустимой. Были защитники допустимости помощи до интервенціи включительно, оправдывая ее исключительно соображеніем о возсозданіи фронта с Германіей и допуская пребываніе иностранных войск на тѣх же основаніях, что англійскія и американскія войска находились на территории Франціи. Были вполнѣ допускавшіе это, но возражавшіе, ссылаясь на то, что русская общественность морально не вправе говорить с союзниками и обѣщать им что-либо «от имени народа, трусливо покинушаго траншеи.» Были и противники всякаго вмѣшательства не только

иностранцев, но и верхов русской общественности в борьбу народа с Совѣтской властью. Особенно на этом настаивал один член Ц. К., врач Ф.. Он говорил, что есть случаи в медицинѣ, когда единственным правильным методом леченія является оставленіе больного в покоѣ. Страна, говорил он, больна именно такой болѣзью. Мы, политическіе медики, можем ей только повредить своим вмѣшательством. Оставьте ее в покоѣ: сам организм лучше справится со своей болѣзью. Миѣній было множество.

Вопрос об интервенціи естественно поставил другой вопрос: а не представит-ли интервенція серьезной опасности в отношеніи захвата интервентами по окончаніи войны территоріи у ослабѣвшей Россіи? В особенности этот вопрос касался Д. Востока в случаѣ интервенціи Японіи, на появленіе войск которой на восточном фронтѣ Германіи особенно рассчитывали союзники.

Отсутствіе Милюкова, единственнаго в сущности серьезнаго знатока в области иностранной политики не только в средѣ к.-д., но и в средѣ всей русской общественности, очень чувствовалось. Не было также и Винавера. В тот момент, когда вопрос обсуждался, не могло быть и рѣчи об их пребываніи в Москвѣ; этим двум «врагам народа» было больше, чѣм рискованно, показываться в Москву.

За отсутствіем этих двух специалистов, пришлось обходиться собственными силами. В частности для освѣщенія вопроса о возможной японской опасности был вызван из Петрограда занимавшій ранѣе

видный пост в министерствѣ иностранных дѣл барон Н.

Доклад Н., весьма широко поставленный, излагал, как понимало ведомство задачи и планы Японіи в восточной Азии, и какія отсюда и в связи с соперничеством с Соед. Штатами диктуются Японіи взаимоотношенія с Россіей. Считая, что Японія, как всякая великая держава, задается и планами в области международной политики, рассчитанными не на день—два, а на продолжительный період, исчисляемый десятилѣтіями, Н. не допускает мысли, чтобы японская дипломатія могла допустить увлеченіе мимолетной авантюрой, оставив свой основной план, авантюрой, которая могла-бы даже повредить этому основному плану. При всем том, Н. считал, что предосторожности не мѣшают, и что вступленіе одних японских войск на наш Д. Восток было-бы ошибочным актом. Было-бы необходимо, по его мнѣнію, в случаѣ вступленія с Востока иностранных войск в цѣлях воссозданія фронта Россіи против Германіи, чтобы вступили войска всѣх союзников, а не одни японскія, в особенности же необходимы американскія.

Так, весьма серьезно изучая вопрос, подходил Ц. К. к интервенціи. При этом я считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что к вопросу о допущеніи на русскую территорию иностранных войск подходили исключительно с точки зрѣнія необходимости участія в продолженіи войны с Германіей во исполненіе обязательств Россіи в отношеніи союзников. Что-же касается борьбы с Совѣтской властью, то Ц. К. считал, что это дѣло должно совершаться самим народом.

Кто должен взять на себя борьбу с Совѣтской властью, созданіе новой власти и возобновленіе войны с Германіей? На этот вопрос Ц. К. отвѣчал: это дѣло всенародное, а потому ни одна партія, в том числѣ и наша не в правѣ на себя одну брать рѣшеніе этой задачи или исполненіе ея. А раз это так, раз мы это сознаем, то отсюда с несомнѣнностью вытекает, что на нашей обязанности лежит объединить на основном національном вопросѣ всю антибольшевистскую общественность. Объединенная, она и в

отношеніи союзников составит болѣе импонирующую силу.

2.

Ц. К. задается цѣлью объединить всю антибольшевистскую общественность на основѣ общенациональной задачи—установленія національной власти и возобновленія войны с Германіей. Но были-ли мы настолько едины сами, чтобы братья объединить такой широкой фронт, как от крайних правых до эсеров? — Я уже указывал, что мы послѣ Брестскаго мира получили въ-костерую «передышку» и стали собирать представителей Московских районов. Мы получали возможность, как Пля Муромец, прикоснуться к своей «землѣ». Нельзя однако, сказать, чтобы от этого соприкосновенія мы получили тот же эффект, что он.

В то время, как Ц. К. состоял из старых, посѣдѣвших (в буквальном и переносном смыслѣ этого слова) работников, привыкших к самому вдумчивому, отчасти даже, может быть, к чересчур академическому, отношенію к вопросам, среди представителей московских районов было не мало и «мартовских» кадетов и молодежи. Они были убѣждены (так диктовало им их желаніе — отец мысли), что большевики не имѣют ни малѣйшей опоры в населеніи, что они держатся исключительно мадырскими и китайскими штыками. Отсюда вывод: народоправство — плод интеллигентскаго измышленія. Раз возможна диктатура Ленина, то, значит, возможна и любая другая. Нужно только взять в свои руки палку, стать капралом, и вести широкія массы туда, куда капралу угодно. А если капрал будет наш, то все остальное приложится.

В этих собраніях представителей районов члены Ц. К., стоявшіе хотя и не на такой грубой точкѣ зрѣнія, получали подкрѣпленіе своим взглядам. Психологически эти настроенія переносились в Ц. К. Другая сторона не сдавалась. Она указывала, что Россія — не в Москвѣ, что Россія — в провинціи. В результатѣ было рѣшено: во-первых, ознакомить провинціальныя комитеты с настроеніями в центрѣ, во-вторых, созвать на конец мая конференцію.

При подготовкѣ к конференціи в Ц. К.

возник вопрос, не слѣдует ли поставить на ея обсужденіе вопрос об отношеніи к § 13. Этот параграф под злополучным числом гласил при основаніи Партіи, что Россія должна быть «парламентарным государством» — форма правленія не предопредѣлялась. Немного спустя, когда вырисовалась, послѣ подавленія революціи 1905 года, объективно монархическая форма правленія, параграф был измѣнен и гласил, что Россія должна быть «парламентарной монархіей». Наконец, на VI съѣздѣ, созванном послѣ февральской революціи 1917 года, § 13 стал гласить, что Россія должна быть «парламентарной республикой».

Теперь к этому вопросу, который, как я уже писал, имѣет для нас второстепенное, а для широких кругов преувеличенно большое значеніе, опять собирались подойти, и это подняло настолько страстныя пренія, что нарушило даже обычный порядок рѣшенія дѣл. Нормально вопросы в Ц. К. не голосовались, а при рѣшеніи их доведывались разуме предѣдателя находившаго среднее, приемлемое для всѣх рѣшеніе. Тут было предложено поставить вопрос на голосованіе. Не рѣшаясь на это, предѣдатель поставил на голосованіе предварительный вопрос: ставить ли вопрос на голосованіе. При голосованіи голоса раздѣлились почти пополам. Вопрос был снят. И если раскола не произошло, то лишь потому, что, желая объединить других, мы не могли пойти на раскол в своей средѣ.

Этот почувствовавшийся раскол яено говорил за то, что объединеніе в одну организацию всѣх антикоммунистов от правых до эсеров было бы фантастическим предпріятіем. Само собой напрашивалось созданіе двух организаций, мостом между которыми могли бы служить кадеты.

Такія двѣ организации и создались: одна — «Союз Возрожденія», другая — «Правый Центр». Ц. К. разрѣшил своим членам участвовать как в той, так и в другой организации в зависимости от их настроеній. Сам Комитет, как таковой, продолжал только свою партійную работу, учитывая, как информацию, то, что доходило до него из той и другой организации. Кто из членов Ц. К. участвует в

этих организаціях, за исключеніем 2-3 человек, участіе которых явствовало из их інформаціонных докладов, Ц. К.-ту было неизвѣстно. Нѣкоторые, повидимому, участвовали в обѣих.

Не знаю, как было поставлено дѣло в «Правом Центрѣ», но в «Союзѣ Возрожденія» конспирація была поставлена настолько хорошо, что, когда в обществѣ пошли слухи о нем, то, по доходящим до нас свѣдѣніям, совѣтская власть этим слухам не вѣрила и говорила, что их умысленно распространяет кадетскій Ц. К., чтобы отвлечь от себя вниманіе. За все время до моего отъѣзда из Москвы (конец юни 1918 года) ни один член Союза Возрожденія арестован не был. Каждый член Союза знал очень немногих из своих сочленов, и я уже за Уралом познакомился с нѣкоторыми из них, о которых даже не слышал, будучи в Москвѣ.

В Союз Возрожденія входили на лѣвом крылѣ персонально эсеры; в центрѣ стоял почти весь Ц. К. Народных Соціалистов; на правом крылѣ были персонально кадеты. Меньшевики соглашались войти, как Комитет в лицѣ представителей. Но это было отклонено, т. к. Союз был организацией персональной, с очень строгим выбором. Эсеровскій Ц. К. относился къ поступку своих членов, вступивших в Союз отрицательно, хотя прямого запрета на вступленіе не наложил.

Какія организации входили в состав «Правого Центра», я не знаю; только знаю, что кадеты образовали его лѣвый фланг.

Основные цѣли обѣих организаций были одинаковыми: воссозданіе единой Россіи; борьба с Совѣтской властью, восстановленіе фронта против Германіи. Пути были разные: «Союз Возрожденія» стоял за путь народоправства, а «Правый Центр» за восстановленіе монархіи.

Через нѣкоторое время, однако, в Ц. К. было доложено, что в «Правом Центрѣ» обнаружено закулисное соглашеніе правых с нѣмцами. В виду этого к.-д. из «Правого Центра» вышли, и, насколько потом слышно было, эта организациа распалась. Возникла новая организациа, в которой приняли участіе кадеты, — «Национальный Центр». Благодаря участію кадетов, как в нем, так и в «Союзѣ Воз-

рожденія», получался мост, соединяющій обѣ организаци. Фактически, таким образом, получалась возможность координирования дѣйствій, и вся антибольшевистская общественность была объединена. «Союз Возрожденія» направил свое вниманіе на сѣвер и восток, а Національный Центр — на юг.

Разрѣшеніе Ц. К. своим членам состоять в любой из этих двух организаций, одной—монархической и другой—республиканской, а равно отказ Ц. К. от постановки перед Съездом вопроса об измененіи § 13 показывают, что распространившееся впоследствии убѣжденіе, будто пар-

тія К.-д. вновь стала монархической, ни на чем не основано. Была лишь у многих членов Ц. К. увѣренность, что так или иначе диктатор неизбежно явится. Если бы это случилось, то Ц. К. считал, что к этому явленію надо будет отнестись, не как к враждебному, а как к исторически объективно неизбежному, и нужно будет принимать мѣры к тому, чтобы диктатура повела к созыву Учредит. Собранія. О том, чтобы «создать диктатора», никогда, при мнѣ по крайней мѣрѣ, и рѣчи не было: уровень развитія нашего Ц. К. был слишком высок, чтобы выдвигать подобныя задачи.

ГЛАВА VI.

Переезд совѣтской власти в Москву.—Положеніе интеллигенціи.—Сношенія с большевиками — П. Г. Сидович.—Совнархоз.

1

Совѣтская власть переселилась в Москву. И это, как и все, что она дѣлала, было произведено с шумом и без стѣсненій. Так, дом Перцева (у Храма Христа Спасителя) был занят под военное министерство («наркомвоен»), и на выселеніе жильцов был предоставлен срок в... один час. Дом Перцева даже в Москвѣ — один из колоссов. Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣсколько тысяч его обитателей образовали по прилегающим улицам нѣчто вродѣ огромнаго табора: все было запружено самой разнообразной мебелью, всякой домашней утварью. Тут же на улицѣ и всѣ семьи полностью до грудных дѣтей включительно. Вѣсть об оригинальном зрѣлищѣ быстро облетѣла Москву, и не было ничего удивительнаго, что трамвай подвозил большія толпы любопытных посмотреть на него.

При таких условіях новый бюрократическій аппарат власти устроился на мѣстѣ весьма быстро. Москва оживилась. Она вновь стала столицей не только по названію, но и фактически.

С прибытіем высшей власти прибыла и ея гвардія. Новая «аристократія» жила шумно и весело. Красноармеец, мчащійся по Тверской с «шикарной барышней» на лихачѣ и, бросая ему 1000 рублей, заявляющій, что «красноармеец сдачи не берет» — нормальная картина той эпохи.

А в это время фунт хлѣба из-под полы стоил 5—8 рублей, и «саботировавшій интеллигент» не всегда имѣл его. Интеллигенція, торгующая газетами, папиро-

сами, конфетами, пирожками домашняго производства, бросалась в глаза на всѣх перекрестках. Роскѣшествующая на глазах у нея новая бюрократія и «гвардія» не могла не колебать устойчивости бѣдствовавшаго чиновничества, и вопрос о прекращеніи «саботажа» и о допустимости службы у совѣтской власти стал на очередь. С этим вопросом обратились и в наш Ц. Б.

По имѣвшимся у нас свѣдѣніям фонды для поддержки «саботирующих» иссякли. Дѣло избавленія от совѣтской власти затягивалось. Бѣдов на ближайшее время никаких не было. При поднявшемся принципиальном спорѣ о допустимости службы у совѣтской власти, как сейчас помню изумленіе одного из членов Ц. Б., профессора К., когда ему указали, что он служит у совѣтской власти. «Я служу университету, наукѣ,» — возразил он. — «А кому вы представляете на утвержденіе смѣты, от кого получаете вы деньги,» спросили его — Отвѣта не нашлось.

Один из членов Ц. Б., отмѣтив отчаянное положеніе «саботажников» и отсутствіе фондов для поддержки их, указал, что прекращеніе забастовки неизбежно. Поэтому не нужно доводить ее до того, чтобы волей-неволей пришлось капитулировать, отдавшись на милость побѣдителей, таких побѣдителей, которые пощады не дадут. Нужно воспользоваться тѣм, что, пока еще не поздно, бастующія организации могут на договорных началах возобновить работу, благо совѣтская власть не знает, насколько тяжело положеніе бастующих, и очень нуждается в их работѣ. Бюджет проиграна забастовка

но сохранится зато в бастовавших чувствах собственного достоинства, которое будет принижено и подавлено при сдаче на милость победителя. Нужно посоветовать покончить с забастовкой.

Это предложеніе вызвало бурю негодованія.

Психологически это было совершенно понятно. Сказать людям, так изстрадавшимся, что карта бита, да еще советовать им прекратить борьбу! Между тем эту тяжелую операцію необходимо было совершить. От нея уйти нельзя было. Хладнокровіе и разсудочность взяли верх над чувствами. Было рѣшено, что для членов Ц. К. и других видных дѣятелей партіи к.д. служба у совѣтской власти не допустима (за исключеніем профессуры), что же касается рядовых членов партіи, то предоставитъ вопрос их усмотрѣнію.

Переѣзд центральных органов совѣтской власти в Москву и выяснившійся тяжелой характер предстоящей борьбы с нею ставил вопрос в возможных личных отношеніях членов Ц. К. с отдѣльными вліятельными коммунистами. Такія отношенія могли быть полезны с одной стороны в цѣлях информаціи, чтобы лучше узнать себя, как мыслит противник, а с другой стороны в случаѣ надобности мѣр к защитѣ партійных дѣятелей, ибо, если в Москвѣ мы на время почувствовали «передышку», то нельзя сказать того же о провинціи.

Так, Ц. К. стало извѣстно о том, что в Москву доставлены из Могилева (на Днѣпрѣ) члены губернскаго комитета партіи, что содержатся они в вагонѣ на Александровском вокзалѣ и что, судя по разговорам стражи, им грозит разстрѣл. Нужно было принять срочныя мѣры и прибѣгнуть к личным связям. В числѣ других членов Ц. К. взялся за это дѣло и я.

Я рѣшил обратиться к П. Г. Сидовичу, с которым я был связан старым знакомством за границей. В 1897 году, я служил инженером в Шарлеруа (в Бельгій), гдѣ кромѣ меня не было ни одного русскаго. Почти бок о бок, в Тюэнѣ (около полудня ѣзды по желѣзной дорогѣ), служил в качествѣ рабочаго-монтера инженер Сидович, не желавшій, будучи социал-демократом, эксплуатировать рабочих на посту инженера и стремившійся

в качествѣ рабочаго имѣть возможность болѣе тѣснаго соприкосновенія с рабочими для пропаганды своих идей. В Тюэнѣ, не считая Сидовича, тоже русских не было. Так как мы были знакомы по Льежу, то вполне естественно, что нас обоих тянуло хоть раз в недѣлю, по воскресеньям, отдохнуть совместно от чужой, иностранной, среды. По очереди мы пріѣзжали друг к другу, и это не могло не сблизить нас.

Дороги наши разошлись, встрѣчались мы впоследствии и в Россіи, имѣли общих знакомых, имѣли свѣдѣнія друг о другѣ. 1905 год внес нѣкоторый холод в нечи взаимныя отношенія. Сидович стал большевиком, я — активным кадетом. Встрѣтившись в концѣ 1905 года со Сидовичем в Москвѣ, я это измѣненіе в отношеніи к себѣ почувствовал и учел. По доходившим до меня свѣдѣніям Сидович был в крайнем правом крылѣ большевиков, за мягкость характера получил партійную кличку «Матрена» и расцѣвливался, выражаясь уже современным языком, как «соглашатель».

Теперь Сидович состоял председателем Московскаго областного исполкома. Я рѣшил воспользоваться старыми добрыми личными отношеніями, позвонил по телефону в совдеп и попросил к аппарату Сидовича.

На это получил отвѣтъ, что «товарища Сидовича беспокоить нельзя, так как он в засѣданіи.» Я попросил передать Сидовичу записку. Через нѣсколько минут я получил отвѣтъ, что, как только он освободится, он вызовет меня к телефону. Через четверть часа он меня вызвал и на вопрос, как бы нам свидаться, отвѣтил:

— Самое лучшее приходите сюда, в совдеп.

— В какое время?

— Я здѣсь бываю цѣлый день.

— От котораго до котораго часу?

— От 9 утра до 3—4 часов ночи.

— Это дѣйствительно цѣлый день. Но кто же так работает?

— Развѣ вы не знаете, что мы работаем, как сумасшедшіе?

— Не я стану спорить с таким опредѣленіем. Но, чтобы попасть к вам, вѣроятно, нужен особый церемоніал, пропуск, напимѣр?

— Не знаю. Кажется, что нужен. Но его не трудно, кажется, получить. Нужно обратиться за этим или здѣсь в подъездѣ или в гостинницѣ Дрезден.

— Вы, вѣроятно, знаете, П. Г., что я еще не освободился от старых буржуазных привычек. Не будете-ли вы так добры прислать мнѣ пропуск с курьером завтра утром. Мнѣ нужно видѣть вас по срочному дѣлу.

— Я это с удовольствіем сдѣлаю, если найдется курьер.

— Как? Барышня с таким трепетом отнеслась к вопросу о том, чтобы дележить вам, что я прошу вас к телефону, что, я полагаю, в вашем распоряженіи должно быть достаточно курьеров.

— Ну-да! Как бы не так! У нас здѣсь такой демократизм, что я не знаю, кто из нас важнѣе, я или курьер.

— Как же быть?

— Я записываю сейчас в книжку, чтобы послать вам пропуск. Сдѣлаю все, что могу. Если не получите завтра утром, приходите, получив сами пропуск. Буду вас ждать.

На этом разговор наш кончился. Пропуска мнѣ прислано не было. Очевидно, всесильный в Москвѣ Смидович оказался недостаточно сильным по отношенію к «товарищу-курьеру».

На слѣдующій день я узнал, что могилевцы освобождены благодаря хлопотам другого члена Ц. К. Определенная цѣль посѣщенія Смидовича отпала, и я так с ним и не повидался.

2.

Высшій совѣт народнаго хозяйства (совнархоз) опубликовал в началѣ апрѣля в газетах о назначеніи конкурса за лучший проект по объединенію всѣх уральских заводов в единое хозяйственное дѣло. Премія была назначена в 100.000 рублей. Срок представленія полного проекта с эксплуатационным расчетом был назначен в... три или пять недѣль (теперь уже точно не помню).

Это был явный абсурд: срок был немислимо короток. Что это обозначало: полное непониманіе, или что-то другое? Дошли до нас слухи, что это — одна формальность, что проект, разработанный фирмой бр. Стахѣвых по порученію груп-

пы иностранных капиталистов, уже вполнѣ готов, и что конкурс — только фикція.

Как бы то ни было, я рѣшил ознакомиться с вопросом. В 10 часов утра я явился в помѣщеніе совнархоза. Он занимал полностью всю колоссальную «Сибирскую гостинницу».

Только я двинулся вверх по лѣстницѣ из швейцарской, как меня остановили: «а у вас, товарищ, пропуск есть?» — А гдѣ же его взять? «А вот тут» — ткнули на какую-то дверь. Я вошел. Двумя «хвостами» стояла публика и получала пропуска. Стал в один из таких хвостов и я. Спрашивают у каждого имя, отчество, фамилію, мѣсто-жительства, по какому дѣлу, к кому, пишут с копіей и выдают за номером «пропуск». Со мной выходит недоумѣніе. К кому? — А я почему знаю, к кому. Вы вызываете на конкурс. Вам и знать, к кому я должен обращаться. — Ну хорошо, я дам вам пропуск к секретарю — комната № 186.

Иду в № 186. На двери надпись «секретарь». Вхожу. Меня встрѣчают недоуменно: «Конкурс?... ничего не знаю. Вѣроятно это Уралметалл. — А гдѣ Уралметалл? — Да в этом же корридѣрѣ».

Выхожу в корридѣр. На каждом номерѣ соответственная надпись учрежденія. «Уралметалла» не нахожу, хотя дохожу от № 186, помѣщающагося в одном концѣ корридѣра, до другого конца. Спрашиваю в этом концѣ, гдѣ Уралметалл; меня направляют в обратную сторону; который номер никто не знает. Наконец из двери одного номера, на котором надпись нѣтъ, выходит какой-то разсыльный мальчишка, и на мой вопрос, уж не здѣсь ли Уралметалл, радостно почему-то отвѣчает, что здѣсь.

Захожу. Передо мной — «Касса» с рѣшеткой, за которой никого нѣтъ, налѣво — пустая комната, а направо в комнатѣ вижу двух барышен: одна сидит за машинкой, но читает книжку в желтой обложкѣ — типичный французскій роман; другая, заложив ногу на ногу, насвистывает веселый романс. Объясняю, зачѣм пришел. Предлагают присѣсть и подождать у стола секретаря, который сейчас придет. На столѣ лежат бумаги, и я понимаю это «сейчас придет» так, что секретарь куда-

то отлучился. Сажу и жду; секретаря все нѣтъ. Вынимаю из кармана «Русскія Вѣдомости» и читаю. На меня косятся. Читает «Р. В.» и не обращается со словом «товарищ», значит—явный контр-революционер. Так мнѣ по крайней мѣрѣ кажется в тот момент. А, может быть, просто стѣсняю свистать и роман читать. Проходит с полчаса. Недоумѣнно я спрашиваю, приходил уже секретарь, или нѣтъ. Что вы, отвѣчают мнѣ, да он раньше одиннадцати никогда не приходит.

— А позже?

— Это уж как придется.

Продолжаю сидѣть и читать. Но вдруг одна из барышен заявляет мнѣ, что она полагает, что я ошибся адресом: она, конечно, твердо не может мнѣ сказать, но положительно не помнит, чтобы в «Урал-металлѣ» когда-либо что-либо говорили о конкурсѣ. Она бы мнѣ совѣтовала справиться в Металлургическом отдѣлѣ, который находится в этом же корридорѣ.

Я с охотой пользуюсь предложеніем и направляюсь туда. Здѣсь уже попараднѣе. Маленькая передняя с вѣшалкой и «товарищем-курьером», в котором сразу чувствуется вышколенный департаментскій курьер стараго режима. На одной двери дощечка с надписью «предсѣдатель отдѣла» и с указаніем пріемных часов, в том числѣ «для посѣтителей от 1 часу дня». Направо — канцелярія. Вхожу—опять двѣ барышни. Одна читает «Извѣстія», другая сердито шагает из угла в угол. Встрѣчают мало привѣтливо. Да, конкурс объявлен их отдѣлом; справку мнѣ может дать «товарищ-секретарь»; его пока нѣтъ; часов в 11—12 придет.

Меня начинает занимать эта обстановка; сажусь за стол в углу, развертываю «Русскія Вѣдомости» и наблюдаю из-за нея за картиной изумительнаго бездѣлія двух скучающих дѣвиц, время от времени огрызающихся друг на друга по неизвѣстному мнѣ поводу. Комната большая и гулко по ней отдаются шаги сердитой барышни. Но вот показывается фигура инженера-путейца в формѣ, и он задает тот-же вопрос, что и я, о конкурсѣ. Он получает тѣ же отвѣты, что и я, с добавленіем, что вон там, в углу, один уже сидит и ждет; может и он посидѣть.

Мы знакомимся, рѣшаем пойти в кор-

ридор и там ждать прихода секретаря. Мы медленно прогуливаемся по корридорю. То тут, то там открывается дверь, и всюду, во всѣх комнатах, одна и та же, бросающаяся на момент в глаза, картинка полнаго бездѣлія. Особенно бросается в глаза часто шмыгающая из одной комнаты в другую «барышня» в богатой мѣховою пелеринѣ до локтей. Обращаю на нее вниманіе моего конкуррента, спрашивая его, как он думает, насколько мыслимо работать в такой пелеринѣ. Встрѣчаю с его стороны своеобразную оцѣнку: «Барышня очень хорошенькая и пелерина не дурна; ни барышня, ни пелерина даже самаго крупнаго комиссара не оконфузит, если побѣдет с ним на лихачѣ». Идем плататься по корридорам двух других этажей. Картина—все та же. Огромное зданіе «Сибирской гостиницы» бездѣльничает.

Наступает 12 часов, полчаса перваго. Я ухожу завтракать; мой конкуррент остается в корридорѣ на скамейкѣ ждать секретаря.

Вернувшись через час, я застаю моего конкуррента на том же мѣстѣ. Он передает мнѣ, что секретарь, наконец, явился, но ровно ничего не может сказать без предсѣдателя. Теперь надо его ждать. Иду я к секретарю. Молодой человек смущенно заявляет мнѣ, что он сейчас собирает справки, просит немного обождать в корридорѣ; сейчас же по полученіи справки он меня пригласит.

Ждем в корридорѣ еще полчаса, усло вливаемся о дальнѣйших совмѣстных дѣйствіях и идем вмѣстѣ к секретарю с протестом, что нами потеряно все утро на то, чтобы до сих пор не добиться ни малѣйшаго толка по дѣлу о конкурсѣ, на который сама власть вызывает. Молодой человек теряется, заявляет, что он сам не знает, почему предсѣдателя, начинающаго пріем с 12 часов, до сих пор нѣтъ, и общает принять срочныя мѣры. Он отлучается на короткое время и возвращается с отвѣтом, что сейчас вмѣсто предсѣдателя нас примет член совѣта.

Приглашают в кабинет. В нем член совѣта и при нем юнец с форменной фуражкой горнаго инженера в руках. Спрашивают, чего мы хотим. Отвѣчаем, что нам нужны данныя для составленія кон-

курсного проекта. «Да если бы у нас были данные, то, с вашего позволения, на кой черт вы были бы нам нужны», раздается голос юного «спеца», «нам нужны люди, знающие Урал».

Объясняю «спецу», что я Урал знаю, но что имѣть свѣдѣнія о всѣх уральских заводах самый лучший знаток Урала не может, а проект, составленный на основании не точно обоснованных данных, а фантастических, никакой цѣны имѣть не может. «— Какія же вам данные нужны», смягчается «спец». Объясняю, что нужно знать, какова производительность каждого предприятия и чего именно, каким сырьем он обладает, чего и сколько ему не достает, каково его оборудование, в каком состоянii водныя силы Урала, какія спроектированы новыя желѣзнодорожныя линiи.

«Гдѣ же могут быть подобныя данныя? Таких данных нигдѣ быть не может», заявляет безапелляционно «спец». Я ему мягко указываю, что он ошибается: что всѣ данныя о предприятиях имѣются в Екатеринбургѣ, в «Уральском комитетѣ», организованном правительством во время войны, а остальные данныя имѣются в Водном и Желѣзнодорожном департаментах министерства путей сообщенiя.

«Спец» смущается: член Совѣта начинает посматривать на него неодобрительно. «Спец» оправляется и говорит: «ну, данныя из департаментов мы вам дадим, а уж насчет «Уральскаго комитета» не знаю, как быть».

Я опять чрезвычайно мягко замѣчаю, что, если данныя еще не заготовлены, то департаментам их сейчас же дать будет невозможно: что, по моим точным свѣдѣнiям, департаменты было предложено перевести в Ярославль, а потому все их дѣлопроизводство, заколоченное в ящики, частью находится в Ярославлѣ, частью — в пути.

«Спец» окончательно теряется, краснѣет и рѣзко заявляет: «в таком случаѣ мы ничего не можем вам дать». — Как же вы хотите, чтобы мы без данных составили проект? «А вот составляют же другіе, и никаких данных у нас не просят», слѣдует отвѣтъ. — Вот как, восклицаю я, но, может быть, они уже давно

о предполагаемом конкурсѣ знали и сами откуда то заранѣе добыли данныя?

Вопрос попадает не в бровь, а прямо в глаз. Наступает пауза, молчаніе. Я его нарушаю вопросом, не продлят ли в таком случаѣ срок. Это оказывается невозможным.

В таком случаѣ, заявляю я, я очень сожалѣю, что мнѣ придется доложить своей группѣ, что при наличii подобных условий, ей надо отказаться от участiя в конкурсѣ. «— А кто ваша группа?» — Я перечисляю крупныя имена, при которых лицо «спеца» вытягивается, и прибавляю: а что касается меня лично, то справиться о моей технической цѣнности вы можете у Сидовича. «А он вас лично знает», спрашивает на этот раз уже член Совѣта. — Да, знает и хорошо.

Эффект получается самый поразительный. «А как бы вы отнеслись, если бы мы предложили вам экстренный поѣзд в Екатеринбург и обратно», спрашивает неожиданно член Совѣта. Объясняю, что срок черезчур короток; даже при этом условii.

У члена совѣта является тогда «блестящая мысль» — познакомить нас с «товарищем» П., у котораго, вѣроятно, много данных относительно Урала. Он ведет нас в комнату П., которому передает в двух словах, о чем идет рѣчь и оставляет нас одних.

«Товарищ» П. оказывается старым департаментским чиновником. Узнав, с кѣм он имѣет дѣло, он дает малолестный отзыв о том бедламѣ, в котором ему приходится служить. Какія могут быть у него данныя об Уралѣ? Много их было в Петроградѣ, но вот переселились сами, а гдѣ архив, дѣлопроизводство,—кто же их знает. — Значит, дѣло безнадежно, получить данных нельзя? — Нѣтъ, окончательно так рѣшать не слѣдует. Вот, на дому у него принадлежащiя ему лично данныя есть, пожалуй, есть даже очень интересный матеріал, как напр., в докладной запискѣ Стахѣева, но дома его трудно застать, ибо с 9 часов утра до 4 дня он на службѣ. С наивным видом я спрашиваю, нельзя ли ему захватить матеріалы с собой в ВСНХ, а я бы зашел. Оказывается, это и трудно, и ввиду того, что матеріалов много, и неудобно ввиду

того, что П. не любит о «частных дѣлах» говорить в министерствѣ. То-ли дѣло на дому? Там можно было бы толком побесѣдовать. Тогда я начинаю убѣждать П., что мнѣ не трудно зайти к нему и на дом послѣ 4 часов дня и прошу дать мнѣ его адрес. «Товарищ» П. сразу оживляется, дает адрес, становится очень любезен. Начинаешь чувствовать себя в атмосферѣ стараго департамента, гдѣ еще так недавно так было, что кажется таким далеким, хотя было так каких-нибудь 15 мѣсяцев тому назад. Поневолѣ вспоминаешь изрѣченіе Макарова: «так было, так будет».

На улицѣ мой конкурент спрашивает меня: «Вы понимаете?» — Как не понимать, отвѣчаю я.

На завтра я передаю своей группѣ о результатах посѣщенія В. С. Н. Х. и мы рѣшаем, во-первых, что надо нашей группѣ обрѣсти легальный вид — стать юридическим лицом и, во-вторых, как в доброе, старое время, использовать связи в сферѣ власть имущих.

Через нѣсколько дней наша группа за регистрировалась под названіем «Технико-экономическій Институт» («Тэин»).

Рѣшено было, что каждый из участников «Тэина» предпримет шаги для ознакомленія с его задачами вліятельных лиц в новых «сферах», с которыми он имѣет связи. Я взялся переговорить с председателем ВЦИК'а, Я. М. Свердловым.

ГЛАВА VII.

Я. М. Свердлов в 1905 году („Товарищ Андрей“).— Встрѣча в 1917 году — У Свердлова— председателя ВЦИК'а— в 1918 году.— Приобщеніе науки к пролетариату.

1.

Знакомство мое со Свердловым было давнее, но тогда, когда я с ним познакомился, я его фамилии не знал. Он был в то время «товарищем Андреем». Это было в 1905 году. Встрѣтился я с ним впервые в Екатеринбургѣ на митингѣ, как с политическим противником. «Товарищ Андрей» гремѣл, и гремѣл во всѣх смыслах. Это был не только блестящій оратор, но и оратор, обладающій изумительным голосом: громовым, потрясающим весь зал, и одновременно с особенно мягким, пріятным тембром. Этот необыкновенно характерный, чарующій голос играл не малую роль в карьерѣ «товарища Андрея». Он зачаровывал им аудиторию, он становился трибуном, за которым толпа могла двинуться не в силу логики его рѣчи, а в силу того, что кризис был бы сдѣлан его голосом.

Фанатически убѣжденный в своем дѣлѣ, с горящими глазами, крайне изможденный (у него было до крайней степени поражено одно легкое), этот человек господствовал над аудиторіей. Как ни шумѣла и ни волновалась на митингѣ публика, стоило «товарищу Андрею» поднять свой указательный палец (казавшійся благодаря худобѣ необыкновенно длинным), и все мигом смолкало.

За все время своей политической работы я не встрѣчал противника, с которым труднѣе было бы бороться, чѣм с «товарищем Андреем». И эта трудность заключалась в том, что всякая логика разбивалась о массу чувства, темперамент и... голос противника. Что касает-

ся политическаго багажа «товарища Андрея», то он был весьма невелик.

Как сейчас, помню выступающаго бок о бок с «товарищем Андреем» его партійнаго соратника, «товарища Ивана». У этого — большая эрудиція, но, чувствую, что его публика слушает только потому, что он «товарищ», что с интересом слушаю его я, да еще, может быть нѣсколько человек, и что отвѣчать ему не стоит, а всю силу надо направить на «товарища Андрея».

Митинги в ту эпоху шли изо дня в день. Борьба между «товарищем Андреем» и мною стала как бы извѣстнаго рода спортом для нас обоих. Мы стали своеобразными спутниками. Вполнѣ естественно, что мы заинтересовались друг другом, познакомились. Долго я от него не мог добиться, как его зовут. Я убѣждал его, что мнѣ очень неудобно обращаться к нему «товарищ Андрей», когда ни он мнѣ, ни я ему не «товарищ». В концѣ концов, он мнѣ сказал, что зовут его Яков Михайлович, что касается его фамилии, то это, полагает он, уже должно мнѣ быть совершенно безразлично. Только значительно позднѣе, уже послѣ его отъѣзда из Екатеринбурга, я узнал, что его фамилія — Свердлов.

Он стал довольно частым гостем у меня. Крайне нетерпимый к социалистам всѣх толков, раз они не большевики, он гораздо спокойнѣе относился к политическим дѣятелям «буржуям», так как они «по крайней мѣрѣ не рѣдятся в социалистическую тогу». Внѣ трибуны Свердлов сильно терял. Недостаточная эрудиція в частной бесѣдѣ сильно сказывалась. Чувствовалась чрезвычайная,

чисто партійная, узость взглядов Опыта у него тоже было мало; он был еще очень молод — ему было года 23—24. Подкупала в нем искренность и убежденность, граничащая, сказал бы я, с дѣтской вѣрой, что большевики создадут рай на землѣ. Это дѣйствовало в его пользу на самых горячих его политических противников, и это сказалося, когда с наступленіем реакціи, полиція приняла энергично розыскивать Свердлова. Свердлов словно сквозь землю провалился. Его однопартійцы знали, что он не уѣхал, между тѣм никто не мог его найти. Уже много позднѣе я узнал, что он скрывался в домѣ присяжнаго повѣреннаго, старика Б—ва, весьма вліятельнаго в городѣ, жившаго широко и открыто, дом котораго был всегда полон гостей. Никому не могло прійти в голову, что в отдаленной комнатѣ, в квартирѣ болѣе, чѣм благонамѣреннаго старика Б—ва, к которому каждый вновь назначенный губернатор считал обязанностью явиться с визитом, около 2—3 недѣль скрывался усиленно разыскиваемый властями, Свердлов. Ничто, конечно не связывало Б—ва со Свердловым. Тут сказывалась симпатія, которую Свердлов ему внушал. (Впослѣдствіи, в 1918 году, это обстоятельство сослужило Б—ву службу. Его сильно притѣсняла большевистская власть. Об этом один знакомый написал Свердлову, напомнив ему, что он кое-чѣм Б—ву обязан. На письмо отвѣта получено не было, но Б—ва, спустя недѣлю, сразу оставили в покоѣ). Из дома Б—ва Свердлов уѣхал и я его потерял из виду. Позднѣе я как то случайно слышал, что он в ссылкѣ.

2.

Прошло 12 лѣт. В маѣ 1917 года я услышал, что пріѣхал Свердлов, бывает ежедневно в большевистском комитетѣ и распоряжается, повидимому, на правах партійнаго эмиссара высокаго ранга. Спустя нѣсколько дней он пришел ко мнѣ. Оказывается, не забыл. Застал он нас за чаем. Бесѣда вертѣлась около старых воспоминаній. В данный момент Свердлов, амнистированный, ѣхал из Нарымскаго края, гдѣ он был в ссылкѣ, в Петроград и оставался на нѣсколько дней в Екатеринбургѣ, по порученію своей партіи. Сидѣвшій за столом, бывшій

в 1905 году большевиком, но отошедшій затѣм от большевиков, задал Свердлову вопрос, на каких основаніях можно теперь вступить в партію. Голос Свердлова стал сразу металлически-рѣзким. «А вы Циммервальд и Кіенталь пріемлете», — спросил он. — Нѣтъ, послѣдовал отвѣт. — «Тогда вам у нас дѣлать нечего».

Бесѣда приняла болѣе широкій характер. Свердлов был уже далеко не тот, что 12 лѣт тому назад. Предо мной был уже не митинговый, хотя и перворазрядный трибун, а серьезно образованный, политическій дѣятель. Чувствовалось, что 12 лѣт прошли для Свердлова не даром. Проведя половину этого времени в тюрьмах и ссылкѣ, он учился, читал много. С внѣшней стороны он поправился; вид его был здоровѣе. Он казался сдержаннѣе, но и суровѣе, чѣм раньше.

Бесѣда затянулась. Когда мы остались одни, я рѣшил поставить ему вопрос вплотную. Обратив его вниманіе на совершенно частную обстановку, в которой мы находимся, я попросил его отвѣтить мнѣ, неужели он серьезно вѣрит в возможность социальной революціи в Россіи — такой отсталой в отношеніи уровня производства странѣ — и не боится ли он, что попытка зажечь мировой пожар кончится пожаром только в одной Россіи и ея гибелью. Не рискуют ли большевики, что погибнет русская промышленность, а с ней и русскій пролетаріат, а большевики без пролетаріата очутятся не у дѣл.

Отвѣт Свердлова был почти текстуально такой:

«Мы считаем, что единственными страпами, дошедшими до господства финансового капитала, а слѣдовательно и грани, за которой слѣдует социальная революція, являются в настоящее время Германія и С. А. Соединенные Штаты. Но в данный момент не может быть и рѣчи, чтобы зажечь пожар там непосредственно. Мы начнем с Россіи, гдѣ все, благодаря войнѣ, потрясено. Пожар неминуемо распространится, захватит Германію, Америку и другія капиталистическія страны. Там установится социалистическій строй и рикошетом он вернется в Россію, которая, благодаря своей отсталости, не будет в состояніи не войти в орбиту мирового социалистиче-

скаго хозяйства, раз оно станет основой в культурных странах.

Риска у нас нѣтъ никакого. Мы, большевики, выиграем во всѣх случаях. Возьмем худшій случай, что пожар не разгорится и ограничится одной Россіей. Вы говорите, что «погибнет Россія». Для вас, націоналиста, это — все, но вѣдь я — интернационалист. Что значит «погибнет Россія»? Вѣдь территория не погибнет, да и население далеко не все погибнет. Если погибнет вся русская промышленность и с нею фабричный пролетаріат, и Россія, как вы говорите, станет земледѣльской страной, что-ж? Усилится производство и промышленность в Германіи, Америкѣ и других странах, разовьется пролетаріат там, если мы на этот раз «ошиблись». Да и в Россіи не все погибнет; часть промышленности и пролетаріата сохранится, а ненависть между буржуазіей и рабочим классом, при неудавшейся социальной революціи будет посяяна такая, что ея ничѣм не замазать. Она будет служить зерном для возобновленія попытки социальной революціи. Мы ни на какой риск не идем. Мы идем навѣрняка. Во всѣх случаях мы будем в выигрышѣ, и вы это увидите».

— Полагаю, отвѣтил я, что ни вы, ни я этого не увидим, ибо народ за вами не пойдет.

— Нѣтъ, увидите, послѣдствовал отвѣтъ.

Мы еще недолго побесѣдовали и разошлись, каждый со своей вѣрой и со своей надеждой.

3.

К несчастью, прав оказался Свердлов.

И полнаго года не прошло, как мнѣ пришлось думать о свиданіи со Свердловым — фактическим главой Россійскаго Государства. Как раз в это время окончательно рѣшился спорный вопрос, кому должен германскій посланник, граф Мирбах, вручить свои вѣрительныя грамоты: председателю Совнаркома — Ленину или председателю ВЦИК-а — Свердлову. Вопрос был рѣшен в пользу послѣдняго, главой РСФСР был признан он.

По телефону мы условились с ним, что он примет меня не у себя на квартирѣ (это почему то ему было невозможно), а в его служебном кабинетѣ, который на время моего посѣщенія мы оба будем

считать (я так настаивал) на правах его частной квартирѣ.

Получив от Свердлова через курьера-красноармейца пропуск в Кремль, я 21 апрѣля в установленный час отправился туда. У единственных ворот, открытых для входа, стоял очень сильный караул. От него отдѣлился красноармеец, тщательно осмотрѣлъ пропуск, оторвал входной талон и пропустил. Давно я не был в Кремлѣ, и как то странно было пустынный Кремль, по которому я шел одиноко, лишь изрѣдка встрѣчая красноармейцев.

В корридорах зданія судебных установленій, гдѣ помѣщался кабинет Свердлова, было также малоллюдно. Встрѣчались парами и небольшими группами красноармейцы, говорившіе не громко, на каком то чужом для меня языкѣ: повидимому, — латыши. Одѣты они были хорошо, вид и выправка — молодцеватые.

Я вошел в пріемную в точно условленное время — в час дня. На мой вопрос мнѣ отвѣтили, что «товарища Свердлова» ждут с минуты на минуту. Дѣйствительно, он не заставил себя ждать. Через нѣсколько минут появился Свердлов, в пальто на-распашку, в кожаной курткѣ, в высоких сапогах. Не раздѣваясь, он направился ко мнѣ, утянул меня в кабинет и уже там сбросил пальто на первое попавшееся кресло.

Хорошій кабинет был сильно запылен, обстановка была в беспорядкѣ. На высоком зеркалѣ торчал воткнутый между стеклом и рамой портрет Ленина. Свердлов за год нисколько не измѣнился, что я и замѣтил ему.

— Мнѣ мѣняться не от чего, — отвѣтил он, — был нищим и остался нищим. Вот вы сильно измѣнились, похудѣли.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, — отвѣтил я, — я не был нищим, а стал нищим, значит, было от чего измѣниться. Вот теперь у меня все буквально отнято, всѣ орудія производства, я их лишен и поступил на частную службу, продаю свой труд, значит, я пролетарій по вашей номенклатурѣ. Имѣю я право на защиту пролетарскаго правительства?

Свердлов на момент задумался и отвѣтил: UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Нѣтъ, ибо у вас осталась буржуазная психологія.

Обмѣнявшись еще нѣсколькими словами личнаго характера, причем Свердлов отвѣтил, что о моей политической дѣятельности за этот год он хорошо осведомлен своими товарищами по Уралу и очень рад был за меня, что мнѣ во время всегда удавалось «бѣгать» от них, и перешел к вопросу о том, насколько была бы мыслима работа «Тѣина». Я не скрыл от Свердлова и того удручающаго впечатлѣнія, которое на меня произвело посѣщеніе В. С. Н. Х.

— Вот вы предлагаете, — отвѣтил Свердлов, — работать хотя бы и для нас, но не с нами и не у нас. Не скрою от вас, что при назначеніи нашего свиданія мною руководило не только желаніе повидаться с вами, но, как и вами, желаніе использовать нашу бесѣду в дѣловых цѣлях. Разрушительная часть революціи кончена. Совѣтская власть прочно установлена и она вѣчна. Могут, конечно, мѣняться во главѣ власти партіи, люди, но я утверждаю, что совѣтская система власти в Россіи утверждена на вѣчныя времена. Теперь пора приступить к творчеству. Вы отлично знаете, что у нас своих людей, подготовленных к дѣловой, хозяйственной работѣ, нѣтъ. Мы вынуждены брать для дѣловой работы людей из чужого, враждебнаго нам лагеря. А хорошіе работники из интеллигенціи к нам не идут. Нужно этому положить конец. Вот вы, вы вѣдь говорите, что вы служите «народу» (это слово было произнесено сено талантливо-иронически). Ну и идите служить народу на технически-дѣловом поприщѣ. Конечно, самое лучшее было бы использовать вас на Уралѣ, но люди всюду люди; там с вами есть много личных счетов. И для нас, и для вас лучше, чтобы вы были подальше от Урала. Выбирайте здѣсь любую техническую должность по вашему усмотрѣнію (я всецѣло полагаюсь на вас), а не занимайтесь старинчеством, вродѣ «Тѣина».

Независимо от того, как я смотрю на вопрос «о саботажѣ» интеллигенціи, — отвѣтил я, — я поступить к вам на службу все равно не могу, так как я — член Учредительнаго Собранія.

— Какое же это имѣет отношеніе к дѣлу. Я сам тоже член Учр. Собранія.

— А вот какое. Вы говорите, что вы вѣчны, и я вас понимаю. Каждый из нас работает, забывая, что он обязательно когда нибудь помрет, работает так, как если бы он был вѣчен. И вам сознаніе вѣчности Совѣтской власти необходимо. Но я в этом смыслѣ тоже считаю нас вѣчными, а наша вѣчность исключает для меня вашу. У меня есть избиратели. Они не лишены так чувств, как мы — политическіе работники. Вот вы спокойно объясняете мнѣ, что считали нужным меня арестовать на Уралѣ, я вам отвѣчаю, что при измѣнившихся обстоятельствах, я был бы вынужден к той же печальной необходимости в отношеніи вас, и это не мѣшает нашей бесѣдѣ добрых знакомых. Избиратель этого психологически понять не в состояніи. Мой избиратель ненавидит вас, большевиков, до глубины души. Он никак не поймет, как я мог пойти на службу к вам. А так как я вѣрю в нашу, а не в вашу вѣчность, то я надѣюсь, что я и мой избиратель очень скоро друг другу понадобится. Подождите нѣсколько лѣтъ. Если вы правы, и мы, и мой избиратель, и я, убѣдимся, что вѣдь вас дѣлать нечего, тогда, конечно, мнѣ некуда будет дѣваться от вас. А пока я какими бы то ни было путем могу существовать, не будучи на службѣ у вас, я от нея воздержусь.

Выразив свое сожалѣніе, Свердлов спросил у меня, знаком ли я с Рыковым (предсѣдателем В. С. Н. Х.), и узнав, что нѣтъ, заявил, что ему передаст вопрос о «Тѣинѣ», а затѣм познакомит нас, так как сам он и возбуждаемых мною технико-экономических вопросах ничего не понимает.

Тут же, между прочим, он помог мнѣ получить небольшой остаток по аккредитиву государственнаго банка, дав официальное письмо непосредственно на имя комиссара конторы государственнаго банка и нарушив, таким образом, какой бы то ни было порядок в системѣ инстанцій. Все было предѣлано необычайно просто. Письмо было написано собственноручно, без записи в какую бы то ни было книгу исходящих, без номера. Затѣм Свердлов вынул из портфеля, привезеннаго с собой, завернутый в бумажку печать

и красящую подушечку, приложил печать к письму и передал мнѣ письмо, заявив, что он полагается всецѣло на меня, что я его «не подвожу», ибо он в таких операціях ничего не понимает, т. е. аккредитивов никогда не имѣл. Я его успокоил. Дѣйствительно, ничего нелегальнаго тут не было. Свердлов, в данном случаѣ, лишь избавлял меня от потери трех — четырех дней в очередях в учрежденіях.

Побесѣдовавъ еще нѣсколько об общих знакомых, я распростился.

Шагая обратно, по пустынной Сенатской площади, я думал о том, до чего опростилась в самой своей верхушкѣ российская власть в лицѣ этого «нищяго», как он сам себя называет, у котораго, кстати сказать, не замѣчалось того головокругленія от власти, которым нѣкоторые весьма и весьма страдали. Кожанная куртка, высокіе сапоги и, в особенности, вынимаемая из бумажки «государственная печать»... Я представил себѣ, как чувствовали себя накануне, в этой же совершенно обстановкѣ, на «торжественном» приѣмѣ, при врученіи ими вѣрительных грамот, германскій посол, граф Мирбах, и турецкій. Позднѣе передавали, что Мирбаха с трудом убѣдили ѣхать не в военном мундирѣ при орденах и не во фракѣ, а в... лиджакѣ.

Так было в самом верху. А внизу была старая картина. В государственном банкѣ я с письмом обратился к секретарю, бывшему ранѣе членом Екатеринбургскаго комитета нашей партіи, В... Он сообщил мнѣ, что комиссара сейчас нѣтъ, и что он обратится к его помощнику — старому чиновнику, крайнему правому по политическим убѣжденіям. Поэтому В. не знал, как отнесется помощник комиссара к письму. Через минуту В. вышел из кабинета и сказал мнѣ, что меня просят туда. Помощник комиссара попросил меня посидѣть, очень быстро сдѣлал надлежащія надписи на письмѣ, и мы вышли.

За дверью В. стал хохотать.

— Что с вами? — спросил я.

— Да я получил выговор, — отвѣтил В., — он мнѣ заявил: «как могли вы позволить себѣ оставить в корридорѣ, а не пригласить сюда человѣка, пришедшаго с

письмом от такой высокопоставленной особы, как Свердлов»...

4.

Организація «Тѣин» вошла в дѣловыя сношенія с хозяйственными и экономическими органами Совѣтской власти. В эту эпоху (война 1918 г.) той твердой системы органов управленія государственным хозяйством, как «Главки» и «Центры», еще не было. Совѣтская власть дѣйствовала еще ощупью (частная торговля и частныя предприятия еще существовали). Всѣ органы власти занимались пока проектированіем. Проектировали все необычайно широко, в грандіозном масштабѣ, как и причлещает огромному единому хозяйству всей Россіи. К этому проектированію старались притянуть научныя силы. При этом научная сила распѣивалась не только с точки зрѣнія реальной пользы, приносимой ею, но и с точки зрѣнія психологической, точки зрѣнія рекламной.

Надо было вліять на пролетаріат, надо было имѣть возможность сказать ему: «смотрите, мы работаем рука об руку с наукой». Поэтому особенно цѣнились патентованныя научныя силы. В отчетах о засѣданіях тѣх или других совѣщаній или комиссій щеголяли указаніями, что онѣ происходили с участіем профессора такого-то, или академика такого-то.

Через одного из участников «Тѣин'а» мы получили предложеніе дѣснаго департамента разработать проект высшаго учебнаго заведенія по механической и химической обработкѣ дерева. Идея сама по себѣ была совершенно правильной. Россія — страна, могущая поставлять 80 процентов всего мірового потребленія дерева — не имѣет ни одного спеціального высшаго учебнаго заведенія по обработкѣ дерева. Курс технологіи дерева, правда, читается студентам наших высших спеціальных учебных заведеній, но отношеніе к нему недостаточно серьезное. С очень большим трудом можно найти в Россіи инженера-спеціалиста по обработкѣ дерева. Обычно это дѣло находится в руках мастеров-практиков, мало способных двигать вперед деревообрабатывающую промышленность. Между тѣм экономика Россіи в ближайшее время неизбѣжно должна быть построена в значительной мѣрѣ на эксплуатаціи наших дѣсных богатств.

Чѣмъ выше будетъ она поставлена, чѣмъ меньше мы будемъ вывозить сырья и чѣмъ дальше мы будемъ идти по производству изъ дерева полуфабриката и фабриката, тѣмъ скорѣе мы начнемъ вылѣзать изъ глубокой экономической трясины, в которой мы завязли.

Проектъ института по обработкѣ дерева былъ «Тэйн'омъ» порученъ мнѣ. Я охотно принялся за разработку плана такого учебнаго заведенія. В основу я положилъ принципъ трехлѣтняго курса съ тѣмъ, что в первые два года долженъ быть исполнѣнъ оконченъ общій курс, третій же годъ долженъ быть посвященъ исключительно спеціальнымъ курсамъ и практическимъ работамъ по обработкѣ дерева съ тѣмъ, чтобы инженеръ любой спеціальности могъ, поступивъ на третій курс, обучиться в одинъ годъ новой спеціальности. Это позволило бы одновременно открыть первый и третій курсы и имѣть спеціалистовъ черезъ годъ по открытіи института. Занятія для студентовъ предусматривались усиленными, по западно-европейскому масштабу, а равно ежедневными репетиціями.

Разработавъ основныя положенія, мы дали знать лѣсному департаменту, и черезъ нѣкоторое время Тэйнъ получилъ приглашеніе отъ директора департамента на созываемое имъ совѣщаніе по вопросу о созданіи института. Рѣшено было, что пойду трие, в томъ числѣ и я, какъ авторъ проекта.

Я шелъ на совѣщаніе съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Во главѣ лѣсного департамента «Наркома» земледѣлія, какъ я зналъ, стоялъ Фалѣевъ, бывший ранѣе директоромъ того же департамента при царскомъ правительствѣ, затѣмъ при временномъ правительствѣ и оставшійся на томъ же мѣстѣ при большевикахъ. Директоръ департамента при царскомъ режимѣ! Это уже былъ вѣдь не чиновникъ, а сановникъ! Увидѣть сановника Фалѣева на амплуа «товарища Фалѣева» было интересно. Интересъ усугубился тѣмъ, что Фалѣевъ еще съ царскихъ временъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ самыхъ скабрёзныхъ, съ трудомъ пропускаемыхъ театральной цензурой, фарсовъ.

Департаментъ земледѣлія, какъ оказалось, помѣщался в великолѣпномъ особнякѣ. Уже начиная съ вестибюля все поражало не только роскошью и большимъ вкусомъ, но еще больше чистотой, совершенно не при-

нятой в обычныхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ. В «товарищѣ-швейцарѣ» чувствуется старый вышколенный департаментскій швейцаръ, привыкшій съ достоинствомъ снимать пальто и съ высокихъ особъ. Встрѣтилъ насъ чиновникъ особыхъ порученій въ высокихъ сапогахъ, во френчѣ, однимъ словомъ одѣтый, какъ полагается по совѣтскому образцу, но выхоленный, вылощенный и съ такими полупоклонами и манерами, что казалось, что на немъ не френчъ сидитъ, а вицъ-мундиръ. Онъ почтительно сообщилъ, что «товарищъ Фалѣевъ» сейчасъ будетъ и просилъ пройти въ его кабинетъ.

Богатѣйшій по обстановкѣ кабинетъ, исполнѣ гармонировавшій съ роскошью отдѣлки комнаты и блиставшій чистотой, былъ яркой противоположностью того, что я видѣлъ у Свердлова. Чувствовалось, что особнякъ случайно попалъ въ хорошія руки.

В скоромъ времени собралось человѣкъ двѣнадцать. Физиономіи мало интеллигентныя. Помню одного, оказавшагося впоследствии учителемъ низшей сельско-хозяйственной школы, в черномъ суртукѣ, повидимому, съ чужого плеча. Появился, наконецъ, и «самъ» — среднихъ лѣтъ, моложавый, во френчѣ и высокихъ сапогахъ.

Онъ открылъ совѣщаніе рѣчью къ «товарищамъ», обрисовавъ серьезное значеніе вопроса, предлагалъ обсудить его со всей серьезностью и закончилъ заявленіемъ, что хотя «пролетарское» государство и не богато и не можетъ платить дорого за участіе «товарищей» въ совѣщаніи, но, принимая во вниманіе съ другой стороны, что трудомъ «товарищей-пролетаріевъ» государство не можетъ пользоваться безвозмездно, намъ полагается каждому за каждое засѣданіе по 25 рублей (фунтъ хлѣба изъ подъ полы стоилъ уже рублемъ десять).

Стали высказываться. Большею частью это были робкіе обрывки мысли. Никакого плана, ни малѣйшей системы! Съ оглашеніемъ нашего проекта совѣщаніе оживилось. Стали раздаваться голоса, какъ критики, такъ и одобренія. Взялъ слово и Фалѣевъ.

Его выступленіе было очень характерно. Нашъ преемникъ привелъ его в бурный восторгъ. Захлебываясь, говорилъ онъ о томъ, что в пролетарскомъ государствѣ студенты должны работать не такъ, какъ в буржуазномъ. Студентъ долженъ помнить, что помѣщеніе (а онъ будетъ имѣть прекрасную комнату), столъ, одежду, все, все онъ получаетъ

от пролетариата; он учится, пока пролетариат трудится. Значит, студент должен, обязан учиться! И государство имѣет право еженедѣльно провѣрять, учится-ли он. А если не учится, не хочет учиться, то нечего задерживаться! Ступай вон! Не можешь пролетариат даром на твоих работатъ! Срок трехлѣтній? — Прекрасно. Нечего дольше дармоѣдничать. Устроить все можно очень быстро. Можно отобрать любую фабрику, любой завод, наиболее подходящий по имѣющимся при нем зданіям, пригодным для аудиторій и общежитія. Со всѣх концов Россіи можно свезти машины и станки, нужные для оборудованія образцовых мастерских, отобрав их на любом заводѣ! Проект великолѣпен, а потому надо положить его в основу сужденій!

Я слушал. С одной стороны я приходил в ужас от того, во что превращался мой проект в большевистском преломленіи. С другой стороны меня душил смѣх: большевистскій дух в мой проект вносил..... бывший царскій сановник и фарсовый «драматург».

Фалѣева зачѣм то вызвали. Он объявил перерыв. Я задумался. «Не будете ли вы так любезны сообщить ваш адрес», вдруг услышал я. Я оглянулся. Возлѣ меня стоял, склонившись, с листом бумаги в руках, изящный чиновник особых порученій.

«Нам нужно знать, куда отослать причитающійся вам гонорар», ослабившись, добавил он. Я отвѣтил, что они должны имѣть дѣло с «Тѣином».

Фалѣев вернулся. Засѣданіе возобновилось. Оно продолжалось недолго. Всѣ спѣшили присоединиться к мнѣнью «товарища Фалѣева», что именно наш проект должен быть признан основной и подлежит детальной разработкѣ. Дальше, очевидно, Фалѣеву совѣщаніе было не нужно, и он его закрыл.

Мы вышли на улицу. Тут я больше не мог сдерживать душившего меня смѣха. Уже давно, с дѣтских лѣтъ, я так не хохотал. Барскій особнякъ, царскій сановник и..... горячая большевистская проповѣдь! Мои коллеги не понимали, что со мной творится. В Москвѣ уже отвыкли от смѣха. И я им отвѣтил: погодите, изменится государственнй строй, и, я не сомнѣваюсь, инсценировка сегодняшняго засѣданія будет лучшим фарсом Фалѣева.

Прошло нѣсколько дней. Нам прислали стенограмму засѣданія. Хотя из всѣх собравшихся профессором был один, но в стенограммѣ так и пестрѣло «профессор Кроль», «профессор Ш» и т. д. Фарсовый писатель подчеркивал приобщеніе науки к пролетариату *).

*) По появленіи этого очерка в «Голосѣ Родины», было опубликовано письмо слѣдующаго содержания:

«Позвольте исправить нѣкоторую неточность (всегда в свидѣтельствах современников неприятную), которая имѣется в печатаемых в «Голосѣ Родины» очерках—. «За три года»—Л. А. Кроля.

Так, в номерѣ от 7 сентября имѣется у г. Кроля завѣреніе, что Фалѣев—«автор скабрзных фарсов» (!), стоявшій во главѣ лѣснаго департамента, «Нарком» земледѣлія, был ранѣе директором того же департамента при царском правительствѣ.

Это завѣреніе, к сожалѣнію, нѣсколько не соответствует дѣйствительности. Н. И. Фалѣев, военный юрист, послѣ бѣгства Бориса Савинкова из севастопольской морской тюрьмы, выйдя в отставку, переѣхал из Севастополя в Петроград, гдѣ, состоя членом партіи социалистов-революціонеров, занимался журналистикой под псевдонимомъ Чуж-Чуженин и преподавал законовѣдніе в среднучебных заведеніях. Написав большой труд о лѣсных законах, Н. И. Фалѣев также состоя преподавателем в лѣсном институтѣ.

В 1914 году он был призван на военную службу. Свое же назначеніе по лѣсному вѣдомству получил уже послѣ революціи, при Керенском. На съѣздѣ совѣта партіи социалистов революціонеров, лѣтом 1917 года, Фалѣев примкнул к лѣвой группѣ социалистов революціонеров, во главѣ которой была М. А. Спиридонова. Послѣднее обстоятельство и объясняет его дальнѣйшую служебную дѣятельность при большевиках.

С Н. И. Фалѣевым я лично знаком и довольно часто видѣлся с 1910 года по 1917 год. Арк. Великопольскій.»

Отнюдь не имѣя намѣренія вредить в какой бы то ни было мѣрѣ доброму имени г. Фалѣева, я считаю долгом отмѣтить это письмо г. Великопольскаго, и не беру на себя судить, гдѣ истина. Впечатленія же свои я оставляю в том видѣ, какими онѣ были в свое время: онѣ основывались на отзывах прессы о Фалѣевѣ и на том, что о нем говорилось.

Г Л А В А VIII.

Поѣздка в Архангельск и Вологду.—Партія к.-д. и федерация.—Сепаратизм и экономика.—Партийная конференція.—Арест к.-д.—Опять в подпольѣ.—Разѣзд.—Командировка на Восток.

1.

В концѣ апрѣля я был командирован по служебным дѣлам в Архангельск. Так как в это время Ц. К. принимал мѣры к установленію связи с губернскими комитетами перед конференціей, то на меня было возложено соотвѣтственное порученіе.

Поѣздка моя была вполнѣ комфортабельна. В поѣздѣ на ряду с теплушками был спальный вагон и вагон-ресторан Международнаго Общества, причем строго слѣдили за тѣм, чтобы пассажиры были с соотвѣтственными классу билетами. Я впервые с января выѣзжал из Москвы, и от того хаоса, который царил тогда в поѣздах, и помину не осталось: чувствовалась желѣзная рука большевиков. В вагонѣ все было, как в обычных буржуазныя времена: очевидно, и при коммунистическом равенствѣ комиссары предпочитали ѣздить отдѣльно от «товарищей», предоставляя тѣм теплушки. Тѣм не менѣе, несмотря на старую обстановку, и в поѣздѣ не забывалось, что время не вполнѣ обыкновенное. Как об этом гласило предупрежденіе в кассѣ Международнаго Общества, постельнаго бѣлья не полагалось, равно как и освѣщенія. Свѣчи надо было имѣть свои. Равным образом надо было имѣть с собой хлѣб: завтраки и обѣды в вагонѣ-ресторанѣ подавались без хлѣба.

По дорогѣ от Вологды до Архангельска «контролировали» пассажиров матросы и, по слухам, контролировали довольно сурово. Наш поѣзд, по счастливой случайности, обошелся без такого контроля, хо-

тя мы его нѣсколько раз ждали не без трепета.

В Архангельскѣ я нашел губернской партійный комитет полуразгромленным. Значительная часть его была в тюрьмѣ. Остаток удалось, однако, собрать и побесѣдовать о предстоящей конференціи. Выяснилось, что о такой открытой работѣ, как в Москвѣ, в Архангельскѣ и рѣчи быть не может.

Жизнь в Архангельскѣ оказалась много дороже, чѣм в Москвѣ. Особенно сильно Архангельск страдал от отсутствія хлѣба. Тѣм не менѣе в ресторанах, в отличіе от Москвы, подавали хлѣб. Тут же впервые мнѣ пришлось познакомиться с неудобством силошного переименованія улиц большевиками. Я не знал старых названій, а извозчики не знали новых: попробуй договориться.

По пути из Архангельска я рѣшил остановиться в Вологдѣ. Намучившись в Архангельскѣ с полученіем какого-либо пристанища и не желая подвергаться такому испытанію в Вологдѣ, я телеграфировал в Вологду о своем пріѣздѣ с просьбой встрѣтить меня на вокзалѣ. Эта предосторожность оказалась далеко не лишней, и не с той стороны, о которой я думал.

Меня встрѣтил однопартіец—желѣзнодорожник со своим курьером. Они забрали мои вещи и повели не обычным выходом. Оказалось, что на вокзалѣ в Вологдѣ очень строго провѣряют пассажиров: кто, зачѣм и на каких основаніях? Для Архангельска у меня были оправдательные документы моей поѣздки, но для Вологды—никаких. Случайность избавила меня от

задержки в Вологдѣ на срок, вѣроятно, болѣе длинный, чѣм мнѣ хотѣлось, да и в обстановкѣ, вѣроятно, которой я бы не желал. Выѣхал я из Вологды в служебном вагонѣ, благодаря тому же однопартийцу. Пробыл я там всего один вечер, успѣвъ побесѣдовать с губернским комитетом, оказавшимся, примѣрно, в том же положеніи, что архангельскій.

В Москву стали возвращаться мало по малу из командировок в другіе города. Всюду было почти то же, что в Вологдѣ и в Архангельскѣ. Стремленіе прибыть на конференцію, несмотря на трудности, было болѣе.

За время моего отсутствія московская организациія партіи успѣла проявить внѣшнюю, публичную, работу настолько, что в годовщину открытія 1-й государственной думы (27 апрѣля) устроили в десяти районах Москвы митинги на соответствующую тему. Власти препятствій этому не чинили. Митинги прошли с большим успѣхом.

В Ц. К. за это же время прошло обсужденіе вопроса об отношеніи к возникновенію в Кіевѣ независимаго от Ц. К. главнаго комитета партіи и переходѣ его на нѣмецкую ориентацію в связи с вцареніем Скоропадскаго. Я застал только отголоски, повидимому, страстных преній.

В общем было недовольство кіевлянами, но с другой стороны возбуждался вопрос, не в оздоровленіи ли по частям—рецепт возсозданія Россіи. Отсюда возникал вопрос о пересмотрѣ отношенія партіи к федераціи.

Отрицательное отношеніе партіи к федераціи было в свое время прекрасно формулировано в трудѣ покойнаго Кокошкина. В основѣ этого отрицательнаго отношенія лежала неприемлемость искусственнаго предварительнаго раздробленія частей Россіи, без чего Великороссія, получая равныя права с какой-нибудь Грузіей, имѣла бы вѣс далеко не в пропорціи со своим значеніем.

Теперь, когда об искусственном дробленіи думать не приходилось, а, наоборот, от большевиков освободилась Украина и могли освобождаться отдѣльныя области, естественно возникал вопрос о возможном федерированіи отдѣльных областей, освобождающихся в совершенно различных условіях и обстановкѣ, а потому иду

щих разными путями и вынужденных образовывать свои правительства. Объединеніе таких самостоятельных областей под общей центральной федеральной властью, могло бы быть одним из исходов, и мысль о федераціи становилась уже не на столько отпугивающей, как раньше.

Боязнь федераціи, кромѣ чисто технических трудностей осуществленія, диктовалась партіи и опасеніем перед центробѣжными силами, перед стремленіем нѣкоторых областей к сепаратизму. Но отдѣленіе Украины, ставшее в то время совершившимся фактом, неожиданно оказалось психологически очень полезным. Ни когда раньше москвич не думал, откуда берется сахар и хлѣб. Оставшись, с отдѣленіем Украины, сразу без сахара и с большим трудом получая хлѣб с востока, рядовой москвич заговорил вдруг об Украинѣ, и заговорил повсюду, на дому, в трамваѣ—этом подвижном политическом клубѣ Москвы того времени,—на улицѣ. Москвичу стало ясно до очевидности, насколько нужна ему Украина. С другой стороны, мы получали совершенно такія же свѣдѣнія с Украины. Там остались без ситца, без сапог, без самоваров, без ножевого и другого товара, и стали тосковать по центральной Россіи. Элементарнѣйшія требованія жизни стали уяснять широким массам и тут и там, насколько отдѣльныя части Россіи нужны друг другу.

Изученіе экономических взаимоотношеній центра с Украиной показало нам, что не говоря уже о сахарѣ, который Германія сама вывозила в мирное время и о вывозѣ котораго в Германію в мирное время не может быть и рѣчи, экспорт хлѣба из Украины в Германію был явленіем тоже только временным, на період войны. По окончаніи ея, центральная Россія явилась бы внѣшним рынком для Украины, без котораго ей не обойтись. Отдѣленіе от Россіи таможенной границы ставило бы Украину экономически в критическое положеніе. А потому даже самые ярые украинскіе шовинисты были бы вынуждены искать какого-либо выхода из отдѣленія от Россіи. С другой стороны, было несомнѣнно, что на возстановленіе старых взаимоотношеній украинцы не пойдут. Того же самаго можно было ожидать от других отрывавшихся областей. Выходом из такога положенія могла служить федерація.

Вопрос этот имѣл практическое значеніе, ибо в связи с ним стоял вопрос об отношеніях к властям, которыя могли бы создаться в отдѣльных освобождающихся областях, и к методу их объединенія в одно цѣлое. Не рѣшая вопроса об измѣненіи отношенія партіи к федераціи в окончательном видѣ, Ц. К. приходил к заключенію, что возможность такого измѣненія не должна быть исключена.

Серія вопросов, подлежащих обсужденію на конференціи и исключенію из нея, была закончена. Начались работы по подготовкѣ к самой конференціи, обсужденіе тезисов докладов. Стали сѣзжаться члены Ц. К. из разных мѣст. Появился под конец и Винавер. Оказалось, что, живя вдаль от нас, он пришел в области иностранной политики к тѣм же выводам, что и мы: к неизбѣжности совершенно определенной оріентаціи на союзников. Ему и было поручено выступить докладчиком на конференціи по этому вопросу — кардинальному пункту конференціи.

В этому времени, как мы в этом заранѣе были увѣрены, союзники успѣли разочароваться в своих надеждах столкнуться с большевиками против Германіи. Они вновь обратили свои взоры к общественности в лицѣ Союза Возрожденія и Национальнаго Центра.

2.

Конференція продолжалась три дня: с 26 по 29 мая. Я мало удѣлял времени ея засѣданіям. Мнѣ нужно было использовать ее для привлеченія подходящих из делегатов к дѣлу «Союза Возрожденія». Поэтому у меня осталось мало впечатлѣній от конференціи в цѣлом. Что у меня осталось в памяти это — блестящій во всѣх отношеніях, изумительно тонкой работы, доклад Винавера по иностранной политикѣ. Он закончился оваціей по адресу докладчика, на что у нас довольно скупы.

Доклад встрѣтил мало оппонентов. Выдѣлился среди них проф. Устрялов (я тут увидѣл его впервые), который, являясь противником как нѣмецкой, так и союзнической оріентаціи, выступил со своеобразной теоріей политики «свободных рук». Болѣе сильной отповѣди, чѣм данная Винавером Устрялову, и в кото-

рой от построенія Устрялова не осталось камня на камнѣ, я не запомню. Тезисы доклада Винавера были приняты всѣми голосами против одного Устрялова.

Приняв ряд рѣшеній, в числѣ которых не было ни звука о монархіи (что я особенно подчеркиваю, т. к. конференція была послѣдней), конференція закрылась.

30 мая часа в 4 дня я зашел в помещеніе Ц. К., как я это дѣлал почти каждый день. Конференція нарушила обычный порядок наших занятій, и я не знал, какая из комиссій будет в этот день засѣдать. От М. Г. Комиссарова я узнал, что предстоит засѣданіе чисто московское — представителей московских организацій. На мой вопрос, полагает-ли он, что засѣданіе это может представить какой-нибудь интерес для меня, при чем я замѣтил, что я очень устал за предшествующіе три дня, Комиссаров отвѣтил, что ничего интереснаго для меня в засѣданіи не будет, а потому это — хорошій случай для меня отдохнуть. Мимоходом он сообщил мнѣ, что, по полученным свѣдѣніям, германскій посланник, гр. Мирбах, крайне раздражен опубликованной в газетах резолюціей по иностранным дѣлам, принятой на конференціи, и что по этому поводу один из совѣтников германскаго посольства посѣтил Чичерина и будто сообщил ему, что к.-д. готовят покушеніе на Мирбаха. Посидѣвъ недолго, я ушел.

31 мая, когда я пришел утром на службу, меня встрѣтили там с большим изумленіем: «Как, вы не арестованы?» Тут наступила очередь удивиться мнѣ. Коллеги стали меня увѣрять, что накануне вечером арестован во время засѣданія весь Ц. К.. Я в свою очередь увѣрлял их, что никакого засѣданія Ц. К. вчера не было, а значит арестовать его «в засѣданіи» нельзя было. Сколько мы ни спорили, передо мной был факт, что уже всѣ многочисленныя учрежденія Второва, помѣщавшіяся в Дѣловом Дворѣ, знали, что весь Ц. К. арестован, и что об этом всѣ служащіе говорили до моего прихода и многіе меня жалѣли. Приходилось допускать, что так или иначе члены Ц. К. арестованы, и что, впредь до выясненія, не безопасно для меня оставаться среди многих знавших меня людей, между которыми могли быть и большевики. Приходилось пока уходить, что я и сдѣлал.

Первая моя попытка вызвать кого-либо из членов Ц. К. в телефону показала мнѣ, что дѣйствительно дѣло обстоит далеко не благополучно: никого из них дома не было, и никто из домашних не знал, гдѣ они и когда будут дома. На звонок к одному из них, когда я назвал свою фамилію отвѣтившей на вызов женщиной, я получил отвѣт: «повѣсьте сейчас-же трубку». Так как это было близко, то пошли разузнать, в чем дѣло, и вернулись с извѣстіем, что идет обыск.

Члены Ц. К. как в воду канули. Надо было поискать нити. Это мнѣ удалось сравнительно скоро. Я розыскал одну из служащих при Ц. К. Оказалось, что арестован был не Ц. К., а бывшіе в засѣданіи в помѣщеніи Ц. К. 30 мая: члены Ц. К. — Кишкин, Комиссаров и Сабашников, а остальные — большей частью молодежь. Всего было арестовано 70 человек.

Явились для ареста в сопровожденіи отряда красноармейцев, и, скомандовали «руки вверх», обыскали всѣх. Затѣм потребовали указать, гдѣ хранится оружіе. Получив отвѣт, что оружія нѣтъ, а на вопрос, что же есть, отвѣт — книги, пришедшіе расхохотались: «хороша партія!»...

За склад литературы принялись немедленно: брошюры, фотографіи были изорваны в клочья; портреты со стѣн, в том числѣ прекрасный портрет Шингарева, были брошены на пол и все вмѣстѣ растоптано ногами. Пощадили, однако, фундаментальную бібліотеку. Руководитель обыска распорядился ее не трогать и увезти, заявив, что кадеты — партія образованная, а потому у них для себя, вѣроятно, книги «умныя» и могущія оказаться полезными.

Арестованных увезли в «чрезвычайку» (слово «чека» еще не было тогда в ходу) и столкнули всѣх, мужчин и женщин, в одну комнату. Но в нее, несмотря на всѣ старанія, всѣх не могли втолкнуть, и четырех пришлось помѣстить в другой комнатѣ. Всю ночь провели 66 человек, стол, в комнатѣ с одной койкой, которой пользовались по очереди. Только на слѣдующее утро Кишкину удалось добиться, чтобы женщин отдѣлили. Свиданія родным и передачи разрѣшали.

В первый момент появилась, конечно,

забота об арестованных. Скромная комната одной из скромных служащих Ц. К., сумѣвшей создать себѣ связи с мелкими служащими чрезвычайки, стала мѣстом, куда отдѣльные члены Ц. К. приходили за свѣдѣніями и встрѣчались иногда случайно друг с другом. Связь восстанавливалась. Выяснились отдѣльные моменты арестов.

В помѣщеніи Ц. К. была оставлена стража. Приходивших задерживали. Так, зашел на слѣдующій день, ничего не подозревая, член Ц. К., Н. К. Волков. Его задержали, спросили фамилію, записали и предложили пройти в другую комнату. Увѣренный в том, что там он застанет других членов Ц. К., Волков был удивлен, увидѣвъ ряд задержанных, незнакомых ему лиц. Оказалось, что это были люди, зашедшіе по самым разнообразным дѣлам. Через нѣкоторое время стали вызывать задержанных. Вызвали, наконец, и Волкова. Он объяснил, что зашел заказать папирос в бюро труда, так как о принятіи таких заказов гласила вывѣска на двери. Нѣсколько секунд на него пытливо смотрѣли и отпустили.

Так освобожденіе Волкова, назвавшего свою настоящую фамилію, имя и отчество, показывало, насколько слабо был еще организован у коммунистов политическій розыск. Они, как это явствовало, даже не знали состава нашего Ц. К., несмотря на то, что в этом не было ни малѣйшаго секрета. Выяснилось далѣе, что состава Ц. К. они добивались от арестованной молодежи. Одна молодая курсистка, освобожденная из-под ареста, рассказывала со смѣхом, как от нея допытывались, каких мнѣній держатся по нѣкоторым вопросам знакомые ей члены Ц. К., и как она увѣряла допрашивавшаго ее члена чрезвычайки, что у нея ни одного знакомаго среди этих серьезных стариков нѣтъ и быть не может.

Арестованную молодежь мало-по-малу освобождали. Очень недолго также пробыл в заключеніи Сабашников: ему помогло родство его жены с женой одного из видных совѣтских дѣятелей. Прочно сидѣли, повидимому, в чрезвычайкѣ Кишкин и Комиссаров, в особенности первый, так как о Комиссаровѣ шли слухи, что большевики согласны на его безвыѣздное пребываніе в деревнѣ. Обвиненій арестованных

стованным никаким не предъявляли.

Ц. К. пришлось вновь очутиться в подполье, и на этот раз сильнее, чем в январе. Членов Ц. К. усиленно розыскивали. Приходилось менять внешность. Особенно хорош был Н. А. Астров: он имел вид субъекта, с которым под вечер в глухом переулке лучше не встречаться. Упорно отказывался принимать каким-либо меры предосторожности П. Д. Долгоруков; он ни за что не хотел жертвовать своей бородой, ни привычкой обедать в английском клубе; максимум на что он шел, это — на то, чтобы не ночевать дома, так как в нему не раз навязывались из чрезвычайки.

Ц. К. сильно поредел. О восстановлении открытой партийной работы в Москве нечего было и думать. Начали разъезжаться. Участники Союза Возрождения и Национального Центра работали в них. Заседания Ц. К. начали носить скорее характер совещания небольшой группы и были редкими.

Выступление чехов и взятие Самары открывало новый путь приложения сил. Сведения наши о Сибири были крайне

туманны. Доносились слухи, что в Омске образовалось какое то правительство во главе с Дербером (1) Поэтому в Союзе Возрождения было решено отправить на Восток делегацию. В нее вошли члены Учредительного Собрания Аргунов, Павлов (правые эсеры, так называемые «воленародцы») и я. Нашей задачей было выяснить, что творится на Востоке, войти в связь с образовавшимся там правительством и связать их с Центром Союза. С нами было командировано также лицо, которое должно было вернуться в Москву для доклада. Следом за нами должен был выехать Чайковский и некоторые другие члены Союза Возрождения.

Одновременно с этим давал мне поручение и наш Ц. К. знакомить по пути наши губернские комитеты с положением дела и совместно с другими членами Ц. К. открыть на Востоке его отдел. Предполагалось, что следом за мной выйдут Астров, Волков, граф. Панина и (покойный теперь) Степанов. Другие члены Ц. К. должны были ехать на юг. Небольшая часть Ц. К. должна была оставаться в Москве.

ГЛАВА IX.

Внѣшняя жизнь в Москвѣ.—Маленькая коммуна.—Моральный развал.—Признаки материальнаго оскуднѣнія.—Отъезд из Москвы —Радужныя перспективы.

Я готовился к отъѣзду. Я это дѣлалъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что жизнь в Москвѣ становилась крайне неприятною во всѣхъ отношеніяхъ.

С внѣшней стороны московская жизнь мало чѣмъ отличалась отъ обычной, в «буржуазное» время. Наоборотъ, для лѣта она даже была необычно шумною. Объяснялось это тѣмъ, что в прежнія времена лѣтомъ масса народа выѣзжала на дачи. Теперь было не то. Дачи власти, реквизиrowала для устройства дѣтскихъ колоній. Не знаю, устроились эти колоніи или нѣтъ, но буржуазія осталась в городѣ. Пустынный обычно лѣтомъ съ 5 часовъ вечера Кузнецкій Мостъ стал вдругъ не менѣе, а болѣе даже оживленнымъ, чѣмъ весной и осенью. Нарядная толпа заполняла ее, и не просто нарядная, а криливо нарядная! Шла конкуренція между дамами буржуазными и комиссарскими дамами. При разодрѣтыхъ дамахъ — соотвѣтственные кавалеры: мышиные жеребчики из буржуазіи и новопроизведенные «красные» офицеры в широчайшихъ «галифе», щегольскихъ гимнастеркахъ (безъ погон), безъ шашки, но съ обязательнымъ стекломъ в рукѣ. И все это бурлило, шумѣло и кутило. Противно было смотрѣть, в особенности на буржуазію, забывшую все и отдававшуюся теченію.

Не прошли даромъ новые порядки и для психологіи средняго обывателя. Это ярко сказывалось при управленіи домомъ, в которомъ я жилъ.

Дома были отобраны у домовладѣльцевъ и отданы в управленіе «домовымъ обществомъ». Это общество состояло изъ всѣхъ живущихъ в домѣ, желающихъ состоять членомъ «домоваго общества» и платить

50 копеекъ членскаго взноса в годъ. Такимъ образомъ членами общества состояли на равныхъ правахъ домохозяин, если он жил самъ в этомъ домѣ, квартиронаниматели, комнатосниматели и прислуга. Общество изъ своей среды избрало исполнительный органъ — домовый комитетъ. В него можно было избрать любого изъ членовъ общества, за исключеніемъ «бывшаго» домохозяина. На обязанности общества лежало содержать домъ в порядкѣ (съ отвѣтственностью передъ властью) и ремонтировать его. Источникомъ покрытія расходовъ служила квартирная плата, изъ валовой суммы которой 40% домовое общество обязано было отдавать в совдеп. Какъ курьез отмѣчу, что власть требовала обязательнаго страхованія дома в какомъ-либо страховомъ обществѣ.

На этихъ общихъ основаніяхъ мы управляли однимъ крупнымъ домомъ, принадлежавшимъ нѣкогда Ефимову, жившему в этомъ же домѣ. В домѣ было квартиръ около тридцати; которая частью занимала торгово-промышленная буржуазія, частью — лица свободныхъ профессій съ хорошею практикой: квартиры были не изъ дешевыхъ.

Домовой комитетъ состоялъ изъ людей, мало понимающихъ в дѣлѣ управленія домомъ. Логическимъ слѣдствіемъ этого было то, что Ефимовъ былъ нанятъ комитетомъ въ качествѣ служащаго. Это вполне устраивало Ефимова. Онъ могъ заботиться о поддержаніи своего дома в порядкѣ, былъ фактически его хозяиномъ, да, кромѣ того, онъ еще и жалованіе получалъ.

Устраивало это Ефимова и съ другой стороны. До большевистскаго переворота, согласно законовъ военнаго времени, онъ не

мог повышать платы и терпѣли одни убытки. Теперь он от этого был избавлен. Само домовое общество вынуждено было чуть не ежемѣсячно, с повышеніем дороговизны содержанія дома, повышать квартирную плату. Ефимов только посмѣивался, говоря о том, как его «разорили» большевики.

Рост квартирной платы раздражал квартиронанимателей, и тѣм болѣе, что каждые 6 рублей увеличенія расходов вызывали увеличеніе квартирной платы на 10 рублей, т. е. 40% валового дохода приходилось отдавать совдепу. Это разочарованіе квартиронанимателей выливалось на собраніях домового общества, и они искали путей сокращенія расходов или ускользающих доходов. В особенности старались квартиронаниматели, из лиц свободных профессій, отыскивая возможность переложить бремя на квартиронанимателей «буржуев». В частности был подвергнут сомнѣнію вопрос, насколько правильно опредѣлена квартирная плата бывшего домовладѣльца, Ефимова. Особенно рѣзко настаивали на обязанности Ефимова платить за квартиру на совершенно равных с другими основаніях квартиронаниматели—юристы. Они, эти недавніе еще защитники частной собственности, тут твердо стояли на том, что «Ефимов теперь ни болѣе, ни менѣе, как такой-же квартирант, как и всѣ остальные». Была избрана особая коммисія. Она установила, что подозрѣнія были напрасны: расцѣнка домовым комитетом квартиры, занимаемой Ефимовым, оказалась правильной.

Но вот пришла весна. Необходимо стало запастись топливом на год для центрального топленья дома. Откуда взять на это деньги? — Естественным рѣшеніем являлась раскладка необходимой суммы между квартиронанимателями пропорціонально квартирной платѣ их. Но не тут то было. Юристы, врачи и другіе «интеллигенты» заявили, что средства на оплату помѣсячно квартирны у них есть, но у них нѣтъ возможности оплатить за год вперед свою долю в топливѣ. Как же быть, спрашивали их? Пусть «буржуи» дадут всю необходимую сумму за всѣх, а внесенныя ими суммы будут им зачитываться в счет их квартирной платы, слѣдовал отвѣтъ. «Буржуи» на это не шли.

Тогда юристами было выдвинуто другое предложеніе: так как владѣльцем дома является Ефимов, имѣющій интерес, чтобы дом отоплялся, и, несомнѣнно, со временем вступит в свои права владѣльца, то снабдить домовою комитетом взаимныя деньгами обязан... Ефимов. Но Ефимов предпочитал признавать себя только «таким же квартирантом, как и всѣ», на чем в свое время настаивали юристы. Один из «буржуев» тщетно старался убѣдить «интеллигентов», чтобы они показали в крохотном масштабѣ способность маленькой «коммуны» управлять подаренным ей имуществом — домом. Бурное собраніе ни в чему не привело.

Через нѣкоторое время выяснилось, что в одном из корпусов дома со своим самостоятельным центральным отопленіем большинство квартирантов составляют «буржуи». Поэтому послѣдніе рѣшили притти на помощь «интеллигентам» своего корпуса и для этого корпуса закупить топливо. Когда они с таким предложеніем выступили на общем собраніи домового общества, то со стороны обитателей другого корпуса был получен насмѣшливый отвѣтъ: это очень хорошо; закупите топливо для вашего корпуса, а там уже видно будет, который из корпусов будет отопляться. И это говорили юристы!

К моменту моего отвѣзда вопрос об отопленіи дома Ефимова оставался не рѣшенным, но одно было ясно: «коммуна» в миниатюрѣ плохо налаживалась, но моральный развал шел во всю. Пренебрежительное отношеніе к морали, как к «буржуазному предрасудку», распространилось с верхов власти вниз с необычайной быстротой. Небезпечность и неуверенность в завтрашнем днѣ выдвигали девиз: «хоть день, да мой». Стѣсняться перестали.

С другой стороны из Самары шли радостныя вѣсти: «буржуазныя» газеты (тогда онѣ еще существовали) сообщали об энтузіазмѣ населенія там по случаю избавленія от совѣтской власти. Открывалась новая эра. Впопыхъ естественно, что при таких условіях меня тянуло по ту сторону.

Как, однако, туда попасть? Вопрос был далеко не прст. В Союзѣ Возрожденія начали намѣчать пути. Один — наиболѣе простой — был через Вологду — Екате-

ринбург, чтобы оттуда пробраться в Челябинск. Этим путем отправились Чайковский, задержавшийся, вопреки намеченному Союзом Возрождения плану, в Вологдѣ, и, как я позднее узнал, Авксентьев (с ним я познакомился уже в Челябинскѣ. Он выѣхал из Москвы на один день раньше меня и приѣхал на цѣлый мѣсяц позже. От Перми он вынужден был свернуть на Верхотурье и пробираться сѣвером, при чем чуть не двѣ недѣли шел пѣшком по болотам с риском завязнуть). Путь на Екатеринбург для меня, понятно, был совершенно неприемлем. Другой путь был очень сложным и трудным. Это — на Астрахань и через Уральскую область в Самару. Других определенных путей в Москвѣ не представлялось.

Я предложил третій путь, не вполне определенный. Он заключался в том, чтобы проѣхать в Казань и оттуда выяснить дальнейшее направление водным путем: на Самару, на Сарапул или на Уфу, одним словом то, которое представится на мѣстѣ наиболее осуществимым. В крайнем случаѣ, если-бы мое предположеніе не оправдалось, вернуться из Казани в Москву было дѣлом не трудным. Мое предположеніе Аргуновым и Павловым было принято, и рѣшено было двинуться в путь.

26 июня я простился с Москвой. Последний час пребывания в ней показал мнѣ особенно ярко, как быстро катится Мо-

сква по наклонной плоскости в отношеніи продовольствія. Я зашел в гастрономическій магазин Бѣлова (один из лучших в Москвѣ) купить чего-нибудь съѣстного на дорогу. Я не был в нем два мѣсяца, с апрѣля, когда я за тѣм же заходил при отъѣздѣ в Архангельск. Тогда полки ломились от обилія товаров. Теперь была пустота. В каком то смущеніи стояла толпа приказчиков, глядя на того из них, кто должен был-бы мнѣ отпустить, но которому отпустить почти нечего было. Голод и холод надвигались вплотную.

Тѣм не менѣе я выѣзжал в бодром настроеніи. Была увѣренность, что теперь уже недолго ждать. Народ за Волгой поднялся; значит, докатится волна и до Москвы. А «союзники» дадут средства, возстанет фронт против Германіи, смостся позор Брестскаго мира и мы вмѣстѣ с союзниками выйдем побѣдителями. С эсерами Аргуновым и Павловым, я ѣхал на Восток, символизируя единеніе центра и лѣвой русской общественности во имя возсозданія единой великой Россіи на основах истиннаго народоправства. Мы везли на Восток вѣсть о контактѣ с другой частью общественности—правоцентрической. Мы везли вѣсть о том, что общественность в сердцѣ Россіи, в Москвѣ, не умерла, а работает над тѣм, чтобы объединить в одно государственное цѣлое освобождающіяся области. Тогда это казалось таким простым дѣлом!

Конец первой части.

ЧАСТЬ II.

ЗА ВОЛГОЙ.

(ИЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ 1918 ГОДА).

ГЛАВА X

От Москвы до Казани.—В ожиданіи наступленія.—Вѣсти из Екатеринбурга.—От Казани до Сѣрных Вод—„Полупочтенный“ и „товарищ“.—„Хорошее начальство“.—Перевоз через фронт.—За предѣлами досягаемости.

1.

В Казань я выѣзжал с неменьшими удобствами, чѣм в Архангельск: спальным вагоном. В купе оказался пассажир, бравшій наканунѣ одновременно со мной билет в международном обществѣ. С большой тревогой сообщил он мнѣ, что только что на вокзалѣ встрѣтил земляка из Алатыря (куда он ѣдет), утверждающаго, что ст. Алатырь захвачена чехословаками. Извѣстіе было не из пріятных. Меня могли с какого-то неопредѣленнаго пункта дальше не пропустить. С другой стороны это создавало возможность попасть «в плѣн» и найти путь «по ту сторону» раньше всяких ожиданій. Минусом было бы то, что могла бы оборваться связь между мною и Аргуновым и Павловым, которые выѣзжали из Москвы на завтра.

Дѣлать было нечего; приходилось ѣхать на авось. По пути никаких свѣдѣній, подтверждающих или отрицающих захват Алатыря, получить нельзя было. Даже в ста верстах от Алатыря никто ничего не знал навѣрняка. Подѣхав к Алатырю, мы узнали, что слух был вздорным, но зато увидѣли идущія сильныя пригтовленія к оборонѣ Алатыря. Гдѣ-же непріятель? На это слѣдовал отвѣтъ, что по всѣм данным в руках чехов Свяжск и мост через Волгу. И тут повторилось то же самое, что и с Алатырем: никто ничего не знал вплоть до мѣста. Так мы в конечном счетѣ доѣхали до Казани. Тревога все-таки оставалась, ибо и тут никто не был увѣрен, что через какой-нибудь час Казань не будет отрѣзана от Москвы. Но вот, на слѣдующій день пріѣхали Аргунов и Пав-

лов, и предстояло рѣшить, куда дальше двигаться.

Первым моим дѣлом в Казани было изменить свою физиономію. Физиономію изменить мнѣ удалось настолько хорошо, что очень близкіе мнѣ люди не узнавали меня. Но я очень скоро убѣдился, что этого мало. Меня окликнули сзади по имени и отчеству. Оказалось, что меня узнают по походкѣ. Это мнѣ показало, что поѣздка от Казани на каком либо из камских пароходов была для меня слишком рискованной: на таком пароходѣ были бы неизбежно пермяки, а среди них слишком много народу меня знало. Поѣздки на Сарангу водой приходилось исключить, поѣздка же туда по желѣзной дорогѣ, очень слабо функционирующей, слишком бросалась бы в глаза. Путь на Сарангу мы отбросили. — По свѣдѣніям, полученным в Казани, Уфа была наканунѣ паденія, и мы стали обдумывать путь на Уфу: понав туда, мы могли бы связаться или с Самарой или с Челябинском. Пока мы задерживались на время в Казани.

Я вошел в сношенія с нашим губернским комитетом. Как и в Ц. К., в нем оказались два теченія: одно — моего крыла, другое — опредѣленно монархическое и сильно германофильское. Это крыло было видимо сильнѣе. В него входил, между прочим, В. Ф. Иванов (впослѣдствіи премьер временнаго Приамурскаго правительства), который, как оказалось, установил связь с Самарой и изучал в это время пути для перевоза из Казани туда. Мы рѣшили выждать результатов его работы в этом направленіи.

Тѣм временем в Казань пріѣхал мой

хороший знакомый из Екатеринбурга и передал далеко невеселые вести. С момента захвата Челябинска, террор в Екатеринбурге принял широкие размеры. В частности были взяты заложники, частью (немного их нашлось) из местных политических работников, а главным образом из среды местной буржуазии, лица, прямого отношения к политике не имевшие. Получив сообщение о расстреле чехами в районе Златоуста коммуниста Малышева, Екатеринбургская чрезвычайка расстреляла в ответ на это 19 человек из числа заложников, объявив об этом населению и распорядившись одновременно взять новых 19 заложников «в пополнение убыли». Среди расстрелянных были два совершенно аполитичных инженера, Фадеев и Мокронос, бывшие управляющие крупными уральскими заводскими округами, весьма опытные специалисты. Числился среди расстрелянных и Н. П. Чистосердов, единственный среди них политический деятель, член Екатеринбургского комитета партии к.-д. (Впоследствии оказалось, что Чистосердову удалось бежать в момент приведения приговора в исполнение). В общем коммунисты проявили на Урале нервозность и тревогу в связи с возмущением чехословаков. Надо было при переезде держаться подальше от Урала.

Возможный путь от Казани в Самару был выяснен. Он лежал на Чистополь—Сырныя Воды—Кротовку. В первых числах июля мы двинулись в путь. Аргунов и Павлов выехали вперед, а я с тремя спутниками — через два дня.

В Чистополь, при въезде с пристани в город, красноармеец отобрал у меня казанские газеты и табак, который, как ему казалось, я имью в слишком большом количестве. Город оказался чрезвычайно патриархальным. В гостинице, где я остановился, прислуга самым любезным и серьезным образом титуловала меня «полупочтенным». Местный однопартиец, к которому я заглянул, разъяснил мне, что в Чистополь к пожилым с соответствующей сядой бородой, принято обращаться «почтенный», а к лицам средних лет «полупочтенный». Сохранение патриархального «полупочтенный» в то время, как тут же рядом «товарищ» наса-

ждал коммунизм, — наилучшая характеристика всего несоответствия этой идеи уровню развития страны. Действительность не замедлила подтвердить нам это.

2.

Из Чистополя мы выехали на лошадях, чтобы проехать около 200 верст отвратительными проселочными дорогами до Сырныя Вод. Мы ехали на крестьянских лошадях «по веревочке» от села до села, где наш возница передавал нас своему знакомому крестьянину из болшежиточных. Жилье и обстановка (если можно применять это слово здесь) жилья — весьма убогие, несравнимые с теми, как живет уральский крестьянин. Убожеству жилья соответствует и убожество кругозора. Крестьянин знал только ближайшия села. Когда мы пробовали заговаривать о дальнейшем пути по нашему расписанию, то явно было видно, что крестьянин чуть не впервые слышит названия болшеотдаленных сел.

О политике мы не заговаривали; крестьяне — возницы тоже. Но вот, проезжаем мы в целом ряде мест мимо полей, на которых толпы крестьян с кольями и веревками что-то делают, не торопясь и деловито. Спрашиваем у возницы, что это делают. Получаем ответ, что земля помещика такого-то перешла к крестьянам, потому что начальство хорошее и разрешило крестьянам забрать помещичью землю. Теперь они делают ее между собой, размежевывают: для этого и служат колья и веревки. — Значит вы довольны новым начальством, спрашиваем мы. — Как не быть довольным, раз благодаря ему мы, наконец, получили землю, получаем мы ответ.

Мы едем глубоким захолустьем среди полной идиллии. На полях прекрасный урожай, жилья не видать на огромном расстоянии. Дорога убийственная, подставка средневековой. В избах — ручные ткацкие станки, самые первобытные, посуда — допотопная. Едем вторые сутки, и в этой обстановке как то перестаешь верить, что едешь во время «социальной» революции туда, где началась и идет гражданская война.

Но мы приближаемся к фронту. Въезжаем во двор к крестьянину и пытаемся на красноармейский постой. Встреча

не из приятных. Не знаю, что побуждает офицера этой команды «явиться» ко мнѣ, за кого он меня принимает. Весь бритый в соответствующем костюмѣ, я могу сейти, пожалуй, и за комиссара. Я принимаю офицера официально любезно, не задерживаю его и думаю о том, как бы он не задержал меня. Через полчаса, под звуки гармоніи красноармейцев и при пожеланіях счастливаго пути со стороны офицера, мы выѣзжаем.

Отѣхав недалеко, возница останавливает лошадей, снимает с дуги бубенчики и начинает ѣхать буквально шагом. — Почему, спрашиваем мы его. — Так лучше, бурчит сердито возница. Мы не возражаем. Наступает темнота. Мы больше ощущаем, чѣм видим, что возница сворачивает со сравнительно недурной дороги на отвратительную до невозможности. Ёдем по ней. Вдали, саженьх в ста в сторону от дороги мы видим костер и при нем двух красноармейцев с винтовками. Повидимому, скрип телѣги привлекает их вниманіе, и один из них встает и направляется в нашу сторону. Отойдя шагов десять от костра, он останавливается, стоит с минуту, наблюдая за движущейся шагом телѣгой, и возвращается к костру. На душѣ становится легче. Отѣхав еще нѣсколько времени шагом, возница ударяет по лошадям, и дорога начинает давать себя еще болѣе чувствовать. — Что же ты везешь нас по скверной дорогѣ, да еще такой, по которой какіе то вооруженные шатаются, спрашиваю я. — Небось, отвѣчает возница, если бы я тебя по большой дорогѣ повез, ты бы не очень обрадовался. Их там около 300 человек, а тебѣ вряд-ли уж очень хочется с ними встрѣчаться.

Наш возница, оказывается, догадывается. Тѣм лучше. Легче, в случаѣ надобности, столкнуться. Оставляем его реплику без возраженія.

Подѣзжаем к послѣднему селу перед Сѣрными Водами. Достучаться к крестьянину, которому он должен передать нас, возницѣ нашему не удастся. Куда дѣваться нам! Спрашиваем возницу, в чьих

руках село. Это, оказывается, неизвѣстно: нѣсколько раз переходило из рук в руки. При таких условіях искать невѣдомо у кого пристанища нельзя. Столкновемся о том, чтобы везти нас без остановки остающіяся 17 верст до Сергіевска (так по нашему маршруту обозначены Сѣрныя Воды).

Версты за три до лежащаго перед нашими глазами Сергіевска мы видим большое, красивое селеніе, остающееся в сторонѣ. — Это что? — Это — Сѣрныя Воды. — Да вѣдь нам туда и надо. — А зачѣм в Сергіевск нанимали, дорогу на Сѣрныя Воды мы позади себя оставили. Останавливаемся, держим совѣт. Возница в результатѣ сдирает с нас три шкуры за то, чтобы через Сергіевск отвезти нас в Сѣрныя Воды (версты три).

Вѣзжаем в Сергіевск часов в 6 утра. На улицах почти ни души. Стараемся сообразить по вѣшной сторонѣ, но ничего незамѣтно: флагов—ни одного. Мой спутник обращает мое вниманіе на фигуру, идущаго вдалекѣ священника: «посмотрите на его осанку: он не шел бы с таким видом при большевиках». Принимаем этот признак за доброе предзнаменованіе, ѣдем в Сѣрныя Воды по дорогѣ, с которой верст на 10 все — как на ладони. Верстах в двух — трех, в сторонѣ, крупный конный отряд. Чей? Не угадаешь. Возница прибавляет ходу. Нервы напряжены. Но вот проѣхали мимо вокзала «Сѣрныя Воды», вѣзжаем в селеніе. Навстрѣчу нам бѣжит молодой священник и кричит: «неужели уже с поѣзда, неужели поѣзд пришел?» Отвѣчаем, что нѣтъ; спрашиваем, какая власть. Залыхавшійся священник останавливается, еле переводит дух, объясняет, что, завидѣв нас, он рѣшил, что мы с поѣзда, и побѣжал, чтобы не опоздать. Что касается власти, то вѣдьсь—власть Учредительнаго Собранія, а большевики — вон гдѣ шатаются. И он ткнул пальцем в направленіи отряда, который мы видѣли, выѣзжая из Сергіевска. Мы облегченно вздохнули. Наконец-то мы за предѣлами досягаемости!

ГЛАВА XI.

На территории Комуча.—Сѣрные воды.—Часть „величества“.—Знакомство с Комучем.—Оригинальное заседание.—Право „распоряжаться“.—Уклонение от вступления в Комуч.—Самарскій комитет к д

Сѣрные Воды — очень скромный курорт, но трудно было, послѣ почти трех суток пути по проселочным дорогам, да еще при несомнѣнно напряженном состояніи нервов, удержаться от соблазна отдохнуть в нем хоть однѣ сутки и, тѣм болѣе, что мы попали в гостиницу, которая дѣлала бы честь любому первоклассному курорту.

Мы рѣшили остаться до слѣдующаго утра, и я не пожалѣл об этом.

Мѣстность — прекрасная.

Парк, правда, небольшой, но хорошій. Таков же курзал. Неприятен нѣсколько чрезмѣрно сильный запах сѣры: он несравнимо сильнѣе, чѣм в Пятигорскѣ.

Я обратил на это вниманіе одного из моих спутников — врача. Он отвѣтил мнѣ, что хорошо знает Сѣрные Воды и что их источники неизмѣримо сильнѣе Пятигорских в лечебном отношеніи.

Я должен был, к стыду своему, сознаться, что впервые узнаю об этих источниках и что никогда не слышал о них на Уралѣ, откуда многіе из моих знакомых ѣздили за тридцать земель, в Пятигорск.

Я получил лишнее доказательство того, как мы небрежно относимся к нашим національным богатствам.

При ином государственном строѣ, туризм по Уралу и эксплуатация, как его минеральных вод, так и Кавказской группы, не только уменьшали бы значительно вывоз нашего золота за границу, но, может быть, и привлекали бы его к нам.

Через нѣсколько часов послѣ нашего приѣзда мы замѣтили какое то оживле-

ніе: оказалось, что вступил довольно крупный конный чехо-словацкій отряд.

Он направлялся в сторону отряда «красных», замѣченнаго нами нѣсколькими часами ранѣе.

Я впервые видѣл чехо-словацкій отряд. Внешнее впечатлѣніе было прекрасное. Отношеніе к нему жителей проявилось явно сочувственное: солдатам несли яйца, молоко, масло. Я должен, однако, сказать, что того, что называется энтузіазмом, я не замѣтил.

Добиться толком чего-либо о самарской власти нельзя было. Все, что отвѣчали, это — то, что здѣсь власть Учредительнаго Собранія. Как курсовые больные, так и мѣстные жители были усиленно заняты «сезоном», и им было не до политики. Им достаточно было того, что в окончательном избавленіи от совѣтской власти они были увѣрены. Газет достать негдѣ было. При таком общем настроеніи, и мы отдались ему.

Рано утром на слѣдующій день (10 іюля) приѣхали мы на вокзал. Оказалось, что для выѣзда нужно разрѣшеніе от комендантуры, которая находится в Сергіевскѣ. Ѣхать туда было уже поздно, ибо скоро ожидается оттуда поѣзд. Минут за 10 до его прихода появляется чешскій контроль для провѣрки пропусков. Я заявляю о нашем положеніи и предъявляю свое удостовѣреніе члена Учредительнаго Собранія. Эффект получается, неожиданно для меня, огромный. Я оказываюсь какой-то частью «величества», правящаго в Самарѣ. Ни от меня, ни от моих спутников, как оказывается, ничего больше не требуется. Мы становимся центром вниманія публики.

То же самое повторяется на станціи «Кротовка», гдѣ мы должны пересѣсть в поѣзд на Самару, идущій с востока (тут мы узнаем о переходѣ в наши руки Уфы), в поѣзд, идущій с опозданием. Офицеры чехи приглашают меня в свой вагон. От них я узнаю, что в Самарѣ правит комитет членов Учредительнаго Собранія (Комуч); что в нем принимают участие всѣ приѣзжающіе туда члены Учредительнаго Собранія; что мнѣ, несомнѣнно, будут рады, т. к. пока съѣхалось немного; что но всѣ в Самарѣ довольны новой властью. От бесѣды меня отрывают просьбой пойти удостовѣрить личность моих спутников: какіе то приѣзжіе из совѣтской Россіи, вокруг которых образовалась, узнав об этом, толпа, возбуждают подозрительность, а ссылаются они на меня.

Удается, наконец, купить самарскія газеты. Читаю выступленіе на митингѣ Аргунова и с удивленіем отмѣчаю далеко не лестные отзыы его о власти предрержащей. Начало для объединенія не из дурных! Уж если эсер Аргунов так относится к Комучу, состоящему из его партійных товарищей, то каково будет мнѣ?

Утром 11 іюля я приѣхал в Самару. Гостиницы переполнены. Я заѣзжаю к своему однопартійцу, Б-му, бывшему в 1905—1908 г. г. членом Екатеринбургскаго комитета, выслушиваю наскоро весьма мало лестную оцѣнку Комуча и тороплюсь в помѣщеніе Комуча узнать, гдѣ остановились Аргунов и Павлов, чтобы прежде всего повидаться с ними. Но тут меня ждет разочарованіе: мнѣ сообщают, что они наканунѣ выѣхали в Челябинск. Извѣстіе это ставит меня в тупик, т. к. было условлено, что они меня ждут в Самарѣ. А тут... уѣхали, не оставив даже письма.

Считаюсь с фактом и направляюсь к председателю Комуча—Климушкину. Начинается бесѣда о моем вступленіи в Комуч, но в это время что-то Климушкину докладывают. Он извиняется, говорит, что он должен немедленно идти на весьма серьезное засѣданіе, куда приглашает и меня с тѣм, чтобы по окончаніи его возобновить нашу бесѣду.

В засѣданіи участвуют наличные члены Комуча (их было в это время 13 или

14 человек). Происходит приѣм главы французской военной миссіи, майора Гинэ, только что прибывшаго с востока и с которым Комуч встрѣчается впервые.

Открывает засѣданіе Климушкин при- вѣтственной рѣчью, в которой, между прочим, подчеркивает, что участвующіе в засѣданіи — члены Учредительнаго Собранія «всѣ» принадлежащіе к партіи с. - р.

Майор Гинэ сообщает, что он только что приѣхал послѣ свиданія с омским правительством, излагает его программу, вполне приемлемую для «союзников» и просит Комуч выяснитъ ему свою точку зрѣнія на эту программу.

Начинается высказываніе «точек зрѣнія» отдѣльными членами Комуча довольно безпорядочное. Я с изумленіем смотрю на этот новый вид многоголовато министра иностранных дѣл. Кто в лѣс, кто по дрова. Между тѣм, майор Гинэ, в противоположность общей расплывчатости, говорит весьма внушительно, что называется «с вѣсом»: «Ему очень больно было увидѣть над зданіем Комуча красный флаг. Как военный, он привык, чтобы у берюшихся сторон были разные флаги, между тѣм и у большевиков — тоже красный флаг. Французы вообще не любят одноцвѣтнаго флага: бѣлый — парламентскій, знак сдачи; черный — знамя анархіи; красный — знамя безпорядка, так дорого обошедшаго Франціи. Вот в смѣси цвѣта пріятны. Так, напримѣр, очень ласкает глаз смѣсь бѣлаго, краснаго и синяго, или других цвѣтов. Союзники, разумѣется, отнюдь не намѣрены вмѣшиваться во внутренніи русскія дѣла, но давать дружескіе совѣты они, конечно, позволяют себѣ. Было-бы лучше красный флаг замѣнить другим не одноцвѣтным. Вот, напримѣр, сибирское правительство, с которым слѣдовало-бы столкнуться, имѣет очень симпатичный флаг — бѣло-зеленый».

Обмѣн мнѣній слагивается весьма разнохарактерным. Члены Комуча довольно остро ставят вопрос о всероссійском характерѣ власти Комуча. При участіи переводчика он становится слишком сухим и рѣзким.

Считаю необходимым испросить слово и я, взявъ, что касается меня, на себя

роль своего переводчика. Я прежде всего подчеркиваю, что ошибочно указано председателем, будто здѣсь всё всеры: я — кадет и представитель Союза Возрожденія. Наша задача — объединеніе всѣх мѣстных правительств.

Майор Гинэ, узнавъ, что я только что из Москвы, живо заинтересовывается и начинает задавать ряд вопросов, как на то или на другое смотрят в Москвѣ. Предсѣдательствующему Климушкину это, видимо, под конец надоѣло, и он заявляет: «важно, все-таки, не то, как смотрят в Москвѣ, ибо правительство здѣсь, а не в Москвѣ».

Засѣданіе, произведшее на меня крайне угнетающее впечатлѣніе, кончается не помню на чем. Кажется, что все-таки в присутствіи майора Гинэ ничего не рѣшили. Возобновляется разговор со мной о вступленіи моем в Комуч. Я указываю на то, что я должен немедленно ѣхать в Челябинск слѣдом за Аргуновым и Павловым, значит не буду в состояніи принять непосредственного участія в. управленіи; ни программы Комуча, ни характера дѣятельности его я еще не знаю; взять на себя наобум долю отвѣтственности, дав свое имя, я не могу. Поэтому я поѣду в Челябинск, осмотрюсь, и, в случаѣ если характер управленія мнѣ подойдет, я телеграфно сообщу о своем вступленіи в Комуч.

Это, как оказывается, мало удовлетворяет моих собесѣдников. Они особенно цѣнят участіе в Комучѣ хоть одного кадета. Появленіе в газетах извѣстія о моем приѣздѣ в Самару и отсутствіе приказа о моем зачисленіи в Комуч будет истолковано во вред ему. Я успокаиваю собесѣдников; я предлагаю им принять мѣры, чтобы в всеровских газетах не появлялось извѣстій о моем приѣздѣ, и обещаю им принять ту же мѣру по отношенію к остальной прессѣ: никто и не узнает, что я был в Самарѣ. Наконец, я прошу дать мнѣ какую нибудь бумагу для облегченія поѣздки в Челябинск. При этом я предъявляю собесѣдникам свое удостовѣреніе члена Учр. Собранія. Что-же вам еще нужно, восклицают они с удивленіем, с этим удостовѣреніем вы можете вполне распоряжаться на нашей территоріи. Я, в свою очередь, высказываю мнѣніе, что

неудобно, чтобы каждый член Комуча в «отдѣльности» «распоряжался» на его территоріи, и настаиваю на выдачѣ мнѣ своего рода открытаго листа. Пожимают плечами и выдают удостовѣреніе, по которому можно довольно широко понимать мои права на содѣйствіе со стороны властей. Прощаюсь и ухожу.

При выходѣ моем в приемную, я неожиданно сталкиваюсь со знакомым, с которым только недавно видѣлся в Москвѣ. Он с удивленіем спрашивает меня, что это означает, что я нахожусь здѣсь, в то время как Аргунов и Павлов ума не приложат, куда я дѣвался и очень беспокоятся, не случилось ли чего со мной в пути. Надо немедленно идти к ним. — Но вѣдь они уѣхали в Челябинск, возражаю я. — И не думали: они заявили о своем отъѣздѣ только для того, чтобы из Комуча им перестали надоѣдать. Они — безвыходно у себя, в гостиницѣ.

Аргунова и Павлова я застал в большой тревогѣ. Я отстал от них больше, чѣм мы рассчитывали, а задержка на сутки в Сѣрных Водах выходила уже за всякіе предѣлы расчета. Мое появленіе обрадовало их, и еще болѣе обрадовались они, когда узнали, что я побывал в Комучѣ и не вступил в него. Оказалось, что они в Комуч отказались вступить и очень опасались, как бы я не вступил в него, не поговоривши предварительно с ними. Тут же выяснилось, что в наше распоряженіе предоставлен служебный вагон, и что ждут только моего приѣзда, чтобы выѣхать в Челябинск, куда прибудут представители сибирскаго правительства. Сегодня же ѣдем; по дорогѣ побесѣдуем.

Вечер я посвятил самарскому комитету партіи. Настроеніе в нем было далеко не из лѣвых. Отношеніе к Комучу было рѣзко отрицательным, и мнѣ высказывали чрезвычайное удовлетвореніе тѣм, что я в него не вступил. Одно допущеніе Комучем существованія совѣта рабочих депутатов крайне раздражало мѣстный комитет к.-д. Это отношеніе комитета к Комучу и явно правый уклон комитета были очень показательны. Еще на конференціи в Москвѣ я познакомился с делегатом самарскаго комитета, Клафтоном. Он был тогда кадетом далеко не праваго уклона. Значит, на уклон комитета вправо имѣло немалое вліяніе образ дѣйствій Комуча.

Бесѣда в самарском комитетѣ прошла очень оживленно; засѣданіе было многочелюдно. Времени было мало. Оно почти цѣликом ушло на мое сообщеніе о Союзѣ Возрожденія. С засѣданія приходилось ѣхать прямо на вокзал.

Я уѣзжал из Самары, пробывъ в ней всего один день. Но этого дня было больше, чѣм довольно.

Я уѣзжал с гораздо менѣе радостным чувством, чѣм въѣзжал утром. Первый блин был комом.

ГЛАВА XII

От Самары до Челябинска.—Комуч и Омск.—Обвиненія в сепаратизмъ—В Челябинскѣ.—„Брат Павлу“.—Первое знакомство с Сибирским Правительством.—Съѣзд „держав“.—Дипломатическая переписка—Урал, Сибирь и Поволжье.—Возникновеніе мысли о созданиіи Правительства Урала.—Омско-самарскіе раздоры.—Совѣщаніе 16-го іюля—Достигнутое соглашеніе.

1.

Небольшой скромный служебный вагон, предоставленный нам как для проѣзда, так и для жилья, был прицѣплен рядом с вагоном французской военной миссии, в котором ѣхал майор Гинэ для встрѣчи в Челябинскѣ с сибирским правительством.

Путь от Самары до Челябинска, рѣдкій по красотѣ мѣстности, для меня был слишком старым знакомцем и ничего новаго для меня не представлял. Единственное, что привлекло мое вниманіе, это—страшно загроможденный один из мостов у станціи Уфа, к которой мы медленно подходили. Для загражденія пути большевики при отходѣ от Уфы пустили навстрѣчу друг другу паровозы с таким расчетом, чтобы столкновеніе их произошло на мосту. Расчет оправдался, и загроможденіе моста представляло собою нѣчто невѣроятное. Путь тут двухколейный. Один мост, по которому мы ѣхали, был очищен, а другой оставался загроможденным.

Ѣхали мы хорошо: около полутора суток до Челябинска. Времени для обмѣна мнѣній было достаточно. Выяснялась в общем по тому, что вынесли Аргунов и Павлов из Самары, и из бесѣды с майором Гинэ, такая картина:

Комуч считает, что он и Учредительное Собраніе—одно и то же; отсюда он дѣлает вывод, что всероссійская власть принадлежит ему, что же касается возникшаго независимо от него сибирскаго правительства, то оно или должно совершенно прекратить свое существованіе или подчиниться «комучу», как центральной власти.

Иначе смотрѣло на дѣло сибирское правительство. Оно возникло совершенно независимо от Самары, имѣло свою армію и дѣйствовало, будучи оторванным от Самары. До послѣдних дней, пока не пала Уфа, сибирское правительство управляло даже частью Уфимской губерніи, в частности Златоустовским уѣздом с его знаменитыми заводами. Ему же подчинялся и Челябинскій уѣзд Оренбургской губерніи.

Имѣя свою реальную силу в видѣ сибирскаго войска, сибирское правительство и мысли не допускало, конечно, о подчиненіи своем Самарѣ.

Политика Самары и Омска рѣзко отличалась одна от другой. Комуч продолжал традиціи эс-эровскаго Учредительнаго Собранія, почитал законом акт Учредительнаго Собранія от 5-го января о землѣ и искал форм примѣненія его к жизни. Сибирское правительство подумывало о способах возврата земли, отнятой одними крестьянами у других. Комуч клал в основу своей политики «сохраненіе завоеваній революціи» в эс-эровском смыслѣ этого слова. Сибирское правительство ставило своей задачей только борьбу с большевиками, отдавало много власти военным, стѣсняло свободу граждан. Самара вербовала «добровольцев» (правда, так, что подчас это можно было характеризовать тѣм, что называется «честью просят»: не обходилось иногда «добровольчество» без порки). Омск принудительно мобилизовал. Одним словом, Самара хотѣла держать революцію на грани эс-эровских требованій, а Омск стремился назад от революціи, нѣсколько щеголяя даже возвратом к старым внѣшним формам.

Борьба между Самарой и Омском неизбежно диктовалась разной их идеологией.

Самара выдвигала против Омска обвинение в реакционности. Сверх этого она выдвигала против него еще одно обвинение—в сепаратизмъ. О сепаратизмъ сибиряков у нас еще были данныя в Москвѣ. Мы имѣли свѣдѣнія, что сибирскіе областники считают границей Сибири с Европейской Россіей не официальную границу, и не географическую—не Урал, а рѣку Каму. Мотивом было то, что во-первых, Кама—хорошая естественная граница, а, во-вторых, на лѣвом берегу Камы расположены... Пермскіе пушечные заводы, которые могут быть далеко не бесполезны молодому государству. Обвинения Самары заставляли быть на сторожѣ.

Отношенія у Самары с Омском были обостренныя. Между тѣм теперь, со взятіем Уфы (присоединившейся к Самарѣ) и исчезновеніем, таким образом, пробки, нужно было подумать о созданіи единого фронта, единого командованія. Завоевав южный и средній Урал, нужно было еще завоевать сѣверную часть его. В объединеніи власти были очень заинтересованы и «союзники».

Утром 13-го іюля мы прибыли в Челябинск. На вокзалѣ развѣвался бѣлозеленый флаг. Вагоны наши поставили в тупик у платформ.

Челябинскій вокзал для меня был уже, что называется, своим. Стоило мнѣ войти в него, как я наткнулся на многих земляков-екатеринбуржцев. Одни застряли здѣсь в момент возстанія чехо-словаков; другіе успѣли пробраться сюда позднѣе; нѣкоторые выбрались из Екатеринбургa всего нѣсколько дней тому назад. Паденія Екатеринбургa ждали со дня на день: бои шли на полпути между Екатеринбургом и Челябинском.

О предстоящем в ближайшее время паденіи Екатеринбургa сообщил нам также глава чехословаков, Богдан Павлу, к которому мы зашли познакомиться. Хорошо владѣющій русским языком и хорошо знакомый с русской литературой, «брат» Павлу производил прекрасное впечатлѣніе своей выдержкой и своей подготовкой к политической миссиі, которая неожиданно выпала на его долю в своеобразной обстановкѣ. При большой склонности чеш-

ской арміи к эс-эрам, Павлу, как человекъ болѣе умѣренных воззрѣній, вынужден был держаться с особым тактом. Его не удовлетворяла ни Самара, ни Омск.

Во время перваго же нашего свиданія я обратил его вниманіе на абсурдность того, что чехи не берут плѣнных, в особенности же мадьяр, а обязательно убивают их. Я указывал на то, что, не говоря уже о гуманности, такого рода дѣйствіями создают себѣ врага, которому выхода нѣтъ и который поэтому дерется с боевым остервененіем. Павлу отвѣтил, что он всецѣло раздѣляет мой взгляд, но что очень трудно бороться с настроеніем чехов-солдат, слишком глубоко ненавидящих мадьяр. Он обѣщал, однако, обратить особое вниманіе на этот вопрос. Через сравнительно короткое время это обѣщаніе было выполнено.

К приѣзду «своего», сибирскаго, правительства на вокзалѣ шли приготовленія. Был выставлен почетный караул. Из нашего вагона мы могли наблюдать за поѣздом сибирскаго правительства, который установили на пути против нас. Поѣзд был богатый. На платформах, прицѣпленных к нему, были автомобили (такова была тогда мода).

Мы послали записку от имени делегаціи Союза Возрожденія и очень скоро были приняты. Первым нас принял товарищ министра иностранных дѣл, Головачев. Послѣ продолжительной бесѣды с ним, мы познакомились с военным министром (вмѣстѣ с тѣм и командующим сибирской арміей) Гришин-Алмазовым и с министром финансов Михайловым. Они приняли нас очень тепло и радушно. Впечатлѣніе, произведенное на нас, в общем было хорошее. В противовѣс самарскому «товарищ», здѣсь нѣсколько злоупотребляли в ссылках друг на друга словами «господни министр»; это носило нѣсколько комическій характер подражанія «большим», но с другой стороны это показывало стремленіе создать нѣкоторый престиж власти, что далеко не мѣшало в ту эпоху.

Пришел и поѣзд представителей Кому-ча и стал на сосѣднем пути с нашим вагоном. «Товарищи» тоже не ударили лицом в грязь. Приѣхав в «чужое» государство, они с собой привезли почетный караул. Как и при поѣздѣ сибирскаго правительства, и у них стояли у вагона пар-

ные часовые. Получился цѣлый съезд держав: вагон Гинэ под французским флагом, вагон Павлу—под чешским, поѣзд Омска—под сибирским, поѣзд Комуца—под крашным. Один лишь наш вагон был без всякаго флага, между тѣм ему суждена была роль не меньшая, чѣм державным.

Очень скоро по прибытіи поѣзда Комуца стало извѣстно, что самарцы посѣтили сибиряков «в частном порядкѣ» и... разругались. Насколько помню, дѣло началось с того, что Брушвит послал записку «товарищу Алмазову», как бывшему своему товарищу по партіи с.-р. Отвѣтъ, кажется получился, что никакого «товарища» нѣтъ, а есть военный министр. Как бы там ни было, но послѣ перваго неофициальнаго посѣщенія сибиряков самарцами, дальнѣйшія бесѣды между ними прекратились. Слѣдующій день прошел в дипломатической перепискѣ между стоявшими друг против друга поѣздами двух русских правительств. В присутствіи иностранцев это нас особенно шокировало.

Наше нейтральное положеніе неизбежно дѣлало нас повѣренными всѣх сторон: как представителей иностранных миссій, заинтересованных, как и мы, в объединеніи, так и обѣих враждующих сторон. При этом, надо сказать, сибиряки охотно общались с нами; что же касается «учредителей», то сказывалось недовольство нами за то, что мы, сами будучи членами Учредительнаго Собранія, не с ними, а держимся нейтрально. В особенности они были настроены против Аргунова и Павлова, как вс-зров. Мнѣ, «буржую», еще полупрощалося.

Продолжавшійся больше суток обмѣн «нотами» между правительственными поѣздами не мог не нервировать всѣх. Попытку найти выход из положенія предпринял майор Гинэ. Утром 15-го іюля он пригласил всѣх сниматься группой. Отклонить такое предложеніе ни у одной из сторон не было, конечно, оснований. Поэтому на сборный пункт всѣ пришли. По окончаніи фотографированія Гинэ и Павлу предложили всѣм собраться в 3 часа дня в специальном вагонѣ-столовой сибирскаго правительства. Отказа ни с одной стороны не послѣдовало, но из бесѣды на обратном пути с самарцами мы, Аргунов, Павлов и я, вынесли впечатлѣніе, заставившее нас усомниться в том, чтобы они

пошли на это свиданіе. Мы рѣшили поэтому не идти раньше, чѣм пойдут самарцы, что нам должно было быть видно из окна нашего вагона.

В вагонѣ у себя мы дѣлились впечатлѣніями, а равно отдѣльными своими бесѣдами с отдѣльными делегатами. Выяснилось, между прочим, что меня сибиряки обрабатывают сугубо. Они сильно упирали на то, что Сибири нѣтъ расчета сполна смѣшивать свои дѣла с дѣлами Европейской Россіи: послѣдняя раззорена, в то время, как Сибирь почти не затронута экономически; платиться Сибири за всю Россію нѣтъ расчета. Меня, как уральца, они тянули к себѣ, учитывая сильную экономическую связь Урала с Сибирью.

С этой стороны они были правы: если бы перед Уралом стала дилемма при отдѣленіи, то он вынужден был бы пойти с Сибирью, ибо иначе он был бы обречен на экономическую смерть. Сибирь — его единственный рынок для сбыта его желѣза и—его поставщик зерна, как для пропитанія, так и для кружнаго передела. Вообще связь Урала с Сибирью болѣе тѣсная, чѣм с западом, хотя сибиряками уральцы себя не считают. Соблазнить Урал совмѣстно с Сибирью не платить за общіе грѣхи Россіи было идеей, не лишеной остроумія. Но я был далек от подобных идей, и им надо было противодѣйствовать.

Выяснилось нам также, что для горнозаводскаго Урала совершенно не подойдет ни политика Самары, ни политика Омска. Если в Поволжьѣ земля была отнята крестьянами у помѣщиков, а в Сибири крестьянами у крестьян, то на Уралѣ земли были главным образом захвачены крестьянами или казенными или посессионными, то есть, в сущности, тоже казенными. С другой стороны нельзя было сравнивать земледѣльческаго населенія Поволжья и Сибири с полурабочим, полукрестьянским населеніем Урала с его в значительной мѣрѣ полубольшевистскими настроеніями. Тут нельзя было и думать ни о допущеніи, на подобіе Самары, совѣтов рабочих депутатов, ни о таких примитивных методах управленія полу-военнаго характера со стѣсненіем свобод населенія, как их примѣнял Омск. Отдать освобождаемый горнозаводскій Урал той или другой сторонѣ

означало в обоих случаях толкать его на большевизм.

Мы не могли, наконец, не учитывать успѣвшей уже ярко проявиться борьбы между Самарой и Омском за гегемонию. При таких условиях проектировавшаяся к созданию центральная власть не могла бы имѣть в Самарѣ или Омскѣ резиденціи спокойной, обеспеченной для себя.

Все это приводило Аргунова, Павлова и меня к выводу, что, пока еще Екатеринбург, «столица Урала», не в тѣх или других руках, необходимо подумать о том, нельзя ли подготовить почву к тому, чтобы там создавалась власть, независимая от Самары и Омска, вполне соответствующая по духу идеям Союза Возрождения, власть, которая по совѣсти стремилась бы къ объединенію Россіи и способствовала бы дѣлу созданія центральной власти.

В вагонѣ нас посѣщали как политическіе дѣятели екатеринбуржцы, так и мѣстные, челябинцы. То, что мы слышали от них о методах управленія Омска и о происходящих уже столкновеніях гражданской власти с военными, старавшимися все захватить в свои руки и полагавшим в основу управленія только силу и насилие, подкрѣпляло нашу мысль о необходимости созданія отдѣльной власти на Уралѣ. Мы не скрывали нѣкоторых из наших соображеній от заинтересованных сторон. Самарцы, стоявшіе на почвѣ «власти Учредительнаго Собранія», относились отрицательно: они вперед считали власть на Уралѣ принадлежащей им; сибиряки не говорили ни да, ни нѣтъ, скорѣе все-таки как будто склонялись в положительную сторону; представители «союзников» относились к вопросу, как к заслуживающему серьезнаго вниманія и изученія.

Вопрос пока считался теоретическим: движеніе к Екатеринбургу шло медленнѣе, чѣм того ожидали.

2.

Наши предположенія оправдались. Назначенный для свиданія срок — 3 часа — наступил, из окна вагона мы видѣли, как в поѣзд сибирскаго правительства прошли майор Гинѣ и Павлу со свитой; самарцы же, явно, не двигались. Через нѣкоторое время нас пришли звать. Мы извини-

лись, сославшись на то, что у нас посѣтители, и обѣщали скоро прійти. Прошло с полчаса в том же положеніи. За нами еще раз прислали. Нельзя было не итти.

В сборѣ были всѣ за исключеніем самарцев. За ними послали, но они не шли. Выход нашел майор Гинѣ, поднявъ вопрос, кто является инициатором совѣщанія, и спросив присутствующих, не считают-ли они правильным признать, что инициатора нѣтъ, но что всѣ присутствующіе, движимые единым сознаньем важности момента, инстинктивно собрались, чтобы обсудить положеніе. Такое положеніе было принято всѣми единогласно. Отсюда логически вытекало, что надо пригласить и самарцев, и что это можно сдѣлать от имени всѣх собравшихся. Самарцы, таким образом, шли-бы не к сибирякам, а ко всѣм собравшимся по их общему приглашенію. Павлу предложил поручить его адъютанту пойти передать самарцам приглашеніе. Опасаясь, что при таких условиях дѣло может не выгорѣть, я предложил собравшимся возложить приглашеніе самарцев на меня. вмѣстѣ со мной предложил свои услуги и Павлов.

Мои опасенія оказались не напрасными. Самарцев мы застали за обѣдом: они и не думали об участіи в совѣщаніи. К нам вышли Брушвит и (если не ошибаюсь) Веденяпин и первым дѣлом, еле выслушав наше приглашеніе, спѣшили съ «товарищем Павловым» по вопросу, исходя из всеровской партійной точки зрѣнія. Я довольно рѣшительно заявил, что меня их взаимные внутри-партійные счеты очень мало интересуются, и что самарцы должны рѣшить, берут они на себя отвѣтственность за результат их односторонняго отказа от совѣщанія или нѣтъ. Это, повидимому, воздѣйствовало, и, в концѣ концов, послѣ долгих дебатов и достаточнаго количества теплых слов по адресу сибиряков, было дано обѣщаніе, что они вскорѣ на совѣщаніе прідут.

Самарцы явились на совѣщаніе сухоофициально. По открытіи его, они поставили рѣзко вопрос, кто в качествѣ чего и с какими мандатами здѣсь присутствует. Сомнительным оказалось положеніе наше, делегациі союза возрожденія. Мы формулировали, кто мы такіе, зачѣм делегированы, поставили свое участіе

совѣщаніи в полную зависимость от согласія сторон, а что касается мандата, то тут опять таки дѣло в довѣріи и согласіи сторон, ибо перевозить мандат через фронт было не вполне удобно. Майор Гинэ, Павлу и сибиряки поторопились заявить, что участіе делегации Союза Возрожденія они считают слишком цѣнным, чтобы останавливаться на такой формальности, как мандат, при наличной обстановкѣ. Самарцы, послѣ нѣскольких кислых фраз, подчеркивавших их слабое удовольствіе от нашего участія в совѣщаніи, согласились на него.

Немедленно вслѣд за утвержденіем состава совѣщанія, иностранные участники заявляют, что они полагают-бы цѣлесообразным дать русским делегатам возможность сегодня предварительно столкнуться между собой, а уже послѣ этого, на слѣдующій день возобновить совѣщаніе. Предложеніе принимается. Вслѣд за этим поднимаю вопрос я, не лучше ли и делегации Союза Возрожденія дать возможность представителям 2 правительств побесѣдовать одним. Сибиряки находят это лишним, самарцы полагают наоборот. Мы в виду разногласія предпочитаем удалиться. вмѣстѣ с Гинэ и Павлу покидаем вагон довольные: удалось, наконец, оставить жениха с невѣстой наединѣ!

В двѣнадцатом часу ночи возвращаемся из города. Опять, оказывается, не поладили. Идем в один поѣзд, идем в другой, урезониваем обѣ стороны не показывать и то уже черезчур выявленнаго раздора перед иностранцами. Добиваемся того, чтобы на завтра совѣщ. состоялось.

На слѣдующій день, 16 іюля совѣщаніе под предсѣдательством Павлу благополучно состоялось и закончилось. Было достигнуто соглашеніе, по которому в кратчайшій срок должно быть создано в Челябинскѣ государственное совѣщаніе в составѣ: представителей всѣх существующих областных правительств, всѣх членов Учредительнаго Собранія и по одному представителю от Центральнаго комитета каждой политической партіи. Задачей этого совѣщанія должна быть организациія единой Всероссийской власти. Временно, впредь до этого, главнокомандующим всѣх армій (самарской, сибирской и чеш-

ской) стороны признают генерала Шокорова — русскаго генерала, состоявшаго на чешской службѣ. Не помню, по какому соображенію, кажется, по требованію сибиряков, назначеніе Шокорова главнокомандующим было рѣшено хранить в тайнѣ. Впослѣдствіи сибирское командованіе воспользовалось тѣм, что о главнокомандованіи Шокорова не было опубликовано, и упорно забывало, что протокол, вклучившій и это соглашеніе, был подписан и делегатами сибирскаго правительства.

Сверх этих соглашеній было достигнуто еще соглашеніе чисто военнаго характера между командующими, в котором мы участія не принимали. Для созыва Государственнаго совѣщанія была образована коммиссія, в которую нашим представителем вошел Аргунов.

С точки зрѣнія Союза Возрожденія миссія нашей делегации на первый раз была удачна: мы добились первых шагов по пути созданія центральной власти. Мы были довольны. Довольны были, повидимому, и сибиряки: пойдя на путь созданія центральной власти на Государственном Совѣщаніи, самарцы тѣм самым, несомнѣнно, отступали от принципиальной точки зрѣнія, что Комуч имѣет сам по себѣ, по наслѣдству от Учредительнаго Собранія, право на Всероссийскую власть. Менѣе удовлетворены были самарцы. Это ярко выразилось в словах, сказанных мнѣ на прощанье Брушвитом: «ну, прощайте, чортова сваха».

Стороны разѣзжались во своеси. В Челябинскѣ дѣлать нам было нечего. Паденіе Екатеринбургa, куда я стремился послѣ полугодовой разлуки повидаться с семьей, отерочивалось, по расчетам военных недѣли на двѣ. Сибиряки звали заглянуть к ним в Омск, обѣщая дать откуда экстренный поѣзд в случаѣ паденія Екатеринбургa, гдѣ по общему признанью мое присутствіе, как мѣстнаго члена Уч. Собранія, было полезно с перваго момента. На этом мы и порѣшили. Послѣ знакомства с Самарой, было полезно познакомиться подробнѣе с тѣм, что собою представляет сибирское правительство и окружающая его общественная среда. В поѣздѣ сибирскаго правительства мы выѣхали в его столицу, в Омск.

ГЛАВА XIII.

В Омскѣ — В. А. Жардецкий. — Омская общественность — „Омскій“ Союз Возрожденія — Съѣздъ Торгово-промышленников. — Патушинскій. — Омское правительство. — Осложненія с Самарой — Отъѣзд — Омская „любезность“. — Двѣ психологи — Комуч и Оренбургское Казачье войско. — Казачество и федерація — Встрѣча с самарцами

1.

В Омскѣ власти нам отвели комнаты в лучшей гостиницѣ, в «Россіи». При большевиках в ней жили комиссары. Теперь она была в распоряженіи новой власти. Что гостиница побывала в руках коммунистов, это очень сильно ощущалось... обоняніем. Об очисткѣ выгребных ям и ретиратов не заботились: весь подвал был переполнен нечистотами, что и давало себя в полной мѣрѣ чувствовать. Из мебелировки и посуды почти все было растащено и расхищено и нѣкогда прекрасная гостиница обратилась в мерзость запустѣнія. Для нас троих было всего двѣ койки. Меня на пару дней пріютил временно у себя В. А. Жардецкий.

К Жардецкому я зашел позвѣкомиться, как к председателю мѣстнаго комитета к.-д., и предложил ему созвать комитет для бесѣды. Оказалось, что комитета нѣтъ, а есть мѣстная группа партіи, которую можно созвать путем объявленія в газетах, так как списка членов группы не имѣется.

— Что же называется у вас группой партіи, спросил я.

— А это тѣ, кто является на общее собраніе по публикаціи, получила я отвѣтъ.

Выяснилось, что пониманіе Жардецким и мной «партійной» группы было слишком различное. Вступать в объясненіе с подобной группой для меня было явно безцѣльным. Пришлось принимать как фактъ, что Жардецкий состоит председателем несуществующаго комитета несуществующей группы.

Жардецкий, доаго просидѣвшій в тюрь-

мѣ у большевиков и, по словам знакомых, недавно вышедшій из лечебницы для нервно-больных, производил впечатлѣніе челоуѣка, крайне развинченнаго. Из бесѣды с ним выяснилось, что он твердо стоит за монархію и держится опредѣленно германской оріентаціи. Взгляды свои он выражал с крайней страстностью и въ всякой пропорціи с обстановкой бесѣды с глаза на глаза.

К основным положеніям Союза Возрожденія он относился весьма скептически и отрицательно.

Несмотря на это, узнав через нѣсколько дней, что Аргунов, Павлов и я желали бы сдѣлать попытку образовать в Омскѣ отдѣлъ Союза Возрожденія, Жардецкий со свойственной ему экспансивностью предложил нам не только помочь собрать подходящих к этому лиц, в том числѣ и социалистов, но и сам оказался не прочь участвовать в обмѣнѣ мнѣніями, а может быть и вступить в Союз. При стремительности и экспансивности Жардецкаго это нас не удивило и не удивило тѣм болѣе, что из бесѣд с Жардецким выяснилось, что кадетом он был «мартовским», что политическій фундамент у него был болѣе, чѣм слабый. Это был талантливый адвокат, но новичок и импрессионист в политикѣ.

Собраніе «цвѣта» омских дѣятелей лѣво-центральной общественности состоялось. Тут были и к.-д., и правые эсеры, и меньшевики и эн-эсы. И все это было до примитивности убого. Единственным политически образованным челоуѣком чувствовался среди них всѣх В. П. Фомин, с.-д. группы «Единство». Что касается всѣх остальных без исключения, то было непо-

нятно, почему они разнo именуется. Производило впечатлѣніе, что люди совершенно случайно вытянули билетик из лотерейнаго колеса: одни с надписью к.-д., другіе с надписью с.-р. и т. п.

Из бесѣды я вынес самое грустное впечатлѣніе. Я вспоминал мой прїѣзд в Омск в 1906 году и бесѣду с бывшим членом Гос. Думы от Акмолинской области, моим тогда однопартіицем, Алиханом Букейхановым, жаловавшимся на свое полное одиночество, на полное отсутствіе в Омскѣ политически развитой интеллигенціи. Я подѣлился своими впечатлѣніями с Аргуновым и Павловым. Они были того же мнѣнія, что и я, но все-таки считали необходимым организовать отдѣл «Союза Возрожденія». Они это осуществили уже послѣ моего отѣзда из Омска, послѣдовавшаго через нѣсколько дней, и результат вполнѣ достигнута получился очень плачевный. «Союз Возрожденія» в омском изданіи получил такую окраску, что много позднѣе нам всѣм троим при упоминаніи о том, что мы представители Союза Возрожденія, приходилось прибавлять: «прощайте не смѣшивайте...»

Пришлось мнѣ познакомиться и с другим видом общественности. В это время как раз происходил съѣзд торгово-промышленников. Показалось умѣстным выступить на нем представителю Союза Возрожденія, члену Учредительнаго Собранія, кадету. Я это выполнил. Мои слова о «возрожденіи великой единой Россіи» вызвали аплодисменты. Но, что касается требованія народопрямства, то чувствовалось, что это вызывает мало энтузіазма. Ощущеніе на съѣздѣ было такое, что собравшіеся твердо убѣждены, что с большевизмом покончено, что теперь уже наступила их пора, что пора вернуть протори и убытки. Чувствовалось начало сознанія классовых интересов, но очень малое сознаніе государственных...

На этомъ съѣздѣ мнѣ пришлось выслушать рѣчь прибывшаго привѣтствовать съѣзд от имени правительства министра (кажется, юстиціи) Патушинскаго. В одномъ мѣстѣ, когда он цитировал не правившуюся ему резолюцію кооператоров, раздались оглушительные аплодисменты съѣзда. Патушинскій остановился и произнес: «Вы аплодируете! Хорошо, я

передам кооператорам, кто им аплодирует». Привѣтствіе не из дурных! И нельзя сказать, чтобы я отнес такую степень тактичности на плюс сибирскому правительству.

За посѣщеніе министерствъ взялись Аргунов и Павлов. Казалось, что при большинствѣ министров — эсеров, начиная с Вологодскаго, лучше общеніе с ними предоставить эсерам. Отзывы Аргунова и Павлова в результатѣ ознакомленія были не из лучших: глубокой провинціализм — так можно в двух словах характеризовать их отзыв. Очень несложному хозяйственному быту Сибири соответствовало и правительство его.

Лично я только один раз повидался за обѣдом у Гришина-Алмазова с ним и Михайловым, при чем и тут они оставили во мнѣ хорошее впечатлѣніе: симпатичные молодые люди!

В цѣломъ Омск производил на меня впечатлѣніе политическаго недонеска. Продуманной политической мысли, определенной политической программы не было, если не считать программой задачу — бороться с совѣтской Россіей. От всяких программ, я сказал бы, даже до известной степени афишированно отмахивались. Политическим программам противоставляли «дѣло». Так Михайлов, напримѣр, бывший эсер, упорно отрицал свою принадлежность когда-либо к какой бы то ни было партіи.

Отношенія с Самарой ухудшались. Сибирское правительство в цѣляхъ повышенія поступленій в казну облагало пошлиной вывоз хлѣба, мяса и масла. Самара протестовала и грозила не давать нефти, смазочных масел. В воздухѣ чувствовалось начало таможенной войны, а с ней и возможных военных дѣйствій. Столкновение могло произойти и на почвѣ владѣнія горнозаводским Уралом.

В Омскѣ я пробыл около недѣли. Числа 25-го или 26-го іюля поздно вечером мнѣ передали из чешскаго штаба телеграмму майора Гина, что он срочно ждет меня в Челябинскѣ, чтобы выѣхать в Екатеринбург. По телефону я снесся с Гришиным-Алмазовым. Выяснилось, что ждать экстреннаго поѣзда значит потерять время, а потому рѣшено было, что я ѣду пассажирскимъ поѣздом, а он сна-

бжает меня приказом отвести мнѣ отдѣльное купе в классном вагонѣ.

2.

Поезд из Омска должен был отходить по расписанію часов в 10 утра. Начальник станціи, согласно приказу Гришина-Алмазова распорядился дать мнѣ отдѣльное купе первого класса. Когда вмѣсто 10 утра поезд подошел часа в 3 дня и мнѣ в вагонѣ дали купе, послѣдовало вдруг распоряженіе отцепить наш вагон. Поезд был переполнен, дѣваться пассажирам было некуда. Пошли с протестом к начальнику станціи. В числѣ других пошел и я. На мои протесты начальник станціи заявил, что мнѣ совершенно незачѣм «путаться в чужія дѣла», так как для меня комендант сейчас распорядится очистить купе в другом вагонѣ, высадив оттуда пассажиров, при помощи солдат. Поблагодарив за такую «любезность», я предпочел все как устроиться в переполненном вагонѣ второго класса. Но предложенная мнѣ любезность говорила сама за себя: сибирская власть дѣйствовала большевикскими методами.

В 3 часа утра поезд пришел в Петропавловск. Оказалось, что дальше пассажирскій поезд не идет, что надо довольно долго ждать, а затѣм пойдет до Челябинска товаро-пассажирскій поезд, которым я попаду в Челябинск Бог вѣсть когда. Надо было принимать мѣры.

Я обратился к одному из окаранивавших вокзал чехов-солдат, как я смогу поглядеть их коменданта станціи. Получив отвѣтъ, что комендант выходит на службу в 7 часов утра, я показал солдату телеграмму Гинэ (она была передана чешским штабом на чешском языкѣ) и сказал ему, что мнѣ комендант нужен срочно. Солдат, ни минуты не размышляя, повел меня, довольно далеко по путям, к вагону коменданта, котораго поднял со сна. Тот немедленно одѣлся и, тоже не теряя времени, дал мнѣ письменное распоряженіе на имя начальника станціи, дать мнѣ срочно вагон с паровозом, как лицу «ѣдущему по дѣлу большой государственной важности».

Это распоряженіе я передал дежурному помощнику начальника станціи. И тут сразу сказались служебная психология другого характера. Сам дежурный, ока-

залось, не в правѣ что-либо предпринимать, а разбудить начальника станціи он не может, потому что «этого не приказано». На мое указаніе на серьезный характер моей поездки, я получил отвѣтъ: «Ваше дѣло большое, а мое маленькое, я могу дѣлать только то, что мнѣ приказывают». Большаго от него добиться нельзя было. Пришлось опять идти будить чешскаго коменданта. Пришлось опять увидѣть контраст. Комендант одѣлся, пошел со мной на вокзал, стал сам у телеграфнаго аппарата, добился, чтобы в Омскѣ подняли на ноги всѣх, кого надлежит, и не успокоился, пока не добился, что через два часа пройдет через Петропавловск экстренный поезд помощника атамана Дутова, который и отвезет меня в Челябинск.

Часа через три я ѣхал в вагонѣ полковника Рудакова, с которым у нас завязалась серьезная бесѣда по поводу методов дальнѣйшаго устроения судеб освободившейся территоріи. К Комучу Рудаков относился скептически, но с Комучем Оренбургскому войску приходилось сильно считаться из-за матеріальных ресурсов. К вступленію атамана Дутова членом Комуча — что не мало нас всѣх удивляло — Рудаков относился очень просто: отчего не использовать атаману Дутову своего положенія члена Учредительнаго Собранія для большаго влияния в Комучѣ; имѣя свою реальную воинскую силу, Дутов фактически независим от Комуча; наконец, Дутов в любой момент, когда это будет выгодно, может так же легко уйти из Комуча, как он в него вошел.

Особыя условія казачьяго быта, по словам Рудакова, и заинтересованность казачества в сохраненіи его приводили его к выводу, что, если бы удалось в разумном видѣ создать федерацію, то, пожалуй, это было-бы наилучшим исходом. Мысль о созданіи автономіи Горнозаводскаго Урала с рабочим населеніем, много уклада жизни и с иной психологіей, чѣм казачье, Рудаков одобрял. Избавиться от безпокойнаго элемента и передать его области горнозаводскаго Урала было бы очень хорошо. Одним словом в полковникѣ Рудаковѣ я нашел сочувствіе и мы тут-же, развернув карту Урала, наглядно, примѣрно,

границы Оренбургскаго войска и Горнозаводскаго Урала, учитывая еще третью претензію, башкир, имѣвших в то время свое правительство, поддерживаемое Самарой.

По пути мы остановились, встрѣтившись на разъѣздѣ с поѣздом атамана Дутова, ѣхавшаго в Омск.

Состав поѣзда у атамана был очень богатый, из вагонов сибирскаго экспреса Международнаго Общества. В вагон-салонѣ видно было нѣсколько весьма эффектных и эффектно одѣтых дам. Впереди этих вагонов шли товарные вагоны с сотней казаков с лошадьми. (Атаман Дутов любил создавать шум. Выѣзжал он на автомобиль с полусотней казаков впереди и полусотней — сзади). Через час, примерно, мы двинулись дальше. Вернувшись от атамана полковник Рудаков сообщил мнѣ, что он передал нашу бесѣду атаману, и что тот в общем тоже сходит ся с нами во взглядах.

Поздно вечером мы встрѣтились на разъѣздѣ с другим поѣздом. Кто то спра-

шивал, гдѣ нахожусь я. Оказывается, мы встрѣтились с ѣдущими в Омск членами Комуча.

В Челябинскѣ они узнали от Гинэ, что я в поѣздѣ Рудакова, и желают со мной переговорить. Зашли ко мнѣ в купе Брушвит и (если не ошибаюсь) Гуревич. Они сообщили мнѣ, что Комуч отправляет в Екатеринбург двух своих членов для введенія там власти Комуча, и просили о моем содѣйствіи им. В отвѣтъ я указал им на череполосицу, которая создалась бы в таком случаѣ (Челябинскій и Златоустовскій уѣзды были под властью Омска), а затѣм, что Самарскіе порядки не на столько меня привлекают, чтобы я стал оказывать им содѣйствіе. Такой отвѣтъ сразу распалил самарцев. Они наговорили мнѣ кучу кислых слов, заявили, что обойдутся и без моего содѣйствія, и разстались болѣе, чѣм холодно.

В Челябинск я пріѣхал к утру. Поѣзд майора Гинэ только этого ждал, чтобы выѣхать в Екатеринбург.

ГЛАВА XIV.

От Челябинска до Екатеринбурга—Основы будущего Правительства Урала—Комитет Народной Власти.—Возстановленіе органовъ самоуправленія — „Союзники“ в роли хозяевъ.—Комисія по организаціи правительства.—Цѣли, задача и программа правительства Урала.—Сложность положенія промышленныхъ предприятий.—Вопрос о совѣтскихъ декретах.—Персональный состав и обезпеченіе флангов—Переговоры с Гришин Алмазовым.—Переговоры с самарцами—Вѣсти из Омска.—Переговоры с Вологодским — „Назначеніе“ правительства и отказ —Вмѣшательство „союзников“.—Переговоры и приглашеніе с Михайловым.—Спорные пункты.—Образованіе и декларация правительства Урала.—„Поздравленіе“ Сибири.—Распредѣленіе портфелей.—Первая запинка.—Выѣзд на Госуд Совѣщаніе в Челябинск.

1.

Из Челябинска в Екатеринбург мы ѣдем не прямым путем, а окольным — на Бердяуш-Кузино — так как непосредственная связь между Челябинском и Екатеринбургом не возстановлена. Поѣзд идет в составѣ двух вагонов: одного, занимаемаго майором Гинэ и его штабом, и другого, предоставленнаго уральским политическим дѣятелям, очутившимся в Челябинскѣ. С нами же ѣдет чешскій уполномоченный, Рихтер, и помощник комиссара Сибирскаго правительства по Челябинскому уѣзду, Будеско.

В вагонѣ у нас идет непрерывный политическій диспут. Уральцы, пожившіе в Челябинскѣ, отзываются о практикѣ Сибирскаго правительства мало одобрительно. Подтверждаетъ правильность такого отношенія и представитель Омской власти, Будеско. Он, как общественный дѣятель, жалуется на крайне тяжелое положеніе свое и комиссара в качествѣ представителей на мѣстѣ гражданской власти: они бессильны бороться со своею военною властью, а населеніе, не разбираясь в сложных взаимоотношеніях военных и гражданскихъ властей, винит во всем гражданскую власть. Не лучше отношеніе поживших в Челябинскѣ, в сосѣдствѣ с областью Бомуча, и к его власти. В этом отношеніи не расходятся с другими и ѣдущіе с нами эсеры. Общее мнѣніе единодушно: если-бы удалось избавить Горнозаводскій Урал от двух таких прелестей, как Омск и Самара, то было-бы очень хорошо.

Мысль о необходимости созданія на Уралѣ независимаго от Омска и Самары правительства зрѣет в вагонѣ.

Тут же намѣчаются основныя положенія для него: Правительство должно быть персонально-коалиціонным. Оно должно состоять из группы лиц, хотя и принадлежащих к разным партиям, но персонально довѣряющих друг другу и могущих образовать коллективно - отвѣтственное друг за друга правительство. Правительство должно пользоваться довѣріем и под держкой всѣх антибольшевистскихъ партий, но каждый член правительства на время пребыванія в нем должен руководиться только его программой и быть совершенно независимым от своей партіи на время пребыванія в правительствѣ.

Эти положенія ѣдущіе в вагонѣ берутся предложить на обсужденіе своихъ партий. С этим мы вечером числа 28 или 29 іюля пріѣзжаем в Екатеринбург. На всегда бойком вокзалѣ пустынно. Наш поѣзд — первый, прішедшій не воинскій. Я тороплюсь домой, гдѣ меня не ждут.

Не прошло и пары часов с момента пріѣзда моего домой, как вѣсть о моем пріѣздѣ успѣла распространиться по городу, и меня пришли пригласить на засѣданіе комитета к.-д. по весьма срочному вопросу.

В засѣданіи выяснилось, что в городѣ образовался Комитет Народной Власти, которому принадлежит гражданская власть. В комитетѣ руководящая роль принадлежит эсерам, которые противъ допущенія к.-д. к участию в нем. Поэтому пред-

полагалось обсудить тактику, которую к.-д. должны по этому случаю принять.

В виду полной оторванности Екатеринбург от Самары и Омска, мнѣ пришлось дать Комитету полную картину происходящаго и тѣ выводы, к которым пришла делегация Союза Возрожденія о необходимости созданія автономнаго правительства для Горнозаводскаго Урала. В результатѣ было рѣшено: во-первых, не только не добиваться участія в Комитетѣ Народной Власти, но, наоборот, отказаться от участія в нем, если это даже предложат; во вторых, войти в переговоры с другими антибольшевистскими группировками по вопросу об образованіи Временнаго Областнаго Правительства Урала.

На слѣдующій день я отправился к начальнику гарнизона, полковнику Шереховскому. Повидимому, он имѣл какія-то инструкции на мой счет, ибо он встрѣтил меня заявленіем, что он ждал меня с большим нетерпѣніем и просит оказать ему по мощи совѣтом в области гражданскаго управленія, области ему почти чуждой. В частности он жаловался на Комитет Народной Власти, который он был бы не прочь разогнать.

Я высказался категорически против подобной мѣры, выдвинув основной принцип что совершенно недопустимо в такую эпоху колебать в населеніи довѣріе к власти, что неминуемо при проявленіи борьбы за власть. Поэтому я предложил немедленно возстановить упраздненные большевиками городское и земское самоуправленія, с предоставленіем им всѣх присвоенных им по закону прав, ничего не говоря о Комитетѣ Народной Власти: за исчезновеніем у него каких бы то ни было функций, он сам должен будет упраздниться.

Приказ о срочном созывѣ городской думы (с распределеніем принадлежавших большевикам — составлявшим в думѣ большинство — мѣст между всѣми остальными фракціями пропорціонально их численности) и о возобновленіи дѣйствій земской управы был издан немедленно. Через три дня начали функционировать самоуправленія, а Комитет Народной Власти, как я и предполагал, объявил о своем самоупраздненіи.

Объѣд мнѣній, происходившій в вагонѣ

по пути от Челябинска до Екатеринбурга, оказался чрезвычайно полезным. Всѣ политическія группировки получили возможность ознакомиться через своих однопартийцев, чего можно ожидать и от Самары и от Омска. Мысль о созданіи мѣстнаго областного правительства встрѣчала в принципѣ общее сочувствіе. Считали необходимым серьезно изучить этот вопрос и представить «союзников».

На совѣщаніи, в котором приняли участие французскій консул Буаар, англійскій консул Престон, чешскій представитель Рихтер, майор Гинэ, полковник Шереховскій и я, было рѣшено, что вопрос о созданіи мѣстнаго правительства должен быть серьезно изучен, и что такая возможность должна быть учитываема пока, при временном управленіи, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса. Рихтер высказался вначалѣ осторожно за власть Комуца, но тут майор Гинэ настолько рѣзко подчеркнул, что чехи только подсобный элемент для «союзников», а потому не должны позволять себѣ вести какую-либо сепаратную от них политику, что Рихтер явно предпочел замолчать. Поведеніе полковника Шереховскаго показывало, что и он учитывает «союзников», как хозяев. Меня это заставило насторожиться.

Между комитетами всѣх партій пока шли переговоры. В результатѣ пришли к тому, что каждый комитет должен дать в межпартійную комиссію по два полномочных представителя. Им должно быть поручено как составленіе программы правительства и установленіе цѣлей и задач ея, так и подбор персональнаго состава правительства с тѣм, что все, что будет принято единодушно всѣми делегатами, является обязательным безапелляціонно для каждой из представленных в комиссіи партій, и партіи взаимно обязуются всѣ единогласныя рѣшенія комиссіи поддерживать.

2.

1-го августа начались засѣданія комиссіи по организациі врем. областного правительства Урала. Участіе в комиссіи приняли представители партій: народной свободы, народно-соціалистической, эс-де (меньшевиков) и эс-эров.

Закончила комиссія свою работу по составленію программы в шесть дней. Ра-

боты было не мало. Достигнуть искреннего соглашения по всем вопросам государственной жизни между четырьмя партиями было делом далеко не простым. И если этого все-таки достигли, то только благодаря той большой искренности, с которой все участники комиссии подходили к делу, ставя его выше себя и выше интересов отдельных партий. Создавалась коалиция, но такая, которая не была похожа ни на коалицию Керенского, где все тянули в разные стороны, ни на созданную позднее директорию в Уффе, где большинство ее творцов подходили неискренно и недобросовестно к самому делу создания центральной власти.

Принципы, положенные в основу программы правительства, сводились к следующему:

Очередной задачей России является восстановление фронта против Германии и освобождение от советской власти. Проведение этой задачи затрудняется крайней разрухой во всех областях жизни, разрухой, справиться с которой не под силу центральному правительству при помощи чиновничьяго аппарата. Скорее, хотя и то с большим трудом, способны справиться с разрухой областныя правительства из местных общественных деятелей, при условии привлечения к созидательной работе всех живых сил области.

Россия тем не менее должна быть единой и нераздельной. Окончательное устройство ее принадлежит Учредительному Собранию. Впредь до этого должно быть немедленно создано центральное правительство, объединяющее все области России.

Конкретизируя задачи областного правительства, в пределах Урала, программа устанавливала:

1) Проведение и утверждение всех гражданских свобод, при условии создания гарантий немедленного пресечения всяких злоупотреблений свободами и ответственности виновных по суду.

2) Незыблемость равноправия национальностей, их права на культурное самоопределение, а также равноправия лиц всех вероисповеданий и свободы совести. Вопрос об отношениях между церковью и государством подлежит решению всероссийскаго Учредительнаго Собрания.

3) Развитие производительных сил Урала на основѣ частной собственности, привлекая иностранный капитал и устраняя помехи инициативѣ личной, кооперативной, акционерной и т. п. Государственные интересы должны быть поставлены выше интересов какого бы то ни было класса.

4) Принятие мѣр к возвращенію заводов их прежним владѣльцам. Сохраненіе за государством права объявлять заводы національной собственностью, когда того требуют интересы государственные. Принятие мѣр к повышенію до максимума производительности заводов. Введеніе на заводах государственнаго контроля над производительностью их и максимумом прибыли.

5) Сохраненіе 8-часоваго рабочаго дня при условіи выполненія устанавливаемаго минимума выработки. Предоставленіе раз мѣра заработной платы соглашенію сторон, с сохраненіем за властью права надзора, чтобы плата не падала ниже прожиточнаго минимума, угрожающаго здоровью трудящихся или паденіем производительности труда. Страхование трудящихся в предѣлах норм культурных стран.

6) Возстановленіе частных банков. Надзор за их дѣятельностью без допущенія нарушенія коммерческой тайны. Развитие сѣти сберегательных касс с привлеченіем к этому дѣлу кооперативов.

7) Сокращеніе штатов служащих, созданных большевиками. Строгая, но разумная экономія в областных расходах.

8) Сохраненіе прогрессивно-подходящаго налога. Усиленіе косвеннаго обложенія. Возстановленіе казенной продажи питей, по высоким цѣнам и с ограниченіем потребления. Возстановленіе дѣйствія налогового аппарата и принятіе рѣшительных мѣр ко взысканію недоимок.

9) Предоставленіе дѣла продовольствія инициативѣ кооперативнаго и частнаго торговаго аппарата, с ограниченіем роли правительства в продовольственном дѣлѣ лишь мѣрами регулированія.

10) Автономія школы в вопросах ее внутренней жизни, с оставленіем за правительством опредѣленія общаго школьнаго плана и надзора за его осуществленіем. Возстановленіе преподаванія Закона Божія в школах, но как предмета для учащихся не обязательнаго.

11) Оставленіе земель в руках их фактических пользователей впредь до разрѣшенія земельного вопроса в полном объемѣ Всероссийск. Учредительн. Собраніем.

Из перечисленных пунктов большія трудности представляя собой пункт четвертый — вопрос о заводах. Вопрос этот осложнялся тѣм, что на Уралѣ почти всѣ крупные заводы — посессионные. Огромныя площади, в сотни тысяч десятин, числящіяся за заводами, составляют собственность казны и издавна отданы в «пользованіе» на вѣчныя времена, в «посессию». Посессионер может пользоваться всѣми ископаемыми, лѣсом и т. д. только для своего производства. Продавать сырья он не вправе.

Я не буду останавливаться здѣсь на всем том, что вытекало причудливаго на почвѣ своего рода средневѣкового принципа, лежащаго в основѣ «посессіи», во всѣх отраслях быта Урала. Нам приходилось учитывать одно: что населеніе издавна отлично учитывает несоизмѣримость стоимости казенных земель в сравненіи со стоимостью оборудованія, сдѣланнаго посессионерами, и считает заводы государственными. Отсутствіе на мѣстѣ посессионеров, предпочитавших жить в Петроградѣ или Парижѣ, и управленіе заводами чуть не в теченіе столѣтія при помощи всемогущих управляющих поддерживало такое сознаніе.

И вот теперь приходилось опасаться, как бы управляющіе, из чувства мести к рабочим за перенесенныя во время совѣтской власти обиды, не стали сокращать работ, что неминуемо вело бы к возбужденію рабочих и к сокращенію производительности. А эту производительность, чрезвычайно сильно пониженную при большевиках, надо было усиленно подымать, как в интересах удовлетворенія нужд широких кругов населенія, так и для удовлетворенія военных нужд.

С такой же возможностью надо было считаться и со стороны владѣльцев других, непосессионных, заводов, хотя, конечно, в меньшей мѣрѣ, ибо личная заинтересованность владѣльцев в ходѣ дѣла предпріятія обуздывала бы их в слишком сильном проявленіи их чувств к рабочим. Но тут мы наткнулись на другое обстоятельство.

Всѣ заводы и предпріятія были национализированы совѣтской властью: производительность пала необычайно низко; кромѣ убытка предпріятія ничего не давали; хозяйство их находилось в крайне печальном положеніи; у заводов была сильная задолженность казнѣ, образовавшаяся при совѣтском управленіи ими; с одних заводов были перенесены станки, сырье полупродукт или фабрикат на другіе, а потому получалась взаимная задолженность заводов друг другу. При таких условіях, да еще при отсутствіи у прежних владѣльцев заводов оборотных средств (благодаря націонализаціи банков и конфискаціи текущих счетов), они не торопились вступать во владѣніе своими предпріятіями, предпочитая, впредь до выясненія положенія, чтобы убытки нес кто угодно, но не они. В виду бѣгства большевистских органов управленія заводами, они остались в полном смыслѣ безхозяйными; не видно было, кто будет платить рабочим, и рабочіе волновались.

Все это вмѣстѣ взятое диктовало необходимость в «принятіи мѣр к возвращенію заводов их прежним владѣльцам», заставляло навязывать владѣльцам их собственныя предпріятія, грозить им возможной націонализаціей отдѣльных заводов и при новой власти и принимать мѣры к обезпеченію производительности заводов.

В связи с тѣм состояніем, в котором находился весь быт Урала при примѣненіи совѣтских декретов, возник вопрос: как быть с этими декретами? Должно ли их считать законами, подлежащими отмѣнѣ и замѣнѣ другими, или же нужно признать, что никакой законной власти не было, никаких законов не было, а потому всѣ старые законы восстанавливаются одним росчерком пера?

Последнее было особенно соблазнительно. Но легко было сказать: никакой власти не было, никаких законов не было. Заводами управляли «дѣловые совѣты». Объявить их несуществующими и дать разграбить заводы? Остановить доменные печи? Люди женились, разводились, у них явились дѣти. Признавать все это незаконным? Образовались крупные долги частных заводов казнѣ за доставленное им сырье. Дать им обогатиться, объявив, что казны тогда не было? Кредитки, пе-

чатавшіяся совѣтской властью на Уралѣ, признать недѣйствительными? Увольнение чиновников и офицеров со службы признать незаконным, а потому недѣйствительным, и платить всѣм за все время жалованье? Всѣ эти вопросы вызывали явно отрицательный отвѣт.

Но и с другой стороны, признать декреты законами тоже не представлялось возможным. Пришлось бы издать закон о денационализации заводов. У огромнаго ряда лиц появилось бы право на предъявление исков к казнѣ за убытки, причиненные им незаконными дѣйствіями прежней, признаваемой «законной», власти.

Выход был найден в видѣ рѣшенія, дававшего всѣ преимущества государству. Оно гласило: «Считая декреты и распоряженія совѣтской власти незаконными, а потому ничтожными, неорганизованную же ломку создавшихся условий жизни недопустимой, правительство вырабатывает в срочном порядкѣ ряд правил для плановнаго возстановленія прав и отношеній, измѣненных означенными декретами и распоряженіями».

Исходя из положенія, что врем. областное правительство Урала должно имѣть в виду скорѣйшее созданіе центрального правительства, само же заниматься задачами чисто областными, комиссія установила, что в прерогативы центрального правительства должны входить: вопросы обороны, желѣзнодорожные и водные пути сообщенія магистрального характера, почта и телеграф, иностранныя дѣла и, наконец, чеканка монеты и выписка кредитных билетов. Что касается координаціи дѣйствій центральной и областных властей, то допускалась возможность назначенія в области эмиссаров центрального правительства, и принималось основное положеніе, что, при столкновеніи законов общегосударственных с областными, предпочтеніе отдается центральному законодательству.

Принимая эти положенія, комиссія рѣшила, что необходимо подчеркнуть отсутствіе стремленія правительства Урала к полной самостоятельности, а потому не создавать министерств военнаго, путей сообщенія и иностранных дѣл, возложив временное управленіе этими отраслями на

того или другого из «главноуправляющих» вѣдомствами.

«Покончив с программой и задачами проектируемой власти, комиссія приступила к вопросу о персональном составѣ правительства. И этот вопрос, обычно столь тяжелый при коалиціях, как раз меньше всего встрѣтил затрудненій. Всѣ сознавали тяжесть задачи и искали лишь одного: обеспечить правительству сочувствіе всѣх партій, отнюдь не занимаясь партійным мѣстничеством, и хорошую спайку внутри правительства, путем добросовѣстнаго внутренняго согласія его членов на взаимное сотрудничество. В результатѣ в этот состав были намѣчены: А. В. Прибылев (с.-р.), В. М. Анастасьев (с.-р.), П. В. Мурашев (с.-д.), Н. В. Асейкин (н.-с.), А. Е. Гутт и Н. Н. Глассон (безпартійные прогрессисты), П. В. Иванов и я (оба к.-д.).

Насколько партійный вопрос играл у комиссіи второстепенную роль, видно из того, что два мѣста были удѣлены безпартійным только потому, что в их лицѣ мы приобрѣтали цѣнных, уважаемых в обществѣ, работников. Мало того, в комиссіи, весьма сильно выдвигавшей мою кандидатуру в предсѣдатели правительства, согласились по моему предложенію настоять на кандидатурѣ в предсѣдатели его П. В. Иванова, кадета весьма умѣреннаго толка. Это было необходимо в интересах дѣла. Если А. В. Прибылев, ветеран эс-эров, пользовавшійся у них издавна большим уваженіем, обеспечивал правительству лѣвый фланг, то нужно было особенно сильно обеспечить правый фланг со стороны торгово-промышленников, всѣ интересы которых тянули к Сибири и к сибирскому правительству. П. В. Иванов, предсѣдатель биржеваго комитета, старый испытанный земскій и городской гласный, в составѣ правительства, а в особенности во главѣ его, был порукой за правительство на правом флангѣ, а во всѣх кругах, не исключая социалистических, он пользовался заслуженным уваженіем.

Вопрос персональнаго состава правительства был рѣшен наиболѣе быстро. Общее единеніе на вопросѣ освобожденія от совѣтской власти играло тут, конечно, не малую роль. Каково было в то время

настроение, можно судить по тому, что в один из дней, когда комиссия заседала, большевистские силы, во много раз превышающие наши, подошли к Екатеринбург на расстояние трех верст; гулко раздавалась артиллерийская стрельба, а мы не прерывали заседаний. До того велика была уверенность, что большевики победить не могут.

3.

С окончанием работ комиссии по организации Вр. Областного Правительства Урала, мы вступили в стадию реального осуществления задачи. При той постановке, которую мы давали вопросу, разрешение его было не просто. Одним из основных требований, которые мы ставили, было, чтобы новое правительство не было результатом борьбы за власть, в частности, с Сибирским правительством, отрядом которого, правда, небольшим, был занят Екатеринбург.

Торгово-промышленный класс, как мы того и ожидали, отнесся к вопросу об организации областного правительства со слабой симпатией. Его тянуло к Сибирскому правительству. В нем было, кроме того, недовольство тем, что вся работа комиссии протекала без малейшего участия его представителей (П. В. Иванов жил в это время верстах в тридцати от города и участия в работах комиссии не принимал).

Большую симпатию встретили основные положения, принятые комиссией, и ее программа среди представителей «союзников». Мне намекали, что никакой необходимости в каком бы то ни было соглашении с Омском или Самарой нет. Меня как бы подталкивали. Мне это не нравилось. Я ждал соглашения с Омском. Я ждал также приезда П. В. Иванова, который один мог примирить торгово-промышленный класс с созданием областного правительства.

Расчет оказался правильным. Некоторые из представителей торгово-промышленников сочли нужным взглянуть к консулам и вернулись от них с недоумением, что те, действительно, считают полезным почему то образование областного правительства.

Приезд Иванова, настойчивое требование, заявленное комиссией 8 августа о за-

нятии Ивановым поста министра торговли и промышленности, от чего он отказывался, и слухи о том, что и в главы правительства намечается Иванов, сдвинули торгово-промышленников.

Мысль об областном правительстве становилась все менее одиозной и в конце концов стала приобретать симпатии. П. В. Иванов сдался и стал принимать участие в деле организации личного состава правительства и выработки декларации.

Числа около 10-го августа в Екатеринбург прибыл по поручению Сибирского правительства Гришин-Алмазов в сопровождении генерала Голицына.

При встрече его не обошлось без курьеза. Вышла какая то заминка с почетным караулом и оркестром. Но Гришин-Алмазов упорно сидел на расстоянии одного перегона от Екатеринбурга и не выехал, пока ему не сообщили, что «все готово». Церемониал у Сибирского правительства играл первостепенную роль.

Было созвано собрание представителей общественности, которому Гришин-Алмазов поставил вопрос, желает ли местная общественность признать подчинение Урала Сибирскому правительству.

На это последовал ответ, что общее мнение местной общественности, учитывая особенности Урала, сходится на мысли о необходимости создания автономного правительства Урала и рассчитывает, что Сибирское правительство, освободившее Урал, пойдет этому на встречу.

Принципиально Гришин-Алмазов не стал возражать. Он говорил, что это ему трудно делать, раз он стоит за необходимость автономии для Сибири. Тем не менее он настоятельно советовал лойги на подчинение Омску, и, после долгих дебатов, поставил, обращаясь ко мне в упор, вопрос: «а что вы, не имея реальных сил, сдѣлаете, если мы не согласимся с вами?».

Я ответил ему, что, стоя на точке зрения недопустимости малейшей затраты сил на борьбу за власть между анти-большевистскими группировками, мы противостоять не станем, но просто скрестим руки и будем смотреть, как Сибирское правительство будет банкротиться в сложной Уральской обстановке: Урал — не Сибирь.

Этот отвѣтъ подѣйствовал. Гришин-Алмазов сразу сдал, и стал говорить уже об автономіи Урала под суверенитетом Омска.

Начались вновь пренія. Рѣшено было на слѣдующій день продолжить бесѣду.

На день позже Гришина-Алмазова при- были эмиссары Самары: член Учредитель- наго Собранія Былинкин и Боголюбов. В противоположность Гришину-Алмазову, они, пригласив меня и еще двух-трех чле- нов нашей комиссіи, рѣзко поставили вопрос о безоговорочном подчиненіи Ур- ла Комучу, не признавали никаких авто- номій, бросали нам на ряду с Омском об- виненія в сепаратизмѣ, и, наконец, поста- вили вопрос: «а какія у вас реальныя си- лы, чтобы воспрепятствовать нам взять здѣсь власть?».

Я невольно разсмѣялся, и вынужден был объяснить, что они задают буквально тот-же вопрос, что только что зада- вал Гришин-Алмазов, но с той разницей, что в его устах это не звучит комично, в то время, как Самара не располагает в Екатеринбургѣ ни одним штыком больше, чѣм, я, напримѣр: оба ни одного в своем распоряженіи не имѣем.

Бесѣда с Былинкиным и Боголюбовым сразу опредѣлилась, как безцѣльная. Болѣе неудачнаго выбора даже Комуч не мог сдѣлать. Казалось бы, раз они знали, что Екатеринбург занят опредѣленно враж- дебным им Омском, идущим все таки на автономію Урала под его суверенитетом, то, отдавая себѣ малѣйшій отчет о серь- езной экономической связи Урала с Си- бирью и в положеніи вообще, они долж- ны были бы нам содѣйствовать, чтобы Урал хоть от этого суверенитета отдѣла- ся. Но не тут то было. Они знали только одно: «мы не позволим, мы не допу- стим».

От нашего приглашенія принять уча- стіе в предстоявшей в тот же день бесѣ- дѣ представителей общественности с Гри- шиным-Алмазовым они отказались; они остались тверды: «ни автономнаго, ни не- зависимаго правительства Урала Комуч признавать не станет».

На этом бесѣда наша с представителя- ми Комуча и закончилась. Даже эс-эры, бывшіе вмѣстѣ со мной, должны были признать, что с Комучем нам ни к како- му соглашенію не притти.

Возобновившаяся бесѣда с Гришиным- Алмазовым закончилась на том, что воп- рос в цѣлом переносится на обсужденіе Сибирскаго правительства в Омск, куда немедленно уѣзжает Гришин-Алмазов.

4.

Обсужденіе вопроса о созданіи област- ного правительства не отвлекло меня всецѣло.

Организовалась городская дума, кото- рой мнѣ, как гласному, приходилось отда- вать много вниманія, так как все город- ское хозяйство было нарушено и разру- шено. Приходилось отдавать время про- пагандѣ усиленія кадров добровольцев, в чем мнѣ усердно помогал капитан Зубов, (подававшій по своим способностям боль- шія надежды, одно время въ послѣдствіи иг- равшій роль при адмиралѣ Колчакѣ, но затѣм свихнувшійся в Омской обстанов- кѣ).

Приходилось подогрѣвать обществен- ность, у которой энтузіазма в помощи ар- мии хватило счетом на нѣсколько дней, и которая начинала остывать по мѣрѣ того, как энтузіазм все болѣе задѣвал интересы кармана.

Тѣ самые торгово-промышленники, ко- торые находили, что большевики уже не так страшны и что с ними можно в кон- цѣ концов договориться, когда им уда- валось уговорить комиссара удовлетво- ряться 80.000 рублей вмѣсто 100.000 «контрибуціи», ахали и охали, когда им приходилось раскошелиться на 10.000 в пользу освободившей Урал арміи.

Еще и опять давать! Этого им не хо- тѣлось.

В Екатеринбург пріѣхали Аргунов и Павлов, а с ними и «бабушка русской ре- волюціи» Брешко-Брешковская:

Мнѣ пришлось тут встрѣтиться с нею впервые. По первому знакомству она на меня произвела впечатлѣніе самое сред- нее. Дальнѣйшее знакомство с нею, одна- ко, показало мнѣ, что репутацію свою она вполне заслужила. В этом мнѣ пришлось убѣдиться в особенности позднѣе, на Го- сударственном Совѣщаніи в Уфѣ. Там она выказала здоровый, трезвый ум, и можно только пожалѣть, что у очень немногих из эс-эров он построен так, как у нея.

Вѣсти, привезенныя Аргуновым и Пав- ловым из Омска были малоутѣшительны-

ми. Как всегда в жизни, или идут вперед, или идут назад: на мѣстѣ не стоят. Омск шел назад. Печать была стѣснена; начинались злоупотребленія с казенным сундуком.

Всѣ их свѣдѣнія подкрѣпляли необходимость ускорить организацію областного правительства.

Ускоренія рѣшенія вопроса о власти на Уралѣ требовала вся обстановка.

Я уже говорил, что с уходом большевиков на руках казны осталась масса заводов. Справиться с этим дѣлом весьма упрощенному управленію при начальникѣ гарнизона, хотя при нем и был создан кое как сколоченный временный совѣтъ, было, конечно, не под силу. Начальник гарнизона генерал Голицын, смѣнившій полковника Шереховскаго (повидимому, впавшего в немилость за допущеніе созданія комиссіи по организаціи областного правительства), понимал это, но был мало настроен в пользу созданія областного правительства.

Со дня отъѣзда Гришина-Алмазова прошло нѣсколько дней. В срок обѣщаннаго из Омска отвѣта не было.

Я вызвал предсѣдателя Сибирскаго правительства, Вологодскаго, к прямому проводу. Из разговора выяснилось, что он пришел к проводу, прервав засѣданіе правительства, в котором как раз разрѣшается интересующій нас вопрос, при чем Вологодскій сообщил мнѣ ряд уже принятых положеній. Из них вытекало, что рѣчь идет о назначеніи Омском правительством Урала в намѣченном составѣ.

Я разъяснил Вологодскому, что об этом рѣчи быть не может, что рѣчь идет о добровольной передачѣ власти на Уралѣ независимому от Омска правительству.

Вологодскій указал тогда, что, очевидно, произошло недоразумѣніе во взаимном пониманіи, которое он постарается устранить.

Несмотря на это, Сибирское правительство рѣшило, повидимому, поставить нас перед совершившимся фактом: через два-три дня мы получили телеграммой указ о назначеніи правительства Урала в намѣченном нами составѣ. Мы рѣшили отказать. Создавалось самое нехлѣбное положеніе.

Не помню, по чьей инициативѣ, было

созвано совѣщаніе у англійскаго консула Престона. В нем приняли участіе, кромѣ Престона, французскій консул, маіор Гиннѣ, полковник (впослѣдствіи генерал) Войцеховскій, командовавшій тогда чешскими войсками, оперировавшими на Уралѣ, Аргунов, Павлов, Брешко-Брешковская и состав намѣчавшагося правительства.

«Союзники» настаивали на образованіи независимаго от Омска и Самары правительства. Мы ставили это в зависимость от согласія Омска; указывали мы также и на то, что было бы желательно достигнуть соглашенія и с Самарой, так как наша задача — достигнуть соглашенія всѣх сторон и созданія центральной власти. Послѣ детальнаго обсужденія вопросов, представителями «союзников» нам было заявлено, что независимое от Самары и Омска правительство Урала должно быть организовано, и что улаженіе отношеній наших с Самарой и Омском они берут на себя.

Из Омска прибыл министр финансов И. А. Михайлов.

Юный министр,*) как всегда живой и жизнерадостный, находил, что происшедшее — простое недоразумѣніе: надо только сговориться в том, что наиболѣе существенно для обѣих сторон.

Послѣ долгих переговоров, мы пришли к тому, что управленіе путями сообщения на Уралѣ мы, впредь до образованія центральной власти, передаем Сибирскому правительству, при условіи назначенія управляющаго желѣзными дорогами Урала по взаимному соглашенію с нами. Обѣ стороны обязуются не дѣлать различія между населеніем Сибири и Урала при распредѣленіи своих продуктов, не облагать вывозной пошлиной, вообще говоря, жить в дружбѣ.

Спорным у нас оставался вопрос относительно территоріи.

Два земледѣльческих зауральских уѣзда, Камышлиловскій и Шадринскій, географически и по всему их укладу жизни относящихся к Сибири, но входившіе в состав

*) Когда я как то спросил И. А. Михайлова, сколько ему лѣтъ, он мнѣ отвѣтил: «Я этого никому не говорю, так как боюсь, что, если узнают, то наш курс еще больше упадет».

Пермской губернии, были заняты Сибирским правительством задолго до Екатеринбурга. Как во всех мѣстах, занимаемых Сибирской арміей, в Камышловѣ и Ирбитѣ была отобрана подписка от самоуправления о том, что они признают над собой власть Сибирскаго правительства.

Теперь Михайлов, ссылаясь на таксе «волеизъявленіе» населенія, отказывался от передачи этих уѣздов, впредь до выясненія их окончательной воли. Включеніе этих уѣздов, при условіи «назначенія» правительства Урала, он объяснял тѣм, что тогда мы были бы правительством «вассальным», и эти уѣзды оставались бы под «суверенной» властью Омска.

Были еще кое какіе спорные вопросы второстепеннаго характера.

Но надо было спѣшить, как по мотивам экономическаго свойства, так и потому, что Государственное Совѣщаніе в Челябинскѣ приближалось (21-го или 22-го августа); мы были заинтересованы имѣть в нем голос в качествѣ правительства, и Омск был заинтересован, чтобы мы голос в нем имѣли. Мы махнули рукой на мелкія разногласія и пришли къ соглашенію. В частности, порядок вступленія Вр. Областнаго Правительства во власть был установлен такой: правительство прокламирует свое вступленіе путем деклараціи и одновременно с ним появляется «поздравленіе» по сему случаю от Сибирскаго правительства. Это поздравленіе было нам вручено Михайловым до появленія нашей деклараціи.

Декларація наша была подписана 19-го августа. Она содержала всѣ положенія программы, выработанной комиссіей по организаціи областнаго правительства, и, сверх того, заявленіе о приступѣ правительства къ разработкѣ избирательнаго закона в Уральскую областную думу, которой вр. правительство передает власть.

Члены правительства были одновременно и «главноуправляющими» вѣдомствами.

Портфели были распределены: торговли и промышленности — П. В. Иванов (предсѣдатель правительства), юстиціи — Н. Н. Глассон, внутренних дѣл — Н. В. Асейкин, земледѣлія и государственных имуществ — А. В. Прибылев, труда

— П. В. Мурашев, горных дѣл — А. Е. Гутт. На мою долю (замѣстителя предсѣдателя правительства) выпало вѣдомство финансов, от котораго всѣ отбояривались всѣми силами.

Декларація была сдана в печать, и вечером распубликована.

Происходило первое наше засѣданіе в качествѣ правительства, обсуждались и утверждались первыя назначенія.

Во время засѣданія меня вызвали. Со мной экстренно желал повидаться Н. П. Чистосердов, завѣдывающій гражданской частью при начальникѣ гарнизона. Как сотоварищ по партійному комитету, он настоятельно совѣтовал немедленно переговорить с генералом Голицыным, предложив ему, как начальнику формируемой Уральской дивизіи горных стрѣлков, стать во главѣ военной части правительства Урала.

Еще до выхода деклараціи, в тот же вечер, мы с П. И. Ивановым посѣтили генерала Голицына и сдѣлали ему соответствующее предложеніе.

Принципально генерал не возражал, но указал на то, что ему далеко не безразлично, в каком вѣдомствѣ и на каком положеніи будет у нас военная часть.

Одобрив наше подчеркнутое нежеланіе имѣть свою армію, как нѣчто постоянное, он указывал, однако, что проектировавшійся нами военный отдѣл при вѣдомствѣ внутренних дѣл для военных неприемлем психологически: будет впечатлѣніе, что армія несет полицейскія функціи.

Мы не могли с этим не согласиться, и было рѣшено, что этот вопрос будет совмѣстно обсужден.

Печатные экземпляры деклараціи я получил, что называется, на ходу. Мнѣ нужно было быть пораньше в Челябинскѣ, до открытія Государственнаго Совѣщанія, и я пользовался тѣм, что в этот вечер туда выѣзжал Н. А. Михайлов, предоставившій мнѣ мѣсто в своем вагонѣ.

Имѣя право участвовать в Совѣщаніи, как член Учредительнаго Собранія и предвидя возможную необходимость участія в нем в качествѣ представителя Ц. К. партіи ка-дѣ, я рѣшил имѣть руки развязанными и в делегацію правительства Урала не входить.

ГЛАВА XV.

В Челябинскѣ. — В. Н. Пепеляев и директивы Ц. К. — Авксентьев и Моисеенко — Треніе между правительствами Урала и Сибири — Настроенія перед Гос. Совѣщаніем. — Омск и чехи — Открытіе Гос. Совѣщанія — Заявленіе Комуча о непризнаніи Правительства Урала. Согласительная комиссія. Признаніе прав „правительств“. — Обостреніе отношеніи между чехами и Омском.

1.

По прїѣздѣ моем 20-го августа в Челябинск, оказалось, что кромѣ Аргунова и Павлова на лицо были члены Союза Возрожденія Авксентьев, Моисеенко и В. Н. Пепеляев.

Встрѣча с Пепеляевым, членом нашего Ц. К., с одной стороны меня обрадовала, с другой — опечалила. Пепеляев выѣхал из Москвы мѣсяцем позже меня. Он, значит, привез и болѣе позднія инструкціи. По его словам, Ц. К. совершенно опредѣленно стал на точку зрѣнія, что внѣ диктатуры никакого выхода нѣтъ, и что в этом направленіи и должны быть приложены всѣ усилія.

Это меня крайне удивило, так как при мнѣ, как я уже упоминал, таких рѣшеній не принималось. Пришлось приписывать это тому небольшому остатку Ц. К., который не уѣхал из Москвы. Отчасти приходилось относить такую крайне — рѣзкую постановку и к личности Пепеляева.

Близки мы с Пепеляевым никогда не были. Он с давних пор — стоял на ультраравном крылѣ партіи, в то время как я был на лѣвом. Гибкостью Пепеляев никогда не отличался, был крайне прямолинеен, держался всегда угрюмо — молчаливо. Все это мало располагало к общенію с ним при кратковременных моих наѣздах из Екатеринбургa в Петроград: находились люди поближе. За время моего послѣдняго полугодового пребыванія в Москвѣ и участія вплотную в работах Ц. К., Пепеляев был в нем, повидимому, мимоѣздом, всего один раз. Отзывы о Пепеляевѣ сотоварищей, знавших его ближе, были, как о человекѣ прямом, чрезвычайно искреннем. Пребываніе его, по на-

значенію Вр. Правительства, в началѣ революціи комиссаром Кронштадской крѣпости прошло для него не даром. Он был арестован матросами, просидѣлъ около двух недѣль в казематѣ, имѣя всѣ основанія опасаться за свою жизнь, пока Вр. Правительству не удалось, с большим трудом, его выручить. Правый до этого, он вышел из Кронштадта архиправым, с, что называется, налитыми кровью глазами. Ненависть, слѣпая ненависть, к большевикам застилала у него все. С этой ненавистью в нем могло только соперничать его презрѣніе к массам, которыми он считал возможным легко распорядиться при помощи насилія, диктатурой.

При мнѣ, один на один, Пепеляев не очень отмежевывал от большевиков и социалистов, несмотря на то, что он входил в состав Союза Возрожденія. Искреннія симпатіи его были на сторонѣ Национальнаго центра, в котором он также состоялъ членом.

Враждебность Пепеляева к социалистам сквозила на каждом шагу. Он мало сдерживал ея проявленіе. Так, в день моего прїѣзда в Челябинск, мы, всѣ возрожденцы, пошли завтракать на верандѣ в загородном саду мѣстнаго клуба. И даже тут за завтраком, Пепеляев, отлично зная, что Аргунов, Павлов, Авксентьев и Моисеенко не большіе поклонники Комуча, чѣм он, не находил болѣе благодарной темы, чѣм обрушиваться за Комуча на всѣх социалистов вообще.

Чувствовалось, что Пепеляев чуть не ищет ссоры. Чувствовалось, что так или иначе Пепеляев старается отмежеваться от сотоварищей по Союзу Возрожденія. Особенно ярко это бросилось в глаза всѣм нам в концѣ завтрака. «Бабушка», быв-

шая в саду, прислала всё нам по георгинам. По тому, как Пепеляев вслѣд за нами вдѣвал цвѣток в петлицу, чувствовалось, что он это дѣлает, как бы преодолевая себя. Офицер, принесшій нам цвѣты, предложил нам немедленно по окончаніи завтрака снять нашу группу. Только что мы кончили завтрак и стали переходить на скамейку в саду, чтобы сняться, как Пепеляева и слѣд простыл. Мы это оцѣнили, как явное уклоненіе от возможно вреднаго в будущем «вещественнаго доказательства».

Настроенія у Пепеляева и меня были явно различны. Хотя я имѣл от Ц. К. опредѣленные порученія на Востокъ, я, посоветовавшись с возрожденцами, рѣшил предложить Пепеляеву, как выѣхавшему позднѣе меня из Москвы, быть представителем партіи Народной Свободы на государственном совѣщаніи. На меня же возрожденцы возложили официальное представительство в нем Союза Возрожденія. Это давало мнѣ возможность участвовать в самом важном органѣ совѣщанія, в согласительной комиссіи, куда, как мы ожидали, не попадет представитель правительства Урала, право на существованіе котораго Самара оспаривала. Надо было защищать его, это прямое дѣло Союза Возрожденія.

С Авксентьевым и Моисеенко я встрѣчался впервые. Оба на меня произвели симпатичное впечатлѣніе, которое я сохранил по сей день. Если нѣкоторые политическіе дѣятели теряют при личном знакомствѣ, то, надо сказать, Авксентьев, наоборот, теряет много при публичных его выступленіях. В них много аффектированности, ни к чему не нужной, и Авксентьев много выигрывал бы, если бы он в своих дѣйствіях в качествѣ официального лица оставался тѣм же, чѣм он является в частной жизни.

Он, вѣроятно, боится своей прирожденной простоты и маскирует ее невыгодной для себя аффектированностью. Моисеенко (похищенный впоследствии не извѣстно кѣм в Омскѣ и пропавшій без вѣсти) отличался изумительной добротой и мягкостью характера, что ярко бросалось в глаза при первом взглядѣ на него. И трудно вѣрилось, что этот безусловно добрейшій души человек мог быть ран-

ше одним из весьма энергичных террористов. Оба, и Авксентьев и Моисеенко, были людьми глубоко національно настроенными, и нужна была такая своеобразная эпоха, как Омскій період русской исторіи, чтобы один оказался за бортом, а другой «пропал без вѣсти».

2.

На слѣдующій день по прибытіи в Челябинск я получил телеграмму от председателя правительства Урала, в которой он сообщал, что вслѣд за выходом нашей деклараціи Голицын вывѣсил объявленіе, что его полномочія остаются в силѣ, что на двадцать пятое августа Сибирское правительство объявляет мобилизацію, включая в нее территорію Урала, о чем предупреждает генерал Голицын, что по этому необходимо потребовать от Михайлова выполнения соглашенія, по которому Уральская Дивизія переходит к правительству Урала, и отмѣны приказа Голицына, и что, наконец, необходимо поставить на разрѣшеніе в срочном порядкѣ в государственном совѣщаніи вопрос о назначеніи верховнаго главнокомандующаго арміей.

Я обратился к Михайлову. Отвѣтъ я получил от него самый успокоительный и рѣшительный: раз он вошел в соглашеніе, то все будет выполнено; он немедленно телеграфирует Гришин - Алмазову. Так как я выразил нѣкоторый скептицизм, то Михайлов мнѣ заявил: «Вы меня еще мало знаете. Будущее вас убѣдит, что мое слово исполняю всегда не только я, но исполняют и другіе, если я это слово дал» (будущее, к сожалѣнію, не показало мнѣ случаев исполненія Михайловым его обѣщаній).

Телеграмма, полученная в отвѣтъ от Гришина, гласила, что он будет сам на слѣдующій день в Челябинскѣ и там переговоры. Это не обѣщало ничего хорошаго. Я вызвал к прямому проводу П. В. Иванова. Он объяснил мнѣ, что положеніе создавалось крайне трудное: с одной стороны отложить мобилизацію невозможно, с другой стороны правительство Урала еще не имѣет своего аппарата для этой цѣли. Поэтому правительство видит выход или в изданіи своего указа одновременно с указом Сибирскаго правительства с объясненіем населенію, что мобилизація производится Омском исключительно из - за от

существования своего аппарата, или, что лучше, — в издании совместного указа с Омском

Об этом он просил меня столкнуться с Михайловым и Гришин-Алмазовым. Что касается вопроса о срочном назначении верховного главнокомандующего, то это необходимо потому, что Голицын подчинен корпусному командиру, а тот сибирскому военному министру; с назначением главнокомандующего, Уральская Дивизия могла — бы быть подчинена непосредственно ему, как отдельная часть.

К сожалению, я не мог обнадежить П. В. Иванова в возможном успехе. Телеграмма Гришина — Алмазова, как я уже говорил, не обещала ничего хорошего, а о постановке в срочном порядке вопроса о верховном главнокомандующем не могло быть и речи. Не таковы были настроения съехавшихся делегатов на открывавшееся на следующий день Государственное Совещание.

За несколько дней до официального объявления об образовании правительства Урала мы командировали в Самару в качестве уполномоченного одного из членов комиссии по организации правительства, эсера А. А. Кошчева. Теперь он приехал в поезде Комуча. Столкнуться с Комучем ему не удалось. В Самару его водили за нос, откладывая со дня на день прием. Ему еле — еле удалось немного поговорить с членами Комуча по пути в поезде. Они и слышать не хотели о правительстве Урала: оно было для них вассалом сибиряков — сепаратистов. Они заявляли, что не согласятся на допущение делегации правительства Урала к участию в Государственном Совещании. Упоенные победой, недавним (пятого августа) взятием Казани и золотого запаса (хотя это было произведено самовольно лицами, преданными за это самовольно военно — полевому суду), Самарцы чувствовали себя хозяевами положения.

С другой стороны Сибирское правительство было мало склонно признавать правительства «Вашкирии», «Алаш — Орды», «Национального управления тюрко — татар внутренней России и Сибири», правительства, поддерживаемые Комучем.

Простояло установить на Г. Совещании: 1) кто имеет окончательное право на участие в нем; 2) конституцию самого Го-

сударственного Совещания и, наконец, 3) место, где оно в окончательном виде должно собраться. Все это в значительной мере зависело от двух борющихся за гегемонию сил — Самары и Омска. О назначении при таких условиях верховного главнокомандующего и передаче ему реально всех вооруженных сил борющихся взаимно группировок нечего было, конечно, и думать.

С Гришиным — Алмазовым я встретился на следующий день утром в Народном Доме, отведенном для государственного совещания.

— Хотите — ли вы жить в дружбе с нашим правительством, спросил он меня.

— Несомненно, ответил я, так как правительство Урала задалось целью жить в дружбе со всеми остальными правительствами в целях объединения России.

— Скажите два слова, и ваше правительство будет с нами, как у Христа за пазухой.

— Что именно?

— Скажите, что вы с нами против чехов.

— Я на это своим правительством не уполномочен, но объясните мне, почему это нужно, и я снесусь с Екатеринбургом.

В это время кто — то подошел, и наш разговор прервался. Гришина — Алмазова, видимо, мой ответ не удовлетворил и он больше к нему не возвращался. Не находил нужным возвращаться к нему и я.

Обострение отношений с чехами в то время имело, на мой взгляд, мало оснований. Скорее всего в основе лежала, во — первых, ревность, так как чехов население больше чувствовало, чем сибиряков, во — вторых, то, что чехи довольно свободно распоряжались «военной добычей», присваивая ее почти исключительно себе. Но нельзя не отметить того обстоятельства, что чехи в то время были в первых рядах, что естественно отдавало в их руки «военную добычу» и их первых, обычно, встречало извращенное от большевиков население.

Возможно, конечно, что в отношениях Омска к чехам играло роль то обстоятельство, что симпатии чехов были на стороне эсеров и Комуча. Но тут надо было учитывать психологию чехов — солдат, с которыми их верхи не могли не считаться (в добровольческой армии, в которой сол-

дат обращается к главнокомандующему «брате генерале» это было, естественно, неизбежно). Правительство Урала сильно учитывало эту сторону дѣла. Так, Павлу несомнѣнно сочувствовал правительству Урала. Тѣм не менѣе он не случайно, я увѣрен, отсутствовал в совѣщаніи в Екатеринбургѣ при созданіи его, предоставив это дѣло Войцѣховскому. На официальное сообщеніе об образованіи правительства Урала, поздравленія Национальнаго Совѣта не было получено, хотя Павлу увѣрял меня, что оно было послано. Мы учитывали положеніе и считали необходимым в интересах дѣла миролюбивыя отношенія и учет обстановки.

Возможно также, что отношеніе Омска к чехам было лишь отвѣтным. Чехи опредѣленно вѣрили в сепаратизм сибиряков. «Нам нужна великая Россія — она одна может в будущем быть нам помощью — и совершенно не нужна великая Сибирь», говорил мнѣ Павлу. А что Омск давал поводы к такой подозрительности, видно из того, что позднѣе товарищ министра иностранных дѣл Сибири, Головачев, как то при чехах высказал мысль: «что такое теперь Россія, мы не знаем, а что такое Сибирь, мы знаем». И это вызвало сильные протесты чехов и официальные извиненія Вологодскаго.

Как бы то ни было, борьбу с чехами я опредѣленно считал в тот момент ни на чем не основанной и крайне вредной, и, в ожиданіи продолженія бесѣды со мной на эту тему Гришина-Алмазова, пока в Екатеринбург ничего не сообщал. Но, как я уже сказал, Гришин-Алмазов к этой темѣ болѣе не возвращался.

По поводу объявленной в Екатеринбургѣ мобилизаціи мнѣ добиться ничего не удалось. Гришин - Алмазов, с которым совмѣстно с Михайловым я увидѣлся позднѣе, заявил мнѣ, что указ Голицына обязан был распубликовать не позднѣе 23-го, что он не допускает, чтобы Голицын осмѣлился отсрочить его распубликованіе, значит он сегодня уже распубликован и говорить не о чем. Что касается взаимоотношеній Голицына с правительством Урала и приказа Голицына, то он слѣдует ему внушеніе. Михайлов при нашем довольно рѣзком разговорѣ сѣлся,

но на меня производило впечатлѣніе, что разыгрывается комедія.

Михайлов и Гришин - Алмазов были уже не тѣ, что мѣсяц тому назад, когда первый был очень скромн, а второй с горечью рассказывал мнѣ, как, призванный на войну, он должен был промѣнять перо журналиста на меч воина и с каким удовольствіем он вновь вернулся бы к перу. Теперь это были молодые люди, вкусившіе власть и уже весьма цѣнящіе ее, как нѣчто самоодовлѣющее.

Слѣдующій день принес мнѣ телеграмму о том, что двадцать третьяго неожиданно для правительства Урала оказался расклеенным указ Сибирскаго правительства, что Голицын объяснял оплошностью своего подчиненнаго, предлагая объявленія содрать. Правительство Урала однако на это не пошло и предпочло во имя интересов дѣла проглотить пылюю и выпустить слѣдом свой указ, поддерживающій указ Сибирскаго правительства.

3.

В ожиданіи открытія засѣданія Государственнаго Совѣщанія, я наткнулся в кулуарах на члена Учредительнаго Собранія В. М. Зензинова.

Мы были издавна знакомы, хотя и не близко, но достаточно знали друг друга, и я имѣл извѣстное основаніе рассчитывать на то, что он к моим заявленіям отнесется с полным довѣріем.

Зензинов, хотя и не принадлежал, как эс-эр, к типу Аргунсова и Авксентьева, а уклонялся влѣво и был болѣе радикален и нравовѣрен, привлекал меня той личной безукоризненной чистотой, которой не стают отрицать за ним самыя крайніе его политическіе противники: личная репутація Зензинова слишком твердо установлена.

Зензинов не мог не пользоваться большим вѣсом в Комучѣ, и я счел нужным ознакомить его со всѣм тѣм, что дѣлало необходимым и неизбежным образованіе правительства Урала. Я указал ему на необходимость воздѣйствовать на Комуч, чтобы Самара радикально измѣнила свое отношеніе к нам, чтобы отбросила всякую мысль о том, что мы и Омск одно и то же, и чтобы поняли, что не в интересах

Самары нас толкать туда, куда нас тянут, ибо в таком случаѣ объ силы, направленные в одну сторону, неминуемо должны будут дать опредѣленный, менѣе всего выгодный Самарѣ, результат.

Зензинов отвѣтил мнѣ, что вполне вѣрит моимъ объясненіямъ, в дальнѣйшемъ сдѣлаетъ все от него зависящее, чтобы сломать ледъ, но что сейчасъ сдѣлать что-либо нельзя, ибо уже рѣшено, что в первомъ же засѣданіи Самара рѣшительно заявятъ, что правительства Урала не признаетъ.

Засѣданіе открыл от имени организаціоннаго бюро Аргуновъ, предложившій занять предсѣдательское мѣсто и открыть Совѣщаніе старѣйшему изъ участниковъ Совѣщанія — Брешко-Брешневской.

Избранный президіумъ состоял изъ: предсѣдателя Авксентьева (Союз Возрожденія), товарищей предсѣдателя Роговскаго (Комуч) и Михайлова (Сибир. прав.) и секретарей Мурашева (прав. Урала) и Можсенко (Союз Возрожденія).

Участниками совѣщанія были намѣченные нами на предварительномъ совѣщаніи в Челябинскѣ (16 іюля). В качествѣ почетныхъ членовъ Совѣщанія участвовали: французскій консулъ Буаяр, англійскій — Престон и предсѣдатель чехо-словацкаго Національнаго Совѣта Павлу.

Первое засѣданіе Государственнаго Совѣщанія, послѣ торжественныхъ рѣчей, было объявлено закрытымъ, и, можетъ быть, непосвященнымъ казалось, что в немъ творились дѣла необычайной государственной важности. В дѣйствительности же общія собранія никакой роли не играли и в дальнѣйшемъ они были открытыми. Все перешло в руки согласительной комиссіи, гдѣ руководители групп, по взаимному соглашенію, рѣшали все настолько, что в пленумѣ оставалось только всѣмъ «единогласно», безъ дебатовъ, подымать руки.

В частности, в первомъ засѣданіи, в закрытой его части, рѣзко выступилъ противъ допущенія къ участию в Совѣщаніи делегаціи правительства Урала представитель Комуча (насколько помню, Вольскій), но это, при отсутствіи посторонней публики, звучало не страшно, в особенности если учесть, что один изъ делегатовъ правитель-

ства Урала, Мурашевъ, уже сидѣлъ в составѣ президіума.

В конечномъ счетѣ было рѣшено, что в составъ согласительной комиссіи поѣдутъ представители только тѣхъ организацій, противъ которыхъ отвода ни с одной стороны не заявляется.

Наше описаніе оправдалось: делегація правительства Урала пока не получала представительства в согласительной комиссіи.

Къ прискорбію Комуча, я попадалъ однако, в нее от Союза Возрожденія.

В первомъ же засѣданіи Государственнаго Совѣщанія была установлена и программа его работъ, о которой я уже говорилъ.

Предсѣдателемъ согласительной комиссіи былъ избранъ Ф. З. Чембуловъ (Ц. К. партія Н. С.), товарищемъ его — В. Н. Пепеляевъ (Ц. К. партія к.-д.).

Какъ курьезъ вспоминается мнѣ инцидентъ между ними. Выступая по одному изъ вопросовъ, Чембуловъ сослался на слова «товарища Пепеляева». И вдругъ раздается стукъ кулакомъ по столу, и Пепеляевъ рѣзко заявляетъ: «поворнѣйше прошу по моему адресу подобныхъ выраженій не употреблять».

Первымъ вопросомъ, остановившимъ вниманіе комиссіи, былъ, естественно, вопросъ объ окончательномъ составѣ участниковъ Государственнаго Совѣщанія.

Какія «правительства» имѣютъ «право» участвовать в немъ?

Самара и Омскъ были, конечно, внѣ спора: свое право они несли на концѣ мечей своихъ.

Были, однако, рядъ и другихъ правительствъ, изъ которыхъ одни, какъ правительство Урала, не имѣли или не желали имѣть отдѣльнаго меча, или, какъ правительство весьма отдаленной Эстоніи, не могли оказывать на мѣстѣ никакого вліянія.

Были правительства явно вассальныя или полуассальнаго характера, какъ Сибирскаго казачьяго войска, признавашаго себя подчиненнымъ Сибирскому правительству, или, какъ Оренбургскаго казачьяго войска, бывшаго в матеріальной зависимости отъ Комуча.

Вопросъ о правительствѣ Урала рѣшился гораздо проще, чѣмъ я того ожидалъ.

Объясненія допущенной для дачи их делегации правительства Урала, довольно подробныя, произвели гораздо меньше впечатлѣнія, чѣм очень краткій аргумент представителя Сибирскаго правительства, генерала Ивановъ-Ринова: «я сам не в восторгѣ от образования правительства Урала; но наши отношенія с Самарой таковы, что, если этого буфера между нами не будет, то вооруженнаго столкновения между Кюмучем и нами не избѣжать».

Аргумент оказался настолько сильным, что спорить больше не стали.

Не было особенно споров и о казачьих правительствах: и тут был главный аргумент — аргумент реальной силы. Сильные споры шли вокруг національных правительств, как Башкирин, Алаш-Орды и т. п. Их отстаивала Самара, доказывая, что они располагают весьма цѣнной в борьбѣ с совѣтской властью конницей. Возражала сильно Сибирь.

Будучи сторонником областной автономии с правом на культурное самоопредѣленіе меньшинства, я был весьма далек от поддержки автономных, искусственно выдѣляемых из исторически сложившихся областей, частей по признаку той или другой народности. В частности, при выдѣленіи автономной Башкирии, она вѣдалась бы самым недопустимым образом в Горнозаводскій Урал, нарушая цѣлость его, как единаго экономически организама.

Несмотря на это, я твердо стал на защиту требованій таких организаций на участіе в созданіи центральной власти. Я исходил из того, что нежизненные автономіи, искусственныя, отвалятся естественным путем, а, пока, очередной задачей было созданіе центральной власти, опирающейся на возможно большее число так или иначе пользующихся на мѣстѣ довѣріем организаций. Мѣстныя «правительства» должны были, на мой взгляд, быть фундаментом будущей центральной власти, неизбѣжно не могущей сразу имѣть довѣріе не знающаго его населенія. Поэтому меня мало интересовала аргументация защитников того или другого правительства в пользу его прав, как и аргументация противников их. Мнѣ приходилось, таким образом, идти вразрѣзъ

при голосованіях с Ивановым-Риновым, который вечером в день засѣданія комиссіи, в присутствіи Михайлова и Гришина-Алмазова, укоряя в моем лицѣ правительство Урала в «неблагодарности».

В концѣ концов, вопрос об участіи тѣх или иных организаций был рѣшен болѣе миролюбиво, чѣм того ожидали: всѣ получили удовлетвореніе. Не вызвало возраженій и основное положеніе, принятое, как конституція Совѣщанія в дальнѣйшем: всѣ вопросы должны рѣшаться только единогласно, по взаимному соглашенію.

Иного рѣшенія быть, конечно, и не могло, если исключить воздѣйствіе какой либо силы. А это, в свою очередь, исключалось само собой при враждебности основных двух сил — Самары и Омска. Но воплѣтъ понятно, что принцип единогласія рѣшеній не мог не быть огромным тормозом в работѣ.

Впервые нам пришлось его примѣнить при рѣшеніи вопроса о мѣстѣ засѣданій Государственнаго Совѣщанія. Самара приглашала к себѣ, сибиряки настаивали на Челябинскѣ, хотя и признавали непригодность этого города. Обѣ стороны не уступали. Делегаты других правительств раздѣлились. Каждый цѣнил разстояніе: каждому было важно быть ближе к своей резиденціи. Послѣ долгих препирательств и закулиснаго давленія «союзников», был достигнут компромисс: обѣ главныя силы уступили; было рѣшено избрать для Государственнаго Совѣщанія город Уфу. Рѣшено было собраться в кратчайшій срок.

4.

Принятіе правительства Урала «в семью народов», имѣющих право на участіе в созданіи центральной власти, далеко еще не устраняло обостренных отношеній с Кюмучем. Правда, непосредственных границ с ним у нас не было, но необходимость сохраненія равновѣсія требовала того, что я предлагал самарским правителям: «за одну мою руку крѣпко уцѣплись и тянут; протягиваю вам другую, ухватите — иначе утянут». В частности, при тощей казнѣ, что мнѣ оставил Михайлов, я очень опасался попасть в финансовую зависимость от Омска. Но

самарскіе эсеры держали знамя высоко. Приходилось поэтому сталкиваться с другими болѣе разсудительными членами Комуча, не эсерами. Однако и у них сквозило подозрѣніе в особых, якобы, симпатіях Урала к Омску. В частности, не нравилось, что я живу в вагонѣ Михайлова.

Пребываніе в гостях у Михайлова и мнѣ доставляло мало удовольствія. Из сообщеній, привезенных мнѣ делегаціей правительства Урала, явствовало, что на соглашеніе с нами Омск пошел неискренно, что генерал Голицын ведет опредѣленную политическую игру, предписанную сверху. Личныя отношенія мои с Михайловым и Гришиным-Алмазовым сильно охладѣли, и я искал себѣ пріюта, что было не так прѣсто. Случайно мнѣ повезло. Французскій консул рѣшил перемѣститься в вагон англійскаго консула и предоставить в мое распоряженіе вагон, в котором он пріѣхал. Я получил свою «территорію», что в то время, при отсутствіи классных вагонов в обычных поѣздах, было большим пріобрѣтеніем.

Предложеніе, сдѣланное мнѣ Гришиным-Алмазовым, быть вмѣстѣ против чехов, было лишь отзвуком рѣшительнаго выступленія экспансивнаго генерала-журналиста против не только чехов, но и «союзников» вообще. На банкетѣ, устроенном им в Челябинскѣ (ни делегація Союза Возрожденія, ни делегація правительства Урала приглашенія не получили), он выступил, как нам говорили, с рѣчью, крайне задѣвавшей представителей «союзников» (из-за чего сибирскому правительству пришлось очень скоро, по настоянію «союзников», совершенно удалить Гришина-Алмазова от дѣла). Не знаю в точности, что он говорил на банкетѣ. Знаю я со слов Павлу, что на другой день послѣ банкета, на который почему-то чехи не пошли, Гришин-Алмазов заявил лично Павлу: «если вам, чехам, у нас не нравится, то вы можете уѣхать». На это послѣдовал отвѣтъ Павлу: «я это знаю, что в политикѣ благодарности ожидать не приходится; когда мавр сдѣлал свое дѣло, он может уйти; но я считаю, что мы еще своего дѣла не сдѣлали, Россія нам нужна в наших интересах, а потому

мы пока останемся, несмотря на ваше любезное предложеніе».

Обостреніе отношеній между чехами и Омском было для нас далеко не безразличным не только с точки зрѣнія всероссійской, но и мѣстной, областной. Фронт с большевиками был в то время на разстояніи не свыше верст ста от Екатеринбургa. Чехословацкій Національный Совѣтъ (игравшій в то время роль чешскаго правительства) имѣл резиденцію в Екатеринбургѣ. При остром конфликтѣ между чехами и Омском и при подавляющем превосходствѣ чешскаго гарнизона над сибирским, мы легко могли очутиться под чешским протекторатом вмѣстѣ сибирскаго, под которым мы уже фактически очутились. А не хотѣлось, конечно, ни того, ни другого. Мы попали в положеніе, при котором приходилось лавировать. Об этом надо было думать тѣм болѣе, что не исключена была возможность, в крайнем случаѣ, и установленія при помощи чехов власти Самары.

До Государственнаго Совѣщанія оставалось двѣ недѣли. Но уже один опыт установленія по единодушному соглашенію мѣста совѣщанія показал мнѣ, что мы будем имѣть дѣло весьма затяжное. А тѣм временем армія у нас будет сибирская, отдѣлать же совершенно гражданское управленіе от военной власти в эпоху гражданской войны невозможно: всегда военная власть будет ссылаться на существованіе шпіонажа, у нея будет контр-развѣдка, и так или иначе она будет мало церемониться с конституціонными гаранціями граждан. Ждать при таких условіях чего-нибудь хорошаго при тѣх навыках, которые проявляло сибирское командованіе, да еще при подчиненіи начальника Екатеринбургскаго гарнизона другому правительству не приходилось. Я рѣшил поэтому попробовать изучить техническую сторону дѣла, чтобы дать себѣ отчет, как можно конкретно осуществить соглашеніе с Омском, по которому Уральская дивизія должна перейти к правительству Урала, не составляя, однако, отдѣльной арміи.

Задача оказалась не из легких, и каждый из специалистов, к которым я обра-

щался, рѣшал ее не по существу, а под-
ходя со своей точки зрѣнія.

Первый, к которому я обратился, был
пріѣхавшій позднѣе других член Союза
Возрожденія генерал Болдырев. Он был
еще свѣжим человѣком, подходившим ко
всему исключительно со всероссійским
масштабом, не был еще в курсѣ мѣстных
дѣл и плохо понимал, зачѣм нужно какое
то правительство Урала, да еще какая то
отдѣльная дивизія. Знакомы мы были с
В. Г. Болдыревым еле-еле. Чувствовалось,
что хотѣлось ему отвязаться от щекотли-
ваго вопроса. Отвѣтъ, который я от него
получил, что дивизія — часть корпуса
и должна быть его частью, меня не про-
свѣтил.

Направился я к командиру корпуса, ко-
торому был подчинен Голицын, к генера-
лу Ханжину (впоследствии военному ми-
нистру адмирала Колчака). Приняв меня
чрезвычайно радушно, Ханжин, повиди-
мому, понял так, что я ищу участія его
в дѣлѣ подчиненія правительству Урала
Уральской дивизіи, и заявил мнѣ, что он
солдат и что, если правительство Урала

вздумает «дѣйствовать» в направленіи
подчиненія себѣ дивизіи, то и он, при
всем своем уваженіи и симпатіи, должен
будет принять мѣры. Такая прямота мнѣ
очень понравилась, но и она мнѣ не да-
ла отвѣта на тот вопрос, который меня
интересовал.

Рѣшил я тогда обратиться к третьему
специалисту, к командиру чешской
арміей, генералу Сыровому. У чехов не
было своих офицеров-академиков, они
дѣйствовали по кустарному, чѣм очень
хвалились. Я рѣшил, что тут я найду ре-
цепт специально принаровленный к наше-
му случаю. Рецепт я получил, и весьма
оригинальный: «Всякій вопрос рѣшается
исключительно смѣлостью. Посмотрите на
меня: на войну я попал рядовым, а те-
перь я командующій арміей. Дѣйствуй-
те, вот и все».

Рѣшенія вопроса не нашлось. Я возвра-
тился в Екатеринбург с сознанием, что до
созданія центральной власти нам не избѣ-
жать тяжелого процесса невидимой борь-
бы с Омском в отстаиваніи прав населе-
нія.

ГЛАВА XVI.

Положеніе в Екатеринбургѣ — „Внѣшнія сношенія“. — Отношенія населенія к правительству Урала. — Оскорбленіе „арміи“. — Уральскій Промышленный Комитет — Омская „политика“. — Протест Правительства Урала.

1.

Вечером 26 августа вернулся я из Челябинска в Екатеринбург и на слѣдующій день впервые официально вступил в управленіе вѣдомством финансов. В мое отсутствіе меня замѣщал мой товарищ, В. А. Всеволожскій.

В. А. Всеволожскій по партійности был социал-демократ, и факт его назначенія моим товарищем, является лишним подтвержденіем того, как мало считалось правительством Урала с партійностью. Нам нужны были дѣловые люди, и мы их имѣли.

Мои предчувствія в Челябинскѣ болѣе, чѣм оправдались. Сибирское правительство в лицѣ генерала Голицына, своего уполномоченнаго при правительствѣ Урала, С. С. Посникова, и других своих агентов, энергично работало над нашим дискредитированіем всякими способами в глазах населенія и сведеніем нашей власти на нѣт. В связи со всеми нашими взаимоотношеніями, выяснившимися в Челябинскѣ, обстановка требовала немедленнаго созданія вѣдомства иностранных дѣлъ, включая в «иностранныя» дѣла и дѣла с нашими милыми сосѣдями, как Омск и Самара.

Не желая создавать отдѣльнаго вѣдомства (как подчеркнул областное правительство) принципиально и не желая слѣдовать примѣру Самары и Омска, дѣйствительно относивших сношенія с другими областями к «иностранным дѣлам», правительство 28 августа постановило: «Всѣ дѣла областного правительства Урала по вопросам внѣшних сношеній возложить на главноуправляющаго финансов».

Мнѣ дали в помощь для этих задач второго товарища. Новая миссія, как ока-

залось позднѣе, в значительной мѣрѣ вызвала отлучки из Екатеринбургa и отвлекла меня от непосредственной работы по управленію вѣдомством финансов. К счастью, в лицѣ В. А. Всеволожскаго я имѣя прекраснаго замѣстителя.

Вступленіе во власть правительства Урала, как я уже указывал, было произведено путем односторонняго акта — путем прокламированія. Всѣ партіи обезпечили ему свою поддержку. Но партіи, конечно, еще не населеніе. Как оно отнесется? Мы думали об этом не без нѣкоторой тревоги. Но спасенія были напрасны. Мало по малу стали поступать привѣтствія с мѣст. Особенно нас обрадовало населеніе Кыштымскаго (чисто рабочаго) округа. Кыштым был занят сибирскими войсками много раньше Екатеринбургa, был уже под властью Омска, и Сибирь грозила рабочим лишеніем заводов денежных средств и налогом на продовольствіе, если они признают над собою власть правительства Урала. Несмотря на это, Кыштымскій округ пошел за нами.

Через дня два-три послѣ моего возвращенія в Екатеринбург, во время засѣданія правительства, к нам явилась депутація от Екатеринбургской городской думы привѣтствовать нас от ея имени. При этом депутація указывала, что населеніе смущено тѣм обстоятельством, что полно мочія по охранѣ находятся в руках военной власти, не подчиненной нашему правительству, и что было бы крайне желательно измѣненіе этого порядка. Узнав из бесѣды с депутаціей, что засѣданіе думы продолжается, правительство, поставив благодарить думу, поручило мнѣ, как замѣстителю предсѣдателя, немедленно выполнить это.

Представлялся впервые случай высту-

пить публично от имени правительства. Передав думъ его благодарность, я ознакомила ее в кратких чертах с результатами совѣщанія в Челябинскѣ, с нашими усиліями, направленными к возможно скорѣйшему созданію центральной власти, и выразил надежду на то, что вскорѣ она в Уфѣ будет создана, а правительство Урала будет в состояніи съюзить свои задачи до чисто областных. Пока же необходимо потерпѣть и спокойно относиться к тому, что часть функций гражданскаго управленія находится в руках военной власти, зависящей не от центрального, а Сибирскаго правительства. Нельзя не считаться с неизбежными слѣдствіями гражданской войны. «Однако, прибавил я, могу вас категорически завѣрить от имени правительства, что оно не допустит, чтобы в области гражданскаго управленія военная власть переходила границы строго необходимаго».

Моя рѣчь была передана в газетном отчетѣ не точно, в особенности послѣднія мои слова. Этим воспользовался генерал Голицын, чтобы поднять цѣлю бычу об оскорбленіи мною арміи. Не давая разгораться страстям, я письмом в редакцію газеты возстановил точно сказанное мною. Ход генерала Голицына пропал даромъ. Всѣм стало ясно, что «армію» приехали все. Мало того, поход, предпринятый против меня генералом Голицыным, принес существенную пользу: выяснилась полная солидарность в этом вопросѣ правительства. В моем письмѣ в редакцію позиція правительства была еще раз твердо повторена, и тѣ, кому это надлежало, приняли, повидимому, заявленіе к свѣдѣнію. На территоріи правительства Урала эксцессы власти если и были, то ничтожны, ничего общаго не имѣющіе с тѣм, что творилось в Сибири и позднѣе на Уралѣ, когда правительство Урала прекратило свое существованіе.

Чрезвычайно серьезным вопросом, которому мнѣ в это время пришлось удѣлять много вниманія, был вопрос о мѣрах к возстановленію промышленности Урала, понимая под этим весь Урал, не исключая мѣст, подвластных Омску и Комуру. Омск настолько хорошо понимал, что в этом отношеніи ему справиться не

под силу, что тут он шел сам навстрѣчу, перегружая все дѣло цѣликом на нас.

Урал издавна в своей промышленности — большое единое хозяйство. Главное Управление уральских горных заводов в Екатеринбургѣ не только стояло всегда во главѣ всѣх казенных горных округов, но и имѣло надзор над посессионными и частными округами. Раздѣл горнозаводскаго Урала между Самарой, Омском и Екатеринбургом был хозяйственной необходимостью, с тѣм и боролось правительство Урала, требуя объединенія его территоріи. Как иллюстрацію, укажу на обращеніе ко мнѣ (нѣсколько позднѣе, в Уфѣ) одного из окружных инженеров. В его округ входили часть Уфимскаго уѣзда (Комуру) и часть Златоустовскаго уѣзда (Омск), а подчинен он был — по старому, нынѣ не отмѣненному закону — Главному Управленію в Екатеринбургѣ. Он никак не мог добиться, чтобы приказ для него дѣйствителен и от кого должен он получать жалованье. Горная промышленность на Уралѣ — его жизненный нерв. Поэтому в правительствѣ Урала был создан отдѣльный портфель Горных Дѣл, независимый от Торговли и Промышленности.

Выход из положенія был найден в созданіи, по соглашенію с сибирским правительством, Уральскаго Промышленнаго Комитета. «Положеніе» о нем в кратких чертах сводилось к слѣдующему:

Задача комитета — выработка общаго плана организаціи промышленности Урала, в цѣлях объединенія всѣх мѣропріятій по снабженію арміи и тыла, и принятіе мѣр к осуществленію этого плана.

Права комитету были предоставлены огромныя. В частности, он мог требовать от предпріятій принятія от него заказов, измѣненія планов работ предпріятій, измѣненія их техническаго оборудованія и внутренняго распорядка, устанавливать размѣр прибыли, твердыя цѣны на массовые продукты, нормы оплаты труда, милитаризовать предпріятія, устранять управляющих, назначать на их мѣсто других, опредѣлять категоріи, подлежащія освобожденію от призыва в войска. Одним словом, комитет был органом с огромной властью в области промышленности, ограниченными в нѣкоторых, особо

важных, из перечисленных прав согласием правительства.

Комитет состоял из двух частей: общего собрания и постоянного бюро. Последнее решало все вопросы и приводило свои решения в исполнение, докладывая в определенные промежутки времени обо всем общему собранию. Общее собрание, в случае разногласия его с бюро, могло опротестовать его действия перед правительством.

Во главе бюро и общего собрания стоял наш горный министр. В состав бюро, кроме него, входило четыре члена, назначаемых правительством Урала по соглашению с Омском, один, назначаемый Омском с согласия правительства Урала и представитель нашего ведомства труда. Одно место предоставлялось Кочучу, в случае его согласия на это.

Общее собрание включало, сверх состава бюро, ряд ведомственных представителей, главным образом, наших и частью сибирских, а также представителей общественных организаций, тесно связанных с промышленностью, от рабочих до промышленников.

Таким образом был создан быстро действующий, гибкий орган, оказавшийся вполне жизнеспособным и явившийся прекрасным регулятором при налаживании разстроенной большевиками промышленности. Поэтому я и считал нужным подробнее на комитет остановиться.

2.

Быстрое и благополучное разрешение вопроса об Уральском промышленном комитете было возможно лишь благодаря тому, что Омск вынужден был поступиться «политикой» в пользу экономической необходимости.

Иначе обстояло дело там, где «политика» стояла на первом плане. Так, очень характерный для момента эпизод разыгрался на почве открытия отделения государственного банка в Шадринск.

Распоряжением временного правительства (Керенского) в Екатеринбург было эвакуировано Ревельское отделение государственного банка. С того времени весь штат его сидел без дела в Екатеринбурге, получая содержание. Учитывая это положение, я решил использовать этот штат

для открытия отделения в Шадринск, круговые круги которого давно об этом хлопотали и отвели бесплатное помещение. Я вызвал к себе управляющего Ревельским отделением, Ждан — Пушкина (кажется, так) и поставил ему вопрос, как бы он отнесся к моему предположению. Ответ я получил, что он относится к моему предложению положительно, но должен мне сказать, что аналогичное предложение он получил от Сибирского правительства, а потому просит два дня на размышление, от которого из обоих правительств ему захотеть открывать отделение. Мне не оставалось ничего другого, как ждать.

Положение в Шадринском уезде создавалось оригинальное: юстиция, просвещение, почтово-телеграфное дело и казначейство были правительства Урала, остальные же ведомства были в руках Сибирского правительства. Последнее, очевидно, торопилось закрепить свое положение созданием своего отделения Государственного банка.

Через два дня Ждан — Пушкин пришел с ответом, что он окончательно согласовался с Омском и идет в Шадринск для открытия отделения банка Сибирского правительства. Тогда я распорядился о сдаче им дела и ценностей Ревельского отделения управляющему отделением в Екатеринбург. На его возражение, что он отвечает за Ревельское отделение, а потому дела его должны перекочевывать с ним, я указал ему, что я не могу признавать экстерриториальности Ревельского отделения и перемещения его по воле его управляющего и выбору его между существующими восемью правительствами.

Постановлением временного правительства отделение эвакуировано в определенное место — в Екатеринбург, — а потому, не считая себя в праве задерживать персонал, я не могу разрешить вывозить из Екатеринбурга ценности и дела. Ждан — Пушкин согласился с моими доводами и заявил, что все сдаст. На следующий день я узнал, однако, что он и часть персонала уехали в Шадринск, оставив все, но не сдав ничего. Я был в недоумении, но скоро меня из него вывели.

Спустя короткий промежуток, уже будучи в Уфе, я получил известие моего товарища, Всеволодского, что от генера

ла Голлицына в Государственный банк явился отряд который насильно взял всё имущество и дѣла Ревельскаго банка и, погружив их на грузовик, а затѣм в вагон, отправил в Шадринск. Еще через короткій промежуток я получил извѣстіе, что мѣрами, принятыми нашим Вѣдомством В. Д. вагон задержан чешской комендатурой на станціи Шадринск, и все доставлено обратно нам.

Так, в то время как мы всячески охраняли от взрывов широкой публики разногласія между нами и другими правительствами, Сибирское правительство не останавливалось перед самыми грубыми приемами, расшатывавшими всякій престиж власти в глазах населенія. Оно, в своих узкоэгоистических стремленіях, не останавливалось буквально ни перед чѣм.

29-го августа официальное телеграфное агентство Сибирскаго правительства оповѣстило о состоявшемся соглашеніи между правительствами Сибири и Урала о том, что управление Шадринским и Камышловским уѣздами принадлежит Сибирскому правительству. Это было настолько грубой ложью, что, когда я обратился к представителю Сибири, Постникову, он заявил мнѣ, что впервые об этом от меня узнает. Между тѣм это сразу еще болѣе обострило отношеніе к нам Самары.

Одновременно вѣдомством В. Д. был получен доклад предсѣдателя Камышловской Земской управы, который между прочим писал:

«Проѣздом через Кыштым товарищем министра В. Д., Павловым, был вызван один из членѣвъ управы, которому было предложено немедленно обсудить и в срочном порядкѣ дать отвѣтъ, куда тяготѣет Кыштым. Если выяснится, что к Сибири, тогда финансировать и снабжать продовольствіем они сочтут своим долгом; в противном случаѣ они не считают себя обязанными. Предложеніе г. Павлова было внесено на обсужденіе чрезвычайнаго Земскаго Собранія, гдѣ выяснилось, что мѣстное населеніе тяготѣет к Уралу и общает правительству Урала свое содѣйствіе и поддержку».

Результат такого постановленія не замедлил сказаться. Тот же доклад об этом результатѣ сообщал:

«Явился отряд продмылиціи из пятидесяти человекъ с приказом от имени Сибирскаго правительства строго ссѣдить, чтобы предметы продовольствія ни при какихъ условіях не вывозились по направленію Екатеринбургa. Как по желѣзной дорогѣ, так и по грунтовымъ были выдвинуты заставы, которымъ вмѣнено в обязанность ничего не разрѣшать к вывозу из Кыштыма, даже краску. Весь задержанный товар, а в частности крупный рогатый скот, направляемый на Уфалей, Касли, Екатеринбург и т. д., первоначально заворачивался обратно в Челябинск, гдѣ реквизицировался по твердымъ цѣнам, а впоследствии сдавался Кыштымской управѣ, которая, не имѣя своихъ средств, вынуждена была заключить договоры со скотоопрмышленниками, чтобы они продавали мясо по пониженной цѣнѣ. Но этимъ управа обострила отношенія с сосѣдними самоуправленіями, так как скот, направляющійся к ним, благодаря заставам, продавался на Кыштымскомъ рынкѣ, совершенно лишая ихъ мяса. Предполагая, что такая задержка предметовъ продовольствія и скота происходит по распоряженію Кыштымской управы, они также отдали распоряженіе, чтобы к нам ничего не вывозилось, в частности сѣно, благодаря чему цѣны на ввозимые предметы из Каслей, Уфалей и другихъ мѣст на Кыштымскомъ рынкѣ сильно взвинтились и вызываютъ глухой ропот населенія».

Еще дальше доклад сообщал: «Считаю долгомъ добавить, что за послѣднее время на продукты, ввозимые из Сибири, накладывается пятьдесятъ процентов, что сильно отзывается на ввозѣ и взвинчиваніи цѣн, а грузы, идущіе с Урала в Сибирь и, в частности, из Кыштыма и Каслей в большомъ количествѣ литье и кустарныя издѣлія ничѣмъ не слагаются».

Такъ поступал Омск, только что вынужденный отказаться от вывозныхъ пошлин в сторону Кочуча. Такъ выполнялось Омскомъ наше соглашеніе. Возмущеніе в правительствѣ Урала было полное. По его порученію я подробно написалъ обо всемъ Постникову, и письмо ему заканчивалъ:

«Совѣтъ временнаго областного правительства Урала обсудилъ в засѣданіи втораго сентября создаваемое временнымъ Сибирскимъ правительствомъ положеніе на

Уралъ, и в результатъ суждений совѣта, прошу вас передать временному сибирскому правительству, что правительство Урала протестует против его образа дѣйствій на Уралѣ, как весьма вреднаго не только для Урала, но в конечном счетѣ для Россіи в цѣлом, и настаивает на немедленном переходѣ временнаго Сибирскаго правительства к образу дѣйствій в отношеніи Урала, сообразующему обѣщаніям министра финансов И. А. Михайлова при обрзованіи временнаго областного правительства Урала».

Моральное обличье Омска для нас вырисовывалось вѣснѣ. За очень рѣзкое опредѣленіе, данное мною Сибирскому правительству в засѣданіи совѣта, я былъ призван к порядку председателем правительства. Я возразил на это просьбою сохранить мои слова в протоколѣ, «дабы будущій историк мог видѣть, что и нѣкоторые из современников ясно себѣ пред-

ставляли, что методы дѣйствій Сибирскаго правительства поведут к краху антибольшевистской государственности».

Но, если председатель меня и остановил за рѣзкое слово, то это не значит, что со мной расходились по существу. Правительство отлично понимало, что не протестом, врученным Посникову, можно повліять на Сибирское правительство. Поэтому правительство поручило мнѣ сообщить довѣрительно письменно всѣм делегатам на Уфимском Государственном Освѣщеніи о создавшемся положеніи на Уралѣ и о наших взаимоотношеніях с Омском.

В Уфу я уѣзжал четвертаго сентября. И на этот раз я рѣшил не входить в делегацию нашего правительства, и воспользоваться моими правами члена Учредительнаго Собранія. Я хотѣл быть свободным, удѣляя свое время «внѣшним сношеніям», возложенным на меня.

ГЛАВА XVII.

Язык цифр.—В Уфѣ —Отсутствіе Сибиряков.—Взаимоотношенія „правительства“.—Улучшеніе отношеній между Правительством Урала и Комучем.—Открытіе Гос. Совѣщанія.—„Спектакли“.—„Болѣзнь“ Пепеляева и мое положеніе.—Сибирская делегація —Декларациі делегацій.—Омскій реализм.

1.

Путь от Екатеринбургa до Уфы мы совершили весьма быстро. От Челябинска мы шли экстренным поѣздом всего в составъ двух вагонов: чешскаго и делегаціи правительства Урала. В пути между членом чешскаго Национальнаго Совѣта, доктором Свободой и Боголюбовым (представителем Комуча в Екатеринбургѣ) завязался при мнѣ горячій спор о том, кто выноситъ наибольшую тяготу на фронтѣ с большевиками. Боголюбов, конечно, почти всю заслугу относил за счет Народной Арміи Комуча. Свобода оспаривал. Потерявъ, наконец, терпѣніе, Свобода достал из ящика стола список военных частей, как русских, так и чешских на отдѣльных участках фронта. Список был убійственным для Самары: всюду она неизмѣримо уступала по численности отрядам Оренбургскому казачьему войску. Боголюбов постарался замѣть разговор. Цифры мѣшали преувеличенію, а преувеличеніе было основой требовательности Самары и Омска.

Рано утром 6-го сентября мы прибыли в Уфу. Нас встрѣтил на вокзалѣ представитель бюро по организаціи совѣщанія и направил в «Сибирскую Гостиницу», гдѣ жило большинство делегатов и гдѣ происходили засѣданія Гос. Совѣщанія. На главной улицѣ шли приготовления к торжеству, украшали дома флагами, через улицу шли ленты с надписями в честь Великой, единой, свободной Россіи и Учред. Собранія.

На двери отведеннаго мнѣ номера красовалась наклейка: «Кроль и Пепеляев». Нельзя сказать, чтобы это меня очень обрадовало.

Съѣзд делегатов заканчивался. Не было точных свѣдѣній относительно делегаціи Сибирскаго правительства. Были свѣдѣнія, что они, как будто, уже ѣдут, но были и мнѣнія, что они еще не ѣдут. Одни это объясняли опасеніем, возникшим в связи с недавно произошедшим недалеко от Уфы удачным прорывом отряда красных с Урала на юг, прорывом, вызвавшим немалую панику в Уфѣ. Другіе это объясняли умысленным затягиваніем дѣла образованія центральной власти.

Как бы то ни было, увѣренности в том, что центральная власть будет создана, далеко не чувствовалось. При таких условіях, вопрос об улучшеніи отношенія Самары к правительству Урала становился особенно важным. Нужно было разсѣять предубѣжденіе Самары против нас, как чего то аналогичнаго с Омском. Поэтому я рѣшил выполнить постановленіе правительства Урала, не теряя ни одного дня.

В первый же день пріѣзда я изготовил сборник документов, ярко рисовавших моральную физіономію Омска и взаимоотношенія между нами и Омском, и краткой меморандум, в котором сообщал, что ознакомленіе всѣх участников совѣщанія производится по постановленію правительства Урала, комментариев же не дается потому, что они излишни. В тот же день все было напечатано в типографіи и к утру 7-го сентября вручено всѣм наличным членам совѣщанія.

Эффектъ сразу получился огромный. Когда я появился к утреннему кофе в столовую, служившую как бы нашим клубом, я встрѣтил со стороны отдѣльных «судределовцев» совершенно новое отношеніе. С делегатами правительства Урала говорили в разных концах. Лед был растоплен.

А это было необходимо, так как взаимоотношения, создавшиеся между правительственными органами страшно вредили общему делу. Для иллюстрации укажу на мои беседы с управляющим финансами Комуца, Раковым.

Встретившись с ним, я спросил у него, почему он не ответил на мою телеграмму, в которой я сообщал ему о своем распоряжении оплачивать переводы отделения Гос. банка Комуца и просил о взаимности.

— Благодарю вас за вашу изумительную любезность, ответил он, но вы, конечно, сделали такое же распоряжение и относительно Омска?

— Разумеется.

— Я так и понял, и потому распорядился, чтобы банки не принимали переводов на Урал и не оплачивали уральских.

— Почему?

— А потому, что этим путем будут пользоваться вами, как посредниками, для взаимных переводов между нами и Сибирью и обходить наше решение не допускать денежных операций с Сибирью.

Сколько я ни убеждал Ракова сойти с этого гибельного для общего дела пути, он не соглашался. Дайте слово, говорил он, что вы не допустите пользоваться вами, как посредниками, тогда в отношении Урала я свое распоряжение отменяю.

Другой вопрос, поднятый мной, был о бандеролях и гербовых марках. Я указал, что приступаю к их изготовлению в широком масштабе, пока же мы сильно в них нуждаемся. А так как, по моим сведениям, Комуц захватил в Казани несчетное количество марок, бандероли, то я просил уступить мне хоть немного. — Продадим с удовольствием, отвечает Раков.

— А по какой цене?

— Да по номинальной.

— Как по номинальной? Тогда ведь наше население будет платить вам налоги, а чем мы будем покрывать наши расходы? — Не хотите, не надо. — Так лучше, чтобы население нам совсем не платило налогов? — Это уж, как вам угодно.

На этот раз, однако, удалось урезонить, по крайней мере на словах. Мы успели раньше изготовить марки и бандероли, чем получить их из Самары.

Проходит дня два. Встречаю Ракова крайне раздраженного.

— Ну и с... же этот Михайлов, говорит он мне Я только что с прямого провода. Мне нужно платить войскам на фронт. Кредиток у меня нет, а есть разменная серебро. Вот я и просил Михайлова дать мне в обмен на тридцать миллионов серебра кредиток рубль за рубль. А он говорит: отдайте мне ваш золотой запас, тогда дам тридцать миллионов кредиток. Сколько я с ним не толковал, ничего не добился. Придется раздавать серебро!

Отношение Самары к правительству Урала круто изменилось. После беседы моей с Вольским, была назначена смешанная комиссия из делегатов обоих правительств для установления более точного взаимопонимания по некоторым вопросам и в частности по установлению оснований для займа правительству Урала, чтобы предупредить возможно неизбежную для него финансовую зависимость от Сибири. Во главе самарской делегации стоял член Учр. Собрания В. Я. Гуревич. К сожалению, Самара стояла не на лучшей точке зрения, чем Омск. Делегация Самары хотела добиться, чтобы сибирский гарнизон на Урал был заменен самарским. На это мы не шли, и в конечном счете переговоры закончились формально ничем. Полезны они были тем, что создали между Самарой и нами миролюбивые отношения.

Что касается финансового вопроса, то, как выяснилось, бедны были в достаточной мере все. Самара, правда, располагала золотым запасом, но кредитками и она была бедна. Что же касается выпуска своих кредиток, то в эту эпоху мы все были единодушно против такой меры, не желая ронять курса кредиток. Выяснилось также, что, пропорционально, еще большой вопрос, кто богаче поступлениями, правительство Урала или Самара и Омск. Выяснилось, что мне приходится рассчитывать в отношении финансов исключительно на наши собственные силы.

2.

7-го сентября почти все делегация Государственного Собрания были налицо. Недоставало лишь Пепеляева и делегатов

Сибирскаго правительства. Но послѣдняго было, конечно, достаточно, чтобы дѣлать невозможным какое бы то ни было рѣшеніе. Всѣх собравшихся это крайне нервировало. Только вечером Авксентьев получил телеграмму из Омска, что делегаты Сибирскаго правительства опоздают на один—два дня и что они просят не откладывать из за них открытія перваго торжественнаго засѣданія.

Такое сообщеніе позволяло успокоить общественность, которая начинала волноваться. Для этого рѣшили открыть совѣщаніе. Конечно, дѣловаго значенія никто этому не придавал, но «спектакль» рѣшили устроить. А чтобы придать этому засѣданію хоть мало-мальски характер дѣловаго, рѣшено было постановить на нем: 1) поручить комиссіи из представителей делегаций выяснить вопрос об удовлетвореніи ходатайств нѣкоторых организаций о допущеніи их делегаций к участию в Гос. Совѣщаніи и 2) отложить в ожиданіи сибиряков слѣдующее засѣданіе до утра 10 сентября.

8-го сентября в 6 часов вечера при переполненном публичной залѣ в присутствіи почетных (в том числѣ иностранных) гостей торжественное засѣданіе Г. Совѣщанія открывалось.

Предсѣдатель, Авксентьев, начинает сообщенія о том, что сибиряки опоздают на день—два и просили открыть Г. Совѣщаніе пока без них. «И если их нѣтъ сейчас фактически с нами, то душою они здѣсь», звучат, вѣроятно, торжественно для публики слова предсѣдателя, вызывая ироническія улыбки у нас, болѣе знакомых с сибирскими чаяніями.

«Всѣ мы собрались с одной цѣлью — с цѣлью создать, наконец, из тѣх разбросанных обломков, в которыя обратилась наша Родина, снова одно могучее, свободное Россійское Государство . . .»

Мы также понимаем, что перед нами стоит и другой великій долг, который вытекает из перваго, это — долг созданія не только свободной внутренно, но и независимой извнѣ Россіи. Перед нами стоит долг новой святой крови народной, которая потребуется для того, чтобы дать отпор врагу, который теперь наступил пятой на Россію, на ея народ, на ея свободу, на ея государственность. Во имя

того, чтобы рѣшить основные вопросы, которые дали бы нам выход из трагическаго положенія, в котором находится наша Родина, собрались мы сюда, во имя созданія единаго, сильнаго, одушевленнаго стремленіем к свободѣ и независимости Россіи, правительства. Над этим мы будем работать здѣсь, во имя этого мы должны во что бы то ни стало найти здѣсь общій язык и общія мысли, во имя этого мы должны употребить нечеловѣческія усилія, мы должны дать Аннибалову клятву не уйти отсюда, не уѣхать из Уфы без того, чтобы не построить единую государственность Россійскую, возглавляемую единым Россійским правительством».

Такова основа рѣчи Авксентьева, за которой идут его предложенія привѣтствовать «союзников», привѣтствовать чехо-словаков и объявляется открытым Гос. Совѣщаніе.

За этим слѣдуют привѣтствія Государственному совѣщанію. Привѣтствует Уфимскій городской голова, привѣтствует предсѣдатель Комуца, Вольскій. При его выходѣ на трибуну, многочисленные его сторонники встают и аплодируют. С отвѣта на эту овацію Вольскій и начинает свою рѣчь: «Ваши привѣтствія — это привѣтствія тому Учредительному Собранію, которое будет создано усиліями комитета членов Всероссійскаго Учредительнаго Собранія». И в этих словах—альфа и омега всей политической мудрости Комуца, ибо в дальнѣйшем вся рѣчь — не столько привѣтствіе Гос. Совѣщанію, сколько гимн народоувластію.

Не болѣе похожа на привѣтствіе и рѣчь представителя Сибирской областной думы Н. Н. Карпова. Это — план организациі центральной власти с одной стороны и своеобразная демонстрація против «своего», Сибирскаго, правительства с другой. Когда Карпов говорил о том, что Сиболдума уполномочила Сибирское правительство принять участіе в Гос. Совѣщаніи, то нельзя было не улыбаться, ибо мы отлично знали, как мало надобности в полномочіях из резиденціи Сиболдумы, Томска, чувствует Сибирское правительство в своей резиденціи, Омскѣ. Когда Карпов заявлял, что, согласно резолюціи Сиболдумы, провозглашеніе временной все-россійской власти, созданной на Гос. Со-

вѣщаніи, должно быть прокламировано съѣздом членов Учр. Собранія и областными правительствами, и выражал надежду, что удастся на совѣщаніи «достигнуть соглашенія искренняго и полнаго, на основіи сохраненія завоеваній февральской революціи и отвѣтственности создавшейся временной Всероссийской власти перед Учред. Собраніем настоящаго созыва», то нам всѣм было ясно, насколько это идет вразрѣз со взглядами Сибирскаго правительства — «уполномоченнаго» Сиболдумы. Было ясно, что Сибирская дума демонстрирует перед нами свою солидарность с Комучем и дискредитирует заранее морально делегатов Сибирскаго правительства, которые, несомнѣнно, придут совершенно с другими намѣреніями. Рѣчь Карпова как бы говорила: да, участвовать в совѣщаніи мы уполномочили их, но вот на что уполномочили!

Тяжелое впечатлѣніе производит рѣчь Карпова. За ней чувствуется безсиліе Сиболдумы, пытающейся хоть словом остановить фактическаго хозяина. Чувствуется раздор внутри Сибири. И с удовольствием отдыхаешь от тяжелой рѣчи Карпова на краткой лирической рѣчи С. М. Третьякова, привѣтствующаго Гос. Совѣщаніе от имени только что закончившагося земско-городскаго Съѣзда Урала, Сибири и Поволжья.

Привѣтствія кончены и предсѣдатель предлагает перейти «к дѣлу»: создать комиссію, в которой я говорил, ждать сибиряков, отложив засѣданіе до слѣдующаго утра, 10 сентября, а пока пожаловать в 9 часов вечера на ачшку чая, предложенную Городским Самоуправленіем.

Мы «потрудились» два часа, и довольно. С чувством облегченія заканчиваем «спектакль» и через час собираемся на чашку чая. Влѣдно и вяло проходит и она. Подъема нѣтъ. Всѣ чувствуют, что дѣлается не то и не так, как хотѣлось бы.

Уныло собираемся мы утром 10 сентября на второе засѣданіе Гос. Совѣщанія. Сибиряков все нѣтъ. Предстоит опять небольшой публичный спектакль, всѣ детали котораго заранее между нами обусловлены.

Оглашаются предсѣдателем посланные

президіумом привѣтственныя телеграммы «союзникам» и чехам. Затѣм он сообщает о своих переговорах по прямому проводу с Михайловым, из которых выясняется, что делегация Сибирскаго Правительства должна была выѣхать только вчера, что пока Михайлов мог назвать лишь одного делегата, министра народнаго просвѣщенія Сапожникова. Предсѣдатель передает извиненія перед Гос. Совѣщаніем от имени Михайлова, «объясняющаго задержку делегации «тѣми внутренними тяжелыми переживаніями, которые за послѣднее время были у Сибирскаго Правительства». В виду всетаки полнаго отсутствія за сутки извѣстій о состоявшемся выѣздѣ делегации и о ея составѣ, президіум запросил вчера телеграммой, но отвѣта не имѣет. Имѣются однако свѣдѣнія с линіи, будто поѣзд с сибиряками прибудет сегодня поздно вечером. В тонѣ рѣчи предсѣдателя чувствуется, что он скептически относится ко всѣм этим извѣстіям и из Омска и с линіи. Но мы, делегаты, знаем уже все это. Теперь это передается и в публику.

Чтобы занять чѣмнибудь засѣданіе, предсѣдатель подробно мотивирует необходимость создать Совѣтъ Старѣйшин делегаций, поручить ему выработку наказа, а время посвятить частным переговорам между старѣйшинами, а также отдельными группами. Что же касается слѣдующаго засѣданія Гос. Совѣщанія, то ерока не фиксировать, представив определеніе его дня и часа президіуму.

С отвѣтом, не для возраженія, а для полной поддержки предложеній предсѣдателя выступает А. Н. Кругликов. Получается видимость засѣданія. Ставится на голосованіе предложеніе ни о чем сейчас не высказываться и принять предложеніе о Совѣтѣ Старѣйшин и о днѣ слѣдующаго засѣданія. Принимается единогласно, ибо все заранее предрѣшено в том самом Совѣтѣ Старѣйшин, который формально рѣшено только что создать. Второй «спектакль» закончен. Расходимся, и среди делегатов слышатся мало-лестныя опитеты по адресу сибиряков.

3.

С Самарой отношенія Урала налаживались через делегацию Правительства Ура-

ла и Союза Возрожденія (его представителем в совѣтѣ старѣйшин было рѣшено назначить на этот раз В. Г. Болдырева), я буду в состояніи вліять на рѣшеніе нап болѣе острых вопросов, сам же буду и болѣе свободным и имѣть руки развязанными, что мнѣ крайне важно, как члену правительства. Позволит это мнѣ также в любой момент, при надобности, съѣздить в Екатеринбург.

Так я рисовал себѣ дальнѣйшее участіе мое в работах совѣщанія, отдыхая нѣсколько от напряженной предшествовавшей работы в то время, как комиссія работала над наказом и над обсужденіем вопросов о допущеніи тѣх или других делегаций.

Но такія мечты длились недолго. У жизни свои своеобразныя шутки, и одну из них она сыграла со мной. От Пепеляева, пріѣзда котораго я ждал с поѣздом омской делегации, я получил телеграмму, в которой он сообщал, что захворал, пріѣхать не может, и просит меня взять на себя представительство Ц. К. нашей партіи. Я, грѣшным дѣлом, заподозрил, не дипломатическаго ли характера «болѣзнь» Пепеляева, с чѣм подѣлился тут-же кое с кѣм из делегатов. (Много позднѣе, чуть не через год, в Омскѣ Н. К. Волков сообщил мнѣ со слов Пепеляева, что он умышленно не поѣхал в Уфу, чтобы все переложить на меня, а самому «имѣть руки развязанными»). Но, каковы бы ни были истинныя причины непріѣзда Пепеляева, положеніе для меня создавалось крайне тяжелое.

Я был в Уфѣ единственным человѣком, который мог взять на себя представительство нашего Ц. К. Ходатайства областных комитетов разных партій о допущеніи их делегатов на Государственное Совѣщаніе были всѣ отклонены: допускались исключительно представители центральных комитетов. Отказ мой от представительства Ц. К. означал бы уклоненіе партіи народной свободы от участія в созданіи всероссійской власти.

С другой стороны, директивы Ц. К., привезенныя Пепеляевым из Москвы, были для меня непріемлемы. Не даром я участвовал только в Союзѣ Возрожденія. В спасительность диктатуры я не только

не вѣрил, но и считал ее губельной для дѣла. Между тѣм директива, привезенная Пепеляевым, была весьма краткой: диктатура! К тому, что я не вѣрил в цѣлесообразность диктатуры, прибавлялось и то, что практически, при сложившейся обстановкѣ, предлагать Государственному Совѣщанію диктатуру, как форму правленія, было безнадежно. Выступать с такой формулой означало безцѣльно повредить своей политической репутаціи и уменьшить возможное свое вліяніе галѣво.

Как быть? Отказаться от участія партіи в созданіи власти во имя спасенія своего реноме я не считал допустимым. Я рѣшил поэтому принять такую позицію: вот какова принципиальная точка зрѣнія Ц. К. на необходимую форму власти, а вот то, что приходится дѣлать сейчас, принимая во вниманіе конкретную обстановку. Рѣшив взять на себя представительство Ц. К., я привлек к обсужденію всѣх вопросов своих однопартійцев из губернских комитетов, в частности А. П. Мельгунова (бывшаго члена Гос. Думы) и А. И. Коробова. С послѣдним (принимая, однако, на себя одного полную отвѣтственность) я обсуждал подробно и декларацию, с которой я выступил.

11-го сентября стало, наконец, твердо извѣстно, что сибирская делегация находится дѣйствительно в пути и 12-го будет в Уфѣ. В состав ея входил кромѣ профессора Сапожникова, член сибирскаго правительства И. И. Серебренников. Ни главы правительства, Вологодскаго (уѣхавшаго как раз в это время с Гинсом на восток), ни души правительства, Михайлова, в делегации не было. Про профессора Сапожникова говорили, что это симпатичный старик, аккуратно распредѣляющій свое время между наукой и игрой на скрипкѣ, что это не политическій дѣятель, а профессор, взявшій на себя чисто дѣловую роль министра просвѣщенія в административном совѣтѣ (совѣт министров Сибири в отличіе от «правительства» — директоріи). И. И. Серебренникова я знал: он вмѣстѣ с Гришиным-Алмазовым пріѣзжал к нам в Екатеринбург. Серебренников — из людей, умѣющих молчать и многозначительно улыбаться. В нем чувствуется упорство и на-

стойчивость, но не чувствуется творческой мысли. Делегация из Сапожникова и Серебренникова не предвещала ничего хорошего. Она была не такого калибра, чтобы рѣшать что-либо серьезное за своей ответственностью. Значит, она будет споспѣвать по мало-мальски серьезным вопросам с Омском и затягивать рѣшения; таково было общее мнѣніе делегатов, которое вполнѣ оправдалось.

Как бы то ни было, формально послѣдняя из делегаций прибывала, и можно было приступать к работѣ. Поэтому было рѣшено 12-го сентября устроить третье засѣданіе Государственного Совѣщанія и допустить на нем декларативныя рѣчи представителей делегаций, но не допускать в рѣчах преній и взаимной критики. Такое рѣшеніе превращало и третье засѣданіе в спектакль, на котором должно было демонстрироваться миролюбіе: публика не должна была видѣть наших раздоров.

4.

Третье засѣданіе открывается в 11 ч. 30 минут и, послѣ перерыва в 2 часа дня, возобновляется в 6 ч. 50 м. вечера уже в присутствіи делегации сибирскаго правительства. Во второй половинѣ засѣданія в виду окончательнаго выясненія, что И. А. Михайлов не пріѣдет, вмѣсто него товарищем предсѣдателя избирается И. И. Серебренников.

Забѣгая немного вперед, не могу не остановиться на вклинившемся в ход занятій, немедленно вслѣд за выборами Серебренникова, предложеніи Вольскаго. Он дополняет сообщеніе Авксентьева о том, что «союзническія войска находятся уже на территоріи російскаго государства—они движутся приблизительно около Чыты», и говорит:

«С другой стороны там, гдѣ находится сейчас наш главный боевой фронт, совершенно ясно обозначилось, что этот фронт фактически становится уже фронтом нѣмецким, и это обозначилось не только в силу того договора, который заключен большевиками с нѣмцами, но и фактически в силу того, что войсковыя силы большевиков пополяются дѣйствительными нѣмецкими силами. Хотя там нѣтъ еще регулярных нѣмецких армій, но дѣйстви-

тельная нѣмецкая помощь, организующая армію, дающая человѣческія силы, снаряженіе, указанія, командный состав, вполнѣ обнаружена... В силу этого положенія является необходимость в экстренном разрѣшеніи вопросов, связанных с возобновленіем договоров, которые большевиками были разрушены».

Вольскій предлагает поэтому послать союзникам соответствующую привѣтственную телеграмму от имени всѣх делегаций Государственного Совѣщанія с поименным перечисленіем этих делегаций. Предложеніе принимается.

Возвращаюсь, однако, к существу засѣданія. Начинается утреннее засѣданіе с оглашенія предсѣдателем поступивших привѣтствій и затѣм предоставляется слово для привѣтствія от имени чехо-словацкаго Национальнаго Совѣта и чехо-словацких войск Богдану Павлу.

Рѣчь прекрасно скомпанована и производит большое впечатлѣніе. Она кратка и сильна, особенно конец:

«Мы, чехо-словаки, от души желаем вам успѣха в предстоящей ответственнй задачѣ, и вѣрим и надѣемся, что вам удастся создать на этом государственном совѣщаніи всероссійскую власть, опирающуюся, дѣйствительно, на всѣ слои русскаго народа. Мы вѣрим и надѣемся, что вы всѣ, здѣсь присутствующіе представители Россіи, найдете тот общій язык, который объединит всѣх в общем стремленіи послужить родинѣ. Мы вѣрим и надѣемся, что русскій народ, который 300 лѣтъ тому назад в Нижнем сумѣлъ встать на защиту своей свободы и единства, найдет и в настоящее смутное время на уфимском государственном совѣщаніи своих Мининых и Пужарских, которые крѣпкою рукою выведут Россію на путь славы и мира. Мы вѣрим в это тѣм болѣе, что всѣ мы, равно как и вы, чувствуем тяжесть момента, когда нам всѣм были даны уже два предостереженія. Первое—прорывом сѣвернѣе Уфы, в дѣйствительности не ликвидированным, и второе—падением Казани. Господа, мы всѣ должны объединиться для того, чтобы не ожидать третьяго предостереженія!»

Послѣднія слова покрываются аплодисментами, но чувствуется среди нѣбли-

ки и сильное волнение, вызванное ими. Мы, делегаты, уже и без этой рѣчи знаем о предостереженіях, о которых говорит Павлу.

Принимается наказ, заслушивается доклад мандатной комиссіи, и приступают к деклараціям представителей делегацій.

Я не стану подробно передавать рѣчи отдѣльных ораторов, а попытаюсь установить разныя точки зрѣнія, выдвинутыя ими.

С длинной рѣчью от имени Комуча выступает Вольскій. Нѣтъ того аргумента, который он не был бы готов использовать в защиту своих положеній. Так, этот эсер подкрѣпляет положеніе Учредительнаго Собранія преемственностью, тѣм, что «формальным актом, предшествовавшим ему, явился акт отрешагося от престола великаго князя Михаила Александровича, акт о созывѣ Всероссийскаго Учредительнаго Собранія, созыв котораго был поручен им. Временному Правительству».

Тезисы Вольскаго, в его собственной формулировкѣ, таковы: «Безспорной и несомнѣнной является полновластность Всероссийскаго Учредительнаго Собранія для образованія всероссійской власти. Перед этим Всероссийским Учредительным Собраніем должно быть отвѣтственно великое правительство, и этому Всероссийскому Учредительному Собранію должно передать всѣ свои полномочія. Впредь до открытія Учредительнаго Собранія, та власть, которая должна быть основана путем соглашенія на Государственном Совѣщаніи, эта всероссійская власть должна быть отвѣтственна перед съѣздом членов Учредительнаго Собранія на тѣх основах, которыя будто выработаны на этом самом съѣздѣ».

Иначе смотрит на вопрос другая главная сила—сибирское правительство в лицѣ Саножинова. Считаая, что воссозданіе Россіи возможно лишь на демократических началах «через устроеніе ея отдѣльных областей», но отвергая всякія стремленія своего правительства к сепаратизму, Саножинов выдвигает: Всероссійская власть должна быть в видѣ директоріи из пяти лиц, избранных Государственным Совѣщаніем по персональным признакам. При директоріи — отвѣтственный перед

ней дѣловой кабинет министров. «Директорія отвѣтственна только перед будущим полномочным органом правильнаго волеизъявленія народа. Директорія объединяет в своих руках общегосударственныя функціи власти и оставляет руководство отдѣльными отраслями государственной и хозяйственной жизни в предѣлах областей за соответственными органами областных территориальных автономных правительств».

Тенденціи Комуча поддерживают Букейханов (от имени тюрко-татар, Туркестана и Алаш-Орды) и Майскій от имени Р. С. Д. Р. П.

Ф. З. Чембулов от имени трудовой народно-соціалистической партіи, учитывая опасность от вполне возможнаго еще уклона как влѣво, так и вправо, считает необходимым существованіе представительнаго органа, перед которым власть отвѣчала бы. Учредительное Собраніе уже не отражает воли народа. Поэтому Государственное Совѣщаніе должно не только создать власть, но и періодически собираться для заслушанія отчетов власти и установленія директив для нея.

Генерал Хорошкин от имени казачьих правительств (Оренбургскаго, Уральскаго, Сибирскаго, Семирѣченскаго, Астраханскаго, Иркутскаго и Енисейскаго), заявляя о том, что «искони демократическія казачьи войска, не признающія в своих областях иной власти, как власти народной, выраженной войсковыми кругами и органами ими выбираемыми, считают, что вся власть в государствѣ Россійском должна принадлежать Всероссийскому Учредительному Собранію новаго созыва». Пока же необходимо: созданіе верховной власти из трех лиц. Образованіе дѣловаго кабинета министров при ней. Отвѣтственность верховной власти перед Учредительным Собраніем новаго состава. Созыв Государственнаго Совѣщанія для рѣшенія «вопросов, связанных с существованіем и самостоятельностью Государства Россійскаго», как вопросов о войнѣ и мирѣ, с обязательностью в этом случаѣ принятых Государственным Совѣщаніем рѣшеній.

В. П. Фомин от имени группы «Едичство», признавая, что революція наша

буржуазная, а потому власть должна быть соответственного характера, не допуская ни анархосиндикализма, ни «назад к старому порядку», предлагает: Директорія из 3—5 лиц с правом текущаго законодательства. Дѣловой совѣтъ министров. Выборы в новое Учредительное Собрание. Временный представительный орган из представителей по 2—3 от партій и групп и в утроенном числѣ от Комуца. Представительный орган созывается время от времени по требованію большинства депутатов и имѣет право запроса.

В. Г. Болдырев от имени Союза Возрожденія Россіи подробно останавливается на вопросѣ возсозданія единой Россіи и ея военной мощи, и подчеркивает в отношеніи власти, которую должно создать Государственное Совѣщаніе, что «власть эта не должна быть стѣбена в своих дѣйствіях каким-либо параллельно с ней существующим контрольным аппаратом и, как власть, создаваемая на основаніи принципа народовластиа отвѣтствен на перед Всероссийским Учредительным Собраніем в его законном составѣ, собравшемся к опредѣленному сроку». Как схему власти он выдвигает директорію из 3—5 лиц, как верховную власть с отвѣтственным перед ней дѣловым кабинетом министров с тѣм, что общегосударственными вѣдомствами должны быть: военное, морское, иностранных дѣл, путей сообщения, финансов, снабженія и продовольствія арміи и государственный контроль.

А. А. Кошечев от имени правительства Урала выдвигает положеніе, что оздоровленіе страны фактически происходит по частям, в отдѣльных областях со своими автономными правительствами. В этом явленіи—залог здороваго начала, привлекающаго к строительству всѣ мѣстныя живыя силы, в противовѣс прежнему централизму, немислимому при колоссальной территоріи Россіи. Но во главѣ единой Россіи для проведенія общегосударственных задач должно стоять всероссійское правительство, созданное, впредь до созыва Всероссийскаго Учредительнаго Собранія, Государственным Совѣщаніем. Оно же должно выработать для центральной власти программу. Власть должна

быть создана на коалиціонных началах. «путем соглашенія на опредѣленных кандидатах, извѣстных своей стойкостью, политической честностью и способностью выполнить намѣченную Государственным Совѣщаніем программу». Директорія должна обладать всей полнотою власти. В цѣлях гарантіи намѣченной программы должен быть создан контрольный орган приблизительно на тѣх основаніях, что Государственное Совѣщаніе. Директорія в срок, устанавливаемый ею по соглашенію с контрольным органом, созывает Учредительное Собрание новаго состава, перед которым слагает свои полномочія.

От партіи Народной Свободы, как я уже указывал, пришлось выступить мнѣ. За мою рѣчь мнѣ пришлось впоследствии выслушать не мало нападок, причем ее очень охотно искажали. Поэтому считаю необходимым привести ее в выдержках из стенограммы:

«Ц. К. партіи Народной Свободы, обсуждая вопрос, какова должна быть власть, которая сейчас должна быть учреждена в Россіи, исходя из тѣх задач, которыя должны быть сейчас поставлены перед властью. Первой задачей, которой должны быть подчинены всѣ остальные, Ц. К. считает возсозданіе великой, единой и нераздѣльной Россіи. И вот для того; чтобы выполнить эту задачу, необходимо, чтобы Россія бок-о-бок с оставшимися в годину бѣдствія вѣрными нам союзниками, как равная сторона, приняла всѣ мѣры к тому, чтобы окончить войну в тѣх общих цѣлях, которыя поставлены всѣми союзниками. И если мы хотим дѣйствительно в этом дѣлѣ выступить, как равная сторона, то комитет считает, что мы должны имѣть настоящую армію... Призвать в ея ряды нужно будет всѣх, и жертвы крови будут огромныя. Это, несомнѣнно, создаст со стороны правительства серьезную требовательность по отношенію ко всѣм классам населенія без исключенія. Если мы хотим имѣть серьезную армію, то эта армія должна быть накормлена, обута и одѣта; между тѣм работоспособность страны пала до необычайнаго. Можно сказать, что всѣ выпряглись, страна не работает и нужно заставить ее работать. Если одних государство будет

заставлять нести подать крови, то от других оно будет имѣть право требовать подать труда. Нельзя позволить, чтобы поля остались незасѣянными из-за тѣх или иных расчетов тѣх или других классов. Рабочіе на фабриках и заводах должны мачать работать. Нужно оберегать всѣ интересы рабочих, нужно силу рабочего экономить, нельзя заставлять его безконечно работать, но, если в известный момент государство имѣет право заставить одного идти в окопы, то имѣет право заставить другого работать сверх силы. И нужно имѣть такое правительство, которое сумѣло бы заставить так работать. Наконец, если одни будут нести тяготы войны, тяготы труда, то нельзя оставить других без тяготы налоговой или заниматься спекуляціей, наживой, и государство должно будет надавить на тѣх, кто этим занимается. Вы видите, что на долю власти придется принять мѣры по отношению ко всѣм, мѣры далеко не пріятны для какого бы то ни было класса. Затѣм, если мы хотим вести войну, то нужно, чтобы в странѣ царил порядок, не тот порядок мертвечины, который когда-то был, а настоящій порядок, соединенный со свободой... К несчастью, свободы у нас еще смѣшивают с разнузданностью, и настоящая власть должна поставить дѣло так, чтобы свобода не мѣшала порядку. А это требует очень сильной власти. Наконец, на обязанности власти должно лежать то, чтобы, как только страва маломальски придет в порядок, обезпечить возможность населенію произвести выборы в Учредительное Собрание на демократических основаніях, и выборы правильные. Власть нужна сильная, рѣшительная и такая, которая бы дѣлала все быстро и энергично, потому что время не терпит и страна гибнет. И вот Ц. К. пар-

тій Народной Свободы считает, что наилучшей формой для осуществленія такой власти, была бы временная единоличная верховная власть. К великому несчастью для Россіи, если революція выдвинула титанов разрушенія, анархіи и беспорядка, то, к сожалѣнію, на фонѣ нашей революции не явилось ни одного человека, которому вся нація, вся страна могла бы довериться и на котораго могла бы рассчитывать, что он доведет страну до Учредительнаго Собранія. Поэтому приходится поневолѣ мириться с менѣ совершенной формой в видѣ директоріи, но эту директорію мы мыслим, как верховную власть, дѣйствующую через посредство министров, отвѣтственных перед этой верховной властью, причем директорія ни перед кѣм не отвѣчает. Объем ея прав—вся полнота власти... Я понимаю, что для вас была бы весьма трудно пріемлема эта форма»...

Тавов был калейдоскоп мнѣній об организаціи власти. На этом обмѣнѣ мнѣній кончается третье засѣданіе, и на слѣдующій день начинаются вплотную работы совѣта старѣйшин для отысканія «единогласнаго» рѣшенія.

В столовой, куда направляемся, присаживаюсь к столику Серебренникова. «Не думаете-ли вы, говорит он мнѣ, что, при недостаткѣ у нас людей, не может их хватить на нѣсколько правительств. Может быть, если бы мы сошлись на том, чтобы привлечь в одно правительство и его дѣловой аппарат всѣх наиболѣе энергичных из всѣх правительств, то никаких других правительств не могло бы быть, и это примирило бы всѣх?»

И в этих кратких словах представителя Омска было гораздо больше реального содержанія, чѣм в официальной деклараціи сибирскаго правительства.

ГЛАВА XVIII.

В Совѣтъ старѣйшинъ.—«Съѣздъ» членов Учред. Собрания.—Срочность работы и методы достиженія „единогласія“. Вопрос о „контролирующем органѣ“.—Отношеніе к Учр. Собранию и Съѣзду его членовъ—Программные вопросы. „Закон 5 января 1918 г.“—Метод образованія Директоріи и число лиц в ней.—Столкновеніе на почвѣ достигну- тых соглашеній.

1.

Совѣтъ старѣйшинъ—официально «Комиссія Государственного Совѣщанія по организаціи Всероссийской Власти», образовался в составѣ президіума Гос. Совѣщанія (Н. Д. Авксентьев, Е. Ф. Роговскій, В. Н. Моисеенко, П. В. Мурашев и И. И. Серебrenников) и представителей делегацій: М. Чонаев от врем. Туркестанскаго правительства; А. Н. Букейханов—киргизскаго правительства Алаш-Орды; Е. П. Березовскій—сибирскаго казачьяго войска; А. Н. Круглинов—съѣзда городов и земств Урала, Поволжья и Сибири; П. Д. Шуваев—енисейскаго казачьяго войска; И. Е. Марнов (позднѣе С. Ф. Знаменскій)—партіи пародных социалистов; В. Г. Болдырев—союза Возрожденія Россіи; Л. А. Кроль—партіи Народной Свободы; И. И. Войтов—врем. областного правительства Урала; Н. С. Анисимов—войскаго правительства оренбургскаго казачьяго войска; Г. М. Астахов—астраханскаго казачьяго войска; С. Н. Шендриков—семирѣченскаго казачьяго войска; И. С. Пеземскій—уральскаго казачьяго войска; А. А. Назлас—эстонскаго врем. правительства; С. Ш. Мамлеев—національнаго управленія тюрко-татар внутренней Россіи и Сибири; В. П. Фомин—Всероссійской соц.-дем. организаціи «Единство»; В. М. Сапожников—сибирскаго врем. правительства; В. С. Кибрик—Р. С. Д. Р. П.; А. А. Валидов—башкирскаго правительства; М. Я. Гендельман—ц. к. партіи социалистов-революціонеров; В. М. Зензинов—съѣзда членов Всероссийскаго Учредительнаго Собрания.

Этому чрезвычайно разношерстному составу предстояла нелегкая задача: придти к единогласному рѣшенію всѣх вопросов, включая основной, по которому делегаціи так сильно выжили свои разногласія в третьем засѣданіи Госуд. Совѣщанія.

В частности, я не могу не указать на своеобразное представительство «Съѣзда» членов Учредительнаго Собрания. Этот «Съѣздъ» отличался от Комуча тѣм, что в съѣздѣ участвовали всѣ члены Учредительнаго Собрания. В самом дѣлѣ, если в Комучѣ отказывались участвовать нѣкоторые эсеры и я, как в органѣ управленія, то у нас не было мотивов уклоняться от участія в съѣздѣ, не налагающем ни на кого ни обязанностей, ни отвѣтственности. Создавая, однако, такой «Съѣздъ», почти весь состоящій из тѣх же лиц, что и Комуч, с ничтожным числом не эсеров, эсеры могли пользоваться авторитетом съѣзда, выступая от его имени, как съѣзда разнопартийнаго.

Обычно собиралась фракція соц.-революціонеров Учредительнаго Собрания, предрѣшала всѣ вопросы, а затѣм приходил за мной большею частью Авксентьев, и открывался... Съѣзд. Ставился вопрос, выступал эсер и формулировал точку зрѣнія своей фракціи, затѣм я выступал большей частью с кратким возраженіем, затѣм голосовали и принимали большинством голосов против меня и еще нѣскольких постановленіе... «Съѣзда». Шутили, говоря, что я составляю съѣзд, ибо без меня съѣзда нѣтъ; я отшучивался, требуя от Комуча особой охраны моей личности во имя сохраненія съѣзда. Большинство съѣзда всецѣло подчиня-

лось ц. к. партіи эсеров. При таких условиях, представители в совѣтъ старѣйшин, Гендельман от эсеровскаго ц. к. и Зензинов от съѣзда, были одно и то же. И один раз мнѣ пришлось замѣтить Зензинову, что, в концѣ концов, когда он очень усиленно упирался на авторитет «Съѣзда», то он не должен забывать, что, если исключить из состава съѣзда эсеров, представленных уже в совѣтъ старѣйшин Гендельманом, то он, Зензинов, представляет в совѣтъ старѣйшин в сущности, одного меня, а-я голосовал в съѣздѣ против того, что он от имени моего говорит.

Официально совѣтъ старѣйшин открылся 13 сентября. По еще накануне утром мы были созваны экстренно и заслушали секретное сообщеніе атамана Дутова о том, что положеніе на фронтѣ плохо, что долго при нынѣшнем положеніи казаки не будут в состояніи тянуть, что необходимо ускорить созданіе единого командованія, а, слѣдовательно и центральной власти. Дѣла, заявляя он, настолько плохи, что он должен уѣхать немедленно, и он счел своим долгом перед отъѣздом просить нас торопиться, ибо каждая минута дорога.

Заявленіе Дутова произвело свое впечатленіе, но легко было предлагать торопиться и трудно было это выполнить. Требованіе единогласія шло так далеко, что, при чисто редакціонных разногласіях, предварительно единогласно рѣшали, допустить ли их разрѣшеніе большинством голосов. Что касается серьезных вопросов, то стоило одному делегату заявить о несогласіи, как приходилось или прерывать засѣданіе или переходить к другому вопросу, временно отложив возбужденный разногласія (в зависимости от значенія вопроса). Затѣм во время прерыва искали путей к тому, чтобы склонить ту или другую сторону к соглашенію. При этом бывали случаи раздѣленія совѣта старѣйшин на двѣ части, в самых разнообразных комбинированіях. Во время прерывов или совѣщанія делегатов со своими делегаціями, делегацій между собой, или переговоры между противоположными группировками, находились компромиссы, усиливавшіе число группировок на той или другой сторонѣ,

или уговоры, и, наконец, когда обѣ стороны упирались в тупик, бывали случаи, что представители «союзников» клали свою гирю на ту или другую чашку вѣсов, дѣлали за кулисами «представленіе», и получалось «единогласіе». Впервые я тут поняла, насколько мудро поступают, когда изолируют конклав при выборѣ папы от всякаго возможнаго вліянія извнѣ. На нас давили со всѣх сторон.

2.

Совѣтъ старѣйшин конституируется официально в утреннем засѣданіи 13 сентября. Предсѣдателем избирается Авиценштейн, товарищами его — Сапожников, Кругликов и Болдырев.

Обсужденіе начинается с вопросов: какаѣ должна быть власть — отвѣтственная или безотвѣтственная; если отвѣтственная, то перед кѣм. Пренія развертываются широко, но все, что говорят делегаты, почти повтореніе того, что выдвигалось в деклараціях их в третьем засѣданіи Госуд. Совѣщанія. Разница в том, что здѣсь откровенно выявляется взаимное недоверіе, взаимная подозрительность. Идет первый тур, дѣлают ходы, стараюсь больше выслушать от противника. Не приди ни к чему, объявляют перерыв.

В 6 часов вечера засѣданіе возобновляется. Предсѣдатель предлагает высказаться по пунктам, вызывающим разногласія. Наступает длинная тяжелая пауза. Каждая из сторон ждет, чтобы высказалась другая. Предсѣдатель обращается в упор к представителям сторон с предложеніем высказаться.

Начинает В. М. Зензинов, от имени Съѣзда членов Учред. Собранія, Кожуча, Ц. К. соц.-революціонеров, Ц. Б. соц.-демократов и 4-х делегацій мусульманских правительств: «Группы по прежнему считают обязательной и необходимой отвѣтственность правительства, но предлагают подвергнуть полному и всестороннему обсужденію вопрос о формах и предѣлах отвѣтственности. Группы считают неизбѣжным — признаніе прав Учредительнаго собранія даннаго состава. Власть должна сложить полномочія перед Учред. Собраніем, создаваемым в срок, установлен

ный наличным составом членов Учред. Собрания, участвующих в Госуд. Совѣщаніи.

На это контр-предложением отвѣчает В. В. Сапожников от имени делегаций Сибирскаго Правительства, партіи Народной свободы, Союза Возрожденія, казачьих войск и группы «Единство»: «Власть должна быть отвѣтственной. Органом, избирающим власть, является не Учр. Собрание, а настоящее Государственное Совѣщаніе. Слѣдовательно и отвѣтственность должна быть перед Государственным Совѣщаніем. Это Государственное Совѣщаніе может быть пополняемо членами Учр. Собрания настоящаго созыва. Директорія дѣйствует в теченіе 6 мѣсяцев безотвѣтственно, потом отчитывается перед Государственным Совѣщаніем. Конституція этого органа должна быть разработана здѣсь-же. При этом желательно, чтобы представительство областей было в болѣе полном составѣ. По представленіи отчета власти, Государственное Совѣщаніе или одобряет дѣятельность правительства, или, в случаѣ неодобренія, переизбирает его. Такой порядок продолжается до созыва новаго Учр. Собрания, закон о выборах в которое вырабатывает Государственное Совѣщаніе».

Сдвиг чувствуется: слѣва допускают уже обсужденіе вопроса о формах и предѣлах отвѣтственности; справа признают принципиальную возможность отвѣтственности. Обѣ стороны понимают в тому, что предложенія противников дѣлаются с большим запросом.

Начинаются опять длиннѣйшія пренія; онѣ вертятся, главным образом, на вопросѣ, допустим-ли контроль над властью или нѣт. Лѣвая настаивает на нем. Правая его отрицает.

Пренія затягиваются и переносятся на слѣдующій день.

Утро вечера мудренѣе, и с утра 14 сентября в засѣданіи начинается форменный торг.

Сапожников уже «не отрицает контролирующаго органа» в лицѣ Государственнаго Совѣщанія, созываемаго через 6 мѣсяцев, но отрицает постоянно дѣйствующій контрольный орган.

От имени другой стороны Гендельман заявляет о возможности соглашенія в вопросѣ об ограниченіи компетенціи контролирующаго органа, но дѣйствіе этого органа должно быть непрерывным.

На требованіи, чтобы этим органом был исключительно Съѣзд членов Учредительнаго Собрания, больше не настаивают: он может быть смѣшанным.

Контрольная работа должна начаться с момента созданія власти.

Совѣтъ Старѣйшин признает, что достигнуто соглашеніе о созданіи контролирующаго органа в видѣ смѣшаннаго органа, а не в лицѣ Съѣзда членов Учредительнаго Собрания.

Переходят к дебатам по вопросу о постоянно дѣйствующем органѣ и о функциях его.

Сапожников идет на новую уступку: «Государственное Совѣщаніе, в которое входят и члены Учредительнаго Собрания, собирается через 6, а можно и через 4 мѣсяца. Совѣщаніе заслушивает отчет правительства за весь період его дѣятельности. В случаѣ неодобренія, правительство подает в отставку».

Гендельман тоже идет на уступку, но другую: «мы согласны на то, чтобы постоянный контролирующій орган не имѣл права выносить вотума о смѣнѣ правительства, но он может дѣлать запросы или указанія на незаконность дѣйствій министерств».

Начинаются пренія. Одни считают невозможным допущеніе запросов; другіе считают их безцѣльными, раз они не влекут за собой отставки; указывается на невозможность надолго отрывать представителей областных правительств; предлагается выдѣленіе из Государственнаго Совѣщанія малаго Государственнаго Совѣта; критикуют сложность и громоздкость аппарата; сомнѣваются, имѣет ли смысл существованіе органа только для запросов, без законодательных прав, и спрашивают, будет ли ему, что дѣлать; правая считает, что она предлагает болѣе гарантій, допуская отставку при неодобреніи политики правительства; лѣвая видит гарантію только в постоянно дѣйствующем органѣ, независимо от его функций.

В конечном счете решают поручить подкомиссии из представителей группы разработать вопрос о контрольном органе и представить результат работ Совету Старейшин, для чего объявляется перерыв до 5 часов вечера.

Вечернее заседание начинается с констатирования факта, что подкомиссия не имела единого решения.

Сапожников от имени одной части подкомиссии оглашает формулу, к которой она пришла: «Правительство работает без постоянного контроля до созыва — через 4 месяца — Государственного Совещания, которому оно представляет отчет; тогда же Государственное Совещание разрешает вопрос о создании постоянно функционирующего органа в виде малого Совета, компетенция которого ограничена правом вопросов о незаконных действиях правительства. В случаях экстренных, определяемых заранее, по заявлению двух третей членов Государственного Совещания, может быть созвано его экстренное собрание досрочно».

Кругликов формулирует позицию другой группы подкомиссии: «Одновременно с организацией Правительства создается контрольный орган в виде малого Государственного Совета, компетенция которого ограничивается правом вопроса о незаконности действий правительства, на началах паритета между настоящим составом Учредительного Собрания, с одной стороны, и представителей правительств, групп и партий, с другой, при чем орган этот действует по сессиям, определенным заранее, и созываемым постоянным Бюро этого малого Совета. Распределение мест в малом Совете определяется взаимным соглашением групп и санкционируется настоящим Государственным Совещанием».

Все формулировано ясно и четко.

Сомнения нет, что мы уперлись в тупик, и соглашения о характере контроля не найти. Как быть?

Марков предлагает передать вопрос на разрешение фракций.

Березовский предлагает или тут же прийти к соглашению или бросить дальнейшую работу.

Я выдвигаю предложение перейти к

другим вопросам и выяснить всю сумму наших разногласий. Меня поддерживает Зензинов.

В результате дебатов, мы переходим к обсуждению программы дня правительства, и из нескольких предложенных программ в основу суждения принимаем проект, предложенный эс-эрами.

Я не стану сейчас останавливаться на текст проекта эс-эров. В дальнейшем я приведу ту окончательную программу, которая была принята.

Пока же отмечу ряд тех вопросов, которые вызвали дебаты при первом обмене мнениями.

Каковы должны быть взаимоотношения с «союзниками», допустимо ли их вмешательство в наши внутренние дела, допустима ли их помощь не только финансовая и техническая, но и живой силой? Необходимо ли возобновление договоров с союзниками, аннулированных большевиками, или же надо считать акт большевиков ничтожным, а договоры — продолжающими иметь законную силу, а может быть, необходим пересмотр этих договоров и возобновление на новых началах?

Должна ли быть в программе установлена федерация, как основа будущего государственного строя России, чтобы это было заранее известно оторванным областям и областям, входящим под власть большевиков?

Допустимо ли и в какой мере или в каких местах вмешательство военных властей в сферу гражданского управления? Допустимо ли участие военнослужащих в политических партиях и организациях? Допустимо ли их участие в выборах? Допустимо ли существование отдельных частей единой армии по признаку той или другой народности?

Допустимо ли признание автономии отдельных областей? Какие меры должны быть приняты для ограждения гражданских свобод, объявленных, но не регламентированных? Каковы должны быть меры для восстановления хозяйственной жизни страны? Какова должна быть земельная политика правительства?

Первый обмен мнениями заканчивается.

Выясняется, что в таком порядке вопроса не разрешить. Он передается на раз-

работку подкомиссии в составъ: Кругликова, Серебрянникова, Кааласа, Березовскаго и Букейханова.

В качествѣ эксперта рѣшено пригласить члена Государственнаго Совѣщанія экономиста П. П. Маслова.

Продолженіе засѣданія назначается на слѣдующій день.

Формально мы как будто дѣло сдѣлали. Но расходимся с тяжелым сознанием, что в основном вопросъ о контролѣ над властью соглашенія нѣтъ и что весьма тяжелое препятствіе к соглашенію остается не убранным с пути.

3.

Четыре засѣданія Совѣта Старѣйшин оставили в результатѣ на вѣсу вопрос о контролѣ над властью. Но еще важнѣе этого вопроса, был другой вопрос, вопрос, который возбуждался при дебатах, как о контролѣ, так и о программѣ правительства, и который каждый раз отклонялся, как вопрос, подлежащій особому обсужденію. Это был вопрос об отношеніи ко Всероссийскому Учредительному Собранію. Всѣ понимали исключительную остроту этого вопроса и рассчитывали подойти к нему уже послѣ того, как будут устранены другія разногласія. Но, волей-неволей, к нему в утреннем засѣданіи 15 сентября пришлось подойти. Так как вопрос этот имѣлъ огромное значеніе в дальнѣйшем, то, не желая брать на себя отвѣтственность за изложеніе хода дебатов, я привожу их в видѣ выписки из журнала засѣданія.

Предсѣдательствующій А. Н. Кругликов — предлагает отложить обсужденіе проекта платформы дѣятельности Всероссийскаго правительства, так как проект не был своевременно размножен. Обсужденіе откладывается.

Предсѣдатель предлагает высказаться по вопросу об Учредительном Собраніи. Послѣ двукратнаго приглашенія предсѣдателя приступить к обсужденію вопроса, прерывает молчаніе Л. А. Кроть. Он спрашивает, в чем заключается вопрос, поставленный на обсужденіе. Понимает так, что вопрос идет об отношеніи Государственнаго Совѣщанія к Учредительному Собранію.

В. М. Зензинов. (Съѣзд чл. Учр. Собранія). Опрежденіе мѣста, какое должно занимать Учредительное Собраніе в вопросѣ о конструкціи власти и в процесѣ созданія власти Учредительнаго Собранія даннаго состава, должно быть основным моментом устроенія государственной жизни Россіи. По нашему мнѣнію, вопросы, когда будет созвано Учредительное Собраніе, при каком кворумѣ, и какова будет его компетенція, могут быть разрѣшены только самим Учредительным Собраніем. Группы, представленныя в Совѣщаніи, могут лишь высказаться, как должна быть ограничена программа дѣятельности Учредительнаго Собранія. Принимая во вниманіе ущербленность числа членов Учредительнаго Собранія, продолжительность срока, прошедшаго со дня его созыва, Съѣзд членов Учредительнаго Собранія полагает, что оно не может заниматься основными задачами Государства Россійскаго, выработкой его конституціи, а должно ограничиться дѣловой задачей — разрѣшеніем вопросов практическаго характера, связанных с веденіем войны против Германіи и ея союзников.

Л. А. Кроть. (к. д.) Вопрос ставится о том, чтобы государственное совѣщаніе разрѣшило вопрос об Учредительном Собраніи. Такая постановка неясна. Прежде всегo приходится констатировать фактъ, что Учредительнаго Собранія нѣтъ, а есть нѣкоторое число членов Учредительнаго Собранія, которое не должно считать себя Учредительным Собраніем. Если бы это число членов считало себя Учредительным Собраніем, то не было бы Государственнаго Совѣщанія. Отсюда ясно, что наличный состав членов Учредительнаго Собранія не считает себя Учредительным Собраніем. Поэтому вынуждены были допустить смѣшанный орган, каким является Государственное Совѣщаніе, для разрѣшенія вопросов, подлежащих Учредительному Собранію.

Мы намѣчаем программу дѣятельности правительства и Государственнаго Совѣщанія, Учредительному же Собранію никто не может предлагать программу. Сейчас ставится вопрос об ограниченіи программы Учредительнаго Собранія, но Учредительное Собраніе не может спрашивать программы для себя. Когда может

быть собрано Учредительное Собрание, Государственное Совѣщаніе не может отвѣтить: соберется, когда соберется! Кворум Учредительнаго Собрания установить Государственное Совѣщаніе также не может. Компетенцію Учредительнаго Собрания Государственное Совѣщаніе опредѣлить тоже не может. При таких условиях я не понимаю, о чем нам говорить. В тот момент, когда Учредительное Собрание найдет нужным собраться, при таком кворумѣ, который оно само найдет нужным, оно и объявит себя Учредительным Собранием. Государственному Совѣщанію тут не о чем разсуждать: оно в этом не правомочно.

М. Я. Гендельман. (с.-р.) Я не вижу расхождения во взглядах на Учредительное Собрание у представителя партіи народной свободы и у представителя партіи социал-революціонеров. Зензинов только информировал, как смотрят члены Учредительнаго Собрания на свои задачи, а вовсе не предлагал Государственному Совѣщанію разрѣшать вопрос о компетенціи Учредительнаго Собрания: не права Учредительнаго Собрания, а обязанности правительства должно обсудить Государственное Совѣщаніе. Весь вопрос в том, чтобы мы всё подтвердили, что, когда Учредительное Собрание соберется и опредѣлит свои задачи, избранное Государственным Совѣщаніем правительство должно сложить свои полномочія. Государственное Совѣщаніе должно это зафиксировать.

Л. А. Кроль. Слѣдовательно, Государственное Совѣщаніе должно вынести постановление о признаніи Учредительнаго Собрания. Это — умаленіе прав Учредительнаго Собрания. Учредительное Собрание правомочно, когда соберется его пленум по меньшей мѣрѣ в размѣрѣ половины его членов плюс один. Оно может рѣшить тогда, что кворумом может быть и меньшее число, рѣшить, может ли имѣть значеніе отсутствіе в составѣ Учредительнаго Собрания большевиков и лѣвых эсеров, прибытіе или неприбытіе представителей Украины. Учредительное Собрание ни въ чьей санкціи не нуждается. Если же съѣдется нѣкоторое число членов Учредительнаго Собрания и объявит себя Учредительным Собранием, то дѣло не в том, признает ли его Государственное Совѣща-

ніе, а в том, признает ли его страна. С идеологической точки зрѣнія даже вредно в Государственном Совѣщаніи обсуждать вопрос об Учредительном Собраніи. Предлагаю снять с обсуждения этот теоретическій вопрос.

В. М. Зензинов. Я этого вопроса и не ставлю. Я доложил только мнѣніе нашей группы. Нам интересно знать мнѣніе всѣх политических теченій по этому вопросу.

В. В. Саломинков. (Сиб.) Мнѣніе Сибирскаго Совѣта министров по этому вопросу выражено в пунктѣ третьем нашей деклараціи, который нужно понимать в том смыслѣ, что директорія отвѣтственна перед Учредительным Собранием новаго созыва. Совѣтъ министров не признает отвѣтственности правительства перед Учредительным Собранием стараго состава. Если-бы потребовалось признаніе прав Учредительнаго Собрания настоящаго состава, то Сибирская делегация на это не уполномочена.

И. И. Войтов. Правительство Урала этого вопроса не касается, так как считает, что Учредительное Собрание само опредѣлит свои права. Предлагаю снять вопрос с обсуждения.

М. Я. Гендельман. Вопрос является вопросом практической важности. Мы вырабатываем опредѣленные директивы для будущей всероссійской власти. Но мы, социал-революціонеры, не принимали бы участія в организаціи власти, которая может посягнуть на Учредительное Собрание. Вчера мы установили, что никакіе большевистскіе законодательные акты не имѣют никаких послѣдствій. Я желаю услышать подтвержденіе, что всѣ большевистскіе декреты и посягательства на Учредительное Собрание тоже не имѣют никаких послѣдствій. Хотя на Учредительное Собрание насильственно посягнули большевики, но оно не умерло. Оно само разрѣшит всѣ вопросы. Если не прійдут Украинцы, значит, они выбыли, как большевики и лѣвые эсеры. Но Учредительное Собрание от этого не умирает. Когда возникнет спор о кворумѣ, то собравшіеся члены Учредительнаго Собрания могут рѣшить, вправѣ ли себя объявить Учредительным Собранием или нѣтъ. Мы были единодушны в Петроградѣ, когда постановили, что только члены Учредительна-

го Собранія сами вправѣ опредѣлять свой кворум и срок созыва. Когда началось изживаніе большевизма, то стали возникать областныя правительства, собравшіяся здѣсь. Изживаніе большевизма происходит на лозунгѣ народоправства; областныя правительства установили свою власть во имя Учредительнаго Собранія. Эти правительства должны сказать, что онѣ создают нынѣ Всероссійскую власть во имя народоправства, в защиту Учредительнаго Собранія.

В. П. Фомин. («Единство»). Я, как социал-демократ, разумѣется, не меньше других цѣню идею Учредительнаго Собранія. И когда созовется настоящее Учредительное Собрание, которое явится выразителем воли русскаго народа, то перед ним, конечно, будущее правительство должно сложить свои полномочія. Это ясно. Учредительное Собрание — хозяин земли русскою, и ему все будет подчинено. Не о таком Учредительном Собраніи идет здѣсь рѣчь у граждан Гендельмана, Зензинова и их единомышленников. Они говорят об остатках Учредительнаго Собранія, разогнаннаго большевиками, членов котораго не насчитывается и сотня, и компетенцію котораго, если бы они объявили себя Учредительным Собраніем, граждане Гендельман и другіе ограничивают только разрѣшеніем вопросов, связанных с веденіем войны. У них рѣчь идет, слѣдовательно, не об Учредительном Собраніи, как «хозяинѣ земли русскою», который начертает основные законы страны, а о так называемом Учредительном Собраніи, об остатках Учредительнаго Собранія стараго созыва, которые будут рѣшать лишь практическіе вопросы, связанные с войной. Вы видите, что рѣчь идет не об Учредительном Собраніи, а о квази-Учредительном Собраніи, о пародіи на Учредительное Собрание. Это — фактъ, и этот фактъ я констатирую. Представители партіи с.-р. все боятся, как бы здѣсь не умалили значенія Учредительнаго Собранія. Они сами, как видите, умаляют его значеніе, замѣняя настоящее Учредительное Собрание группою членов его, которым рекомендуется заняться только практическими вопросами, связанными с войной. Итак, мы не говорим уже здѣсь об Учредительном Собраніи.

Вопрос снятъ фактически, и я предлагаю его снять и формально.

Б. С. Кибрин. (р.с.д.р.п.) Заявленіе Зензинова — изложеніе плана работ Учредительнаго Собранія. Государственное Совѣщаніе не может этого плана ни утвердить, ни отвергнуть. Но мы — реальныя политики и должны ставить вопрос опредѣленно. Учредительное Собрание не собрано, а собирается. Мы должны знать: силы правительства будут содѣйствовать этому созыву или противоодѣйствовать? Ясно, что правительство, признающее новое Учредительное Собрание, будет противоодѣйствовать созыву стараго Учредительнаго Собранія. Повидимому, Учредительное Собрание стараго созыва не является нулем, который можно не принимать во вниманіе. Это — величина, с которой приходится считаться еще до его созыва.

Нужно установить, что центральная власть должна содѣйствовать созыву Учредительнаго Собранія стараго созыва. Если центральное правительство будет противоодѣйствовать созыву стараго Учредительнаго Собранія, то это вызовет оппозицію в рядах демократіи и рабочаго класса. Мы хотим, чтобы эта сторона вопроса была выяснена до созданія центральной власти, чтобы эта власть имѣла извѣстные обязательства.

А. Н. Круглинов. Внесено предложеніе снять вопрос с обсужденія. Но, отстраняя этот вопрос, мы встрѣтимся с ним при обсужденіи платформы центрального правительства, гдѣ есть тезис, который говорит об Учредительном Собраніи стараго состава. Государственное Совѣщаніе призвано организовать центральную государственную власть, и нужно сказать, что эта власть должна созвать Учредительное Собрание и сложить свои полномочія.

Л. А. Кроль. Партія народной свободы нигдѣ не заявляла о непризнаніи Учредительнаго Собранія, но она ставит вопрос не теоретически, а практически. Если соберутся 70 депутатов и скажут, что они — Учредительное Собрание, то с этим можно будет спорить. Тогда может случиться, что в Самарѣ соберется 70 депутатов и объявят себя Всероссійским Учредительным Собраніем, а в Оренбургѣ соберется 30 депутатов и тоже себя объявят Всероссійским Учредительным Со-

бранием. Что же тогда? — Получится явный абсурд. Вот, если соберутся 401 депутат и рѣшат, что достаточен кворум в 50 человек, я этот кворум признаю. Если мы ограничиваем права Государственного Совѣщанія или центральной власти, мы вправѣ это сдѣлать. Но как предписать создаваемому правительству добиваться созыва Учредительнаго Собранія, я этого не понимаю и считаю бесполезными всѣ сужденія об Учредительном Собраніи. Жизнь покажет, что будет, когда Учредительное Собраніе соберется: или правительство сложит полномочія, или оно не признает Учредительнаго Собранія. Это будет зависеть от реального соотношенія сил. Наше признание или непризнание не имѣет никакого значенія.

М. Я. Гендельман. Должно быть ясно и точно сказано, что правительство должно сложить свои полномочія, когда соберется Учредительное Собраніе. **Д. А. Кроль** говорит, что правительство или подчинится, или не признает Учредительнаго Собранія. В созданіи такого правительства мы участія не примем. Мы представляем себѣ созыв Учредительнаго Собранія так: на опредѣленный срок созываются члены Учредительнаго Собранія; пріѣхавшіе в этот срок исполнили свой долг и правомочны рѣшить вопрос — возобновлять или не возобновлять работы Учредительнаго Собранія, или слѣдует назначить другой срок. Мы слышали, что Сибирское правительство Учредительнаго Собранія настоящаго созыва не признает: на признание у него нѣтъ полномочій. Предлагаю слѣдующее: тѣ представители, которые имѣют право признать или не признать Учредительное Собраніе настоящаго созыва, пусть это сдѣлают, а не имѣющіе права пусть запросят свои делегаціи и потом дадут отвѣтъ.

В. В. Саложников. Предпочитает, чтобы по этому вопросу высказался **И. И. Серебrenниковъ**, как член Правительства Сибири.

И. И. Серебrenников. Правительство Сибири признает Учредительное Собраніе всякаго созыва, но не исключает возможности созыва Собора. Учредительное Собраніе настоящаго созыва может собраться и рѣшить вопрос о своем роспускѣ или возобновленіи работ. Когда этот вопрос

станет перед ним, и Учредительное Собраніе спросит мнѣніе Сибирскаго правительства, то оно скажет, что это Учредительное Собраніе должно быть распущено.

Предсѣдатель Н. Д. Ависентьев. Мы на ходимся в періодѣ, когда Учредительное Собраніе не собралось. Мы должны построить обще-русскую власть, которая будет существовать извѣстный період времени. За это время может собраться Учредительное Собраніе стараго созыва. Отдѣльные члены этого Учредительнаго Собранія могут предложить ему возобновить работы или сложить свои полномочія и назначить перевыборы. Когда соберется Учредительное Собраніе, то оно будет хозяином. Необходимо поэтому организуемой нами власти дать это указаніе. Здѣсь ставится вопрос, должно ли правительство имѣть обязательство признать это Учредительное Собраніе. В этом направленіи я и предлагаю вести пренія.

М. Я. Гендельман. (Обращаясь къ представителям Сибирскаго правительства). Если Учредительное Собраніе, собравшись, пожелает знать мнѣніе страны, и Сибирское правительство предложит ему распуститься, а оно не распустится, то подчинится ли Сибирское правительство открытому Учредительному Собранію или нѣтъ?

И. И. Серебrenников. Не предрѣшая вопроса, полагаю, что Сибирское правительство оставит за собой свободу дѣйствій.

В. М. Зензинов. Учредительное Собраніе большевиками разогнано, но члены Учредительнаго Собранія своих полномочій не сложили, и, слѣдовательно, Учредительное Собраніе юридически продолжает существовать. Мы думаем, что Учредительное Собраніе соберется снова, и преемственность, связующая его с лѣтним январем, будет установлена. Учредительное Собраніе — верховный хозяин русскаго государства. Кѣм будет созвано то новое Учредительное Собраніе, права котораго никѣм не оспариваются? Полагаю, что только Съѣздом членов Учредительнаго Собранія стараго созыва. На востокѣ Сибири правительство Хорвата объявило себя всероссійской властью. Может ли это правительство созвать Учредительное Собраніе? — Полагаю, что нѣтъ. Мы собрались сюда для созданія верховной вла

сти авторитетной, влиятельной, пользующейся доверием широких масс населения. Население это сплотилось вокруг лозунга «Учредительное Собрание». Во имя этого лозунга идет сейчас борьба с большевиками! Какая власть будет пользоваться большим доверием: та-ли, которая будет апеллировать к Учредительному Собранию, или та, которая не будет к нему апеллировать.

И. И. Серебrenников. Сибирское правительство полагает, что население страны не поддерживает Учредительного Собрания старого состава. Следовательно, необходимы перевыборы. Тут возникает вопрос, какая власть должна проводить выборное производство. Мы не предвещаем вопроса о том, следует-ли исключать большевиков и левых эсеров: исключить их полномочно только Учредительное Собрание. Может быть, Учредительное Собрание поменяет свой состав следующими кандидатами по очередному списку — это тоже в компетенции Учредительного Собрания.

М. Чонаев. (От имени четырех мусульманских делегаций). Мы признаем: вся власть — Учредительному Собранию настоящего созыва. Большевикский акт о роспуске — ничтожен. Учредительное Собрание старого состава должно быть признано своей властью. Полномочия большевиков кончились за непризнанием ими Учредительного Собрания и выходом их из него.

Е. Ф. Роговский спрашивает представителя Сибирского Правительства, кѣм должно быть созвано новое Учредительное Собрание.

И. И. Серебrenников. Директорией. Учредительное Собрание старого созыва, решив распуститься, может созыв нового Учредительного Собрания поручить Директории.

М. Я. Гендельман и **В. М. Зензинов** вносят предложение выяснить отношение делегаций к предложениям: 1) «обязать организуемое правительство принять все меры для облегчения условий скорѣйшаго возобновления работ Учредительного Собрания» и 2) «обязать правительство немедленно сложить свои полномочия перед возобновившим работу Учред. Собранием старого созыва».

Принимается постановление: предоста-

вить делегатам Сибирского Правительства снести с послѣдним по прямому проводу, а остальным старѣйшинам переговорить со всеми делегациями.

М. Я. Гендельман. Я представляю себе возобновление работ Учредительного Собрания так: Все члены Учредительного Собрания, находящиеся в мѣстностях, освобожденных от большевиков, постановляют пригласить всех членов Учредительного Собрания собраться к определенному сроку для решения вопроса о возобновлении работ Учредительного Собрания. Съѣхавшиеся к этому сроку решают вопрос, возобновить или не возобновить работы. Если решат в утвердительном смысле, то отсюда и считается время возобновления работ Учредительного Собрания. Если решат не возобновлять при данном составе, то намѣчают новый срок.

Е. П. Березовский. Чтобы созвать Учредительное Собрание, нужно быть уверенным, что приглашение будет получено своевременно. Есть-ли уверенность, что приглашение получат все члены Учредительного Собрания? Можно ли быть уверенным, что все формальности будут соблюдены?

М. Я. Гендельман. Никаких гарантий мы дать не можем, но будут приняты все меры. Некоторые члены Учредительного Собрания уже ѣдут. Вот почему мы и настаиваем, что организуемая власть должна принять все меры к этому.

Е. П. Березовский. Если таких гарантий дать не можете, то не лучше ли отложить созыв до того времени, когда можно будет это гарантировать? Съѣхавшиеся на съезд члены Учред. Собрания еще — не Учредительное Собрание.

М. Я. Гендельман. Это решат члены Учредительного Собрания.

Предсѣдатель Н. Д. Авксентьев. Предлагаю обсудить в группах вопросы: о методѣ избрания правительства, о персональном составе и о компетенции областных правительств при существовании центрального правительства.

Слѣдующее засѣдание назначается на 7 часов вечера. Засѣдание закрывается.

4.

Прения в утреннем засѣданіи Совѣта Старѣйшин 15 сентября определено

размежевали группировки в их отношении к Учредительному Собранию старого созыва. Перерыв до вечернего заседания был использован для совещания делегаций Партии Народной Свободы, Сибирского Правительства, Казачьих Войск и «Единства». Заявленная мной в утреннем заседании позиция была признана самой сильной. В самом деле, мое принципиальное отношение к Учредительному Собранию, по признанию эсера Гендельмана, не расходилось с отношением к нему эсеров. Тем сильнее явилось мое противодействие признанию осколка за целое. Сбить меня с позиции было труднее, чем других. Поэтому было решено проведение вопроса об отношении к Учредительному Собранию от имени перечисленных выше делегаций поручить мне.

Вечернее заседание устанавливает по предложению председательствующего А. Н. Кругликова порядок дня: заявления групп по вопросу об Учредительном Собрании и обсуждение вопросов о методах конструирования власти и о персональном составе правительства. Начало заседания я излагаю по записи в журнале его:

Л. А. Кроль от имени Партии Народной Свободы, Сибирского Правительства и представителей Казачества и «Единства» предлагает М. Я. Гендельману осветить следующие вопросы с точки зрения партии соц.-рев.: во-первых, указать кворум, при котором считается возможным открытие Учредительного Собрания; во-вторых, в какой срок можно созвать кворум, и, в-третьих, каковы задачи этого Учредительного Собрания?

М. Я. Гендельман (ц. к. н. с.-р.) В Москве были опубликованы тезисы Ц. К. партии с.-р., где и были указаны задачи Учредительного Собрания. Все пережитое, несомненно, преломилось в психике народа. Учитывая это обстоятельство и то, что целый ряд избирателей, голосовавших за большевиков и левых эсеров, остался без своих представителей, наша партия полагает, что Учредительное Собрание не должно ставить на свое разрешение все те вопросы, которые при нормальных условиях должно разрешать. Но только оно одно может ограничить

свою компетенцию. Социалисты-революционеры будут стремиться в Учредительном Собрании к разрешению основной задачи—организации обороны страны, борьбы за ее полное освобождение и независимость, и к разрешению тех вопросов, которые выдвигаются на очередь интересами организации обороны. Мы примем меры, чтобы народ в скорейшем времени получил возможность вновь выразить свою волю путем перевыборов. И тогда вновь избранное Учредительное или «Законодательное» Собрание установит основные законы нашей страны, завершит дело преобразования нашей государственной и хозяйственной жизни.

Л. А. Кроль. После того, как Учредительное Собрание объявляет о новых выборах в Учредительное Собрание, продолжает ли оно законодательствовать?

М. Я. Гендельман. Да. Но, может быть, оно разрешит и правительству право законодательства, расширив его полномочия под своим контролем; что же касается кворума и срока созыва Учредительного Собрания, то ни Ц. К. партии с.-р., ни бюро фракции не фиксировали ни того, ни другого. Я могу высказать только свою личную точку зрения, что кворум должен приближаться к половине теперешнего состава. Полный состав Учредительного Собрания около 810 человек; после выбытия большевиков и левых с.-р., остается около 500 человек; следовательно, как кворум, было бы достаточно от 200 до 250 человек. Что же касается вопроса о времени, то, исходя из того положения, что наиболее авторитетной является только власть, созданная Учредительным Собранием, надо спешить с его созывом. Срок должен быть минимальным, в течение которого можно созвать указанный кворум. Я полагаю, что будет возможно созвать Учредительное Собрание в один-полтора месяца.

Л. А. Кроль. Вы рассчитываете в течение одного или полутора месяцев созвать 250 человек?

М. Я. Гендельман. Да.

Вопрос считается исчерпанным.

Ген. В. Г. Болдырев. Прошу в число тех организаций, от имени которых говорил Л. А. Кроль, включить и Союз Возрождения России.

Так гласит журнал засѣдания. Из него неясно, к чему из того, что я «говорил», присоединился Союз Возрожденія, так как я только спрашивал. Но отвѣты Гендельмана дѣлали ясным для совѣта старѣйшин, к чему присоединяется Союз Возрожденія. Заявленіе Болдырева означало опредѣленное присоединеніе его к нашей группировкѣ в вопросѣ об отношеніи к Учр. Собранію, как результат малоудовлетворяющих отвѣтов Гендельмана.

Гораздо спокойнѣе, чѣм вопрос об Учр. Собраніи, дебатруется вопрос о методѣ составленія директоріи. Наибольшіе споры вызывает предложеніе Чокаева от имени мусульманских группировок составить директорію путем делегирования. Против этого предложенія высказываются почти всѣ. Указывают, что в таком случаѣ каждый член директоріи был бы ставленником только своей группы, что противорѣчит принципу соглашенія. Директорія была бы слишком многочисленна, ибо всѣ группы требовали бы представительства в ней.

Не поддерживает никто и коалиціоннаго метода: слишком всѣ помнят коалицію во Вр. Правительствѣ. Наибольшее сочувствіе встрѣчает мысль о персональном подборѣ. Выдвигается В. Г. Болдыревым вопрос о необходимости в составѣ директоріи одного военнаго, через котораго директорія осуществляла бы свою военную власть. Эту мысль поддерживают казаки и сибирское правительство. Последнее считает кромѣ того необходимым, чтобы в состав директоріи входило обязательно одно лицо, которое было бы полномочно от имени директоріи руководить внѣшней политикой.

Вопрос передается на предварительное обсужденіе групп, и приступают к другому: о числѣ лиц в директоріи. Казаки и к.-д. предлагают 3; мотив—больше спайки. Союз Возрожденія и «Единство» присоединяются, но не возражают и против 5; мотив (В. Г. Болдырева)—трудно найти одного, легче—трех и еще легче 5. Правительства Сибири и Урала, нар.-соц. и съѣзд земств и городов предлагают 5. Эс-эры предлагают не менѣе 5 и не болѣе 7. Мусуль-

мане предлагают 7. Вопрос передается на предварительное обсужденіе групп.

Приступают к обсужденію вопроса о личных кандидатурах. Наступает заминка. Мое предложеніе поручить президіуму намѣтить единую спаянную группу, по методу образованія правительства Урала, не встрѣчает особеннаго сочувствія. Марков предлагает передать вопрос в подкомиссію. Шендриков считает, что надо выбирать исключительно лиц, находящихся на территоріи, освобожденной от большевиков. Саложников полагает, что рано говорить о кандидатах, пока не выработана программа для правительства. В результатѣ и вопрос о кандидатах передается на предварительное обсужденіе группировок.

Засѣданіе закрывается до 2-х часов слѣдующаго дня. Накопилось много, слишком много матеріала, который необходимо обсудить по группам, а для этого нужно время.

5.

Заявленіе эс-эров в засѣданіи 15-го сентября о том, что кворум Учред. Собранія должен быть в 200—250 человек, дает новое направленіе мысли. На Госуд. Совѣщаніи присутствует всего 70 членов Учред. Собранія. Это—все, что удалось собрать, и то с большими трудностями. Собрать еще 180 человек, находящихся большей частью в совѣтской Россіи, откуда выѣзд весьма затруднен, задача вообще трудная, а в короткій срок—неосуществимая. С другой стороны, кулуарныя свѣдѣнія указывали, что для эс-эров вопрос о признаніи Госуд. Совѣщаніем Учредительнаго Собранія даннаго созыва и отвѣтственности перед ним правительства является вопросом ультимативным: при отказѣ от этого нечего и думать о созданіи центральной власти. Идти на разрыв, разтѣхаться не создав власти, казалось немыслимым. Значит, необходимо пойти на уступку, но такую, которая фиксировала бы кворум Учредит. Собранія малосуществимый, равно как ошредѣленный срок, в теченіе котораго директорія работала бы без помѣх. На эту точку зрѣнія и стали наши группировки (за исключеніем делегации сибирскаго правительства, сто-

явшей твердо на своем). Другая сторона, по кулуарным свидениям, тоже готова пойти на некоторые уступки.

Засѣданіе 16 сентября с этого и начинается.

Гендельман уже согласен на установление срока созыва Учред. Собранія— 1 ноября. Если соберется 200 человек, то должно открыть его засѣданія, а, если нѣтъ, то отложить их.

Болдырев считает необходимым дать некоторый срок власти поработать спокойно, предлагает поэтому срок созыва Учред. Собранія через 4 мѣсяца, а кворум установить в 250 человек. Четырехмѣсячный срок позволит и собрать такой кворум.

Серебренников заявляет о сохранении сибирской делегацией своей позиции: как срок созыва, так и какой бы то ни было кворум данного Учред. Собранія она отвергает.

Послѣ краткаго обмѣна мнѣній объявляется перерыв на 20 минут.

По возобновленіи засѣданія мною дѣлается заявленіе о результатах обсуждения вопроса в нашей группировкѣ:

«Пять групп (партія народной свободы, казачья группа, единство, союз возрожденія и сибирское правительство), обсудив вопрос, пришли к определенному рѣшенію, за исключеніем представителей сибирскаго правительства, не получивших с мѣста отвѣта на свой запрос. Мы полагаем, что нужно искать общаго согласія и отбросить теорію. Даже партія с.-р. считает, что Учредит. Собраніе не может исполнить всѣх задач, на него возложенных, ограничится задачами, непосредственно касающимися войны, и сдѣлает все нужное для созыва новаго Учр. Собранія. По мнѣнію с.-р., собравшееся Учр. Собраніе будет тоже стремиться к созданію власти с широкими полномочіями. Принимая все это во вниманіе, мы полагаем, что кворум Учр. Собранія должен быть в 250 человек. Далѣе, мы считаем, что Учр. Собраніе не должно мѣшать работѣ власти, которой необходимо дать возможность подготовиться к отчету. Исходя из этого, мы считаем, что срок созыва Учред. Собранія должен быть отодвинут до 1-го февраля 1919 года. Наши выводы мы

формулируем так: 1) правительство должно принять всѣ мѣры к обезпеченію съѣзда членов Учред. Собранія и 2) в случаѣ прибытія в первое засѣданіе достаточнаго числа членов Учр. Собранія к 1-му февраля 1919 года, способствовать Учр. Собранію в его открытіи и, по открытіи, дать ему отчет».

Наша формула не удовлетворяет противников: в ней можно усмотрѣть право правительства опредѣлять условія возобновленія работ Учред. Собранія, провѣрить его кворум; формула содержит представленіе отчета правительством, а не указывает на отвѣтственность правительства перед Учр. Собраніем и на сложеніе им полномочій по требованію Учредительнаго Собранія.

Завязываются пренія. Березовскій просит объявить перерыв для обсуждения в группах. Эс-эры высказываются против перерыва. Опять идут пренія. Войтов заявляет, что отвѣта об отношеніи правительства Урала к Учред. Собранію еще не получено. Саложников заявляет, что отвѣта от сибирскаго правительства нѣтъ, так как испорчен провод. Гендельман считает, что, пока нѣтъ отвѣта сибирскаго правительства, не о чем говорить: соглашеніе с «Единством» немного даст. Я указываю, что, если считаться с единственным модным учетом удѣльнаго вѣса, по числу штыков, то, конечно, ни одной партіи не сравнятся с сибирским правительством; но, если всѣ придут к соглашенію, то Сибири придется считаться с удѣльным вѣсом, хотя бы и не основанном на штыках.

Поддержка мнѣ оказывается сильная со стороны Березовскаго, который заявляет:

«Сибирское казачество всемирно поддерживает сибирское правительство, и в своих заявленіях я выступаю менѣе рѣшительно, чѣм мнѣ поручено. Но теперь, чтобы придти на помощь нашим братьям, Оренбургскому и Уральскому казачеству, я рѣшил быть вмѣстѣ с ними и пошел на уступки. Я не остановился даже перед расхожденіем во взглядах с сибирским правительством, которое осталось на своих позиціях. Я в своих уступках пошел далѣе. Дѣлаю так единственно из искренняго желанія создать

необходимую в настоящих условиях единую центральную власть».

Заявление Березовского производит впечатление. Объявляется перерыв до 8 часов вечера.

После перерыва выступает с обширным заявлением Гендельман, которое заканчивается так:

«От имени Учред. Собрания никто не смеет говорить. Оно одно определит и кворум и срок. Но в виду тяжелой ответственности, лежащей на нас, от имени партии с.-р., я заявляю, что члены Учр. Собрания, принадлежащие к нашей партии, будут настаивать на признании кворума в 250 человек и на срок созыва 1 января 1919 года. Но необходимо учесть условия, в которых приходится вести борьбу за возобновление работ Уч. Собрания. Многие из членов Учр. Собрания находятся в пределах господства советской власти, где они подвергаются арестам и даже расстрелам. При таком положении вещей, если к 1 января 1919 года 250 человек не съедутся, значит для того имеются неодолимые препятствия, и тогда возобновление работ должно быть отложено до 1 февраля с тем, чтобы, в виду высказанных соображений, оно последовало уже при меньшем кворуме»...

Гендельман вносит проект резолюции: «Государственное совещание устанавливает, как непреходящую обязанность всероссийского правительства:

1) оказание всемирного содействия съезду членов Учред. Собрания, функционирующему, как государственно-правовой орган, в его работах по обеспечению приезда членов Учр. Собрания и по подготовке возобновления занятий Учредит. Собрания настоящего состава, безо всякого со своей стороны вмешательства в указанную работу съезда членов Учред. Собрания.

2) Представление отчета в своей деятельности Учр. Собранию, немедленно по объявлении Учр. Собранием своих работ возобновленными, и безусловное подчинение Учр. Собранию, как единственной в стране верховной власти.

3) Неуклонное руководство в своей деятельности непререкаемыми верховными правами Учред. Собрания и неустан-

ное наблюдение, чтобы в деятельности всех подведомственных правительству органов не было допущено ничего, могущего клониться к уменьшению прав Учр. Собрания или к замедлению в возобновлении его работ».

Предложение вызывает вопрос Фомина, почему съезд должен быть «государственно-правовым» органом. Я указываю, что предлагаемая формула — яркое выражение заранее недоверия правительству. Гендельман указывает, что необходимо гарантировать Учред. Собрание, а для этого изъять из рук правительства созыв его: для этого и создается съезд; если он не будет государственно-правовым органом, то частному обществу правительство может чинить препятствия. Я указываю на опасность от возможного смещения массами понятий: Учр. Собрание, комитет членов Учр. Собрания, съезд членов Учред. Собрания; опасна возможность объявления съездом о превращении себя в Учред. Собрание.

Дебаты развиваются весьма широко. Нам стараются доказать, что у нас нет расхождения по существу, а расхождение скорее чисто редакционное. Мы с этим не соглашаемся: Березовский считает, что в целях созыва Учр. Собрания достаточно иметь бюро из нескольких человек, а не целый съезд. На вопрос Болдырева, уполномочен ли он изменить редакцию, Гендельман отвечает: «Я уполномочен категорически заявить, что дело созыва Учр. Собрания остается делом съезда членов Учр. Собрания, и с этой позиции мы не сойдем. То же существо, но в другой редакции — я готов принять».

Объявляется перерыв на полчаса.

По возобновлении заседания (цитирую далее по журналу) Гендельман озвучивает новый проект редакции первого пункта: «Оказывать всемирное содействие функционирующему, как государственно-правовой орган, Съезду членов Учредительного Собрания в его самостоятельной работе по обеспечению приезда членов Учр. Собрания и по ускорению и подготовке возобновления занятий Учредительного Собрания». Просит занести в протокол, что считает это только редакционной поправкой.

Н. Д. Ависентьев. Следовательно фиксируется: Съезду членов Учредительного Собрания принадлежит единственная функция — созыв Учредительного Собрания.

М. Я. Гендельман. Единственная функция Съезда, как государственно-правового органа, обеспечение приезда членов Учредительного Собрания, ускорение и подготовка возобновления его занятий.

Е. П. Березовский. Съезд членов Учр. Собрания займется созывом Учредительного Собрания, а каково назначение Самарского Комитета членов Учредительного Собрания? Что он будет делать?

Н. Д. Ависентьев. По моему мнению, он обратится в Съезд.

А. Н. Кружников. Съезд является органом, впитывающим в себя членов Учр. Собрания. А по сколько он является органом утраты... (ликвидируется, заканчивает Е. Ф. Ростовский — председатель Комюга).

Е. П. Березовский. Прошу заявление это внести в протокол.

Н. Д. Ависентьев. Предлагаю принять редакцию, предложенную М. Я. Гендельманом.

Л. А. Кроль. Считаю необходимым принять проект о всеобщем содействии Правительства созыву Учредительного Собрания. Что касается Съезда, то должно быть указано, что это за Съезд, где он собирается. Пункт в предложенной форме меня не удовлетворяет. Прошу занести это в протокол.

В. П. Фомин. Я не могу согласиться на эту формулировку.

М. Я. Гендельман. (На вопрос председателя). Для меня предложение Л. А. Кроля — о всеобщем содействии Правительства созыву Учредительного Собрания — приемлемо.

Н. Д. Ависентьев. Съездом членов Учр. Собрания именуется собрание членов Учр. Собрания на территории, освобожденной от большевиков, членов, собранных в одно место. Как действующий в интересах созыва членов Учр. Собрания, он будет действовать в той местности, где находится правительство.

Л. А. Кроль. Намечена ли программа Съезда членов Учр. Собрания?

М. Я. Гендельман. Всякий член Учр. Собрания, удостоверяющий свои права, имеет право войти в Съезд и влиять на его работу.

Председатель Н. Д. Ависентьев. Позвольте считать вопрос ликвидированным.

Л. А. Кроль. Прошу занести в протокол, что этот пункт считаю вредным, как могущий иметь большие последствия. Я голосую против него, но, не желая быть виновником срыва соглашения, пока остаюсь в Комиссии.

Председатель Н. Д. Ависентьев (обращаясь к Гендельману). По поводу 2-го пункта вы даёте от имени Ц. К. партии с.-р. ручательство, что Учр. Собрание будет открыто 1 января с кворумом 250 человек, а за кворум 1 февраля Ц. К. партии с.-р. ручательства на себя не берет, так как Учредительное Собрание само решит этот вопрос.

М. Я. Гендельман. Ц. К. не может говорить, что Учредительное Собрание на таких условиях откроется, но всё члены партии с.-р. будут стоять на этой точке зрения.

Л. А. Кроль. Что будет 1-го февраля?

Н. Д. Ависентьев. Если 1 января 250 членов Учредительного Собрания не соберется, то с.-р. будут голосовать за перенесение срока на 1 февраля, а 1 февраля Учредительное Собрание само решит вопрос.

Л. А. Кроль. Прошу занести в протокол: «не существует разницы между большинством Учр. Собрания и партией с.-р. Заявление это партией Народной Свободы не удовлетворяет. Если Учр. Собрание может быть созвано при кворуме беспредельном, то партия Народной Свободы этого Учр. Собрания не признает. Но, если всё с этим согласны, то я пока остаюсь в комиссии и не мешаю дальнейшему ходу работ.»

Н. Д. Ависентьев. Заявление партии Народной свободы может быть сделано тогда. Полагаю, что это заявление не мешает дальнейшим работам.

М. Я. Гендельман. В протокол занесено мое заявление. Учр. Собрание созывается на 1 января: 1-го февраля оно

само рѣшает, открываться, или не открываться. Этого достаточно, как гарантія за дѣйствія членов Партіи.

Л. А. Кроль. Тогда я с пунктом вторым не согласен.

Н. Д. Авксентьев. Нужно думать о том, что будет с Россіей в теченіе первых трех мѣсяцев, а не о том, что будет дѣлать партія Народной Свободы 1-го февраля.

В. В. Сапожников. От окончательнаго рѣшенія вопроса отказываюсь за неизмѣнимым указаніем от своего правительства.

Казачество тоже отказывается от окончательнаго рѣшенія вопроса.

М. Я. Гендельман. Не обсудив этого вопроса, нельзя приступить к разрѣшенію дальнѣйших вопросов, связанных с Учр. Собраніем.

А. А. Михѣев. Мы поняли поясненіе к 1 января, а по отношенію к 1 февраля — это для нас новость.

М. Я. Гендельман. Предлагаю вопрос об Учр. Собраніи оставить пока открытым и перейти к слѣдующему.

А. Н. Кругликов. Сибирское Правительство не имѣет указаній и отказывается; Партія Народной Свободы умолкает. Казачьи группы не имѣют опредѣленных заявленій. Это — не соглашеніе. Протестую против такого способа веденія соглашенія и предлагаю: или остаться и продолжать обсуждать, или, устроив перерыв, поставить друг другу вопросы.

М. Я. Гендельман. Если к 1 января не будет собран кворум, то, значит, к этому есть непреодолимые препятствія. Если кворум не состоится, то собравшіеся члены Учр. Собранія рѣшают вопрос о его судьбѣ. Партія с.-р. готова установить кворум и для 1-го февраля, но только приблизительно, в одну треть, т.-е. — 170 человек.

А. А. Михѣев. Это — новое предложеніе. Его нужно обсудить.

Е. П. Березовскій. Если кворум 1-го февраля 170 человек, не предложить ли Учр. Собранію сократить и функціи: чтобы оно постановило распуститься и назначить срок новых выборов?

М. Я. Гендельман. Мы идем на ограниченіе задач Учр. Собранія теперь;

пойдем на них и тогда. Но формальнаго заявленія не дѣлаю.

Е. П. Березовскій. Гендельман заявил нам, между прочим, здѣсь, что Учр. Собраніе ограничит свои задачи самопрослушкою и назначеніем новых выборов. Я прошу всѣ эти заявленія занести в протокол.

М. Я. Гендельман. Логически слѣдует, что тогда члены Учр. Собранія с.-р. будут за дальнѣйшее ограниченіе прав Учр. Собранія, но формально я об этом не уполномочен заявить.

Объявляется перерыв на 15 минут.

Послѣ перерыва **А. А. Михѣев** спрашивает: Если 170 человек соберется, то в какой формѣ можно мыслить самоограниченіе Учр. Собранія?

М. Я. Гендельман. Я не уполномочен это указывать, но раз теперь ограничивали, то и тогда ограничат. Трудно дать отвѣтъ, не зная исторической обстановки, при которой произойдет открытіе. Может быть, Учр. Собраніе назначит только перевыборы.

А. А. Михѣев. Может быть, единственным и основным вопросом только и будет вопрос о перевыборах?

М. Я. Гендельман. Может быть, единственным и основным вопросом только и будет вопрос о перевыборах.

А. А. Михѣев. Прошу занести это в протокол. А от имени Казачьяго Войскаго Бюро заявляю, что он надѣется, что новое правомочное Учр. Собраніе, которое одно лишь вправѣ рѣшать основные вопросы, откроется.

М. Я. Гендельман. Позвольте считать мой отвѣтъ удовлетворительным.

И. Г. Болдырев. От имени Союза Возрожденія Россіи присоединяюсь к заявленію Казачества.

В. П. Фомин. Если соберется только 170 членов Учредительнаго Собранія, то они должны только заявить о необходимости новых выборов и прекратить свои работы. Если составительный пункт нашего акта и не будет формулирован так ясно, как я бы хотѣлъ, я все таки буду принимать участіе в работах Совѣщанія по организаціи Всероссийской власти.

М. Я. Гендельман. Полагаю, что отказ

группы «Единство» не служит препятствием к дальнейшей работѣ.

Предсѣдатель Н. Д. Авксентьев. Предлагаю этот вопрос считать ликвидированным.

Предложеніе принимается.

Л. А. Кроль. В резолюціи, которая принята, не указано сроков. Сроки внесены только в журнал. Но для широких масс и внѣшняго міра не будет видно, когда настает момент выявленія Учредительнаго Собранія. Предлагаю не затемнять этого перед народом.

Н. Д. Авксентьев. Ни в какую резолюцію это занесено быть не может, так как никто, кромѣ самого Учр. Собранія, не может назначать эти сроки. Но можно сдѣлать так: перед пленарным засѣданіем мы соберем Съѣзд членов Учр. Собранія и сообщим ему, что он вынесит постановленіе о том, что на 1 января собираются члены Учредительнаго Собранія.

М. Я. Гендельман. Съѣзд не может сдѣлать такое заявленіе, а члены Учр. Собранія эсеры могут сдѣлать. Прошу занести в протокол заявленіе Н. Д. Авксентьева — с которым и я согласен—что срок созыва Учр. Собранія может назначить только само Учредительное Собраніе.

Засѣданіе кончено, одна гора на три четверти сдвинута. Начинаем повѣстку завтрашняго дня и с большой радостью расходимся, освободившись друг от друга.

6.

Послѣ мучительнаго засѣданія наканунѣ, слѣдующее, 17 сентября, протекает сравнительно спокойно. Всѣ сознают, что, хотя окончательнаго отвѣта сибирскаго правительства нѣтъ, но, раз достигнуто, пусть скрѣпя сердце, соглашеніе всѣх остальных, то вряд-ли сибирское правительство осмѣлится одно пойти на срыв соглашенія.

Засѣданіе начинается с сообщенія И. П. Войтова о полученном отвѣтѣ, что «правительство Урада, хотя и считает занятую здѣсь по отношенію к Учредительному Собранію настоящаго состава позицію неприемлемой, но, принимая во вни-

маніе настроеніе большинства членов совѣщанія и ради спасенія Россіи, заявляет, что оно будет признавать ту власть, которая будет образована здѣсь, и будет ей подчиняться». В. В. Саложников сообщает, что от сибирскаго правительства отвѣта все еще нѣтъ, но что он ждет его полученія сегодня.

Ставится вопрос о контрольном органѣ. Саложников заявляет: «Я получил категорическій отвѣт и руководство сибирскаго правительства, что никаких контрольных органов оно не допускает». Всѣ с удивленіем оглядываются. Правда, ни для кого не секрет, что «перерыв прохода» с Омском — дипломатическій, что переговоры по ночам делегации с Омском идут очень усиленно; знают нѣкоторые из делегатов и о том, что мною получена телеграмма из Омска от Пепелнева, выражающая недовольство тѣм, что я иду на уступки в отношеніи Учредительнаго Собранія, и грозящая протестом от имени Ц. К.. Но сообщеніе Саложникова об отвѣтѣ Омска насчет контрольнаго органа, когда он только что заявлял об отсутствіи отвѣта относительно Учредительнаго Собранія, производит большой эффект.

И. Е. Марков заявляет, что, так как состоялось соглашеніе о созывѣ в короткий срок Учр. Собранія, то, по мнѣнію делегации нар.-соціалистов, вопрос о контрольном органѣ отпадает. Я пытаюсь отмѣтить необходимость «договориться теперь же насчет того, чтобы в случаѣ, если Учр. Собраніе не соберется или распустится, Госуд. Совѣщаніе осталось в силѣ». Но всѣ так торопятся согласиться, что надобность в контрольном органѣ отпадает, что я не настаиваю. При особом мнѣніи остается Б. С. Кибрик, делегат Р. С. Д. Р. П., неудовлетворенный отказом признать съѣзд членов Учредительнаго Собранія законодательным органом немедленно, но «не считает возможным ставить вопрос ультимативно и будет продолжать работать в комиссіи». Вопрос о контрольном органѣ рѣшается таким образом легче, чѣм ожидали; я остаюсь мало удовлетворенный. (Будущее показало, что я был прав; сохранись Госуд. Совѣщаніе, не могло бы быть переворота 18 ноября).

Переходим к постановочному обсуждению разсмотрѣнной подкомиссией «Программы работ в.р. правительства». Пренія идут медленно, идет крохоборство, вопросы передаются то в подкомиссию, то в редакционную комиссию, для чего объявляются перерывы. Наиболее сильные дебаты вызывает требование эсеров, чтобы правительство в своей земельной политикѣ руководилось законом, принятым Учр. Собраніем 5 января 1918 года. Для меня это совершенно неприемлемо. Я доказываю, что принятие этого «закона» происходило в такой кошмарной обстановкѣ, что партія народной свободы не может признать его, и потому, если будет упомянуто об этом законѣ, ни один к.-д. в правительство не войдет. Гендельман пытается свернуть вопрос на то, будто я отстаиваю сохранение земли за помѣщиками. Я заявляю категорически, что я на этой точкѣ зрѣнія не стою, но вопрос ставлю совершенно ультимативно: если упоминаніе о «законѣ 5 января 1918 года» не будет снято, то я прекращаю свое участіе в работах. Эсеры в свою очередь заявляют, что при такой постановкѣ вопроса, и они, вѣроятно, поставят его ультимативно. Вопрос передается в согласительную подкомиссию.

Предлагается (третій по счету) перерыв до 11 часов вечера. На это отвѣчают указаніем, что необходимо торопиться с окончаніем платформы. — Но вѣдь нѣтъ еще отвѣта Сибирскаго Правительства, замѣчает И. Е. Марков. — Может быть, Сибирское Правительство даст его к утру, подает насмѣшливо реплику Б. С. Кибрик. Марков обращает вниманіе на то, что в прессѣ уже появились рѣзкія сужденія о медлительности работ Совѣщанія, что необходимо успокоить общественное мнѣніе, нужно скорѣе кончать работу, а, в крайнем случаѣ, хоть информировать прессу. Войтов довольно рѣзко отмѣчает, что Сибирское Правительство заставляло Совѣщаніе и в началѣ задерживаться в своих работах, и теперь тоже; он предлагает поэтому пока хоть платформу закончить и доложить в пленумѣ. — Какая там платформа, когда соглашенія не достигнуто, меланхолически отвѣчает Кругляков. Болдырев предлагает просить представителей Сибирскаго Правительства ска-

зать, как обстоит дѣло. И вот тут совершенно неожиданно раздается голос представителя Сибирскаго Правительства: «Исходя из соображеній разрабатываемой платформы, я должен заявить, что Сибирское Правительство ничего не имѣет против соглашенія всѣх членов по поводу Учр. Собранія, но о персональном составѣ правительства вопрос остается открытым». Впервые в нашем засѣданіи раздаются аплодисменты. Перерыв до 11 ч. вечера объявляют с нескрываемым удовольствіем.

Во время перерыва обсуждаем в подкомиссии вопрос об исключеніи упоминанія о «законѣ 5 января 1918 года». Доходим до страстнаго столкновенія с Зензиновым. Я бросаю работу и ухожу ужинать. На меня наслѣдует Авксентьев, уговаривает согласиться. Я категорически отказываюсь, указывая на телеграмму Пепеляева, который и без того укоряет меня за соглашательство. Аргумент этот, по видимому, дѣйствует. Не знаю, с кѣм переговаривал Авксентьев, но, послѣ ужина, эсеры в подкомиссии сдаются, и упоминаніе о законѣ 5-го января из соотвѣтственнаго пункта исчезает.

По возобновленіи засѣданія Совѣта Старѣйшин проект платформы принимается по частям и в цѣлом и сдается в редакционную подкомиссию. Принимается рѣшеніе для внесенія нѣкотораго успокоенія в обществѣ созвать на завтра пленум.

Довольно быстро приходят к соглашенію о числѣ членов директоріи — пять. Отказывается от участія в обсужденіи вопроса о конструкціи и персональном составѣ директоріи делегат Р. С. Д. Р. П., в виду принципиальнаго отрицательнаго отношенія к формѣ власти, но этим не ставит вопроса об отказѣ от участія в работах Гос. Совѣщанія.

Приступают к намѣчанію кандидатов в директорію. Гендельман выдвигает кандидатуры И. Е. Тимофеева, В. М. Зензинова и Н. Д. Авксентьева. Я от имени партіи Народной Свободы называю Н. И. Астрова, В. Г. Болдырева, А. А. Аргунова и Н. В. Чайковскаго. Я отмѣчаю при этом, что при моем отъѣздѣ из Москвы Астров был опредѣленно отрицательно настроен против Учр. Собранія настоящаго созыва,

считая его партийным; поэтому остается под вопросом, как он отнесется теперь. Войтов называет кандидатуры В. Г. Балдырева, Н. Д. Авксентьева и П. П. Маслова; остальные делегаты просят отложить вопрос на следующий день: они переговорают со своими делегациями.

Подымается еще вопрос о взаимоотношениях между центральной властью и областными правительствами. Завязывается принципиальный спор, слѣдует ли Гос. Совѣщанію фиксировать эти взаимоотношения, или же это дѣло нужно предоставить жизни. Одни, в том числѣ и я, считают необходимым зафиксировать; другіе держатся противоположной точки зрѣнія. Наступает 1 час ночи. Всѣ переутомлены до крайности. Рѣшают отложить вопрос и слѣдующее засѣданіе назначить завтра в 1 час дня, чтобы редакционная подкомисія успѣла выполнить свою работу.

7.

Засѣданіе 18 сентября начинается с утверждѣнія текста положеній, устанавливающих отношеніе правительства к Съѣзду членов Учр. Собранія и программу правительства, положеній, подлежащих оглашенію вечером в пленумѣ.

Утверждѣніе этих положеній проходит совершенно спокойно. Так же спокойно принимается и предложеніе председателя ограничить порядок дня пленума кратким вступительным словом докладчика и оглашеніем принятых положеній. Но это оказывается затишьем перед бурей, которая разыгрывается совершенно неожиданно.

А. Н. Кругликов. Нужно ли говорить о срокѣ созыва и кворумѣ Учр. Собранія, о методѣ составленія правительства и числѣ лиц в нем?

М. Я. Гендельман. О сроках и кворумѣ упоминать сейчас нельзя, пока не выработан личный состав и нѣтъ соглашенія по остальным вопросам. Это слѣдует Съѣзд, созывая Учр. Собраніе.

А. А. Михѣев. Во избѣжаніе различных нежелательных кривотолков со стороны части населенія полагаю, что Гос. Совѣщаніе должно сказать, при каких условіях может быть допущено существова-

ніе Съѣзда членов Учредительнаго Собранія.

М. Я. Гендельман. Мы «публикуем» не все соглашеніе, а только часть. И пока окончательнаго соглашенія не достигнуто, мы оставляем за собою свободу дѣйствій. Можно упомянуть: «что же касается возобновленія работ Учредительнаго Собранія, то об этом доложит Съѣзд членов Учредительнаго Собранія».

Генерал Катанаев (сиб. прав.) Сроки и кворум Учредительнаго Собранія настолько существенны, что необходимо сегодня же объявить о них.

Л. А. Кроль. Обязательство выходит одностороннее: Гос. Совѣщаніе единогласно признает требованіе партій социал-революціонеров, а нам говорят, что, если соглашенія не послѣдует, то соц. - революціонеры оставляют за собою свободу дѣйствій. Представьте себѣ, что по дальнѣйшим вопросам соглашенія не послѣдует; правительства мы не выберем, а съѣзд возьмет да и объявит себя Учредительным Собраніем. Вѣдь такая возможность не исключена.

М. Я. Гендельман. Наша воля такова: когда создастся правительство, тогда скажем о сроках. Пока достигнуто соглашеніе в одной части. Угодно часть огласить — оглашайте; не угодно — подождем, когда всѣ вопросы рѣшатся. Обязательств нѣтъ, так как нѣтъ соглашенія в цѣлом.

П. В. Мурашев (Прѣв. Урала). Если завтра выяснится, что единенія не будет по созданію центральной власти, то у одной части станет вопрос о созывѣ Гос. Совѣщанія, а не Учредительнаго Собранія. Предлагаю огласить состоявшееся соглашеніе во всей полнотѣ или не созывать пленума до окончательнаго соглашенія по всѣм вопросам.

И. И. Серебrenников. Если нѣтъ увѣренности, что сойдемся на персоналѣ правительства, то нечего оглашать. Если же оглашать, то полностью.

Н. С. Анисимов. Остается рѣшить один вопрос — о персоналѣ директоріи. Страшно спорить, оглашать или не оглашать. Нужно к вопросам подходить без всяких недомолвок. От нас ждут опредѣленнаго отвѣта.

М. Я. Гендельман. Наши заявленія о кворумѣ и срокѣ будут имѣть силу, когда правительство будет создано. Когда все

соглашение будет достигнуто, тогда и опубликуем. Мы ведь не будем говорить о пересмотрѣ вопросов о кворумѣ и срокѣ, но, так как они приняты условно, на случай создания власти, опубликовывать их преждевременно.

С. Ф. Знаменскій (н. - с.). Мы являемся подотчетным органом Гос. Совѣщанія и должны ему дать отчет в нашей работѣ. Будет односторонность, если огласить одну часть соглашения и умолчать о другой. Нужно изложить дѣло так, как оно есть. Говорят, что это преждевременно, что, если не стоимся, то соглашение рухнет. Тогда не нужно оглашать и первую часть.

Л. А. Кроль. На Съездѣ членов Учредительнаго Собранія этот вопрос не разсматривался. Предлагаю созвать Съезд; может быть он согласится опубликовать. Иначе пленарное засѣданіе не должно состояться.

В. М. Зензинов. Пленарное засѣданіе назначено в виду огромнаго интереса к нашим работам, как со стороны членов Гос. Совѣщанія, так и со стороны населенія. Было бы целесообразнѣе огласить одновременно, как пункты соглашения, так и состав правительства. Но полного соглашения еще не послѣдовало. Мы все пришли к тому, что срок созыва и кворум должны быть приняты самим Учредительным Собраніем. Если мы объявим от имени Съезда, то будет ли это дѣйствительным, если мы не придем к соглашенію по остальным вопросам? Рациональнѣе — сообщить, когда соглашение будет достигнуто полностью.

М. Я. Гендельман. Говорить от имени Учредительнаго Собранія никто не может. Не комиссия выработала кворум и срок созыва Учредительнаго Собранія; она только заслушала мнѣніе по этому вопросу господствующей в Учредительном Собраніи партіи с. - р. и учла его. Заявленіе может быть сдѣлано только членами Учредительнаго Собранія, но не комиссіей, которая этих вопросов и не могла разрѣшать.

В. И. Фомин. Мы за Учредительное Собраніе не говорим. Мы говорим о своей работѣ. Мы пришли к известному заключенію, и его надо объявить в пленумѣ. Как поступит съезд — это его дѣло. Отмѣна пленума не допустима. Все ждут резуль-

татов работ Гос. Совѣщанія. Из Самары бѣгут не столько потому, что близко большевики, сколько вслѣдствіе паники, что власть не может создаться, что странѣ грозит хаос. Не надо злоупотреблять терпѣніем страны. Мы уже можем отвѣтить на вопрос, будет ли власть отвѣтственна, и мы должны отвѣтить. Удивляюсь, что предложеніе отмѣнить пленум поддерживает тот самый Гендельман, по многократному заявленію втораго странѣ надо знать как можно скорѣе, что власть будет отвѣтственна перед Учредительным Собраніем.

М. Я. Гендельман. Можно ли говорить о соглашеніи, когда полного соглашения нѣтъ? Населеніе ревниво относится к Учредительному Собранію. Если населеніе узнает, что правительства еще нѣтъ, а уже рѣшено, что Учредительное Собраніе соберется перваго января при кворумѣ в 250 человекъ, то это будет воспринято, как возможность безвластія еще в теченіе четырех мѣсяцев.

Л. А. Кроль. Я бы не возражал, если бы вопрос шел только об оглашеніи программы для правительства. Но мы оглашаем и об обязательствах правительства перед Учредительным Собраніем. Если часть населенія будет обезпечена четырехмѣсячной отсрочкой Учредительнаго Собранія, то другая часть будет не менѣе обезпечена тѣм, что страна обходившаяся столько времени без Учредительнаго Собранія и могущая еще потерпѣть без него, получит Учредительное Собраніе в двадцать человекъ! Мы желаем, чтобы одновременное успокоеніе получила вся страна. Я категорически прѣтив односторонняго опубликованія соглашения.

Предсѣдатель Н. Д. Ависентьев. Общее собраніе должно сегодня состояться во что бы то ни стало. Я вижу один из двух выходов; или предложить Гос. Совѣщанію на утвержденіе одну только программу правительства без главы «об обязанностях правительства в отношеніи Всероссийскаго Учредительнаго Собранія», или — сейчас же собрать съезд членов Учредительнаго Собранія и предложить ему постановить в условной формѣ, что, если соглашение будет достигнуто, то кворум и срок созыва Учредительнаго Собранія устанавливаются такие - то, и огласить это в пленумѣ.

М. Я. Гендельман. Предложение о postponement съезда технически не вышито. Возникнут прения, и это затянет вопрос. Предлагаю предложить на утверждение одну только программу, не упоминая об Учредительном Собрании.

В. П. Фомин. Прений быть не может. Вопрос идет не о том, чтобы объявить что либо неожиданное от имени съезда, а что бы констатировать факт согласия съезда на определенный срок и кворум.

И. М. Зензинов. Предлагаю ограничить сь ослаблением программы с добавлением, что по остальным вопросам достигнуто соглашение.

Н. С. Шендрин. При таких условиях нельзя открывать пленарное заседание. Вся наша войска осведомлена об условиях состоявшегося соглашения, и упоминание о них вызовет в их среде недоумение и кривотолки. Предлагаю просить Съезд сейчас же разрешить вопрос, а пленум отложить, хотя бы даже до десяти часов и дальше. Категорически заявляю, что представители казачества не согласны на приглашение одной платформы.

Н. Д. Авксентьев. Обществу важно знать, что комиссия работает не бесплодно. Комиссия может предложить пока только окончательно обработанные вопросы, а в отношении остальных председатель может сказать, что по основным вопросам соглашение достигнуто, или что они редактируются. Если отложим заседание, то это произведет неблагоприятное впечатление. Нужно найти выход во что бы то ни стало, чтобы не создавать паники.

Н. С. Шендрин. Мы настаиваем на своем предложении. Это не громоздкое дело — созвать Съезд членов Учредительного Собрания: соберутся-же они к шести часам, ко времени открытия общего собрания. Предлагаю отложить открытие общего собрания до семи часов, а в это время устроить заседание Съезда. Если же это — вопрос принципиальный, то тем хуже.

Н. Д. Авксентьев. Что же должен сказать Съезд?

Л. А. Кроль. Мы созовем Съезд и предложим ему принять следующее: «Съезд наличных членов Всероссийского Учредительного Собрания в заседании восемнадцатого сентября постановил: В случае образования в ближайшие дни Гос. Советом Временного Всероссийского Правительства, обеспечивающего на время страсть столь необходимую центральную власть, созвать на первом января 1919 года Всероссийское Учредительное Собрание и, в случае прибытия не менее 250 человек, открыть его действия. Если указанного кворума к первому января не будет, то возобновление работ откладывается до первого февраля 1919 года, при кворуме 170 человек». Дебатов хватит часа на два, а в восемь часов можно будет открывать и пленум.

И. И. Сребренинов. Я не понимаю предложения Л. А. Кроля, чтобы заявление было сделано не от Гос. Совета, а от Съезда. Ведь Съезд может потом пересмотреть свое решение. Заявление должно быть сделано от имени Гос. Совета, а не от имени Съезда.

Н. Д. Авксентьев. Гос. Совет не может устанавливать кворум и сроки созыва Учредительного Собрания. Гарантии дает Ц. К. партии С. Р. Съезд может постановить созвать Учредительное Собрание в известный срок. Съезд не может не исполнить взятого на себя обязательства, иначе он будет тогда иметь определенное к себе отношение.

Объявляется перерыв. Стекается публика. Ей приходится переждать, пока идет неожиданное заседание Съезда членов Учредительного Собрания, к счастью непродолжительно, а затем возобновленное заседание Комиссии. Публика нервничает. Мы знаем это, и заседание наше сокращаем до минимума. Авксентьев сообщает, что предложенный мною проект постановления Съездом принят. Докладчика, Кругликова, уполномачивают огласить в пленуме, что число членов директории принято нами в пять человек, а метод избрания — персональный. Мы спешим перейти в зал заседания пленума.

ГЛАВА XIX.

Четвертое засѣданіе Гос. Совѣщанія.—Опять в комиссіи.—Предѣлы компетенціи областных правительств. Заявленіе кандидатур — „Эппэрат“ — Разногласія в вопросѣ о кандидатурах.—Отказ от партійнаго давленія на членов Директоріи.—Послѣднее соглашеніе. Торжественное засѣданіе Гос. Совѣщанія.—Привѣтствія англійскаго и французскаго правительств —Акт об образованіи Верховной Власти.—Торжественное общаніе —Заключительные аккорды. Рѣчь Павлу —Наше самочувствіе.

1

Четвертое засѣданіе Государственнаго Совѣщанія — такой же спектакль, как и три предыдущих. Все идет чрезвычайно гладко, единодушно.

Сообщается, что президіумом для пріѣтствія командующаго и войск союзных армій командированы князь Г. Е. Львов и член Учр. Собранія Г. Е. Колосов, а для выясненія им стратегическаго положенія, «на том русско-нѣмецком фронтѣ, который образовался на берегах Волги» — товарищ управляющаго военным вѣдомством (Комуча) полк. Лебедев и ген. штаба подполк. Акинтіевскій.

Кругликов докладывает весьма кратко о том, что комиссія по организаціи власти имѣла 10 засѣданій, выработала положенія об отношеніи правительства к Учр. Собранію и программу правительства, зачитывает то и другое и сообщает по порученію съѣзда членов Учр. Собранія постановленіе его в отношеніи Учр. Собранія. Все принимается без единого слова спора, единогласно.

Для совершенно непосвященнаго в закулисныя дѣла зрителя мы, может быть, и являем собою рѣдкій примѣръ добраго согласія, но заключительная рѣчь предсѣдателя полуоткрывает и для него, если он привык читать между строк, что все далеко не так просто, как кажется.

Констатируя достиженіе единогласнаго согласія по важнѣйшим вопросам,

Авксентьев говорит: «Пять дней прошло с тѣх пор, как мы избрали нашу комиссію по вопросу об организаціи государственной власти. Эти пять дней, я убѣжден, как членам Гос. Совѣщанія, так в особенности странѣ и арміи показали, быть может, пятью мѣсяцами....

...Теперь, быть может, еще одно небольшое напряженіе, быть может, еще один или два дня, и Государственное Совѣщаніе может назвать странѣ не только тѣ принципы, тѣ основанія и программу, на которых будет строиться государственная власть, но и назвать тѣ имена, которыя мы поставим во главѣ возрождающейся, долженствующей быть единой, сильной, могучей Россійской Республики...»

Публика, как будто, удовлетворена, но мы, члены комиссіи, на своей спинѣ вынесшіе в теченіи пяти дней эти десять засѣданій, отлично отдаем себѣ отчет, что еще не два дня стоят перед нами, и что «небольшое напряженіе» будет не малым! Но жизнь берет свое. То предстоит еще только завтра. А сегодня хоть можно вечер отдохнуть.

Засѣданіе комиссіи 19 сентября начинается с заслушанія порученнаго мнѣ доклада о взаимоотношеніях между центральным правительством и областными. Признавая невозможным принятіе точно конструированных положеній, я предлагаю проект декларативной резолюціи Гос. Совѣщанія. Это вызывает споры.

Нѣкоторые находят, что разграниченіе функций центрального и областных правительств должно быть установлено теперь же. Но в концѣ концов моя точка зрѣнія берет верх, и переходят к постановочному чтенію проекта резолюціи.

Выдвигаемый мною принцип сохраненія широкой автономіи областей споров не вызывает. Но несомнѣнно, что предѣлы компетенціи областных правительств не могут быть одинаковы: нельзя дать Башкиріи такой же автономіи, как Сибири. Кому же опредѣлить предѣлы компетенціи отдельных областных правительств? Сибиряки предлагали предоставить это соглашенію центрального правительства с каждым из областных. Пойти на это значило-бы фактически сдѣлать областныя правительства независимыми или, по крайней мѣрѣ, позволить им затянуть надолго свою независимость, а может быть и пойти на риск столкновенія.

Редакція моего предложенія была такова: «установленіе предѣлов компетенціи областных правительств... предоставляется мудрости Вр. Всероссийскаго Правительства». Вот эта «мудрость» вызвала много дебатов. Написать просто «предоставляется Вр. Правительству» всѣ находили невозможным: в такой редакціи директорія получила бы право на слишком широкое усмотрѣніе. А «мудрость» не нравилась. И все таки, сколько ни мудрили и сколько надомной ни подтрунивали и во время засѣданія и позднѣе в кулуарах, «мудрость» пришлось оставить.

Пренія заканчиваются, и послѣ небольшого перерыва резолюція принимается единогласно.

Все кончено. Остается послѣдній акт — столковаться о кандидатах в члены директоріи. Начинаются заявленія кандидатур:

1) От соц.-революціонеров — Тимофеев, Зензинов, Авксентьев.

2) От партіи Народной Свободы — Астров, Аргунов, Болдырев, Чайковскій.

3) От правительства Урала — Авксентьев, Болдырев и Маслов.

4) От Союза Возрожденія — Авксентьев, Астров и Болдырев.

5) От Народных Соціалистов — Чайковскій, Авксентьев, Болдырев и Астров.

6) От «Единства» — Аргунов, Маслов, Брешко-Брешковская и Астров.

Остальныя делегаціи пока кандидатов не заявляют.

Предлагают начать обсужденіе предложенных кандидатур. Против этого возражают: указывают, что с этим надо обождать заявленія всѣх кандидатур. С этим соглашаются. Засѣданіе прерывается до вечера.

Вечером выясняется, что Сибирская делегація считает необходимым посвятить вечер совѣщанію в своей средѣ. Так как Р. С. Д. Р. П. отказывается принципиально выдвинуть кандидатуры, а мусульманскія группы заявляют, что они удовольствуются обсужденіем кандидатур, выставленных другими, то констатируют, что пока кандидатов не заявили Кочуч, Казачество и Сибирское Правительство, и засѣданіе закрывается до завтра.

Вечер свободен. Столовая Сибирской Гостиницы гудит, как улей. За столиками только и разговора, что о кандидатах. Обращает на себя вниманіе всѣх красиво сервированный большой стол с цвѣтами. Оказывается, это приготовлено для Сибиряков. С большой свитой вскорѣ появляется генерал Иванов-Ринов в давно нами невиданном форменном сюртукѣ и в погонах. Он — военный министр и командующій войсками сибирской арміи. И все восстановлено по старому: погоны, аксельбанты, ордена, шпоры. Генерал Иванов-Ринов обходит столики, милостиво здоровается с знакомыми, и через нѣсколько минут большой стол с сидящей за ним группой образуют полную диссонанса с окружающим картинку, как-бы ворвавшуюся из одной эпохи в другую. Сидящій за одним столиком со мной в скромном потертом пиджакѣ с Георгіем в петлицѣ, генерал Болдырев говорит мнѣ, указывая на одного генерала из свиты Иванова-Ринова (Бѣлова): «а давно-ли он был капитаном, одним из моих слушателей в Академіи?» Появляется неизвестно откуда

бросающаяся в глаза фигура Бориса Савинкова и вскорѣ исчезает.

2.

20-го сентября утром до начала заседания я заглянул к Авксентьеву. Застал его в сильно раздраженном состоянии. Взволнованно передавал он мнѣ о только что состоявшемся посѣщеніи его сибирским министром Старынкевичем. Старынкевич — бывший эсер, весьма близко стоявший в свое время к Рутенбергу. И вот теперь, этот недавній однопартіец Авксентьева явился к нему для бесѣды по вопросу об организациі власти и усиленно подчеркивал, что самое важное — это «аппарат», как выговаривал пшютовски, в передачѣ Авксентьева, слово «аппарат» Старынкевич. И трудно было сказать, что больше возмущало Авксентьева: пшютовскіе вид и манеры его бывшего однопартійца, или грубое подчеркиваніе того, что, если сохранить весь состав Сибирскаго Правительства, хотя бы в видѣ совѣта министров, то можно и столкнуться, а если нѣтъ, то это остается под сомніем. Скорѣе всего Авксентьева возмущало и то и другое. Меня требованіе Старынкевича нисколько не удивило: я уже достаточно знал сибирское правительство, и каковы «государственные» соображенія, которыми в Омскѣ руководятся. Требованіе Старынкевича было, по существу, только болѣе циничным повтореніем Авксентьеву того, что мнѣ в другой формѣ, как я это указывал, сказал 12-го сентября Серебряников.

Утреннее заседаніе Совѣта Старѣйшин в этот день было весьма кратким. Новых кандидатур не заявляли. Одно весьма важное постановленіе было, однако принято. Оно гласило: «Замѣстители членов Правительства избираются из лиц, находящихся в списках, также по персональным признакам, особый замѣститель к каждому члену Правительства. Для данного момента или член Правительства или его замѣститель должны быть на лицо или имѣть полную возможность явиться в кратчайшій срок.»

Такое постановленіе было необходимо, какъ по чисто техническим сообра-

женіям, чтобы получить реальную возможность имѣть немедленно состав Директоріи, так и потому, что необходимо было имѣть болѣе широкое поле для выбора: нельзя было одной тѣсной пятеркой удовлетворить групповые аппетиты.

В вечернем заѣданіи новыя кандидатуры были, наконец, заявлены. Это были: генерал М. В. Алексѣев, В. В. Саложников, С. В. Востротин, Н. А. Михайлов, П. В. Вологодскій.

Обсужденіе кандидатур было весьма кратким. Приняли рѣшеніе прѣжде всего, путем заявленія отводов, устранить кандидатуры безнадежныя. Против С. В. Востротина возражали категорически и ультимативно эсеры: они ставили ему в вину какое-то обращеніе его к Японіи. Наибольшее число отводов выпало на долю Н. А. Михайлова (единственная кандидатура, против которой заявил категорическій отвод и я, не смотря на то, что в теченіе дня меня многіе убѣждали не дѣлать этого, опасаясь с его стороны интриг против Директоріи). Послѣ учета отводов, оставалось опредѣлить: кому же быть членами Директоріи и кому замѣстителями? На этом заседаніе прерывается, и начинается закулисная работа, закулисные переговоры и сговоры.

Не имѣя возможности провести Михайлова (да и нельзя сказать, чтобы они его особенно отстаивали), сибиряки настаивали на кандидатурѣ в члены Директоріи П. В. Вологодскаго. Они считали, что этим в Директорію уже включается один эсер, и этого с эсеров довольно. Эсеры, считаясь с необходимостью дать мѣсто в Директоріи представителю Сибирскаго Правительства, относились к кандидатурѣ Вологодскаго, какъ эсера, с насмѣшкой: они его своим и не думали считать.

Мало-мальски пріемлемым из эсеров для сибиряков был А. А. Аргунов и с трудом — Н. Д. Авксентьев. Для эсеров же Аргунов предствлял такую фигуру, что у них поднялся вопрос о постановкѣ ему ультиматума: или заявить об отказѣ от своей кандидатуры, или уйти из партіи. Что касается Авксентье-

ва, то эта кандидатура была для них приемлема, как вторая, при непремьном условіи, чтобы рядом с ним был один из ортодоксальных эсеров: Тимофеев, Донской или Зензинов. Из этих трех кандидатов мы знали лично одного Зензинова. К нему привыкли, но и то о нем в качествѣ члена Директоріи Сибиряки в началѣ и слышать не хотѣли.

Таковы были разногласія в отношеніи гражданских кандидатов, в члены Директоріи. Другое разногласіе было в отношеніи кандидатов — военных. Сибиряки и Казачество стояли за кандидатуру в члены Директоріи генерала Алексѣева, приемля вполнѣ Болдырева в качествѣ замѣстителя. Эсеры ни в коем случаѣ не соглашались на кандидатуру генерала Алексѣева в члены Директоріи и, скрѣпя сердце, готовы принять кандидатуру генерала Болдырева.

На суммѣ этих разногласій мы вертимся сутки. В наших группировках наиболее непримиримо держатся Сибиряки: в них чувствуется готовность сорвать соглашеніе. И если бы не уступчивость Сибирскаго Казачества — реальной опоры Сибирскаго правительства — и не давленіе в самый послѣдній момент на Омск и Самару со стороны «союзников», то соглашеніе несомнѣнно было-бы сорвано.

Засѣданіе возобновляется только вечером 21 сентября. Болдырев от имени делегаций Сибирскаго Правительства, Партии Народной Свободы, Конференціи Казачьих Войск, Союза Возрожденія Россіи предлагает список членов Директоріи в составѣ: Н. П. Астров, В. Г. Болдырев, П. В. Вологодскій, Н. В. Чайковскій и Н. Д. Авксентьев. При этом он заявляет, что «представляемые им пять делегаций не отказываются от дальнѣйших поисков путей соглашенія, если противоположными группировками будут сдѣланы какія либо предложенія и заявленія».

Другая сторона выдвигает на мѣсто Н. В. Чайковскаго — Зензинова, Донскаго или Тимофеева.

Начинаются дебаты, из которых, по заявленным требованіям, заносятся в протокол засѣданія заявленія:

С. Ф. Знаменскаго — от эсеров, что для них оба списка равно-приемлемы.

Мое — от делегации партии Народной Свободы: «Совершенно неравноцѣнны в качествѣ члена Директоріи имена Чайковскаго с одной стороны и Зензинова, Тимофеева или Донскаго — с другой. Не предѣшая вопроса о том, как отнесется делегация к кандидатурѣ этих лиц в замѣстители членов Директоріи, делегация не находит возможным замѣнить извѣстное в странѣ и далеко за ея предѣлами имя Н. В. Чайковскаго малоизвѣстным в народѣ именем Зензинова или совершенно неизвѣстными даже в политических кругах — как, напримѣр, делегации к.-д. — именами Донскаго или Тимофеева».

М. Я. Гендельмана — от партии с.-р., что «на вопрос, какія возможны измѣненія, чтобы достичь соглашенія, Кроль разъяснил, что измѣненія могут послѣдовать в список замѣстителей, и что таким образом замѣстителем к Чайковскому мог-бы быть помѣщен кандидат противоположной группы. В дальнѣйшем обмѣнѣ мнѣній, на указаніе, что один из названных кандидатов, Донской, Тимофеев или Зензинов, замѣщая отсутствующаго Чайковскаго, немедленно вступит в Правительство в качествѣ полноправнаго члена и, слѣдовательно, окажется приемлем для групп другой стороны, а потому может с таким же правом быть помѣщен в основном список, Кроль разъяснил, что для основного списка нужны извѣстныя странѣ имена, тогда как в список замѣстителей можно удовлетворяться менѣе значительными именами. Представители казачьих групп присоединились к объясненіям Кроля». Из этого Гендельман дѣлает слѣдующій вывод, который также просит занести в протокол: «Тѣ группы, от имени которых оглашал заявленіе генерал Болдырев, допускают, чтобы соглашеніе разстроилось только из-за того, в каком списокѣ будет фигурировать кандидат, хотя, как фактическій участник Правительства, этот кандидат для указанных групп оказывается вполнѣ приемлемым».

На этом засѣданіи кончается. Расходится под впечатленіем недостижутаго

соглашения. Возлагаем надежды на следующее утро. Группировки совещаются.

В утреннем заседании 22-го сентября устанавливаем чрезвычайно важный принцип, без решения которого вопрос о том, согласиться ли эсерам на то, чтобы один из их спорных трех кандидатов был заместителем Чайковского, не имеет реального значения.

Этот принцип гласит: «При первоначальном формировании Правительства отсутствие члена Правительства обуславливает вступление в состав Правительства его заместителя». Такое постановление гарантирует эсерам реальное второе место в Директории, впредь до приезда Чайковского из Архангельска, чего вскорь, разумеется, ждать нельзя.

Одновременно, в виду опасений, что партии будут давить на своих членов в Директории, заносится в протокол заявление представителей партий Соц.-Революционеров, Народной Свободы и Трудовой-Народно-Социалистической о том, что «установление персонального признака при составлении Правительства исключает возможность партийного давления на членов Правительства, принадлежащих к той или другой партии, следовательно, исключает и возможность отозвания».

Эти решения удовлетворяют эсеров. Во время перерыва благополучно решается в утвердительном смысле вопрос о кандидатуре В. А. Виноградова в заместители Н. И. Астрову. И в вечернем заседании мы оказываемся, наконец, в состоянии «единогласно» постановить предложить Государственному Совещанию на утверждение состав Правительства:

1) Н. Д. Авксентьев — заместитель А. А. Аргунев, 2) Н. И. Астров — заместитель В. А. Виноградов, 3) В. Г. Болдырев — заместитель М. В. Алексеев, 4) П. В. Бологодский — заместитель В. М. Зензинов.

Работа кончена поздно вечером. Завтра — последний ее аккорд, торжественный спектакль Государственного Совещания! И в первый раз за все время мы облегченно вздыхаем и на радостях устраиваем импровизированный банкет. Он тянется далеко за полночь. Забыты в этот момент вся рознь, вся грызня. Мы-

сли, получают другое направление. И некоторые спрашивают друг друга: а не было ли ошибки; не следовало ли с банкета начинать?

3.

Торжественное заключительное заседание Государственного Совещания 23 сентября открывается только в 11½ часов вечера. Такой поздний час открытия вызван тем, что заготавливаются подлежащие подписанию акты, ждут представителей союзников с весьма важными для дела ответами «союзных» правительств на их донесения о фактически достигнутом соглашении, подлежащем только чисто официальной санкции.

Государственное Совещание в полном составе. Кроме президиума — на лицо: 70 членов Учредительного Собрания, 32 делегата областных правительств и казачьих войск, 12 представителей партий и организаций. В местах для почетных гостей и для публики занято все сплошь.

Оглашаются приветствия.

От английского правительства: ...«Британская нация с чувством искренней и глубокой дружбы смотрит на Россию, в которой видит верного союзника, только, благодаря интригам врага и низкому предательству части своего народа, временно сошедшего с поля битвы, где ведется борьба за свободу всего мира. Британский народ с облегчением видит, что Россия, не обманувшая доверия, которое союзники не переставали возлагать на нее, теперь снова возвращается на поле битвы и он радостно протягивает ей руку помощи. Да положит Совещание в Уффе основание новой России, освобожденной и сильной, поддерживаемой единодушной преданностью ее сынов. Олстон». (Уполномоченный великобританского правительства в Сибири, по поручению из Лондона).

От французского правительства: «Французское правительство с удовольствием принимает декларацию Государственного Совещания, собравшегося в Уффе, и просит передать всем его членам, без различия партий, уверение, что французское правительство готово оказать России полную поддержку для водворения порядка и признания, с помощью самих рус-

ских, германцев, которые захватили часть страны. Франция обращается с горячим призывом к согласию и единению всех русских для возрождения государства, установления правительства и победы над общим врагом. Пишон. Буржуа».

От начальника великобританской военной миссии, генерала Нокса: «Принимаю и благодарю за ваши теплые слова и прошу передать мою благодарность разным представителям Совѣщанія за их дружеское привѣтствіе... Вы правы, указывая на то, что мы пришли сюда не для вмешательства во внутреннюю жизнь Россіи и не для пріобрѣтенія каких-либо личных выгод, земельных или других. За послѣдніе четыре года, мы, не жалѣя, проливали свою кровь и отдавали свое послѣднее на полях сраженія на Западѣ. Здѣсь, на Востокѣ, мы дѣлаем то же самое и ни здѣсь, ни там не ждем себѣ награды. Послѣдній оставшійся деспот — Германія, и мы будем продолжать войну на Западѣ и Востокѣ, пока кумир деспотизма, большевики и нѣмцы, не будут прогнаны с русской земли. Вот та задача, которую мы на себя приняли. Раз это свершится, все народы, населяющіе руссійское государство, могут сами, без нашего вмешательства, избрать себѣ правительство, которое наиболее будет соответствовать общему желанію».

От руссійскаго посла в Римѣ, Гирса: «Глубоко взволнованный открытіем Государственнаго Совѣщанія, считаю своим долгом, в качествѣ старѣйшаго из

русскихъ пословъ, обратиться к чувству патриотизма всехъ моихъ согражданъ и всехъ политическихъ партій, умоляя ихъ напрячь все усилія, чтобы притти къ полному согласію, дабы не затруднить или не сдѣлать совершенно невыполнимою задачу нашихъ союзниковъ, несущихъ намъ дружескую помощь в нашей борьбѣ с нѣмцами и большевиками. Единственное стремленіе нашихъ союзниковъ — это восстановление Россіи в ея предѣлахъ, протіводѣйствуя германскому захвату и гарантируя народамъ Россіи разрѣшеніе ихъ внутреннихъ вопросовъ и возсозданіе правительства. Чтобы спасти наше отечество, необходимо, во что бы то ни стало, преодолѣть внутреннія тренія и осложненія. В интересахъ самаго существованія Великой и сильной Россіи, необходимо возрожденіе ея государственности теперь же, еще во время войны, и ея новое выступленіе в рядахъ борцовъ противъ нашего исконнаго непріятеля. Мы должны помнить, что уже ясно очерчивается конечная побѣда нашихъ союзниковъ на Западѣ».

Доложивъ о поступленіи еще нѣсколькихъ привѣтствій второстепеннаго характера, Авксентьевъ уступаетъ предсѣдательское мѣсто Роговскому, и Кругликовъ дѣлаетъ краткій докладъ о результатѣ работъ комиссіи за послѣдніе дни, о воздержаніи социал-демократовъ отъ участія в разрѣшеніи вопроса о конструкціи и составѣ директоріи и в результатѣ предлагаетъ Государственному Совѣщанію принять:

АКТ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ 26-8 — 10-23

СЕНТЯБРЯ 1918 ГОДА.

«Государственное Совѣщаніе, в составѣ Съѣзда членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія и уполномоченныхъ на то представителей Комитета членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, Сибирскаго временнаго правительства, областного правительства Урала, казачьихъ войскъ: Оренбургскаго, Уральскаго, Семірѣченскаго, Енисейскаго, Астраханскаго, представителей правительствъ: Башкиріи, Алаш, Туркестана и національнаго управленія Тюрко-Татаръ вну-

тренней Россіи и Сибири и временнаго Эстонскаго правительства, представителей Съѣзда городовъ и земствъ Сибири, Урала и Поволжья, представителей политическихъ партій и организацій: партій социалистовъ-революціонеровъ, руссійской социал-демократической рабочей партіи, трудовой народно-соціалистической партіи, партіи народной свободы, всероссійской социал-демократической организаціи «Единство» и союза Возрожденія Россіи, в единодушномъ стремленіи къ спе-

сенію страны, возсозданію ея единства и обезпеченію ея независимости, постановило:

Вручить всю полноту верховной власти на всем пространствѣ государства Россійскаго временному всероссійскому правительству в составѣ пяти лиц: Николая Дмитриевича Ависентьева, Николая Ивановича Астрова, генерал-лейтенанта Василя Георгіевича Болдырева, Петра Васильевича Вологодскаго и Николая Васильевича Чайновскаго.

Временное всероссійское правительство в своей дѣятельности руководствуется слѣдующими, установленными настоящим актом, положеніями.

Общія положенія. 1) Временное всероссійское правительство, впредь до созыва всероссійскаго Учредительнаго Собранія, является единственным носителем верховной власти на всем пространствѣ государства русскаго. 2) Всѣ функціи верховной власти, временно отправляемыя, в виду создавшихся условий, областными правительствами, должны быть переданы временному всероссійскому правительству, как только оно того требует. 3). Установленіе предѣлов компетенціи областных правительств на началах широкой автономіи областей и на основах, приведенных в изложенной ниже программѣ дѣятельности правительства, предоставляется мудрости временнаго всероссійскаго правительства.

Обязанности Правительства в отношеніи Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. В непремѣнную обязанность всероссійскаго правительства вмѣняется: 1) Всеобщее содѣйствіе функционирующему, как государственно-правовой орган, съѣзду членов Учредительнаго Собранія в его самостоятельной работѣ по обезпеченію пріѣзда членов Учр. Собранія и по ускоренію и подготовкѣ возобновленія занятій Учредительнаго Собранія настоящаго состава. 2) Неуклонное руководство в своей дѣятельности непрерываемыми верховными правами Учредительнаго Собранія и неустанное наблюденіе, чтобы в дѣятельности всѣх подчиненных временному правительству органов не было допущено ни-

чего, могущаго клониться к умаленію прав Учр. Собранія или к замедленію в возобновленіи его работ. 3). Представленіе отчета о своей дѣятельности Учр. Собранію, немедленно по объявленіи Учр. Собраніем своих работ возобновленными, и безусловное подчиненіе Учредительному Собранію, как единственной в странѣ верховной власти.

Примѣчаніе. Къ сему прилагается постановление съѣзда членов Всероссійскаго Учредительнаго Собранія от 18 сентября 1918 года.

Программа работ Вр. Правительства. В своей дѣятельности по возстановленію государственнаго единства и независимости Россіи, временное всероссійское правительство должно ставить в первую очередь слѣдующія неотложныя задачи: 1) борьба за освобожденіе Россіи от совѣтской власти; 2) возсозданіе отторгнутых, отнятых и разрозненных областей Россіи; 3) непризнаніе Брестскаго и всѣх прочих договоров международнаго характера, заключенных, как от имени Россіи, так и отдѣльных ея частей послѣ февральской революціи и какой бы то ни было властью, кромѣ Россійскаго Временнаго Правительства, и возстановленіе фактической силы договорных отношеній с державами союзася, 4) продолженіе войны против германской коалиціи.

В сферѣ внутренней политики временное правительство должно преслѣдовать нижеслѣдующія цѣли:

В области военной: 1) возсозданіе сильной, боеспособной, единой русскаго арміи, поставленной внѣ влияния политических партій и подчиненной, в лицѣ ея высшаго командованія, всероссійскому временному правительству; 2) полное невмѣшательство военных властей в сферу гражданскаго управленія, за исключеніем мѣстностей, входящих в театръ военных дѣйствій или объявленных указами правительства на военном положеніи, когда это вызывается крайней государственной необходимостью; 3) установленіе крѣпкой воинской дисциплины, на началѣ законности и уваженія к личности; 4) недопустимость политиче-

ских организаций военно-служащих и устраниение армий от политики.

В области гражданской: 1) устройство освобождающейся России на началах признания за ее отдельными областями прав широкой автономии, обусловленной как географическим и экономическим, так и этническими признаками, предполагая окончательное установление государственной организации на федеративных началах полномочным Учредительным Собранием; 2) признание за национальными меньшинствами, не занимающими отдельной территории, прав на культурно-национальное самоопределение; 3) восстановление в освобождаемых от советской власти частях России демократического городского и земского самоуправления, с назначением перевыборов в ближайший срок; 5) установление мер к действительной охране общественной безопасности и государственного порядка.

В области народно-хозяйственной: 1) борьба с хозяйственной разрухой; 2) содействие развитию производительных сил страны; привлечение к производству частного капитала, русского и иностранного, и поощрение частной инициативы и предприимчивости; 3) государственное регулирование промышленности и торговли; 4) принятие мер к повышению производительности труда и сокращению непроизводительного потребления национального дохода; 5) развитие рабочего законодательства на началах действительной охраны труда и регулирование условий найма и увольнения рабочих; 6) признание полной свободы коалиций; 7) в сферах продовольственной политики отказ от хлебной монополии и твердых цен, с сохранением нормировки распределения продуктов, имеющих в недостаточном количестве; 8) государственные заготовки при участии частного-торгового и кооперативного аппарата; 9) в

сферах финансовой — борьба с обезценением бумажных денег, восстановление налогового аппарата и усиление прямого, подоходного и косвенного обложения; 10) в области земельной политики в. всероссийское правительство, недопуская таких изменений в существующих земельных отношениях, которые мешали бы разрешению Учредительным Собранием земельного вопроса в полном объеме, оставляет землю в руках ее фактических пользователей и принимает меры к немедленному возобновлению работ по урегулированию землепользования на началах максимального увеличения культивируемых земель и расширения трудового землепользования, применяясь к бытовым и экономическим особенностям отдельных областей и районов.

Порядок изменения состава правительства: 1) осуществляя на указанных основаниях верховную власть временное всероссийское правительство действует, как орган коллегиальный; члены его до Учредительного Собрания не ответственны и не смещаемы; 2) на случай выгнания из состава временного правительства того или другого члена его в качестве заместителей избираются Андрей Александрович Аргунов, Владимир Александрович Виногооров, генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев, Василий Васильевич Саложников и Владимир Михайлович Зензинов; 3) в виду необходимости для временного правительства немедленно приступить к осуществлению власти и управлению государством в полном своем составе, в состав его, впредь до прибытия отсутствующих ныне членов, немедленно должны вступить их персональные заместители; 4) члены временного всероссийского правительства при вступлении в него дают торжественное обещание по прилагаемому при сем тексту».

Доклад Кругликова кончен, желающих высказаться не оказывается. Председательствующий ставит акт на голосование. Принимается единогласно.

Члены директории занимают по приглашению председательствующего почет-

ные места; председательствующий предлагает, стоя, заслушать текст торжественного обещания:

«Мы, члены временного всероссийского правительства, избранные на государственном совещании в город Уфь,

торжественно общаем хранить вѣрность народу и государству Россійскому и выполнять наши обязанности в полном соответствии с принятым на государственном совѣщаніи актом об образованіи верховной власти 10—23 сентября 1918 года».

Члены директоріи подписывают торжественное совѣщаніе. По заранѣ обусловленному церемониалу, от имени всего Государственного Совѣщанія привѣтствует директорію С. Ф. Знаменскій. Затѣм с привѣтствіем выступает председатель Чехо - Словацкаго Национальнаго Совѣта, Бордан Павлу: . . . «Никто лучше, чѣм мы, не чувствует торжественности и величія этого момента. Быть может, не даром исторія поставила нас на то мѣсто, на котором мы в настоящее время находимся. Если мы имѣем нѣкоторую заслугу в созданіи настоящего момента, если мы тоже что-то создали для новой Великой Единой Россіи, — это не случайно. Это — потому, что в каждом из нас имѣется ясное сознание, что наша судьба и ваша судьба — судьба общая. Мы вѣрим и потому боремся, что знаем, что без единой и свободной Россіи не будет и единой и свободной Чехославіи, что без единой и свободной Россіи не будет единой и свободной Польши, не будет единой и свободной Румыніи, не будет единой и свободной Югославіи. И потому мы здѣсь всѣ угнетенные народы Средней Европы собрались и собираемся для того, чтобы с вами дальше бороться до тѣх пор, пока не будет восстановлена Россія и пока не будет восстановлена свобода нашей родины. Мы желаем всероссійскому верховному правительству, чтобы оно имѣло достаточно сил и твердой воли и чтобы оно исполнило стоящія перед ним тяжелыя задачи. И мы общаем, что мы будем его поддерживать ибо мы хотим совместно со всероссійским правительством и совместно со всей Россіей дальше бороться до окончательной побѣды, до нашей и вашей свободы».

Павлу устраивают овацію. Слѣдом за ним выступает с отвѣтной рѣчью от имени директоріи Авксентьев, затѣм по

вызову секретаря один за другим выйдут представители делегацій и подписывают акт об образованіи власти. Предсѣдательствующій Роговскій произносит заключительную рѣчь и объявляет Государственное Совѣщаніе закрытым.

Казалось бы, с чѣм большим трудом выполнена тяжелая задача, с тѣм большим энтузіазмом должен был быть встрѣчен результат. Энтузіазма, однако, не было замѣтно.

С наибольшим успѣхом можно было бы поздравить нас, группу Союза Возрожденія Россіи (на лицо были Н. Д. Авксентьев, В. Г. Болдырев, Б. Н. Моисеенко, А. А. Аргунов, В. В. Подвицкій, В. Е. Павлов, С. Ф. Знаменскій и я). В самом дѣлѣ, мы добились максимума возможнаго: в основной «пятеркѣ» только один Вологодскій не был членом Союза Возрожденія. Но и в нашей средѣ не только энтузіазма, но даже скромнаго, простого удовлетворенія не было. Ибо мы не могли не отдавать себѣ отчета, что то, что сдѣлано, не больше, чѣм полупти.

Мы не могли не сознавать, что Директорія, формально принятая единогласно, фактически, что называется, «вымучена». Потеря Казани, эвакуація Симбирска, угроза Самарѣ, масса бѣженцев из этих мѣст в Уфѣ, вот что сбивало спѣсь с Комуча и заставляло его идти на такія уступки, на которыя он бы не шел при других условіях. Давленіе «союзников», и не малое, на Омск, вот что заставляло его идти на уступки, считая «уступки» Комуча совершенно недостаточными. Комуч сохранял в лицѣ совѣта управляющих вѣдомствами фактическую власть в остаткѣ Поволжья и в лицѣ съѣзда членов Учредительнаго Собранія угрозу против директоріи. Омск пока фактически располагал властью в Сибири и своей арміей. Отсутствие Астрова и Чайковскаго лишило директорію того полнаго моральнаго авторитета, которым она располагала бы, будь они на лицо.

При таких условіях нам было ясно, что директорія предстоит еще далеко не простая задача — обратиться из власти номинальной в власть реальную. Вѣдь

даже на первые расходы по организации своего аппарата директория к кому - либо из существующих правительств должна же была обратиться.

У нас, возрожденцев, было удовлетво-

рение в том отношении, что данное нам в Москвѣ поручение — объединить власть на Востокѣ — мы выполнили. Но что касается созданной директории, то уверенности в ее прочности не было.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ III.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ.

(СЕНТЯБРЬ 1918—ИЮНЬ 1919 ГОДА).

ГЛАВА XX.

Вопрос о Екатеринбургѣ, как резиденціи Директоріи.—Убіѣство Новоселова в Омскѣ.—Знакомства: А. С. Бѣлоруссов. Генерал Розанов.—Рѣшеніе Директоріи избрать Екатеринбург резиденціей. Мои полномочія и военная психологія.—Ѣдут—не ѣдут.—Приготовленія в Екатеринбургѣ.—Симпатіи населенія.—Внезапное измѣненіе рѣшенія: резиденція—Омск.—Встрѣча с Директоріей в Челябинскѣ.—К волку в пасть.—Банкет.—Сэр Эллиот и Авксентьев.

1

С того момента, как Директорія была избрана, казалось-бы, я мог немедленно возвратиться в Екатеринбург. Но как раз с этого момента для меня начиналась другая задача. Я уже упоминал в свое время, что, когда в серединѣ іюля Аргунов, Павлов и я обсуждали в Челябинскѣ впервые вопрос о созданіи правительства Урала, то, кромѣ цѣли созданія правительства независимаго от Самары и Омска, мы ставили себѣ и другую: подготовить для будущаго центрального правительства резиденцію, в которой оно встрѣтило бы сразу симпатизирующую ему атмосферу, в которой не было-бы старой власти, стремившейся к гегемоніи для себя. Правительство Урала, подчеркнущее с самаго начала свой узко-областной характер, с полной искренностью готово было увидѣть в Екатеринбургѣ власть над ним стоящую, и, таким образом, столица для Директоріи, хотя бы и временная, была готова.

Мыслью о Екатеринбургѣ, как резиденціи, я неоднократно дѣлился с Авксентьевым и Болдыревым, двумя определенно выяснившимися кандидатами в Директорію, указывая им на всѣ преимущества для Директоріи Екатеринбурга перед Омском (другого выбора не было, ибо Самара слишком близка к фронту). Попутно я обрисовывал им вполнѣ выяснившійся для меня характер Си-

бирскаго правительства и особенно опасный характер И. А. Михайлова.

Определеннаго отвѣта относительно взгляда на вопрос со стороны Авксентьева и Болдырева я не получал. На них, как, впрочем, и на всѣх, производил впечатлѣніе омскій «аппарат». Это впечатлѣніе достигалось сибиряками очень просто: ѣздили они с большой помпой, цѣлым поѣздом с многочисленным персоналом. Правда, в первый період существованія Сибирскаго правительства, когда штаты были еще малы, министр захватывал с собой чуть не больше половины своего персонала. Но про то зналъ он, а во внѣ это производило впечатлѣніе. С другой стороны меня вообще считали слишком пристрастным в отношеніи Сибирскаго правительства и, в частности, И. А. Михайлова; поэтому относились менѣе опасливо к Омску, чѣм я. Наконец, Омск был очень далек от фронта, в то время как Екатеринбург был относительно близок, хотя мы, напримѣр, о возможной опасности для Екатеринбурга и не думали (Екатеринбург — второй в Россіи, послѣ Москвы, железнодорожный узел и был особенно цѣнен с стратегической точки зрѣнія. Поэтому чехи и мысли не допускали о сдачѣ Екатеринбурга и основали в нем резиденцію своего тогдашняго правительства — Национальнаго Совѣта.

Все это вело к тому, что было очень мало шансов на то, чтобы Директорія

избрала своей резиденцией Екатеринбург. Я рѣшил однако довести дѣло до конца (сильно поддерживал меня Аргунов) и исчерпать всё доводы, пока не услышу опредѣленнаго «нѣтъ».

С этой мыслью я спускался утром 24 сентября, из своего номера в столовую, когда узнал потрясающую новость: в Омскѣ убит министр Новоселов, и чехи требуют от Директоріи приказа о немедленном арестѣ скрывающагося от них И. А. Михайлова, считая его главным виновником этого убійства. Во всё время конца столовой только и было разговора, что об этом. Кое-кто поздравлял меня с твердостью, проявленной мной в отводѣ кандидатуры И. А. Михайлова при выборах Директоріи: пусть он и не виновен, но лицо, в отношеніи котораго возможны такіа предположенія, не удобно в качествѣ члена Директоріи.

Весь день шли толки и разговоры. Для перваго дня существованія Директоріи сюрприз был не из пріятных: первый блин был комом. Члены Директоріи были заняты этим дѣлом. Доступ к ним был уже не так легок, как вчера. У дверей комнат, занимаемых временным предсѣдателем, Авксентьевым, и верховным главнокомандующим, Болдыревым, стояли парные часовые, которые без разрѣшенія адъютантов не пропускали.

Вот к Болдыреву привели генерала Иванова-Ринова. Вид у него далеко не тот, что в вечер пріѣзда, когда он милостиво здоровался с Болдыревым в поджакѣ, и даже не тот, что вчера, когда, перед открытіем засѣданія Государственнаго Совѣщанія, стоял перед Болдыревым — генералом с красными отворотами и широкими лампасами. Да и удивительнаго ничего нѣтъ: идет рѣчь, не задержать ли в Уфѣ омских правителей и министров, впредь до выясненія омских событій, при каких условіях арестованные члены правительства, Шатилов и Крутовскій, подали в отставку (по имѣвшимся свѣдѣніям, под дулом револьвера), а министр Новоселов был убит.

Члены директоріи совѣщаются с отдѣльными лицами. Спрашивает Авксентьев мое мнѣніе. Я категорически высказываюсь против принятія Директо-

ріей каких бы то ни было незаконных мѣр: нельзя с этого начинать и становиться на путь беззаконія.

К вечеру Директорія рѣшает ограничиться командировкой в Омск замѣстителя членов Директоріи, Аргунова, предоставив ему чрезвычайныя полномочія слѣдственнаго и админист. характера.

На слѣдующій день я получил телеграмму от предсѣдателя временнаго правительства Урала, что он еще с двумя членами правительства выѣзжает в Уфу для свиданія с Директоріей, ибо отношенія с Омском становятся нестерпимыми; меня просят дожидаться. Таким образом, одно к одному, мнѣ приходилось оставаться в Уфѣ.

Открылся съѣзд членов Учредительнаго Собранія, «функционирующей, как государственнo-правовой орган». Так как я был принципиальным противником такого «государственнаго» органа, то я, слѣдуя общему правилу к.-д., не признающему бойкота, в состав съѣзда вошел, но отказался быть членом его Бюро, гдѣ одно мѣсто обязательно обезпечивалось каждой фракціей Учр. Собранія, независимо от ея численности. На засѣданія съѣзда в Уфѣ я заходил на нѣсколько минут, а в дальнѣйшем, во время пребыванія съѣзда в Екатеринбургѣ, и не заглядывал.

Числа с 21 сентября свободнаго времени было много, и в столовой приходилось встрѣчаться с самой разнообразной публикой. В частности было много бѣженцев политических дѣятелей из Симбирска и Казани. Появился на нѣсколько дней член Учр. Собранія Н. К. Бородин. Принимая участіе в частных совѣщаніях со мной и другими, допущенными в концѣ совѣщанія, делегатами к.-д. (А. И. Коробов и А. П. Мельгунов), Бородин держался официально в сторонѣ. Он прибыл из Москвы вмѣстѣ с Клафтоном в миссіи Американскаго Краснаго Креста по вопросу об обмѣнѣ заложников, взятых Комучем в отвѣтъ на такую же мѣру большевиков, и ему было неудобно проявлять публичную политическую дѣятельность.

Пришлось мнѣ тут познакомиться с ирравшим позднеѣ большую роль А. С. Бѣ-

лоруссовым (Билевским). Будучи членом Национального Центра, он мало благосклонно относился к Директоріи вообще, а в частности очень неблагоприятно к Авксентьеву лично. Собираясь начать издавать большую газету, он не собирався однако выступить против Директоріи, сознавая, что в этот момент о диктатурѣ говорить не приходится.

Наибольше оригинальное знакомство у меня произошло так. К столыку, за которым я сидѣлъ, подошел сильно обтрепанный человекъ, почти оборванный. При трудности получения разрѣшенія на вход в Сибирскую Гостинницу, меня удивило даже его появленіе.

— Вы г. Броль, спросил он меня.

— Да.

— У меня к вам порученіе из Москвы от Н. Н.

Сомнѣній не могло быть. Он передавал порученіе в таких словах, что у меня их не оставалось.

— А с кѣм имѣю удовольствіе говорить?

— Я — генерал Розанов. Только что перебрался через фронт. Во избѣжаніе в будущем всяких недоразумѣній между нами, считаю долгом вам сказать, что я — убѣжденный монархист. Думаю однако, что недоразумѣній между нами не будет так как политика не мое дѣло; мое дѣло — военное.

Не думал я в тот момент, что передо мной стоит будущая гроза Дальняго Востока. Не мало я был удивлен через нѣсколько дней, когда узнал, что генерал Розанов назначен начальником штаба верховнаго главнокомандующаго. С военной точки зрѣнія, может быть, это было вполне правильно. Но было-ли это достаточно осторожно с политической точки зрѣнія, для меня оставалось вопросом.

2

Омскія событія, видимо, показали нѣкоторым членам Директоріи, что к моей оцѣнкѣ Омска надо относиться серьезнѣе. И уже не мнѣ приходилось вновь подымать вопрос о Екатеринбургѣ, как резиденціи, а с ним обратились ко мнѣ. Вопрос ставился уже конкретно: может-ли Екатеринбург дать достаточно помѣщеній для Директоріи, министерств и

ставки верховнаго главнокомандующаго и их персонала с одной стороны, и насколько Директоріа хотя бы на первые дни может использовать «аппаратъ» правительства Урала. И с большим удивленіем относились члены Директоріи к моей справкѣ, что уѣздный город Екатеринбург неизмовѣрно богаче Омска, как матеріально, зданіями, так и культурными, интеллектуальными силами. Нѣсколько дней шли колебанія. Сапожников сильно тянул Директорію в Омск. Болдырев о опасной относился к вопросу относительной близости Екатеринбурга к фронту: он ставил вопрос о том, не устроить ли ставку в Екатеринбургѣ, а резиденцію Директоріи в Омскѣ. В концѣ концов, послѣ ряда колебаній, остановились все таки на Екатеринбургѣ, предложив мнѣ взять на себя отвѣтственность за техническую часть этого дѣла и роль чрезвычайнаго уполномоченнаго по организаціи резиденціи.

Пока шли расчеты и подсчеты, для чего и какія помѣщенія нужны, я вызвал к прямому проводу нашего министра внутренних дѣл и городского голову и просил их заняться сейчас же подготовительной работой. Выясняя с ними, какія зданія можно было-бы занять, я упомянул один особнякъ, который, как оказалось потом, занят был лично для себя начальником гарнизона, генералом Голицыным. Так как телеграфныя ленты шли на провѣрку в его штаб, то Голицын усмотрѣлъ в этом желаніе мое отнять у него помѣщеніе, и эта мелочь имѣла свои послѣдствія.

Пріѣзд председателя правительства Урала П. В. Иванова, членов его, Гласова и Гутта, и моего товарища, Всеволожакаго, произвел большое впечатлѣніе. Они были всѣ средних лѣтъ, и их солидность, при молодости большинства участников Государственнаго Совѣщанія, imponировала. Бесѣда наша с Авксентьевым и Болдыревым, которому П. В. Иванов подробно изложил, насколько генерал Голицын мѣшает разумной государственной работѣ, ярко обрисовала этим членам Директоріи, что такое Омская государственность, и подтвердила их в уже принятом рѣшеніи ѣхать в Ека-

теринбург. Но это рѣшеніе логически позволяло отложить до пріѣзда Директоріи на мѣсто разсмотрѣніе волновавших правительство Урала вопросов.

Условіем, которое я ставил для принятія на себя обязанности чрезвычайнаго уполномоченнаго, было предоставленіе мнѣ дѣйствительно широких полномочій, которыя бы давали возможность дѣйствовать быстро и без помѣх. Я находил необходимым, между прочим, имѣть право реквизировать помѣщенія не только для надобностей Директоріи и Ставки, но и для удовлетворенія помѣщеніями тѣх, у кого будут реквизированы мною для этих надобностей помѣщенія: я считал недопустимым обычнй метод — отнять помѣщеніе у кого-либо, предоставив ему изворачиваться, как знает.

Права мнѣ были предоставлены, выходящія за всякія нормальныя рамки. Когда проект моих полномочій был представлен генералу Болдыреву, он нашел его вполне подходящим, но заявил: «а все таки военныя власти его слушаться не будут, с этим ничего не подѣлаешь; они привыкли слушаться только военных». Как же быть? — Оказалось, очень просто. К Болдыреву тут же был вызван молодой капитан, Соколов. Болдырев объяснил ему, что ему из Ставки будут даны полномочія, аналогичныя моим, но только в части, касающейся военных властей; пользоваться же своими полномочіями Соколов должен исключительно по моимъ указаніям. Когда Соколов вышел, Болдырев замѣтил: «так все будет хорошо; Соколов будет слушаться вас, военные — его, значит, фактически — вас». Я никак не мог понять, почему генерал будет слушаться молодого капитана а штатскаго, снабженнаго чрезвычайными полномочіями Верховной Власти слушаться не будет. Генерал Болдырев это понимал. Послѣдующее показало, что Болдырев был прав и предусмотрителен. Жизнь выработала свои нормы. Но величайшій вред кастоваго обособленія военных несомнѣнен. И в будущей Россіи необходимо принять всѣ мѣры к тому, чтобы сами военные внутренне пришли к сознанію государствен-

ной необходимости, чтобы военная власть подчинилась гражданской.

С переѣздом Директоріи в постоянную резиденцію надо было торопиться. Работать на бивуаках было ей чрезвычайно неудобно. Чувствовалось, что работает только штаб верховнаго главнокомандующаго. Остальное оставалось пока цѣликом в руках областных правительств. Управление дѣлами Директоріи и Ставки поднесли мнѣ довольно внушительные списки потребных помѣщеній, мебели и оборудованія (все это надо было реквизировать). Со мной должны были ѣхать комендант Директоріи полковник Чехметьев, капитан Соколов и 20 квартирьеров с семьями.

Директорія рѣшила дать нам экстренный поѣзд. Но легче было рѣшить, чѣм сдѣлать. Поѣздами еще распоряжалась Самара, а они у нея были заняты для своих. Рѣшили тогда дать нам паровоз и вагон для квартирьеров, так как у меня для членов правительства Урала был свой вагон. Оказалось, что и паровоз получить не просто. Кончилось тѣм, что я предложил ограничиться лишь распоряженіем, чтобы наши вагоны принимали всюду к первому отходящему поѣзду.

28 сентября вечером вдруг произошла какая-то заминка. Из Директоріи попросили подождать отъѣздом. Часов около 11 вечера из засѣдавшей Директоріи дали знать, что просят немедленно ѣхать.

Мы поѣхали на вокзал, засѣли в вагоны в ожиданіи перваго поѣзда (квартирьеры — в теплушках), как вдруг получается извѣстіе, что квартирьерам приказывают вернуться, что Директорія в Екатеринбург не ѣдет. Полковник Чехметьев идет на вокзал к телефону (наши вагоны — далеко на путях) и возвращается с извѣстіем, что приказано ждать дальнѣйшаго. Часа через полтора мнѣ передают просьбу из Директоріи немедленно пріѣхать в Сибирскую Гостинницу. Иду предварительно поговорить по телефону. Выясняется, что меня долго разыскивали, ждали, уже разошлись, но что, послѣ нѣкоторых колебаній и сомнѣній, на этот раз уже окончательно рѣшили, что в Екатеринбург ѣдут. Ча-

сов около трех ночи приходит поезд, и мы трогаемся.

3

30 сентября я был уже в Екатеринбург и немедленно приступил к дѣлу. Многое уже было подготовлено нашим вѣдомством внутренних дѣл и городским головой. Принимая во внимание, что квартирное дѣло было в разных руках, я образовал под своим предсѣдательством комиссію, включавшую представителей всѣх заинтересованных учреждений, что сразу привело всѣ дѣйствія их к планомѣрной, объединенной работѣ. Одновременно, я обратился к населенію с призывом помочь дѣлу организации резиденціи добровольно. На это обращеніе населеніе отозвалось чрезвычайно тепло. Со всѣх сторон посыпались заявленія о комнатах, которыя могут предоставить для служащих и офицеров. Отдѣльные лица сами предлагали лучшую мебель для оборудованія служебных кабинетов членов Директоріи. При реквизиціях возраженія встрѣчались самыя слабыя, а нельзя упускать из вида, что отнимались самыя крупныя помѣщенія. Даже чехи, очень привилегированные в то время, и тѣ пошли навстрѣчу. Так, я заявил им о реквизиціи дома главнаго начальника уральских горных заводов, занятаго под чехо-словацкій техническій отдѣл. Они пробовали отбояриться, но я их утѣшил тѣм, что они уступят помѣщеніе для самой Директоріи и ея управленія дѣлами, и они подчинились. При том дружелюбном отношеніи, которое созданіе резиденціи встрѣтило в населеніи, работа комиссіи чрезвычайно облегчалась, а мнѣ лично приходилось отдавать этому дѣлу так немного времени, что я мог спокойно удѣлять его и своему вѣдомству и работам в правительствѣ.

Работа по устройству резиденціи шла чрезвычайно быстро и успѣшно. Шла в большом масштабѣ перевозка, оборудованіе телефонами, освѣщеніем и т. п. Для временнаго предсѣдателя Директоріи, Авксентьева, и верховнаго

главнокомандующаго, Болдырева, мною были заняты два богатѣйших особняка, *А дом* в которых они могли бы устраивать *приемы* приемы, соответствующіе их высокому *бы* положенію. Для правительственных *уч* учреждений и Ставки помѣщенія полностью удовлетворяли заданіям, которыя были с несомнѣнным запросом. Получил помѣщеніе и Съѣзд членов Учред. Собранія. При всем этом, не было тронута ни одно учебное заведеніе, чего очень сильно опасались, так как кѣм то был пущен слух, будто у меня есть такое намѣреніе.

Не менѣе хорошо, чѣм с матеріальной стороны, обстояло со стороны морально-политической. Всѣ организаци и партіи в Екатеринбургѣ отнеслись к образованію Директоріи очень тепло. Директоріи отправлялись привѣтственные телеграммы, готовились к торжественной встрѣчѣ, заготовляли національные флаги ко дню въѣзда. Самым фактом, что Директорія избрала своей резиденціей Екатеринбург и то, что правительство Урала этого добивалось, утверждалъ нѣкоторыхъ противников послѣдняго, что спасенія их были напрасны, что правительством Урала преслѣдуются менѣе всего эгоистическія или сепаратистскія задачи. Это подымало престиж правительства Урала, а с ним и престиж Директоріи, о царственном приѣмѣ которой оно столь заботилось.

А об этом мы, дѣйствительно, старались. Мы считали необходимым создать для Директоріи, с перваго момента въѣзда ея на нашу территорию, такую атмосферу, чтобы члены ея сразу почувствовали себя «величеством» на «своей» территоріи и чтобы это почувствовали и другіе. Мы считали это психологически необходимым: Ибо было ясно, что Омск без борьбы позицій не сдаст, и нужно было создать такую окружающую обстановку, которая и Омску импонировала бы.

Встрѣча готовилась самая помпезная: Выѣзд на границу представителя правительства Урала для привѣтствія. Депутатіи от населенія на попутных станціях. Парадная встрѣча на вокза-

лъ в Екатеринбургѣ. Депутации от организаций и партій по пути слѣдованія от вокзала къ собору. Послѣ молебствія — банкет на нѣсколько ест кувертов. День въѣзда Директоріи объявлялся правительством Урала неприсутственным. *См. см. см. см. см.*

Почти ежедневно я сносился с Директоріей по прямому проводу. Въста в общем, были не худыя. Очень благоприятно было то, что чехи признали свои войска подчиненными верховному главнокомандующему. Все было готово. Я увѣдомил Директорію и ждал отвѣта о днѣ въѣзда. И на это я получаю телеграмму от управляющаго дѣлами Кругликова, что... Директорія перерѣшила и выѣзжает 6 октября в Омск.

Это был гром среди яснаго дня. Очевидно, Директорія не отдавала себѣ ни малѣйшаго отчета в моральном значеніи своего поступка, не отдавала себѣ отчета и в значеніи для нея общественнаго мнѣнія Екатеринбурга. Для меня стало ясно, что Директорія крайне слабовольна и что ея ставка уже бита. Что касается Екатеринбурга, то, послѣ той огромной пертурбаціи, которая была произведена в связи с ожидаемым переѣздом Директоріи, общее мнѣніе относительно нея было хуже, чѣм отрицательное. Отчасти, измѣненіе рѣшенія Директоріи вызвало и панику: а не стоит ли Екатеринбург перед угрозой с фронта? И долгое время предметом насмѣшки служила оставшаяся у вокзала, при въѣздѣ в город, арка с надписью: «добро пожаловать».

Мы рѣшили повидаться с Директоріей по пути, в Челябинскѣ, куда вечером, 6 октября, выѣхали П. В. Иванов и я. Встрѣтились мы, нельзя сказать, чтобы особенно тепло. Возможно что тут вліяла нѣкоторая неловкость перед нами, а, может быть и нѣкоторая удрученность членов Директоріи. Они были далеко не в радостном настроеніи. На мой вопрос, что означает перемѣна рѣшенія, Авксентьев отвѣтил мнѣ: «Иначе нельзя было. Мы должны сунуться волку в пасть: или он нас съест, или он нами подавится».

— Будьте увѣрены, отвѣтил я, что неизбежно первое.

Примѣрно такіе же лаконическіе отвѣты получил я от Зензинова и от наиболѣе близкаго ко мнѣ члена Директоріи, Винѣградова. Большаго я добиться не мог. (Только много позднѣе паденія Директоріи, я узнал, что Директорія опасалась, как бы Омск не постарался сдать большевикам Екатеринбург вмѣстѣ с Директоріей).

Настроеніе всѣх окружающих Директорію было еще мрачнѣе, чѣм членов Директоріи, которым приходилось перед публикой крѣпиться. Самара, если не официально, то фактически, пала. Самарскіе бѣженцы уже были на вокзалѣ в Челябинскѣ. Приѣхавшіе одновременно с Директоріей эс-эры «учредилловцы» направлялись в резиденцію «Съѣзда», в Екатеринбург, и не находили оправданій Директоріи, направляющейся в Омск. В сдачѣ Самары они, почему то опредѣленно винили Омск, утверждая, что на то имѣются документы.

Челябинское самоуправленіе чествовало Директорію банкетом, на который приглашены были П. В. Иванов и я. Перед банкетом Авксентьев в кратких словах жаловался мнѣ на высокаго комиссара Англии, сэра Эллиота, бесѣды с которым о признаніи Англійей Директоріи мало удовлетворяли Авксентьева: сэр Эллиот тянул какую то канитель. Это настроеніе Авксентьева отразилось на нем во время банкета.

Сэр Эллиот, извинившись за то, что он не вполне хорошо владѣет русским языком, произнес, тѣм не менѣе, довольно длинный тост, весьма искусный, за Россію, не упомянув ни одним словом о Директоріи. Это, очевидно, сильно раздражило Авксентьева, подчеркнувшаго в отвѣтном тостѣ на ряд предшествовавших, что Россія имѣет теперь законнаго представителя в лицѣ Директоріи, и поднявшаго бокал за союзников и «единственных истинных друзей Россіи» чехо-словаков в частности. Тост был опредѣленно рѣзок и,

хотя, может быть, и заслужен, но вряд ли политически выгоден. Лучшей отповѣдью, в тонкой формѣ, был тост Болдырева, нарисовавшаго яркую картину, чѣм, в военном отношеніи, каждый из союзников в отдѣльности и всѣ они вмѣстѣ, были обязаны Россіи в теченіе войны.

В общем, впечатлѣніе у нас от всего видѣннаго и слышаннаго осталось довольно тяжелое. Получив приглашеніе в Омск на совѣщаніе под председательством Виноградова по вопросам продовольствія и снабженія, мы в тот же вечер выѣхали в Екатеринбург и 8 октября утром были уже дома.

ГЛАВА XXI.

Поѣздка в Омск.—В поисках Директоріи.—„Птичье правительство“.—Слѣдствіе по дѣлу Новоселова.—Тяжелое положеніе.—„Клуб“ и его сужденія.—„Блок“.—Соглашеніе Директоріи с Административным Совѣтом.—Нарушеніе „Акта об образованіи власти“.—Бесѣда с Авксентьевым.—Предупрежденіе мною Болдырева о готовящемся переворотѣ.—Вопросы продовольствія и финансов.—Безсиліе Директоріи.—Разногласія о порядкѣ роспуска Сиболдумы.—Авксентьев, Зензинов и Виноградов в связи с тенденціями „блока“.

Не успѣли мы пріѣхать в Екатеринбург, какъ официальное телеграфное агентство принесло намъ постановленіе Директоріи объ областныхъ правительствъ. В этомъ постановленіи, в которомъ чувствовалась большая поспѣшность, из числа вѣдомствъ областныхъ правительствъ упразднялось вѣдомство финансовъ: оно объявлялось в полномъ объемѣ исключительно общегосударственнымъ. О бюджетныхъ правахъ областныхъ правительствъ не было ни пол-слова. С какого момента упраздняются областныя вѣдомства финансовъ, тоже не говорилось. Чѣмъ будутъ жить областныя правительства, оставалось неизвѣстнымъ. Правда, пока это было только телеграфнымъ извѣстіемъ, не больше; приходилось ждать официального республиканскаго извѣстія. Но фактъ былъ на лицо, а финансовый вопросъ стоялъ у насъ остро: сибирское правительство задолжало намъ по взаимнымъ расчетамъ государственнаго банка миліона три, да по расчетамъ за желѣзо и издѣлія уральскихъ заводовъ миліоновъ около девяти. Такая задолженность намъ имѣла для насъ большое значеніе. Мы начинали выбиваться изъ силъ. Принятіе мѣръ к тому, чтобы с нами рассчитались, было однимъ изъ вопросовъ, изъ которыхъ в концѣ сентября члены правительства Урала выѣзжали в Уфу.

Этотъ вопросъ побудилъ и меня присоединиться к поѣздкѣ в Омскъ нашего

предсѣдателя (и министра торговли и промышленности), П. В. Иванова и горнаго министра, А. Е. Гутта, которыхъ болѣе близко касалось совѣщаніе по продовольствію и снабженію.

13 октября мы прибыли в Омск. Поѣхали в городъ.

— Гдѣ помѣщается Директорія, спрашиваемъ мы.

Прохожіе пожимаютъ плечами. Не знаютъ. Наконецъ, кто то указываетъ намъ зданіе. Направляемся туда. Оказывается — Ставка. Случайно попадается, встрѣчающій насъ очень радостно, капитанъ Соколовъ. Онъ передаетъ намъ, что Директорія пока живетъ в своемъ поѣздѣ, «на вѣткѣ» (такъ именуется площадка при небольшомъ городскомъ вокзалѣ, находящемся на отвѣтвленіи отъ магистральной Сибирской дороги, с достаточно большимъ числомъ колеій для установкн вагоновъ). Соколовъ проситъ насъ зайти, сообщаетъ о нашемъ пріѣздѣ генералу Розанову. Послѣ очень краткаго объѣма любезностями, генералъ Розановъ предоставляетъ в наше распоряженіе автомобиль, и мы ѣдемъ на «вѣтку» разыскивать Директорію.

Членовъ Директоріи мы не застаемъ, но за то встрѣчаемъ тут же члена Учредительнаго Собранія Брушвита. Мрачнонастроенный, онъ даетъ нѣсколько штриховъ, характеризующихъ обстановку.

— Вчера дали знать Авксентьеву, что для него нашли подходящую комнату. Авксентьев поехал. Зашел. Обтрепанная, грязная хозяйка квартиры, показывая комнату, спросила Авксентьева: «а через тебя ходить можно будет?» — Дня два тому назад, на «вильгу» приехал атаман Красильников, вышел из автомобиля, остановился и спросил:

— А где здесь птичье правительство?

— Почему «птичье»?

— Да как же? На ветке сидит, вспугнешь — полетит.

Услышали мы и о том, что в заседании Директории совместно с административным советом, министр земледелия, Петров, кулаком по столу стучал, что Директории заявляют, что поезда ходят не только вперед, но и назад. От Директории требуют упразднения всех областных правительств, роспуска Сибодумы. Одним словом — Директория уже нѣтъ; поживете — сами увидите, — закончил угрюмо Брушвит.

Узнав адрес Виноградова, которому удалось (очень не комфортабельно) устроиться в городѣ, мы поехали к нему, но на улицѣ натолкнулись на Аргунова, который пригласил нас к себѣ. Он смотрѣл на положеніе, хотя и не весело, но не так мрачно, как Брушвит. По дѣлу об убійствѣ Новоселова, говорил он, не обнаруживается таких данных, которые бы позволили привлечь И. А. Михайлова к слѣдствию. Полковник Волков, бывший начальник гарнизона Омска, по приказу котораго были арестованы Шатилов, Крутовскій и Новоселов, на вопросъ показал: «как офицер, давшій честное слово, я заявляю, что у меня сообщников не было». Понимай, как хочешь! Производить слѣдствіе вполне правильно возможности нѣтъ. Так, привлеченнаго к слѣдствию полковника Волкова вдруг увез с собой уѣхавшій на Восток командующій войсками и военный министр Сибири, Иванов-Ринов. Пришлось обратиться за содѣйствіем Болды-

рева. На его телеграмму Иванов-Ринов отвѣтил, что Волков ему нужен. Болдырев не теряет, однако, надежды, что он своего добьется. В общем, положеніе Директории Аргунов считает чрезвычайно тяжелым, но не безнадежным.

От Аргунова мы с ним же отправились в Коммерческій клуб. Это учрежденіе в этот період имѣло своеобразный характер. Оно с полным правом могло бы именоваться в это время политическим клубом или, еще правильнѣе, политическим базаром. Огромное количество наѣзжато элемента, как политических дѣятелей-бѣженцев, так и высшей Омской бюрократіи из бѣженцев же, сходилось здѣсь в обѣденные часы. По получасу или часу иной раз приходилось ждать очереди, чтобы получить мѣсто за столом. Несмотря на это неудобство, сюда шли, потому что это было весьма удобное нейтральное мѣсто, гдѣ можно было встрѣтить нужнаго человѣка, как бы невзначай; здѣсь же сосредоточивались все политическія вѣсти, слухи. При создавшейся в Омскѣ привычкѣ к политикѣ «открытых дверей», когда все происходившее в секретном засѣданіи совѣта министров через час становилось достояніем «клуба», это мѣсто пріобрѣтало особую цѣнность.

И вот тут, в первый же день, мы услышали многое, весьма цѣнное. Тут совершенно открыто и свободно, как чѣм то нормальным, задавались вопросами: умно ли сдѣлала Директорія, перевезя на территорию сибирскаго правительства золотой запас, ибо послѣднее теперь может вполне запас приспособить, а Директорію выбросить. А не использует ли Директорія подчиненный верховному главнокомандующему, Болдыреву, чешскій гарнизон, который, как извѣстно, предлагает арестовать, по первому приказу Директоріи, сибирское правительство, что он может выполнить совершенно спокойно, ибо русскій гарнизон слишком слаб, чтобы оказать даже шпыльгу к сопротивленію. Умно ли поступила Директорія, назначив своим министром Старынке-

вича и шерстянув его, таким образом, на свою сторону?

«Кто кого съест?» — таков, в общем, был вопрос, который усиленно, во всех концах, дебатировался в «клубе». Отзывы о Директории, в общем, были мало-лестные.

Для первого дня нашего пребывания всего услышанного было больше, чем достаточно. Ясно было, что, при такой обстановке, не мало потребуется времени, чтобы нам добиться того, что касается Урала: будет не до нас. Поэтому остаток дня мы употребили на то, чтобы наш вагон передвинули с вокзала «Омск» на «Вятку». Мы очутились на жительство ввиду поезда Директории. И с грустью я смотрел на него. Стоило ли тратить столько сил в Уффе, чтобы создать Верховную Власть, для которой квартир даже в городе не нашлось.

2

Когда мы шли 14 октября на «аудиенцию» к Авксентьеву, мы были уже почти полностью в курсе положения дела.

Знали мы, что большую роль в создавшемся положении сыграл Омский «блок».

Что представляла собою организация, носившая это название?

В нее входили 13 организаций, в том числе: «правые эсеры», «народные социалисты», «кадеты», «Единство», кооператоры, торгово-промышленники.

Партийная организация я взял вковычки: то, что было в Омске под этими названиями (за исключением, может быть, «атаманской» группы «Единства», как по иронии судьбы называлась партийная группа рабочих, живших в предместьях Омска «Атаманский Хутор»), не имело ничего общего с теми партиями, названиями коих эти организации себя прицепили.

По крайней мере, ни эсеры, ни эсеры, прибывшие из центра, «омских» эсеров и эн-эсов своими не признавали.

О Жардецком, председателе несуществующего комитета не существующей в Омске группы к.-д. я уже упоминал.

Блок в политическом смысле был блоком тринадцати нулей. Но с ним были связаны казаки и военные круги, и, по-

скольку они без блока были реальной силой, и он представлял собой реальную величину.

Расщепляли ли члены Директории «блок» иначе, чем я?

Стоило послушать их рассказы, несмотря на всю грусть момента, в комических тонах, как выжила депутатия от каждой группы отдельно «выжить» перед Директорией свою «точку зрения», чтобы понять, что для членов Директории весь «блок» и по частям и в целом был только смешон.

Но, когда люди приезжают в новое место, и к ним приходят одна за другой тринадцать депутатий и, вместо приветствия, говорят дерзости («вагоны прицепляются к поездам, которые ходят и сюда и обратно» — изречение члена одной из таких депутатий), то, как бы ни был низок политический уровень таких депутатий и их умственный удельный вес, не почувствуешь себя «величеством», и тем менее, когда в противовес ничего другого нет.

Расчет вдохновителя «блока» был, несомненно, правилен. Если Правительство Урала всеми силами подготавливало обстановку (в том числе и приветствия депутатий), которая с первого момента создавала бы в Директории психологию «величества», то И. А. Михайлов принял те же меры, только в обратном направлении, чтобы сразу, в зародыше, такую психологию убить. Это было достигнуто.

При таких условиях у Директории был выбор: или при помощи чехов заставить силой Сибирское Правительство повиноваться, или искать путей соглашения.

Встать на первый шаг Авксентьев находил невозможным. «Я не желаю иметь своих «латышей», говорил он, намекая на Ленина, в круг людей, которым доверял. (Отдавали ли себе отчет в этом настроении Авксентьева сибиряки — не знаю, ибо, вне вопроса о применении чешских сил, Авксентьев был воинственно настроен против Сибирского Правительства и стоял за жесточенную борьбу с ним).

Оставался компромисс, и на него Директория пошла.

12 октября, в совмѣстном засѣданіи, ея с Сибирским Административным Совѣтом было достигнуто такое соглашеніе: 1) всѣ областныя правительства, не исключая Сибирскаго, «временно» упраздняются, а Сибддума распускается; 2) до пріѣзда Вологодскаго Директоріи пользуется дѣловым аппаратом Административнаго Совѣта, как он есть; 3) первый состав совѣта министров Директоріи образуется по соглашенію между нею и Сибирским правительством; 4) председатель совѣта министров назначается Директоріей из числа ея членов; в данный момент председателем назначается Вологодскій; замѣститель председателя выбирается самим совѣтом министров; 5) Директорія декларирует обязательство обезпечить Сибири областной представительный орган, для выработки «Положенія» о котором создается специальная комиссия. Положеніе подлежит одобренію Директоріи; 6) Законодательные акты Сибирскаго Правительства остаются в силѣ и могут быть измѣняемы и отменяемы Директоріей в общем законодательном порядкѣ; 7) Директорія, при единствѣ Россійской арміи, сохраняет территориальный способ комплектованія ея, допускает территориальныя наименованія и, сверх общенациональных, областныя территориальныя цвѣта (бѣло-голубой для сибиряков).

С этим соглашеніем ознакомил нас, прежде всего, «конфиденціально» (хотя об этом вѣзробы чирикали на всѣх крышах) Авксентьев, как людей, в дружеском расположеніи которых он не сомнѣвается, и спросил, каково наше отношеніе к этому.

На справах друга я с полной откровенностью высказал Авксентьеву свой взгляд: Директорія уполномочена в Уфѣ повелѣвать, а не сторговываться с областными правительствами. С другой стороны, «Акт об образованіи власти», предоставляя «мудрости» Директоріи право устанавливать предѣлы компетенціи областных правительств, не предоставляет Директоріи права на упраздненіе областных правительств. Я считаю, что Директорія соглашеніем своим с Омском не

только нарушила конституцію, но и рубит тот сук, на котором она сидит.

С упраздненіем областных правительств и осуществленіем соглашения, у Директоріи не будет ни малѣйшей опоры, а будет, лишь под другим наименованіем, власть Сибирскаго Правительства.

Нарушенія конституціи Авксентьев не оспаривал. Он доказывал лишь, что то, что сдѣлано, было единственным исходом. Он просит в нашем лицѣ Правительство Урала подчиниться принятому рѣшенію. На мое указаніе, что сила и мѣры принужденія — в их руках, Авксентьев уважал, что менѣе всего он хотѣл бы стать на этот путь в отношеніи к столь искренно преданому Директоріи Правительству Урала. Именно от Правительства Урала, ярко выявившаго полное отсутствіе личных мотивов в отношеніи власти, Директорія ждет помощи. И эта помощь может выразиться в примѣрѣ, который покажет Правительство Урала другим областным правительствам актом добровольной передачи областной власти Директоріи.

Меньше всего Авксентьев ждет палок в колеса от нас.

Мы отвѣтили Авксентьеву, что меньше всего, дѣйствительно, власть интересуется членов нашего правительства персонально, что мы снесемся с Екатеринбургом и дадим отвѣт.

Авксентьев перешел к другому вопросу: кого бы из своих членов Правительство Урала могло предложить в состав формируемаго Директоріей совѣта министров.

Наш отвѣт, что вряд ли кто на это пойдет, нѣсколько раздражил Авксентьева: «Всѣ готовы помочь, а вот, как приходит к дѣлу, когда нам нужны свои люди в освѣтѣ, тогда никого нѣт. Омскіе министры всѣ к услугам, а у нас нѣт кандидатов, кого им противопоставить. Вот пригласили мы Старынкевича, он пошел, а сибиряки его теперь, как «предателя»; выпирают. А ваш Глассон не пойдет?».

— Глассон вам не подойдет: он благословѣт перед законом и не станет потворствовать беззаконію. — отвѣтил я.

Авксентьев вскипѣл: «Как, нам нужен министр-потворщик беззаконію?!».

— Да, Глассон заглянет в конституцію, в «Акт», и скажет, что ея нельзя нарушать. Вы давали «торжественное обѣщаніе». Вы совершили клятвopеcтупленіе! Это даром не проходит. Я знаю Глассона. Он мечтает об одном: как бы скорѣе вернуться на свой пост товарища председателя суда. Его тяготит роль министра юстиціи у нас. Тѣм болѣе он не пойдет к вам работать с сибирскими министрами.

Не помню, что тут наговорил мнѣ Авксентьев, но разстались мы очень дружелюбно: и он и мы понимали, что другая сторона дѣйствует, руководясь исключительно искренними побужденіями.

Заглянули мы и к Болдыреву.

Он был спокоен и держался увѣренно. Странным мнѣ казалось, когда он говорил, что мало по малу он военных прибирает к рукам, когда я крутом только и слышал о мало дисциплинированном (конечно, за глаза) отношеніи офицерства к главѣ арміи. А между тѣм производило впечатлѣніе, что Болдырев вѣрит тому, что он нам говорит. Как раз на завтра он собирался, по его словам, расправиться с генералом Голицыным за совершено недопустимый, по пренебрежительному в отношеніи Директоріи тону, приказ, изданный Голицыным в ожиданіи пріѣзда Директоріи в Екатеринбург.

На Голицынѣ Болдырев собирался показать примѣр другим. (Опыт вышел не из удачных. Как мнѣ передавал Зензинов, генерал Голицын очаровал генерала Болдырева: «такой бравый генерал, такая молодцеватая выправка», что оказалось невозможным не отпустить его с миром).

При уходѣ от Болдырева, я на момент задержался и сообщил ему конфиденциально, по просьбѣ нашего министра внутренних дѣл, что в Екатеринбургѣ нѣкоторые военные заняты подготовкой переворота Директоріи, а потому необходимо командировать исполнѣ вѣрнаго ему офицера, которому будут указаны на мѣстѣ пути для выясненія заговора.

Болдырев отвѣтил мнѣ, что он о заговорѣ знает, мѣры принимает, и что без-

показаться нечего, ибо ничего особенно серьезнаго нѣт.

3

В совѣщаніи по продовольствію и снабженію я, можно сказать, только побывал. Картина, вырисовывавшаяся там при мнѣ, была не из блестящих. Омская постановка была чисто бюрократическая. При хлѣбной монополіи и твердых цѣнах на хлѣб, Сибирское Правительство с трудом, несмотря на обиліе хлѣба, справлялось с продовольствіем. В особенности это отражалось на Уралѣ из за отсутствія вагонов и паровозов.

У нас монополіи не было, но хлѣб мы вынуждены были покупать в Сибири, т. е. у Сибирскаго Правительства. Мы могли бы покупать его «у себя», в Шадринском уѣздѣ — житницѣ Урала, — но этот уѣзд был под властью Омска.

По твердой цѣнѣ Сибирскаго Правительства фактически не продавали, а покупать под сурдинку, нелегальным путем, мы находили недопустимым.

Продовольствіе уральских заводов, фактически все еще бывших в руках казны, ставило нас в очень затруднительное положеніе.

На бюрократическіе порядки Омска в совѣщаніи сыпались нападки. Но омскіе бюрократы весьма удачно парировали эти нападки, указывая, что «общественные» порядки еще хуже.

С цифрами в руках (оставшимися неопровергнутыми) они доказывали, что, при твердой цѣнѣ хлѣба в Сибири в 13 рублей пуд, Продовольственные Комитеты умудрялись доводить себѣстоимость пуда до 780 рублей в Уфѣ и до 950 рублей в Самарѣ! Одни стоили других!

В отношеніи расчетов по долгам нам, дѣла обстоили также не блестяще. П. В. Иванов предложил мнѣ посѣтить И. А. Михайлова и переговорить с ним. Я отказался, указав на то, что в этом случаѣ максимум, чего я могу добиться, это — получить обѣщаніе Михайлова послать нам деньги, а я ему абсолютно не доверяю; поэтому я предпочитаю обратиться к члену Директоріи Виноградову, вѣдающему финансово-экономической частью, авось через него добьюсь

На это я выслушал выражение неудовольствия Иванова за мое слишком уж пристрастное отношение к Михайлову и заявление, что он тогда сам пойдет к нему вместе с Гуттом.

Вечером в тот же день Иванов, с торжествующим видом сообщил мне об очень успешном посещении Михайлова, обещавшего в течение нескольких ближайших дней отправить в Екатеринбург чуть не пять миллионов.

Когда я ответил Иванову, что с удовольствием поздравлю его, только после того, как деньги будут отправлены, я опять выслушал укоры в преувеличенно предвзятом недоверии к Михайлову.

К сожалению, мое недоверие вполне оправдалось. Виноградов помог не больше, чем доверчивость Иванова: Михайлов водил их обоих за нос, а денег не посылал. (Уже значительно позже, недѣли через двѣ, эи, если не ошибаюсь, один миллион послал).

Доведенный до крайности, я решил выпустить разнѣнные пятидесяти копеечные знаки Государственного Банка на 1.500.000 рублей (обеспечив их крупными купюрами 5% обязательств Государственного казначейства), что и было с большим успехом сдѣлано, ибо в мелких купюрах кредиток чувствовалась большая нужда. По этому поводу у меня произошел с Виноградовым довольно курьезный, очень характерный для той эпохи, разговор.

— Согласно постановлению Директории, хотя и не опубликованному официально, вѣдомства финансов областных правительств упразднены. Считаете-ли Вы, что постановление вошло в силу, — спросил я.

— Разумеется, считаю, что постановление вошло в силу.

— Значит, Вы меня не считаете министром финансов Правительства Урала?

— Не считаю.

— Но я сегодня распорядился по телеграфу в Екатеринбург выпустить разнѣнные знаки.

— Очень хорошо сдѣлал.

— В качестве чего же я действую?

— А я почему знаю? Не все ли равно? Останавливать жизни нельзя, и я очень рад, что вы свое дѣло дѣлаете.

Этот разговор происходил числа 19 — 20 октября и показывает, насколько сами члены Директории чувствовали теоретичность своей власти: реальная власть даже в этот момент, через мѣсяц почти после выбора Директории, все еще была в руках областных правительств.

Соглашение 12 октября оставляло в Омскѣ фактически всю власть в руках Административнаго Совѣта, самое изменение состава котораго могло начаться только с прїѣздом Вологодскаго.

Пока же шли крупныя разногласия между Директоріей и Административным Совѣтом по вопросу, в каком порядкѣ упразднить Сиболдуму. Административный Совѣт настаивал на роспускѣ путем Указа, а Директорія — на самороспускѣ, путем постановленія самой Сиболдумы, чего Авксентьев надѣялся добиться.

Самочувствие Авксентьева и Зензинова было отвратительным. «Блок» вел себя по отношению к ним до неприличія вызывающе. Они чувствовали слишком ясно, что весь вопрос — в них: стоит им уйти из Директории, и омская общественность охотно примирится с Директоріей из Болдырева, Виноградова и Вологодскаго.

Вопрос о своем уходѣ, в цѣлях сохранения Директории, Авксентьев и Зензинов, в частном порядкѣ, и поставили. Но тогда о измененіи уйти одновременно с ними заявил и Виноградов.

Мотивом такой постановки вопроса Виноградовым было совершенно правильное соображеніе: с уходом Авксентьева и Зензинова, защита интересов широких демократических кругов легла бы цѣлком на плечи Виноградова. Ему неизбежно пришлось бы защищать политическую линию болѣе «лѣвую», чем при Авксентьевѣ и Зензиновѣ, ибо широкіе круги не прощали бы ему того, что прощали бы им.

То или другое, сдѣланное с согласіем членов Директории — эс-эров, принималось бы, пусть и скрѣпя сердце: раз на это эс-эры пошли, значит иначе нельзя было. Не то, конечно, когда то же самое

сдѣлаетъ жадет. Итти «лѣвѣе» того, чѣмъ при Авксентьевѣ и Зензиновѣ, было бы политической безсмыслицей, да и невозможно практически. Не итти этимъ путемъ, означало бы для Директоріи потерю поддержки демократіи, и дѣлало бы для Виноградова безцѣльнымъ его пребываніе.

Поэтому Виноградовъ рѣшилъ, въ случаѣ ухода Авксентьева и Зензинова, уйти одновременно съ ними. А такое рѣшеніе Виноградова удерживало отъ рѣшительнаго шага Авксентьева и Зензинова. Такъ все оставалось на вѣсу въ ожиданіи приѣзда Вологодскаго.

Г Л А В А XXII.

Приезд Вологодскаго.—Похищение В. Н. Моисеенко.—Атамановщина.—Решение вопроса о роспуске Сиболдумы.—Конфликт на вопросъ о составѣ Совѣта Министровъ.—Новоявленный „Ц. К.“.—С. В. Востротинъ о кандидатурѣ адмирала Колчака.—Тактика изживанія Директоріи.—Омскіе кадеты.—Разрѣшеніе конфликта.—Соглашеніе Правительства Урала съ Директоріей.—Упраздненіе Правительства Урала.—Совѣщаніе Управляющихъ Вѣдомствами*.

1

18 октября Вологодскій, наконец, приѣхал. Встрѣчали его с большой торжественностью. Вокзал «на Вѣтѣхъ» былъ разукрашенъ флагами. Из окна нашего вагона мы могли наблюдать за работами по украшенію вокзала. И нам бросалось в глаза то обстоятельство, что не только над вокзалом продолжал развѣваться сибирскій бѣло-зеленый флаг, но и среди флагов по стѣнам вокзала только кое-гдѣ замѣтны были національные флаги среди массы сибирских. Да это и было понятно: всѣми силами подчеркивали, что встрѣчают не члена Директоріи, а главу Сибирскаго Правительства.

Не знаю, умышленно или нѣтъ опоздал Авксентьев при встрѣчѣ Вологодскаго на вокзалѣ. Но в первый день им не удалось повидаться: Вологодскій устал с дороги. Затѣм началась канитель: Вологодскій все размышляет, подписать-ли ему «торжественное обѣщаніе», обязательное согласно «Акту о созданіи власти» для членов Директоріи. Вологодскій вступает в исполненіе обязанностей члена Директоріи, а с «торжественным обѣщаніемъ» тянет. Одно это подает повод к различным толкам и предположеніям. Нервозность атмосферы все повышается. Спустя дней пять—шесть по приѣздѣ, Вологодскій подписывает «обѣщаніе», и наступает нѣкоторое успокоеніе. Но оно длится недолго. Через нѣсколько дней всѣ поражены извѣстіем о похищеніи среди бѣла дня члена Учредительнаго Собранія, В. Н. Моисеенко. Часов в 5 дни он вышел

послѣ обѣда из «клуба» (я как раз обѣдал с ним за одним столиком), затѣм его видѣли у телеграфа, на главной улицѣ города, около 6 часов, и с этого момента человѣкъ исчез безслѣдно.

Во внѣшней дѣятельности Моисеенко не выдвигался, держался очень скромно. Никаких поводов, вызывающих на убійство его лично, не видно было. Терялись в догадках, что это означает?

На слѣдующій день в зданіи Директоріи зашелъ офицер из Ставки за справкой об адресах проживающих в Омскѣ членов Учредительнаго Собранія. Ему обѣщали приготовить справку к слѣдующему дню, прослѣдили, выяснили, что такого офицера в Ставѣхъ нѣтъ, а на завтра, когда он вновь пришел за справкой, его арестовали. Удалось установить, что существует особая военная организація, поставившая себѣ задачу «выводить в расход» членов Учредительнаго Собранія. На этомъ власти пришлось успокоиться. Справиться с нѣкоторыми военными кругами она была совершенно бессильна.

Среди части военных кругов сильно развивалось то, что характеризовалось словом «атамановщина». В кратких словах, это—разгул и произвол безудержные. Внѣшне в Омскѣ это давало себя знать по вечерам в увеселительных заведеніях, гдѣ «патріотизмъ» выявлялся в требованіи исполненія національнаго гимна и насиліями над инакомыслящими. Теперь, с постановкой вопроса об «изытаніи» членов Учредительнаго Собранія, при ярком вырисовывавшемся безслѣдіи власти,

атмосфера взаимного недобвѣрія достигла крайней степени раскаленности. И при такой атмосферѣ Директоріи приходится договариваться с Административным Совѣтом.

Вопрос о методѣ роспуска Сибодумы разрѣшается благополучно. Авксентьев получает обѣщаніе лидеров Сибодумы, что она «самораспустится»; Административный Совѣт, хотя и не вѣрит ей, но дает согласіе на самороспуск.

Тогда начинается самый мучительный вопрос—о составѣ Совѣта Министров. Тут—два камня преткновения. Один—И. А. Михайлов, на котором настаивает Административный Совѣт, но категорически отвергаемый Директоріей; другой—Е. Ф. Роговскій, еще в Уфѣ назначенный Директоріей не то Министром Внутренних Дѣл, не то его товарищем по дѣлам милиціи. Указ о назначеніи Роговскаго лежит у него в карманѣ (как и всѣ акты Директоріи, он не распубликован, ибо у нея нѣтъ своего оффиціального органа), им уже приглашен почти весь штат—300 человек сидят в вагонах—по пути его уже всюду встрѣчали с рапортами. И вот теперь об этом эсерѣ «Блок» и Административный Совѣт и слышать не хотят, как о Министрѣ Внутренних Дѣл. Не жаждут они также Старынкевича, как «предателя», перешедшаго на сторону Директоріи. Но это, как всѣ понимают, вопрос второстепенный: главное—это Михайлов и Роговскій. И дни идут за днями вокруг этого вопроса.

«Клуб» кипит. Он живет всѣми деталями происходящей борьбы. Тут мнѣ подносят свѣжую новость: Омскій комитет Партии Народной Свободы объявил себя Центральным Комитетом Партии, но допускает к участию представителей губернских комитетов и членов Ц. К. Кадеты-бѣженцы, симбирцы, уфимцы, самарцы, глубоко возмущены и спрашивают меня, не пойду ли я в засѣданіе новоизбраннаго Ц. К., и нельзя ли принять каких либо мѣр к обузданію Омичей. Засѣданія—по четвергам.

Омскій комитет к.-д., котораго в іюлѣ еще и в поминѣ не было, в роли Центрального Комитета нашей партіи—это было для меня предѣлом возможнаго де-

же на болотистой почвѣ Омска! В ближайшій четверг я отправился на его засѣданіе.

Предсѣдательствовал какой-то неизвѣстный мнѣ субъект. Присутствовало человекъ двадцать. Докладывал Жардецкій. Он предлагал заявить Директоріи от имени Партии о совершенно отрицательном отношеніи к Директоріи. Взяв слово, я очень скромно указал, что отношеніе отдельных комитетов Партии к Директоріи различное: так, Екатеринбургскій Комитет привѣтствовал Директорію. Поэтому то или другое отношеніе к Директоріи со стороны Омскаго Комитета было бы неосторожно выдавать за отношеніе Партии в цѣлом.

— Мнѣніе Партии Народной Свободы в цѣлом отражает исключительно ея центральный орган—Центральный Комитет, заявляет Жардецкій

— Если это так, то должен ли я, г. предсѣдатель, понимать, что я нахожусь будто бы в засѣданіи Ц. К. нашей партіи, обращаюсь я к предсѣдательствующему.

— Да, это так, отвѣчает Жардецкій.

— Я спрашиваю не г. Жардецкаго, а Вас, г. предсѣдатель.

В помѣщеніи воцаряется мертвая тишина. Послѣ длительной паузы съжившійся субъект на предсѣдательском креслѣ с трудом произносит: «Да, это так».

— В таком случаѣ, заявляю я, я извиняюсь; произошло недоразумѣніе: в таком «центральном комитетѣ» я не упомянут и не мочен участвовать и уйду.

Я направился к выходу: «Скатортью дорога», бросает мнѣ вслѣд Жардецкій. Я уходил с удовольствіем: мое дѣло было сдѣлано.

На слѣдующій день рассказываю Виноградову про это пикантное засѣданіе. Виноградов смѣется и в свою очередь рассказывает мнѣ, что наканунѣ поздно вечером к нему явилась депутація во главѣ с Жардецким, который начал: «по постановленію Ц. К. партіи Народной Свободы...» Виноградов перебил его: «Какого Ц. К.?» — Да здѣсь, в Омскѣ. — Извините меня, заявил Виноградов, будучи членом Ц. К. на первый год, я

впервые слышу о Ц. К. в Омскѣ... И тут у Виноградова, не выгорѣло.

Все предположеніе при уходѣ, что я Омскій «центральный комитет» прикончил, оправдалось. Находившіеся в его за сѣданіи иногородніе к.-д. подхватили, по моему уходѣ, поднятый мною вопрос, причем не обошлось без рѣзкостей.

Не знаю, продолжал ли по четвергам засѣдать омскій комитет, именующій сам себя и для себя «центральным», но уже дня через три послѣ инцидента со мной начались соединенныя засѣданія губернских комитетов, находящихся в Омскѣ, в которых, на ряду с другими, принимал участіе и омскій комитет. В этих засѣданіях принимал участіе до своего отъѣзда и я.

На первом из этих засѣданій при обсужденіи вопроса об общем положеніи, послѣ оцѣнки, данной П. В. Ивановым и мной, исходя из положенія на Уралѣ, Жардецкій заявил, что он охотно допускает, что на Уралѣ настроенія и такковы, как мы излагаем, но отсюда приходится сдѣлать вывод, что Урал еще не достаточно удовлетворен тѣм, что он испытал от большевиков; поэтому поволѣ возникает вопрос, не будет ли болѣе разумным для единства борющейся о большевиками стороны избавиться от такой части, как Урал, и отдать ее большевикам. Сказано это было так, что пахло опредѣленной угрозой. И я (не подозревая тогда, что такая угроза руководила Директоріей при выборѣ резиденціи) эту угрозу учел. Считая, что, по внутреннему содержанию, ставка Директоріи уже бита, я пришел к выводу, что в интересах Урала, при данной обстановкѣ,—чтобы Правительство Урала возможно скорѣе передало власть Омску, как бы эта власть ни именовалась. Само собою разумѣется, что тут, в засѣданіи, я и намека не подал о выводѣ, к которому пришел.

От обмена мнѣніями по вопросу об общем положеніи, мы вполне естественно перешли к вопросу дня: о составѣ совѣта министров. При обсужденіи отношенія к различным кандидатурам, зашел вопрос и о кандидатурѣ адмирала

Колчака в военные министры. О нем кто из нас не знал ничего, за исключеніем известнаго из газет эпизода с его золотым оружіем. Дать его характеристику вызвался С. В. Востротин, с которым адмирал был вмѣстѣ в правительствѣ генерала Хорвата. По словам Востротина, адмирал Колчак был даже не тот, что раньше. Он стал человѣком, слишком часто мѣняющим рѣшенія, колеблющимся. Очень нервничал. Под конец адмиралу дали двухмѣсячный отпуск. «Вчера я видѣлся с адмиралом и нашел, что было бы не вредно дать ему еще трехмѣсячный отпуск», закончил Востротин, опредѣленно указывая, что в данный момент эта кандидатура мало подходяща.

28 октября состоялось совмѣстное засѣданіе Директоріи с административным совѣтом. Из-за вопроса о кандидатурѣ Михайлова дѣло дошло до того, что Авксентьев и Зензинов уже открыто заявили о своей готовности уйти из состава Директоріи.

Вопрос ставился административным совѣтом так: Михайлов должен обязательно войти в состав совѣта министров, а Роговскій — ни в каком видѣ.

Директорія готова была, несмотря на всю неловкость этого, пойти на то, что бы ни Михайлова, ни Роговскаго в совѣтѣ министров не было. Но даже и на это административный совѣтъ не шел. Борьба дошла до кульминаціоннаго пункта.

2.

29 октября состоялось объединенное засѣданіе комитетов к.-д. С докладом о положеніи выступил Жардецкій. В крайне рѣзких тонах поставил он свой основной тезис: «кто не с нами, тот против нас». И в отношеніи всѣх, «кто не с нами» должна быть одна мѣрка, независимо от того, кто они, будь то даже однопартійцы. «Наши делегаты в Уфѣ — партійные предатели и измѣнники. Они дали Директорію, абсолютно неприемлемую. Эсеры-члены Директоріи свосят ся со своими однопартійцами в Екате

ринбургъ по прямому проводу. И вот о чем они говорят (он оглашает ряд переговоров). Эту Директорію блок рѣшил извести, и он ее изведет. Если она примет условіе о Михайловѣ, мы завтра ей поставим такое-то условіе; если она его примет, то послѣзавтра мы поставим ей такое-то. В концѣ концов мы Директорію изведем». И Жардецкий с каким-то особым смакованіем читает из записной книжечки 29 пунктов условій, которыя блок будет ставить Директоріи по мѣрѣ того, как она будет принимать предыдущія.

На присутствующаго в засѣданіи А. И. Коробова, как участника Гос. Совѣщанія в Уфѣ, нападки Жардецкого производят впечатлѣніе, и он за «предателей и измѣнников» посылает на слѣдующій день в Жардецкому секупдантов. (Жардецкий вызова не принял, отрекшись в составленном протоколѣ от своих слов, якобы им не сказанных).

Моя мысль ни на момент не останавливалась на этой сторонѣ дѣла: меня очень мало трогало мнѣніе обо мнѣ Жардецкого. Меня интересовал серьезный вопрос, стоявшій перед нами.

Допустим ли для партіи Народной Свободы морально тот путь, о котором говорят Жардецкий, и мыслям-ли он реально? Таков был вопрос, который я поставил в отвѣтъ на доклад Жардецкого. Жардецкий выказал несомнѣнные таланты и знанія, кто с кѣм и о чем секретно говорил, но знают ли Жардецкий и блок, каково в данный момент финансовое состояніе казны и продовольственное положеніе в прифронтовой полосѣ, как населенія, так и арміи? Вот — цифры и данныя, рисующія совершенно катастрофическое положеніе. И в этот момент, когда нужна напряженнѣйшая работа, когда каждый час дорог, ни Директорія ни Сибирское правительство ничего не дѣлают. Они забросили все, потому что все занято одним: борьбой за власть! А блок своей системой изживанія Директоріи, при остающихся в резервѣ 29 пунктах, видимо, собирается длить эту борьбу еще мѣсяца два? Так я могу опредѣленно предсказать, что время теперь можно мѣрять

не мѣсяцами, а в лучшем случаѣ недѣлей! Партія Народной Свободы не должна принимать участія в такой недстойной и губительной игрѣ. Не подходит вам Директорія, скажите это прямо! Я лично считаю, что мы обязаны сказать обѣим сторонам, что далѣе тянуть они не в правѣ, и так или иначе обязаны не позднее завтрашняго дня притти к тому или другому рѣшенію.

Моя отвѣдь произвела впечатлѣніе. Даже Жардецкого смутили мои соображенія. В результатѣ мое предложеніе было принято, и для освѣдомленія Виноградова была выбрана депутація, в которую просили войти и меня.

При посѣщеніи нами в тот же вечер Виноградова, мы встрѣтились у него с Н. А. Бородиным. В бесѣдѣ, коснувшейся разных вопросов, один из членов депутаціи, Каргалов, член Омскаго (а значит и несоявленного «центрального») комитета, споря с Виноградовым о роли к. - д. во Вр. Правительствѣ кн. Львова, между прочим заявил: «Ну, какая же разница между Милюковым и Гучковым? Сущность — одна и та же, фасон только разный!» Тут с Каргаловым стал уже спорить Бородин. При выходѣ от Виноградова, мы продолжали путь вдвоем с Бородиным. И тут этот, хотя и весьма праваго уклона, кадет, но старой, не мартовской, формаціи, не выдержал и дал волю своим чувствам: «Слышал я Ваши отзывы об омских кадетах. Грѣшным дѣлом, не вполне вѣрил. Но это уже слишком! Кадету смѣшивать Милюкова с Гучковым! Это уже слишком!»

На слѣдующій день под вечер я зашел к Аксентьеву и стал настаивать на необходимости покончить с кризисом, идя даже на назначеніе Михайлова и отказ от Роговскаго.

Аксентьева это сильно взволновало. «Понимаете-ли Вы, чего Вы от меня требуете? Почему Вы требуете жертвы от меня, а не от Вашего партійнаго товарища, Виноградова? Пусть он остается, а мы с Зензиновым уйдем!» Аксентьев в недоумѣніи и возмущеніи шагнул по кабинету, в то время как я ему объяснял, что новая уступка — лишь логич-

ческое продолжение первой ошибки Директории, последней на путь переговоров с Сибирским правительством, что я сам, конечно, мало верю в какой бы то ни было хороший исход при участии Михайлова во власти, но что больше затыгивать нельзя, и что иного выхода теперь нет.

Авксентьев шагал по кабинету, повторяя: «не могу, не могу и не могу!» В это время Авксентьева слышно вызвали. Через несколько минут он вернулся и сообщил, со слов Вологодского, что соглашение достигнуто: Михайлов назначается министром финансов, а Роговский — товарищем министра внутренних дел по делам милиции.

Имело ли влияние на этот компромисс происшедшее накануне заседание к. — д., не знаю. Передавали, что все происшедшее вывело, наконец, из себя Вологодского, который пригрозил в случае, если не придут немедленно к соглашению, выйти из состава, как Директории, так и Сибирского правительства. Я охотно допускаю, что это было так, ибо Вологодского лично всегда аттестовали, как человека безусловной порядочности, а в таком случае действия его коллег не могли не прельстить ему. Ухода же Вологодского его коллеги, конечно, не могли допустить, ибо он был, как будто, единственной моральной цепью Сибирского правительства.

3.

С окончанием конфликта по вопросу о составе Совета Министров Директории, нам, представителям Правительства Урала, оставалось одно — закончить переговоры о порядке упразднения нашего Правительства.

Мы снеслись с Екатеринбургом, и всеми единогласно было решено передать власть Директории самым дружественным образом, вытворивши для Урала условия, совершенно аналогичные с теми, что, по соглашению 12 октября, предоставлялись Сибири: автономию Урала, созыв областного представительного органа, сохранение в силе изданных нами законов и прочее. Мы отлично понимали, конечно, что, реально, все это вопросы не близкого бу-

дущаго, но мы решили, что, на всякий случай, полезно иметь документ, отмежевывающий Урал от Сибири и признающий принципиально право Урала на территориальную автономию, что особенно усиленно оспаривалось Комучем, не отрицавшим территориальных особенностей Сибири.

Для обоснования прав Урала на существование в качестве автономной или федеративной единицы, в зависимости от государственного строя в России в будущем, нами был представлен Директории обширный доклад, рассматривавший вопрос со всех сторон и обосновывающий, как наши претензии на автономию, так и границы Урала.

Числа 2 или 3 ноября Директория в нашем присутствии рассматривала вопрос. Поддерживал нас очень Вологодский, которого я тут видел впервые, причем он произвел на меня впечатление мягкого, доброго человека. Спорным у нас явился вопрос о территориальной армии, причем Бодырев вполне обоснованно доказал нам, что при географическом положении Урала и разбросе его территории, он не может претендовать на то же самое, что Сибирь, имеющая границы с чужеземными государствами. Поневоле войска, набираемая на Урал, должны будут большей частью расквартировываться за пределами Урала. С этим нельзя было не согласиться, и вопрос этот нами был снят. В остальном мы пришли к соглашению. Одновременно Директория просила, чтобы члены нашего правительства, оставаясь на местах, в качестве управляющих ведомств, подчинялись директивам соответственных глав центральных ведомств, впредь до принятия от нас дела. Дав на это наше согласие, мы простились и выехали в Екатеринбург.

Итог был неутешительный. Под вывеской Директории фактическая, исполнительная, власть оставалась в руках наших старых знакомых, сибирских министров. Плюсом было то, что вывеска была не сибирская, а всероссийская. Маленький проблеск надежды оставался в том, что сибирякам не удалось отстоять выдвигавшееся ими требование, чтобы законодательная власть принадлежала

Директорія совместно с Совѣтом Министров, чтобы Директорія могла принимать только законы, предварительно принятые Совѣтом Министров. Формально вся полнота власти принадлежала Директоріи, а Совѣт Министров был на том же положеніи, что при царѣ до созыва Государственной Думы, т. е. на положеніи органа вполне подчиненнаго.

Так обстоял вопрос формально. Дальнѣйшее зависѣло от того, какъ фактически удастся Директоріи поставить себя в отношеніи Совѣта Министров. Соотношеніе сил в Омскѣ было не в пользу Директоріи. Но дѣлать было нечего, и, в такихъ условіяхъ, надо было по мѣрѣ сил поддерживать Директорію. Авось выплывет!

Грамота Директоріи на имя областныхъ правительствъ была опубликована. Слѣдомъ за ней Правительство Урала обратилось 10 ноября к населенію Урала с сообщеніемъ. Указавъ в нем на горячее участіе свое в созданіи в Уфѣ Директоріи, какъ единаго носителя Верховной Власти, Правительство заявляло:

«Государственное Совѣщаніе, признавъ за областями Россіи право на самоуправленіе на широкихъ автономныхъ началахъ, предоставило мудрости Вр. Всероссийскаго Правительства опредѣлить предѣлы компетенціи автономіи отдѣльнымъ областей.

Нынѣ Вр. Всероссийское Правительство, в соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, какъ внутренней жизни страны, такъ и международнаго положенія Россіи, пришло къ заключенію, что интересы родины властно требуютъ временнаго прекращенія существованія всѣхъ областныхъ правительствъ и сосредоточенія всей полноты власти в рукахъ вр. Всероссийскаго Правительства.

Упраздняя Уральское Областное Правительство, Вр. Всероссийское Правительство вмѣстѣ с тѣмъ считаетъ необходимымъ ввести в организацию управленія Урала начала, соотвѣтствующія его экономическимъ особенностямъ и принципиально признаетъ возможнымъ созданіе в будущемъ общеуральскаго представительнаго органа, объединяющаго работу мѣстнаго управленія горнозаводскаго Урала.

Вр. областное правительство Урала, руководствуясь интересами родины и со знавая, что в настоящій, исключительно тяжелый, моментъ для страны необходима единая, мощная и безраздѣльная власть, 26 октября признало необходимымъ сложить свои полномочія и передать всю власть на Уралѣ Вр. Всероссийскому Правительству, какъ только оно того потребуетъ.

Получивъ сего числа Указъ Вр. Всероссийскаго Правительства, правительство Урала слагаетъ свои полномочія и призываетъ всѣхъ гражданъ области Урала сплотиться вокругъ единаго Вр. Всероссийскаго Правительства и отвязать ему полную поддержку и повиновеніе.

Да помнитъ каждый, что родина наша находится в смертельной опасности, и вывести ее на путь спасенія можетъ только то правительство, которое будетъ обладать всей полнотою власти и поддержано всѣмъ сложившимъ населеніемъ. Да будетъ вся воля страны направлена къ спасенію Родины подъ верховнымъ водительство Вр. Всероссийскаго Правительства.

Правительство Урала твердо вѣритъ, что Вр. Всероссийское Правительство, поддержанное всѣми гражданами, любящими свою родину, выведетъ ее на путь спасенія и доведетъ страну до Всероссийскаго Учредительнаго Собранія.

Этимъ актомъ правительство Урала прекратило свое существованіе. Населеніе отнеслось къ этому довольно безразлично. Оно нашу власть мало «чувствовало», а потому не отдавало себѣ и счета.

Сразу къ тому оно и не могло почувствовать нашего ухода, такъ какъ мы оставались еще около мѣсяца на своихъ постахъ. Прекратилась только наша законодательная работа. Почувствовало население исчезновеніе правительства Урала позднѣе, когда новая власть омской диктатуры не позволяла населенію забывать, что власть существуетъ.

Я не стану подробно останавливаться на дѣятельности правительства Урала, такъ какъ она носила мѣстный характеръ, и главнымъ образомъ вытекала изъ нуждъ момента. Я отмѣчу лишь, что кое-вѣ чемъ законодательство наше коснулось вопросовъ, могущихъ имѣть значе-

ние и в будущем. Так, мы осуществили одну из заветных идей покойного А. И. Шингарева, издав закон об обязательной сдаче всей добываемой платины исключительно в казну. (Несмотря на отъсненность в денежных средствах, мы всю платину скупали — по 80 рублей за золотник — и этим поощряли ее добычу: сбыт ее в частном порядке за границу был в это время очень затруднителен для частных лиц. Поэтому принятый нами закон не вызвал протестов даже со стороны платинопромышленников).

Нами был издан также закон (не успевший осуществиться) об институте при податных инспекторах «специальных сборщиков прямых налогов», институт крайне необходим в виду того, что население отвыкло платить прямые налоги.

Обращаясь к трем месяцам работы правительства Урала, издавшего за это

короткое время 81 акт, и сравнивая его с целым рядом правительств, которыми я за это время перевидал, я с особенно теплым чувством вспоминаю всех моих соотечественников по этой работе. Работали неустанно и добросовестно. Все до единого сэкономили государственные средства до щепетильности. Не было у нас даже для правительства в целом ни одного автомобиля, этого аппарата, как бы ставшая скипетром и державой правительств революционного времени. Принадлежа к разным партиям, мы все были объединены интересами надпартийными, и в нашей среде создалась серьезная спайка. Она была настолько сильна, что, упразднившись 10 ноября, как правительство, мы решили помогать друг другу, пока не передадим ведомств, и образовали неофициальное «Совещание главноуправляющих ведомствами».

ГЛАВА XXIII

Съезд членов Учр. Собранія в Екатеринбургъ—Прокламація Ц. К. эсеров.—Екатеринбургскіе к.-д. о Директоріи и диктатурѣ.—Переворот 18 ноября.—Участіе Екатеринбургa в подготовкѣ переворота — „Конституціонная диктатура“.—Верховная Власть „семерки“.—Ликвидация „семерки“ и „Съезда“.—Генерал Гайда—„Доставить в штаб“.—Сдача вѣдомства —Мой отход от политической работы.—„Партія государственнаго переворота“.

I.

Высказанное мною Авксентьеву мнѣніе, что нарушеніе Директоріей Уфимской конституціи даром не пройдет, стало оправдываться гораздо раньше, чѣм я того ожидал.

Если правительство Урала шло на все, лишь бы, хоть номинально, удержать у власти Директорію, если на это шли эсеры в Сибирской областной думѣ, то да лешо не такую позицію заняли эсеры, собравшіеся в Екатеринбургъ на Съезд членов Учред. Собранія.

Положеніе «Съезда» оказалось самым пелѣпым. Он очутился в Екатеринбургѣ, куда должна была ѣхать и Директорія, но не поѣхала. Он был «государственно-правовым органом», а дѣлать ему нечего было. Хотя Директорія не объявила об отменѣ «Акта» в части, касавшейся «Съезда», но было совершенно ясно послѣ происшедшаго в Омскѣ, что роль Съезда практически кончена.

Если учесть это положеніе, да еще прибавить к этому, что Чернов (котораго, по слухам в Уфѣ, эсеры удерживали в Самарѣ, опасаясь, что одно появленіе его в Уфѣ способно сорвать всякое соглашеніе) прибыл в Екатеринбург, то станет понятным, что эсеры не были способны удержаться от обостренія положенія. Жардецкий не даром упоминал о сношеніях Авксентьева и Зензинова с эсерами в Екатеринбургѣ. На давленіе на Директорію справа эсеры отвѣчали давленіем слѣва. И надо было только удивляться стойкости, проявленной Авксентьевым и Зензиновым в отноше-

ніи своего Ц. К. Этого справа не только не оцѣнивали, но ставили в вину эсерам одно то, что они со своим Ц. К. сносятся.

Одольла в Омскѣ правая, на это тот час послѣдовал отвѣт слѣва. Эсеровскій Ц. К. выпустил прокламацію, в которой констатировалось, что уфимское соглашеніе оказалось неудовлетворительным, что Директорія выбрала резиденцію не там, гдѣ слѣдовало, и разлучилась территориально со «Съездом», что она передала важнѣйшіе портфели министрам Сибирскаго правительства, что она рѣшила распустить Сиболдуму, что без наказанности вдохновителей омскаго контр-революціоннаго заговора продолжается, и т. д. и т. д.

Отсюда дѣлался вывод:

«В предвидѣніи возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контр-революціи, всѣ силы партіи в настоящій момент должны быть мобилизованы, обучены военному дѣлу и вооружены, с тѣм, чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удары контр-революціонных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистскаго фронта. Работа по вооруженію, сплоченію, всестороннему политическому инструктированію и чисто военная мобилизація сил партіи должны явиться основой дѣятельности Ц. К., давая ему надежныя точки опоры для его текущаго, чисто государственнаго вліянія».

Эта прокламація, совершенно независимо от того, была-ли малѣйшая реаль-

ная возможность у эсеров к осуществлению «военных задач», сама по себе показывала, что Директорія, при том пути, на который она в Омскѣ согласилась стать, совершенно теряла опору слава. Мало того, прокламація носила характер явной угрозы по адресу самой Директоріи, а она не предпринимала никаких медленных мѣр воздѣйствія противъ вышестоящихъ прокламацію. Это давало правымъ, и в частности военнымъ кругамъ, возможность обвинять Авксентьева и Зензинова в шотворствѣ эсеровскому Ц. К. (Об этом, какъ позднѣе мнѣ передавали, даже англійскій генералъ Новсе намекнулъ Авксентьеву). При такихъ условіяхъ, при потерѣ вліянія налѣво, Директорія теряла окончательно значеніе для правыхъ круговъ.

Если таково было отношеніе к Директоріи двухъ крайнихъ силъ, то каково было отношеніе к ней центра, къ которому можно было относить Екатеринбургскую группу к.-д.?

Едва я успѣлъ вернуться изъ Омска в Екатеринбургъ, какъ получилъ приглашеніе на собраніе группы. В Омскѣ рѣшили созвать на 19 или 20 ноября партійный слѣздъ, на который приглашали делегатовъ и Екатеринбургской группы. Этимъ вопросомъ и должно было заняться наше собраніе, происходившее числа седьмого ноября.

Придя на это собраніе, я еле узналъ нашу группу. Впервые я услышалъ в ней прямо и опредѣленно формулированный вопросъ: «директорія или диктатура»? Я былъ пораженъ даже самой возможностью столь явной постановки этого вопроса в нашей группѣ, которая, одна изъ очень рѣдкихъ, сумѣла сохраниться с 1905 года.

Откуда это могло взяться? — С одной стороны, это пришло изъ Самары. Оттуда, в качествѣ бѣженца, прибылъ бывший когда то членомъ Екатеринбургскаго комитета, Б.—м. Чрезвычайно начитанный кабинетный работникъ, онъ очень импонировалъ этимъ и ранѣе Екатеринбургскимъ товарищамъ по партіи. Теперь онъ, во первыхъ, чрезвычайно пролился идеями В. И. Пепеляева, провелъ шаго не мало времени в Самарѣ; во

вторыхъ, онъ испыталъ всѣ прелести управленія Комуча и приписывалъ исключительно ему пораженіе на фронтѣ. Наконецъ, самъ Ц. К., какъ утверждаетъ Пепеляевъ, категорически высказывается за диктатуру. Выводъ: Директорія — продуктъ Комуча, она слабовольна, она погубитъ фронтъ, она развалитъ тылъ; выходъ одинъ — в диктатурѣ.

С другой стороны, за диктатуру стояли члены Пермскаго комитета, с нетерпѣніемъ жаждавшие вернуться домой; среди нихъ, в особенности — докторъ Л., пользовавшийся большимъ вѣсомъ в партійныхъ кругахъ. Понесенныя пораженія на самарскомъ фронтѣ были основнымъ аргументомъ для него. Директорія — отступленіе, диктатура — наступленіе.

С третьей стороны, к Директоріи подходили в оцѣнкѣ по ея дѣйствіямъ: достаточно она себя показала на вопросѣ о резиденціи и в Омскѣ. Она слабовольна и нигуда не годится.

Не оставалась, наконецъ, безъ вліянія и работа прибывшаго в Екатеринбургъ А. С. Вѣлоруссова (Вѣлевскаго). Хотя онъ не былъ кадетомъ, а былъ когда то лѣвѣе (однимъ изъ организаторовъ крестьянскаго союза в 1905 году), но старое, заслуженное имя и работа в «Русскихъ Вѣдомостяхъ» создавали ему авторитетъ в глазахъ многихъ к.-д. И этотъ человекъ, съ «лѣвымъ» реноме, былъ теперь в Национальномъ Центрѣ и не мыслилъ иного строя для момента, какъ диктатура.

Все это вмѣстѣ взятое, не могло не дѣйствовать, и я в собраніи группы нашелъ совершенно опредѣленныхъ защитниковъ диктатуры. Моя позиція необходимости поддержанія Директоріи была не изъ легкихъ. Главнымъ моимъ аргументомъ было то, что «диктатора нѣтъ», что его нельзя искусственно создавать, что фактически мы вмѣсто диктатуры будемъ имѣть Омское правительство, а оно уже безъ всякаго сомнѣнія, приведетъ къ побѣдѣ большевиковъ.

Не знаю, побѣдили ли мои доводы, или то, что я пришелъ в особю тяжелый личный моментъ моей жизни (о чемъ всѣ знали и понимали, что только сознавая мою мною особенная острота политиче-

скаго момента могла побудить меня, несмотря на все, придти) и что я с особой, мало свойственной мнѣ, страстностью предостерегал от ошибки. Но «диктатура» незначительным большинством голосов была отклонена. Было рѣшено также, по моему настоянію, что наши делегаты участвуют в съѣздѣ в.-д., как сибирском, лишь с совѣщательным голосом и не принимают участія в выборах сибирскаго комитета партіи.

Я настаивал на этом формально, ссылаясь на то, что Урал — не Сибирь, что мы имѣем право на самостоятельное областное существованіе. Но внутренно я, конечно, руководился не этим. Я сознавал, что, если в Екатеринбургской группѣ в.-д. диктатура отклонена только незначительным большинством, то на съѣздѣ в Омскѣ «диктатура» будет одобрена. Этой ответственности я раздѣлять не хотѣл.

2.

18-ое ноября принесло нам вѣсть о происшедшем в Омскѣ переворотѣ, об арестѣ Зонзинова, Авксентьева и Аргунова и о вступлении во власть Россійскаго правительства с Верховным Правителем, адмиралом Колчаком, во главѣ.

Принимал ли участіе Екатеринбург в подготовкѣ переворота? — Отвѣтъ на это может быть только положительный. Я уже упоминал о том, что я передавал Волдыреву со слов нашего министра Внутренних Дѣлъ о заговорѣ в Екатеринбургѣ военных кругов. За нѣсколько дней до переворота в Екатеринбург пріѣхал из Омска один из видных англійских офицеров, и поспѣли слухи, что на банкетѣ, устроенном военными, определенно шла рѣчь о диктатурѣ адмирала Колчака.

К подготовкѣ переворота приходится, повидямому, отнести и пріѣзд в Екатеринбург по порученію министра финансов, Н. А. Михайлова, нѣкоего Юргенса. Он явился ко мнѣ числа 15 ноября и предъявляя мнѣ приказ Михайлова, по которому Юргенсу поручалось управленіе казначействами Урала. На мое предложеніе принять от меня отдѣлъ казначейства министерства финансов Урала, Юргенс

отвѣтил отказом, заявив, что ему поручено исключительно управленіе казначействами. Так как мнѣ было совершенно безразлично, в каком порядкѣ сдавать Вѣдомство, то я пожал только плечами, рѣшив, что пусть будет так, хотя не мог понять смысла в таком порядкѣ дѣйствій со стороны Михайлова. Происшедшій затѣм переворот вполне объяснил этот образ дѣйствій: надо было лишить нас, на всякій случай, возможности распоряжаться деньгами.

Кромѣ технической подготовки, было заготовлено, несомнѣнно, все и с интеллектуальной стороны. О том, что А. С. Бѣлоруссов ведет переговоры об уступкѣ ему типографіи старой кадетской газеты «Уральскій Край», во главѣ которой стоял А. М. Ошаскскій, с тѣм, что бы вмѣсто нея начать издавать «Отечественныя Вѣдомости», было в городѣ извѣстно. Мотивом для такой уступки было то, что «Отечественныя Вѣдомости», — не что иное, как «Русскія Вѣдомости», а уступить свое мѣсто послѣднимъ было вполне естественно. Правда, для знающих состав редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» нужна была бы чрезвычайная натяжка, чтобы признать, что ея, хотя бы и весьма заслуженный, парижскій корреспондент, А. С. Бѣлоруссов, да еще двое ея второстепенныхъ сотрудников могли ее замѣнить. Но так нужно было, и вліятельный «Уральскій Край» уступил свое мѣсто как бы болѣе почтенному органу: это сразу высоко подымало престиж новой газеты. И вот в послѣднемъ, прощальномъ номерѣ «Уральскаго Края» передовая статья доказывала (совершенно неожиданно), что единственный выход из положенія — в диктатурѣ, а вышедшій на слѣдующій день первый номер «Отечественныхъ Вѣдомостей» уже привѣтствовал новую власть, ставшую на мѣсто свергнутой Директоріи. Совпаденіе было слишкомъ поразительнымъ, чтобы счесть его за чистую случайность.

Ясно было, что заговор был поставлен широко и создан не в одинъ день. Директоріи дали продѣлать то, что без нея сдѣлать нельзя было: она упразднила сѣхъ областей и областей правительства, она добитая роспуска Омбудсму, од-

ним словом то, что было бы невозможно для Сибирского правительства. Совет министров, общим числом в 14 человек, был составлен так, что в этом числе 10 министров были из прежнего состава Сибирского Административного Совета. Во главе его оставался, как и прежде, Вологодский. И вот теперь, когда мавр сделал свое дело, он мог уходить.

Члены Директории-эсеры были арестованы; Болдырев был в Уфѣ, Выноградцов отказался входить в какія либо комбинации с новой властью, а Вологодский вместе с Советом Министров приняли на себя власть и тут же возглавили ее Верховным Правителем, адмиралом Колчаком. Была создана «диктатура» очень своеобразная: «конституционная». «Наспѣх» в день переворота было составлено «Положение о временном устройствѣ власти в Россіи». И поразительно было то, что Совет Министров, составляя это «Положение» в первый же момент послѣ переворота, не успел добиться от «диктатора» того, чего не мог ни за что добиться от Директории: совместнаго с ним управления страной. Законы «диктатора» мог утверждать при условіи, если они предварительно одобрены Советом Министров. Аппаты, ждѣваемые Верховным Правителем в порядѣ верховнаго управления, нуждались в скрѣпѣ председателя Совета Министров или министра. Номинально создавалась диктатура адмирала Колчака, а фактически — власть тѣх, кто недавно еще именовался Сибирским Правительством. Единственно, что намекало на диктатуру адмирала Колчака, это то, что он был одновременно Верховным Главнокомандующим.

3.

Я уже упоминал, что с упраздненіем Правительства Урала, мы, бывшіе его члены, образовали в частном порядѣ «Сообщаніе управляющих вѣдомствами». Вѣсть о происшедшем переворотѣ не могла не заставить нас собраться. Мы не могли смотрѣть на себя, как на вѣдомственных чиновников: только желая оказывать поддержку Директоріи, мы соглашались оставаться техническими руководителями своих вѣдомств с подчиненіем

их центральному. Теперь Директорія была свергнута, а по отношенію к новой власти у нас никаких моральных обязательств не было. Перед каждым из нас стоял вопрос, как быть при создавшемся положеніи.

Мы приступили к обсужденію вопроса. Выяснилось, что законченным переворот считать нельзя. Болдырев был на свободѣ, в Уфѣ, гдѣ Народная Армія ему подчинялась. Чехословацкій Национальный Совет относился рѣзко-отрицательно к происшедшему перевороту. Болдырев продолжал состоять вѣрным Верховным Главнокомандующим в глазах чешских войск и мог при их помощи двинуться на Омск для восстановленія Директоріи, а одного такого рѣшенія, казалось, могло быть достаточно. Как поступит Болдырев, было неизвестно. Все, значит, было еще на вѣсу. Отсюда вытекало, что мы, при таких условіях, оставлять свои посты не в правѣ.

Во время нашего засѣданія к нам пришла по порученію Съѣзда членов Учредительнаго Собранія Н. В. Фомина и сообщил от его имени, что Съѣзд, в связи с происшедшим в Омскѣ переворотом, постановил:

«Избрать из своей среды Комитет, отвѣтственный перед Съѣздом, уполномочив его принимать всѣ мѣры для ликвидаціи заговора, наказанія виновных и восстановленія законнаго порядка и власти на всей территоріи, освобожденной от большевиков. Поручить Комитету, для выполненія возложенных на него задач, войти в соглашеніе с непричастными к заговору членами Вр. Всер. Правительства, областными и мѣстными властями и органами самоуправленія, чешским Национальным Советом и другими руководящими органами союзных держав. Всѣм гражданам вѣнчается в обязанность подчиняться распоряженіям Комитета и его уполномоченных».

Комитет был избран Съѣздом в составѣ семи членов Учредительнаго Собранія: Чернова, Вольскаго, Алкина, Федорювича, Брушицита, Фомина и Иванова.

Изложив постановленіе Съѣзда, Н. В. Фомина заявил нам, что Съѣзд считает эту «семерку» единственной в данный

момент законной Верховной Властью, и уже от ее имени предлагает нам немедленно объявить о восстановлении Вр. Областного Правительства Урала, а «семерка» нас признает, назначив при нашем Правительстве своего эмиссара.

Бесѣда наша с Фоминым была не из продолжительных. Мы обѣщали ему обсудить вопрос, и он ушел. Но, несмотря на краткость бесѣды, нужно сказать, что новоявленный «верховник» произвел впечатление на нас всѣх (не исключая наших эсеров) прямо удручающее по своему убожеству. И, если мы в свое время не желали признать над собой власти Комуча, если Комуч всей своей политикой в отношеніи Правительства Урала сдѣлал его, усиливая этими Сибирь, а теперь, под другим лишь наименованіем, обращался к нему с тѣм, чтобы воскресить то, что умерло, то тѣмъ менѣе приемлемо было для нас признание правительства во главѣ с... Черновым! Убожество же, проявленное Фоминым, только усиливало отрицательное отношеніе.

В концѣ концов мы вынесли постановление, которое, насколько помню, гласило, что «Главноуправляющіе Вѣдомствами, дѣйствующіе по порученію единственной законной власти, Вр. Всер. Правительства, продолжают оставаться на своих постах».

Вечером в тот же день состоялось экстренное засѣданіе Породской Думы, в котором выступал тот же Н. В. Фомин, примерно с таким же успѣхом, как в нашем совѣщаніи. Засѣданіе Думы было при закрытых дверях. Эсеры, конечно, поддерживали «семерку», но нельзя сказать, чтобы очень сильно. В цѣлом, Дума не вправилась ни Омская диктатура, ни Черновская «семерка». Никто к тому в реальность «семерки» не вѣрил. Кончилось тѣм, что Дума никакой резолюции не приняла.

«Семерка» просуществовала недолго. На слѣдующій день, 19 ноября, группа офицеров и солдат «по своей инициативѣ» (как они писали в своем заявленіи с просьбой о преданіи их суду) арестовала членов Съѣзда во главѣ с Черновым, а генерал Гайда, командовавшій арміей, распорядился выслать арестован-

ных за предѣлы Урала, в Челябинск, откуда они могли ѣхать в Уфу.

Генерал Гайда в этом случаѣ рѣзко разошелся с Чехо-Словацким Национальным Совѣтом. Последний опубликовал заявление, протестующее против переворота и выразившее надежду, что «кризис, созданный арестом членов Директоріи, разрешится законным путем».

Надеждѣ этой не суждено было сбыться. Болдырев, как доходила свѣдѣнія, был в Челябинскѣ, видѣлся там с командующим чешской арміей, генералом Сыровым, принявшим его, как начальника, но проѣхал спокойно в Омск, чтобы сѣсть за границу. Говорили о том, что и чехи оказались не вполне хозяевами себѣ ибо переворот взяли под свое покровительство англичане. Как бы там ни было, но с Директоріей было покончено: Авксентьев, Зензинов и Аргунов были высланы под стражей за границу, Болдырев ѣхал туда сам. Но одновременно было покончено и с другим: чехи стягивали свои войска с фронта и направлялись на восток.

У нас, между тѣм, произошел совершенно неожиданный эпизод. 20 ноября моя приемная оказалась полна народа: со всѣх вѣдомств шли с извѣстіем, что казначейство отказывается платить по ассигновкам на выдачу жалованія. В чем дѣло? — Оказывается «управляющій казначействами», Юргенс, имѣет приказ от Михайлова не платить по кредитам, открытым Правительством Урала. А такими кредитами были всѣ.

Как тут быть? Обратиться телеграфно к Михайлову? Но он, вѣроятно, зналъ, что дѣлал, да обращаться к нему означало, несомнѣнно, затянуть вопрос надолго. Созванное Совѣщаніе управляющих вѣдомствами рѣшило иначе: обратиться к генералу Гайда, объяснив ему, какое волненіе мѣра Михайлова вызывает среди служащих, а в особенности среди многочисленных рабочих находящихя в распоряженіи казны заводов.

На слѣдующій день утром П. В. Иванов, А. Е. Гутт и я отправились к генералу. Мы тут впервые пришлось встрѣтиться с Гайдой, этим прославленным

генералом, о котором чехи говорили очень упорно, что его завѣтной мечтой является стать «русским Борсиканцем».

Когда мы были приглашены к нему в кабинет, он через своего начальника штаба, полковника Богословского, был уже в курсе вопроса, по которому мы пришли. Судить поэтому, насколько быстро Гайда ориентировался в вопросах, трудно было. Он приняв нас любезно, лаконически заявил, что согласен с нами в недопустимости приостановки наших кредитов в казначействѣ, и дал письменный приказ на имя Юргенса немедленно восстановить нормальный порядок. Внешность у Гайды была эвергичная. Вот и все впечатлѣніе, которое мы вынесли.

Приказ Гайды я отправил при письмѣ Юргенсу, который отвѣтил, что завтра с утра выдача по ассигновкам возобновится. Утром оказалось, однако, что Юргенс выдачи не возобновляет, ибо таков был отвѣт из Омска, куда он обратился. Я немедленно опять поѣхал к Гайдѣ.

Я застал его при выходѣ, уже в шинели. Выслушав меня, он подозвал офицера, и, указывая на часы, приказал: «Поѣзжайте в казначейство. Если он в 12 часам не откроет кассы, арестуйте его и доставьте в штаб».

В это время кто-то подошел к Гайдѣ и заявил, что Государственный Банк не платит ему миліона рублей. Смѣшивая, очевидно, все вмѣстѣ, Гайда прибавил, обращаясь к тому же офицеру:

«Послѣ казначейства поѣзжайте в банк и, если там не уплатят, арестуйте и там».

— За что же Вы хотите меня арестовать? — спросил я.

— Как, Вас?

— Но Банк подчинен мнѣ, а не платит потому, что у нас денег нѣтъ, так как Казначейство не выдает.

— Тогда не надо. Поѣзжайте только в Казначейство.

Командированный Гайдой офицер отправился с моим чиновником особых порученій. Через нѣкоторое время чиновник с офицером пріѣхали сообщить, что, когда они прибыли в Казначейство, там уже по ассигновкам платили. Когда офицер вышел, мой чиновник сказал мнѣ:

«Офицер по дорогѣ сюда начал все голдой и приговаривал: ну, и горячій же человекъ ваш министр, чуть вѣдь из-за него человека не разстрѣляли. А когда я спросил у него, как это так, то он мнѣ отвѣтил: Вы знаете, что значит у генерала «доставить в штаб»? Нѣтъ? — Это значит разстрѣлывать в 24 часа».

Если это было так, то надо признать, что слова Гайды в области разстрѣлов не была преувеличена: слова «доставить в штаб» он произносил при мнѣ совершенно так же безразлично, как всѣ остальные.

Окончательное выясненіе вопроса о превращеніи существованія Директоріи логически вело к тому, что я стремился как можно скорѣе сдать вѣдомство. Михайлов по неизвѣстным мнѣ причинам, не смотря на мои повторныя просьбы, почему то тянул, а положеніе мое было не из пріятных. В деньгах была нужда, обращались ко мнѣ и претендовали на меня. Михайлов давал распоряженія помимо меня. Ко мнѣ приходили спрашивать, как быть. Защитить моих подчиненных из профессиональных чиновников я был бы не в силах. Оберегая лично их, я мог им только совѣтовать слушаться распоряженій, получаемых из Омска.

Во время одного из докладов, управляющій Гос. Банком возмущенно сообщил мнѣ, что И. А. Михайлов выдал Сибирскому Банку около трех миліонов рублей из покупки платины для казны по 126 рублей золотник, включая «один (!) рубль комиссіонных в пользу Сибирскаго Банка», в то время, как в Государственном Банкѣ не прекращали приходиться с предложеніями платины по 80 рублей золотник, но он не мог ей купить за отсутствием денег. Нарушался и закон Правительства Урала о монопольной казенной скупкѣ платины.

Начиналась таким образом и у нас Омская вакханалія. Из Омска шли и мелочныя неспрйятныя мѣры. С каждым днем мое омерзѣніе все усиливалось и, наконец, я рѣзко и ультимативно поставил официальной телеграммой Михайлову требованіе с привѣтій от меня вѣдомства.

4.

Числа 7 — 8 декабря прибыли, наконец, из Омска принять у меня вѣдомство. Это была цѣлая комиссия, из 5 или 6 человек, во главѣ с С. Н. Крестовским, лицом близким к И. А. Михайлову.

Представляя мнѣ членов комиссии, Крестовский с улыбочкой прибавил, указывая на пожилого уже человека: «а это — наш прокурор».

Как человек предусмотрительный и привычный к омскому уровню порядочности, Михайлов, очевидно, мало полагался на то, чтобы мѣстная наша прокуратура оказалась на высотѣ, в случаѣ допущенных мною злоупотреблений, а с другой стороны, вѣроятно, по своему опыту, был увѣрен, что при приемѣ вѣдомства от министра финансов прокуратурѣ должно быть, чѣм заняться.

У нас прокурор остался совершенно без дѣла, да и всей комиссией пришлось работать недолго.

13 декабря я подписал с комиссией акт о сдачѣ дѣл, при чем все было найдено в полном порядкѣ. Очевидно, нѣсколько смущенный противорѣчьем между тѣм, что ожидалось, и что оказалось, Крестовский счел долгом описать мнѣ то, что он с его комиссией нашли в Уфѣ у наследников Комуча в области финансов, и как в результатѣ вся комиссия попала в тюрьму (это было как раз в момент переворота в Омскѣ, против котораго Самарскій совѣт управляющих вѣдомствами, пребывавшій в Уфѣ, выступил).

Вскрывшаяся картина самарских порядков в распоряженіи казенными средствами, была ужасающая, и Михайлов прекрасно политически использовал ее, опубликовав в печати результаты ревизіи.

Я охотно допускаю, что злоупотребленія самих руководителей в личных цѣлях, если и были, то были не в крупном масштабѣ, но нельзя не отмѣтить общей явны революціонных правительств, которыя считали, что они, эти

временные органы, или их партія, и государство — одно и то же.

Беззаконное, в ускоренном и упрощенном порядкѣ (не возиться же с канцелярщиной и бухгалтерством!) распоряженіе казной не могло не нарушать возможности правильнаго контроля, а, следовательно, и не влечь неизбежнаго казнокрадства со стороны подчиненных органов. Давать щедрой рукой деньги своей партіи, своим партійным газетам, эс-эры, по крайней мѣрѣ, считали вполне государственным дѣлом.

Будущій историк найдет, несомнѣнно, не мало такого и в дѣятельности Сибирскаго Правительства.

Не найдет он такого матеріала в дѣятельности Правительства Урала.

В теченіи декабря всѣ бывшіе члены Правительства Урала сдали свои вѣдомства, и я стал освобожден от всякаго участія в государственном управленіи. Мало того, я перестал почти принимать активное участіе в политической дѣятельности, отдавшись всецѣло муниципальной работѣ, как председатель финансово-бюджетной комиссией городской думы.

Что было мнѣ дѣлать в области политики?

В диктатуру я не вѣрил, да ее и не было: «Положеніе об устройствѣ власти» от 18 ноября для меня было достаточно краснорѣчивым. Под названіем «Россійское» было Сибирское Правительство, способное только к одному — своей реакціонностью привести к большевизму, а к этому убѣжденію я пришел еще в іюль, почему и создавал Правительство Урала.

Партійная работа?

Но в результатѣ съѣзда в Омскѣ, во что превращалась партія Народной Свободы?

При открытіи съѣзда, числа 20 ноября, избранный его председателем, Блафтан провозгласил: «С 18 ноября мы стали партіей государственнаго переворота. Стоило нам начавшій высказать

наше мнѣніе, и на завтра то, что должно было совершиться, совершилось».

Партия брала на себя огромную долю ответственности за совершенный переворот, что шло совершенно в разрыв с моей работой в Уфимском Съезцани. Съезд выбрал «Восточный отдѣл Ц. К. партии Народной Овободы». Но из кого он оостоял? Из матерых реакціонеров типа Жардецкого или из обезумѣвших от ненависти и с налитыми кровью глазами людей вроде Клафтопа и других бѣженцев, не могущих подняться выше своих стремлений вернуться на родное нелепище, и лишившихся способности, именно вслѣдствіе этих чувств, спокойно судить о явленіях, без чего нельзя заниматься политической дѣятельностью.

Сидни никогда не были кадетами, другіе под влияніем страстей своих перестали ими быть.

Такой комитет, да еще при таком «идеологѣ», как В. Н. Попеляев, был для меня чужим. Я ждал от него только одного — полного урона престижа партии к.-д. и очень скоро я окрестил его в прессѣ «Азиатским отдѣлом».

Работать в нашем, мѣстном, комитетѣ, отмежевавшемся от Омска?

Но тут трудно было говорить о «работѣ» в серьезном смыслѣ этого слова, раз на востокъ от нас царил «Восточный отдѣл Ц. К.», а на западъ — территория была очень незначительна; я участвовал в комитетѣ, но его дѣятельность не могла имѣть серьезнаго значенія, за исключеніем отдѣльных моментов.

Так, когда Совѣтъ Министров в Омскѣ разработал новый закон о выборах в городскія думы, а «Восточный отдѣл» просил приостановить его утвержденіе, заявив о своих предложеніях сузить круг избирателей требованіем ценза оубности или имущественнаго, то Екатеринбургскій комитет телеграфировал Вологодскому, что он против предложеній «Восточнаго отдѣла» протестует, как предложеній, противорѣчащих

партийной программѣ. Работа нашего комитета в широком смыслѣ этого слова не могла быть развиваема.

Будучи противником Омска, я не мог, однаю, занять и позицію прямого его врага, позицію, занятую эс-эрами-черновцами: она неизбежно вела бы к тому, к чему пришли Вольскій и остатки Комуча, к пропагандѣ прекращенія борьбы с большевиками и открытія вооруженной борьбы с Омском.

Как я ни был убѣжден, что Омская политика ведет к усиленію большевиков, я все же не видѣл в этом основанія самому помогать большевикам.

Врах Директоріи ясно показал, что центр не имѣет за собой сил, что еще не изжита борьба между двумя крайними полюсами. Больше опасным противником демократіи я считал большевиков с их своеобразной идеологіей, но и к другой сторонѣ, лишенной всякой идеологіи, я присоединиться не мог, не желая дѣлать с ней отвѣтственность за то, что она ведет к первой, а объ—к реакціи, к анти-демократизму, а это, в свою очередь, к безконечной смутѣ.

Необходимость народоуправства в Россіи стала для меня вопросом не предвзятой теории.

Дворянство, как правящій класс, обанкротилось; торгово-промышленный класс показал с самаго начала революціи свое полное политическое ничтожество; что рабочий класс и крестьяне не подготовлены для того, чтобы взять власть в свои руки, вряд ли кто в этом усомнится.

Остается один исход — широкое народоуправство, обеспечивающее всѣм классам участіе в управленіи. Но и этого мало. Практика показывала, что разоренное населеніе, произносившееся, поистрапавшееся, встрѣчающее с восторгом власть, избавляющую его от большевиков, через два — три мѣсяца разочаровывается, охладѣвает. Причина — власть не дает того, что нужно: сапог, ситца, сахара и. т. п. Поэтому нужна власть, к которой народ не мог бы предъявлять претензіи. А такой властью

может быть только та, которая для народа является действительно своей. Этому требованию не удовлетворяла ни та, ни другая из борющихся сторон.

При таких условиях мне оставалась одна роль: роль критика по отношению

к правому лагерю, своеобразного оппозиционера, и не в какомнибудь представительном органе, а в пространстве, в лучшем случае — в прессе.

Фактически это сводилось, конечно, к тому, что я стал почти зрителем.

Г Л А В А Х Х И В.

Национальный Союз.—Расправа с членами Учредительного Собрания.—Взятіе Перми.—Адмирал Колчак в Екатеринбургъ—Военные успѣхи и черносотенная пропаганда.—Недовольство населенія.—Губернское Земское Собрание.—Отношеніе крестьян к совѣтской власти и к реставраціи.—Военный режим на Уралѣ—Дѣло капитана Зотова.—„Порядок хода дѣл в Омскѣ“.—Производительность Урала.—Съезд промышленников и их настроенія—Демократическій Союз.—Выборы от земства в Государственное Экономическое Совѣщаніе—Резолюція земскаго собранія.—Земельный вопрос и крестьяне.—Отъезд в Государственное Экономическое Совѣщаніе.—Вѣсть о паденіи Перми.

I.

С упраздненіем Правительства Урала и послѣ происшедшаго переворота, начальником края у нас былъ назначенъ бывшій у нас уполномоченнымъ Сибирскаго Правительства С. С. Посниковъ.

Какъ горный инженер, довольно долго бывшій главноуправляющимъ Богословскаго округа на Уралѣ, онъ хорошо зналъ Урал, его бытъ и населеніе и не могъ не считаться с мѣстнымъ общественнымъ мнѣніемъ. С другой стороны, при Правительствѣ Урала установился относительно твердый правопорядокъ, с которымъ свыклась и военная власть. Поэтому нельзя сказать, чтобы первое время послѣ переворота дало себя сразу почувствовать у насъ.

Идеологомъ «новаго» строя явился у насъ А. С. Бѣлоруссовъ со своими «Отечественными Вѣдомостями».

Старый народникъ, несомнѣнно, очень искренній, онъ видѣлъ Омскую власть черезъ совершенно другіе очки, чѣмъ я.

Бъ его счастью, онъ в Омскѣ не бывалъ, и не видѣлъ этой власти в натурѣ. Онъ вѣрилъ, что власть находится в рукахъ адмирала Колчака; онъ вѣрилъ, что черезъ него мы придемъ к Учредительному (или какъ тогда стало принятымъ выражаться, «Национальному») Собранію; онъ вѣрилъ, что одного противопоставленія национализма интернационализму достаточно, чтобы поднять духъ населенія противъ большевиковъ. Бъ числу национальных

дѣлъ онъ относилъ сильнѣйшія нападки на чеховъ.

Основавъ «Национальный Союз» в духѣ «Национальнаго Центра», А. С. Бѣлоруссовъ пытался объединить уральскую общественность для поддержки национализма (не в худомъ смыслѣ этого слова) и новой власти. Но Екатеринбургская почва была мало подходяща для этого.

Не даромъ еще в періодъ третьей и четвертой Государственныхъ Думъ по второй «волнѣ» у насъ проходили всѣ-таки, а по первой — кадеты. Октябристовъ у насъ и в поминѣ не было, а Союзъ Русскаго Народнаго мало процвѣталъ. Столица Урала была радикальна и демократична, и «Национальный Союз» еле дышалъ, не смотря даже на разрѣшеніе комитета к.-д. своимъ однопартийцамъ участвовать в немъ.

Противникомъ «Отечественныхъ Вѣдомостей» выступалъ «Нашъ Уралъ», органъ чисто демократическій, хотя редакторомъ его и состоялъ социал-демократ-меньшевикъ, П. В. Мурашевъ.

В этой газетѣ время от времени появлялись и мои статьи, за которыя я получилъ в социалистической Сибирской прессѣ прозвище «бѣлой вороны» (беря за сравненіе «Восточный отдѣлъ», они были правы).

Первую встряску при новомъ режимѣ Екатеринбургъ получилъ в двадцатыхъ числахъ декабря. При происшедшемъ в Омскѣ 22 декабря возстаніи, были осво-

божжены из тюрьмы арестанты, в том числе и политическіе. После подавленія возстанія, политическіе — добровольно вернулись в тюрьму. И вот тут, ночью являлась группа военных, вытребовала политических и, увезя в загородную рощу, расстрѣляла. Среди убитых нѣскольких членов Учредительнаго Собранія был и Н. В. Фомин, так недавно приходившій к нам член «семерки».

Он был не только убит, но и чрезвычайно сильно перед этим избит. Убиты были также: недавно еще бывший начальником Челябинскаго района (по назначенію Сибирскаго Правительства) Киріенко, с.-д., член второй Государственной Думы, и Маевскій, редактор рѣзко анти-большевистской газеты, выходившей в Челябинскѣ. Эти двое были арестованы за непризнание власти Колчака.

Сразу стало извѣстно, что адмирал вышел из себя по поводу происшедшаго, послал даже своего официальнаго представителя на обставленные весьма торжественно похороны погибших.

Но одного адмирал не мог добиться: суда над виновными. Это оказывалось выше возможностей «диктатора»: диктатура была, но не адмирала Колчака, а безответственных кругов. И общественность не могла этого не учесть.

К счастью для Омской власти, этот момент совпал с опромной побѣдой на Уральском фронтѣ: была взята, и неожиданно, 23 декабря Пермь; необычайно быстро завершилось то, чего добились полгода. И тут повторилась обычная исторія: успѣх «свѣдшій» отвлек вниманіе от язвы внутри. (Взятіе Перми, необычайно высоко оцѣненное военными специалистами, было дѣлом двадцатисемилѣтняго генерала А. Н. Пепеляева. Этот популярный генерал, мало похожій на своего брата, Виктора Николаевича, по словам знавших его работу, в значительной мѣрѣ был обязан своими успѣхами тѣсной близости своей с солдатской массой, которая души в нем не чаяла. Это создавало ему особое положеніе в арміи и сильных врагов среди тыловаго генералитета).

В февралѣ адмирал Колчак, при по-

ѣздѣ на фронт, прибыл в Екатеринбург. Въезд его был обставлен военной властью своеобразно: вдоль улиц стояли шпалерами войска, а толпу старались разогнать в боковые улицы.

В торжественном засѣданіи городской думы, в отвѣтъ на рѣчи представителей фракцій, от к.-д. до с.-р., адмирал произнес прекрасную рѣчь, тонко подчеркнувъ в одном мѣстѣ ея согласіе свое с каким то положеніем, высказанным народным-соціалистом В. Я. Бахтѣевым (что для малоискусшенных людей стало означать, что адмирал — чуть не ан-ас).

В рѣчи адмирала были опредѣленно сильныя мѣста: ... «Большевизм слѣва, как отрицаніе морали и долга перед Родиной, большевизм справа, базирующійся на монархических принципах, но в сущности имѣющій с подлинным монархизмом столько же общаго, сколько большевизм слѣва — с истинным демократизмом, еще много времени будет требовать для упорной борьбы с собой. Одни отрицают право, другіе желают быть выше права. Я не мыслю себѣ будущаго строя иначе, как демократическим... Народ русскій является единственным хозяином своей судьбы, и когда он через своих свободно избранных представителей в Национальном Учредительном Собраніи выразит свою свободную волю об основных началах политическаго, національнаго и социальнаго бытія, то я и Правительство, мною возглавляемое, почтем своим долгом передать ему всю полноту власти, нам нынѣ принадлежащей».

Казалось бы, чего больше можно ожидать от диктатора?

Но я наблюдаю одновременно не только за адмиралом Колчаком, но и за сидящим неподалеку от него комендантом города, генералом Домостовичем. Он, видимо, не особенно привыкъ владѣть выраженіем своего лица, и на нем во-сторга от рѣчи адмирала наблюдается мало.

Рѣчь адмирала и сам он производят прекрасное впечатленіе.

Но утром на завтра по городу идет вѣсть, что, покуда адмирал говорил в

думъ, генералы в его поѣздъ весьма веселились и тоже говорили: «спусть доберется до Москвы; мы им покажем тогда Учредительное Собрание!».

Что из двух реально?

Отвѣтъ на это получила отправившаяся к адмиралу делегация от общественности с А. С. Бѣлоруссовым во главѣ. Она пошла с предложением о том, чтобы не подчинять края и начальника края военной власти, как это, по слухам, проектируется.

В результатъ — адмирал стучал кулаком по столу и кричал, что гражданскіе чины показали свою полную негодность; правда, и среди военных мало людей толковых, но эти хоть дисциплинированы, хоть слушаться умѣют.

Этим, как мнѣ пересказал один из участников делегации, дѣло и кончилось.

Бѣдный А. С. Бѣлоруссов не только получил первое разочарованіе: с ним, по приходѣ домой, случился сильнѣйшій сердечный припадок, от котораго он не мог оправиться нѣсколько дней.

Значит ли это, что Колчак был неискренен? Нѣтъ.

Когда к нему, в это же время, породской голова обратился с просьбой освободить из тюрьмы редактора газеты, писавшей на завтра послѣ переворота, что Колчаку и министрам — мѣсто в тюрьмѣ, то Колчак отвѣтил: «Что же? По своему он тогда был прав: еслибы переворот окончился неудачно, мы были бы преступниками». И он тут же распорядился об освобожденіи заключеннаго.

Колчак, несомнѣнно, был искренним человеком. Он искренно не отдавал себѣ отчета в противорѣчій между «Уставом о полевом управленіи войск» и его собственным отзывом о большевиках справа, желающих стоять над законом.

Быда этого несомнѣннаго патриота, прекраснаго человека и превосходнаго моряка была в том, что политическая его подготовка была ниже средней. Затѣм, как и большинство военных, он очень высоко ставил «Устав о полевом управленіи войск», который, может быть, воистиннѣ пригоден для занятых арміей мѣст в непріятельской странѣ, но чрез-

вычайно мало пригоден в гражданской войнѣ, в примѣненіи у себя дома.

2.

Вслѣд за взятіем Перми, военные успѣхи продолжались: в мартѣ взяли Осу и Оханск, перейдя, таким образом, по другую сторону Камы, вернули Уфу. Из Уфы потом военныя операціи еще болѣе подвинулись на запад.

Казалось бы, что это продвиженіе вперед было показателем успѣхов и идей, продвигаемых арміей, над большевистскими. Но приходившія вѣсти были мало утѣшительными. Образцы противобольшевистских прокламацій, привозимых с фронта, были дѣтски глупы: в основѣ своей онѣ имѣли то, что Ленин и Троцкій засѣли в Кремль; лозунгом их было в разных вариантах то, что позднѣ вылилось в стереотипное «бей жидов, спасай Россію». С уфимскаго фронта приходили извѣстія, что большевики прекрасно утилизируют это, что они выпускают свои прокламаціи, воспроизводящія прокламаціи противника и указывающія: «вот каковы наши противники — реакціонеры, реставраторы и погромщики; вот — что они пишут; вот — кто идет освобождать вас!»

Если таковы были «идеи», с помощью которых Омск полагал возможным побудить населеніе идти «на Москву», то он явно не рассчитывал на то, чтобы онѣ были реально достаточны для поднятія антузіазма. Мысль о добровольчествѣ была совершенно оставлена. Прибѣгли к набору, и то в опредѣленном порядкѣ: в первую голову — офицеров, затѣм — лиц с образованіем не ниже средняго, затѣм — младших возрастов, не бывших на войнѣ, а затѣм уже — к общему набору. Нечего и говорить, что деревня, полная солдат, вернувшихся с германскаго фронта и пропитанных, по скольку им это было выгодно, большевистскими идеями, отнеслась мало благооклонно к принудительной мобилизаціи их «буржуями». На большевистскія идеи власть отвѣчала поркой. Если прибавить к этому реквизиціи лошадей, продовольствія и т. п., в лучшем случаѣ с

выдачей квитанцій, по которым получать деньги было не так то просто, кутежи офицерства «в погонах» (что очень почему то раздражительно дѣйствовало на ^{автоматически} деревнѣ), отсутствие возможности получать сахар, ситец и фабрикаты, а мѣстами и хлѣб, то вполне понятно, что из деревни доносился ропот. Но Омск въ-рился только в спасительность принужденія силой и на ропот (а на Уралѣ привычное к винтовкѣ население шодчас «роптало» очень энергично) отвѣчал новыми репрессіями.

С освобожденіем Перми, наступила возможность созыва губернскаго земскаго собранія, что и было сдѣлано перед Пасхой.

Пріѣхав на сессію, я был поражен видом Перми; большевики оставили в городѣ мерзость запустѣнія. Они там пробыли полугодом больше, чѣм в Екатеринбургѣ, но это полугодіе уже проникнуто было всеми успѣхами общаго большевистскаго «прогресса» за это время, да и ожесточенность большевиков в связи с близостью фронта была большая. Пермь (чего не было еще в Екатеринбургѣ) ознакомилась в полной мѣрѣ с добываніем продовольствія мѣновым путем из деревни, при необходимости прибѣгать ко всяким ухищреніям и подвергаясь опасностям со стороны властей. Деревня в свою очередь ознакомилась и с разверсткой, и с принятіем на учет всего, до кур включительно, Большевистскій террор царил во всю: разстрѣливали членов семей за переход красноармейца на сторону «бѣлых». Разстрѣлянных Приуральская (западная) часть Пермской губерніи насчитывала тысячами.

В губернском собраніи встѣпился долго не выдавшіеся гласные обѣих половин губерніи. И сразу чувствовалось, как разное пережитое отражалось на них, особенно на гласных-крестьянах. Приуральскіе гласные относятся к «коммунистам» (здесь уже привилась эта терминологія) с страшным озлобленіем и ненавистью, в то время, как уральскіе, относясь к «большевикам» крайне отрицательно, таких ярких

чувств в отношеніи к ним не проявляли. Меня интересовало, как сельское население Приуралья относится к реставраціи. Казалось бы, послѣ перенесеннаго им, тут к реставраціи должна быть особенная склонность. Оказалось, что такое теченіе существует, но лишь среди стариковъ. Характеризуя такое теченіе в своей деревнѣ, один гласный-крестьянин сказал: «Вот у нас старики говорят, что хорошо бы имѣть такого царя, как наш предсѣдатель в кредитѣ» (кредитном товариществѣ).

При всем стараніи большевиков по-тратить губернскае земство, им это не удалось. Пермское губернскае земство, стоявшее, на ряду с московским и вятским, на первом мѣстѣ в Россіи, оказалось слишком прочным, чтобы удалась расправа с ним в один год. Опытный, преданный персонал служащих из третьяго элемента оставался на мѣстѣ и дѣлал свое дѣло. Теперь, с открытіем сессіи, оказывалось возможным работать вполне нормально. Преобладаніе крестьянства в пермском земствѣ и в доореволюціонное время сыграло свою роль теперь: кадр опытных земцев-крестьян был вполне достаточен. То, что они прошли по эсеровским спискам, не мѣняло дѣла. Работа сессіи и принятіе смѣты прошли вполне дѣловито.

Пережитое под властью большевиков Пермью должно было бы, казалось, особенно легко мирить ее с недочетами новой власти. Но с кѣм из общественных дѣятелей я ни поворил, в том числѣ и с кадетами, все в один голос вопили: «так нельзя!» Доктор Л., тот самый, который, будучи в Екатеринбургѣ, настойчиво требовал диктатуры, теперь возмущенно рассказывал мнѣ, как один офицер, недовольный пожилым, почтенным купцом за его отвѣтъ по поводу реквизиціи комнаты, арестовал его при помощи первых двух попавшихся солдат, и потащил в комендатуру. Там он настойчиво требовал шорки купца за оскорбленіе «арміи», и только чистая случайность спасла купца: в барманѣ у него оказалась квитанція во взносѣ пожертвованія на нужды арміи в размѣрѣ шестидесяти тысяч рублей. И доктор Л.

горячо доказывал мнѣ, что режим в Перми ничего общего не имѣет с тѣм, что он видѣл в Екатеринбургѣ.

Создавшееся положеніе было таково, что даже начальник края С. С. Посников не выдержал. В апрѣлѣ он подал в отставку. Мотивы, изложенные им в письмѣ, дают достаточно полную картину. Он, между прочим, писал:

«Военныя власти до самых младших распоряжаются в гражданских дѣлах, минуя гражданскую непосредственную власть. Расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных «при побѣгѣ», аресты по доносам, передача праздничных дѣл военным властям, преслѣдованія по клеветам и доносам, а начальник края... может быть только свидетелем происходящаго. Мнѣ неизвѣстно еще ни одного случая привлеченія к отвѣтственности военнаго, виновнаго в перечисленном. Уполномоченный по охранѣ и военный контроль дѣйствуют независимо от начальника края. Военные не знающіе ни Урала, ни промышленности, разбирают сложные промышленные вопросы, критикуя специалистов. Транспорт — исключительно в руках военных, ни во что не считающих надобности населенія. Продовольствія на среднем и сѣверном Уралѣ нѣтъ, потому что желѣзныя дороги его не перевозят. Между тѣм в 250 верстах, в Шадринскѣ, лежит готоваго хлѣба 400 вагонов. То, что начальник военных сообщений общается сегодня, завтра же не выполняется. Населеніе доводится до отчаянія, а с голодными рабочими наладить и даже удержать промышленности не могу.

Мы не знаем дѣятельности министерства торговли и промышленности в Омскѣ, но для нас оно не существует. Ни одно обращеніе к нему не получает отвѣта. К денационализаци, даже к подготовительным расчетам не приступлено. Министерством труда проведен закон о больничных кассах, непримѣнимый в жизни. При таких условіях тоже нельзя руководить промышленностью.

По рабочему вопросу каждое вѣдомство дѣйствует по своему, почему тренія идут все время. Штаты по инспекціи не

утверждены три мѣсяца, а при таких условіях идти в инспекцію никто из основательных лиц не желает. Земельный вопрос остается в рамках газетных сообщений, и опредѣленные отвѣты давать населенію нѣтъ возможности. На голодном Уралѣ недостаток рабочих, и пока хлѣб не придет, они не придут. Рубка дров почти прекратилась. Урал вылавливает в мѣсяц один миллион вмѣсто четырех миллионов и сжигает старья дрова. Дальше будет еще хуже. Г. г. военные не понимают, что значит ни во что считать тыл.

В губерніи тиф, особенно в Ирбитѣ. Там ужасы в лагерях красноармейцев: умерло за недѣлю 178 из 1,600. Помощь по всей губерніи нужна очень широкая и без особых формальностей, выполнение которых не всѣм разогнанным управам по силам.

Никто спокойно не работает: всѣ опасаются преслѣдованія. Торговцы, не спекулянты, опасаются вести дѣла, потому что в этой атмосферѣ и их замѣшают в спекуляцію. Несмотря на запугиваніе, спекулянтов военные не поймали, а других от торговли отодвинули. Населенію от этого еще хуже.

Руководить краем голодным, удерживаемым в скрытом спокойствіи штынами, не могу. Не могу бороться с военной диктатурой. Не могу измѣнить порядок хода дѣл в Омскѣ: для того не призван и не компетентен».

Если так писал начальник края, то можно себя представить, что испытывало населеніе. Письмо Посникова, видимо, подѣйствовало на Омск: оттуда посылались предписанія и угрозы по адресу позволяющих себя произвол военных. Капитан Зотов был даже продан военно-полевому суду за самовольные разстрѣлы в Нижнем Тагилѣ. Военно-полевой суд приговорил Зотова к смертной казни. И что же? Зотову смертная казнь была замѣнена двадцатилѣтней каторгой, а через нѣсколько дней... Зотов разбѣжал на лихачах по городу и весело разъяснил знакомым, что ему теперь некогда идти на каторгу; теперь — война, ему надо на фронт, а вот кон-

чится война, тогда он пойдет на ка-
торгу...

3.

Общее положеніе на Уралѣ Посников расцѣпывал совершенно правильно. Не менѣе правильно указывалась им и одна из основных причин разрухи: «порядок хода дѣл в Омскѣ». А порядок этот был весьма своеобразный. По доходившим до нас свидѣніям, совѣтъ министров дѣлился на двѣ «шестерки» — из них одна Михайловская, — которыя вели между собой борьбу не за тѣ или другіе политическіе принципы, а за политическое вліяніе. Каждая «шестерка» дѣйствовала солидарно. Вънѣ этих шестерок стояли два министра (кажется Усугров и Преображенскій), которые голосовали каждый раз по совѣсти, давая тѣм перевѣс то одной, то другой «шестеркѣ». Когда какойнибудь вопрос рѣшался так, как того добивалась одна «шестерка», то члены другой, по мѣрѣ возможности и сил, старались вставлять палки в колеса при осуществленіи принятаго мѣропріятія, и, так как большинство вѣдомств связаны в концѣ концов, то такая работа прекрасно удавалась. Если прибавить к этому, что Ставка в свою очередь боролась, и весьма успѣшно, за власть с Совѣтом Министров в цѣлом, а на Востокѣ дѣйствовала «автономная» Чита, признававшая Омскую власть постольку, посольку... хотѣл атаман Семенов, то совершенно ясно, что такой механизм управленія мог очень мало производить во внѣ, затрачивая всѣ силы исключительно на внутреннія тренія.

Не обходилось и без хищничества. Так, дошло до того, что министру продовольствія, Зефинову, пришлось покинуть пост из-за довольно двусмысленной сдѣлки по закупкѣ крупной партіи чая у подозрительной фирмы «Слон». С другой стороны вышел в отставку министр торговли и промышленности, Щукин, из-за невозможности добиться ревизіи дѣл «Вопрома».

Омскій военно-промышленный комитет поступил совершенно по тому же рецепту, что Омскій комитет к.-д., т.е. самочинно объявил себя «Центральным».

Это для дѣятелей «Вопрома» было тѣм болѣе естественным, что нѣкоторые из них были одновременно и членами кадетскаго комитета и знали, как объявляют себя «Центральным» комитетом. Учинив эту операцію, дѣятели «Центральнаго» Вопрома стали получать заказы от казны, а затѣм, образовавъ почти в том же личном составѣ частное товарищество, стали передавать заказы сами себѣ на весьма не безвыгодных условіях. Добиться ревизіи Щукину оказалось не под силу: в Совѣтѣ Министров семеро высказались за ревизію, а восемь — за «продолженіе разслѣдованія». Щукин ушел в отставку, объясняя результат голосованія в Совѣтѣ Министров тѣм, что в «Вопромѣ» были слишком вліятельные члены «блока», этого своеобразнаго омскаго Олимпа. Только уже много позднѣе ухода Щукина скандал принял такіе размѣры, что нельзя было не назначить сенаторской ревизіи.

До чего дошли нравы в Омскѣ можно судить по отзыву одного из омских министров, данному им одному из бывших членов Правительства Урала, которому усиленно предлагали пост министра: «в моем вѣдомствѣ надо было бы начать чистку, начиная с моего товарища, а в нѣкоторых вѣдомствах пришлось бы начать с самих министров».

Если таков был «порядок хода дѣл в Омскѣ», то он не мог не отразиться в сильнѣйшей мѣрѣ на единственном фабрично-заводском районѣ, бывшем в распоряженіи Россійскаго Правительства, на Уралѣ.

На Уральскіе заводы лился, если не золотой, то кредитно-бумажный дождь: промышленники получили до 900 милліонов рублей (по тому времени около 300 милліонов рублей золотом) субсидій и кредитов.

Но, если тут была, несомнѣнно, и часть вполне здоровых затрат, то были и крайне болѣзненные явленія. Так, передавались заказы — на телеги и повозки, напримѣр — всѣм желающим, при чем выдавались крупныя авансы, совершенно не считаясь с тѣм, способен ли предприниматель выполнить заказ, и обезпечена ли казна хотя бы воз-

вратом выданного аванса. И, «предпринимателей», охочих до получения авансов, находилось не мало. Только потеря Урала до получения заказанных повозок и телег не дала возможности убедиться в натуре, как далек был Урал от реальной возможности выполнить заказанное количество.

Отличался тут уполномоченный Министерства Снабжения. «Уполснаб» наш мог бы быть храбрецом даже среди интендантов былых времен. Циркулировал слух и очень правдоподобный, что ревизия обнаружила выдачу им на шитье шапок ниток (они были на учете) втрое больше, чем втрое всего количества заказанных шапок. О том, что «Уполснаб» состоит одновременно членом торгового дома, которому он передает заказы, ни для кого в городе секрет не было. И одновременно «уполснаб», повидимому, имел такую сильную руку в Омске, что даже генерал Гайда не мог с ним справиться. Одно время положение «уполснаба» создалось, не лишённое оригинальности: в дни пребывания Гайды в городе он сидел в тюремной камере, а стоило Гайдё на время уезжать, и он возвращался на свое место, в свой служебный кабинет.

4

На плохую политику жизнь отвечала плохой экономикой. Урал работал плохо, производил мало, недостаточно для нужд армии. Этот ответ жизни не мог не давать себя чувствовать. Но не отдававшие себя отчету в глубоком смысле явления, рассчитывали, повидимому, излечить болезнь чисто техническим путем. Адмирал Колчак решил созвать и лично открыть в Екатеринбург акционерный съезд промышленников Урала. Администрация обязывала подпиской всех управляющих предприятиями явиться на съезд.

К 10 мая юни явились. Ни они, ни созывавшие съезд не имели заготовленной программы занятий. Адмирал открыл съезд, передал фактическое председательство Г. К. Пинсу и отбыл. За отсутствием программы съезд разбился на секции, по видам промышленности, с

тем, чтобы секции сами выдвинули свои планы подъема промышленности.

Я вошел в секцию средней и мелкой (кустарной) промышленности, выработавшей довольно стройный план координации ее в одно целое для принятия сложных заказов от казны и целесообразного распределения частей их между предприятиями, по специальностям, для чего было решено образовать общее бюро. Был выдвинут целый ряд указаний власти на необходимые мероприятия.

Когда мы вновь собрались в пленум для заслушивания докладов секций, то голос нашей секции звучал одиноко. Крупные промышленники остались тем, чем они были всегда. Их планы были не планами поднятия промышленности, в интересах момента, а ходатайствами в интересах своих. Ярко бросалось в глаза, что промышленникам даже в голову не приходило, насколько грубо-откровенно выявлялись их аппетиты. Они отвечали власти, не «вот, что мы можем вам, при наличии таких то условий, дать», а «вот, что нам хотелось бы от вас получить». А при таких условиях, при чисто эгоистических стремлениях, вполне естественно, что интересы промышленников разных отраслей неизбежно сталкивались, и требования к власти подчас были прямо противоположны.

В своей речи я исчерпывающим образом высказал все качества планов промышленников, их внутренний смысл и государственную ценность. Это не преминуло поднять против меня целую бурю. Один из промышленников даже с искренней наивностью выразил недоумение по поводу моей речи. «Кто же сам себя враг,— вопрошал он,—каждому своя рубашка ближе к телу». И он заявлял, что никогда не поверит, чтобы я сам верил в то, что я говорю.

Г. К. Пинс прекрасно использовал мою речь. После моей, его речь, в которой он признавал, наряду с обязанностями промышленников, и обязанности государства, провозгласил промышленникам мятлой, и ему удалось провести резолюцию, приемлемую для всех сторон. Но резолюция осталась резолюцией, а жизнь пошла своим чередом. Все что

власть послѣ этого пыталась сдѣлать, но нельзя сказать, чтобы улучшение серьезно почувствовалось.

Гинса я видѣл на съѣздѣ впервые. И впечатлѣніе, произведенное им на меня, было таково, что подтверждавало слухи о нем, как о «человѣкѣ», играющем первостепенную роль, но предпочитающем оставаться в тѣни и предоставлять другим проявлять, якобы свою, инициативу, а фактически — его. На съѣздѣ он проявил большое умѣнье сглаживал углы и большую выдержку, качества столь необходимыя для такой роли.

Участіе мое в съѣздѣ и характер этого участія показывают, что я нѣсколько вышел из той пассивной позиціи, которую занимал до этого. Дѣйствительно, мой скептицизм побивался фактами. Войска продвигались все вперед, из красной арміи переходили части. Что это значит? Правда, один офицер дал мнѣ очень простое объясненіе: «Не думайте, что мы идем успѣшно вперед, благодаря нашим военным качествам. Дѣло гораздо проще. Когда они бѣгут, мы идем вперед, а когда наши бѣгут, они идут вперед». Правда и то, что и на сторону красных перебѣжали, а в особенности отставали от обѣих армій, раз отступающая часть проходила мимо своих мѣст. Но при всем том, большевики вынуждены были отступать. При таких условиях, шевельно завраждывалось сомнѣніе, а не ошибаюсь ли я своей оцѣнкѣ; может быть, власть гораздо приемлемѣе для населенія, чѣм это считало я? Вправѣ ли я в таких условиях совершенно уклоняться и отходить в сторону, и не пытаться воздѣйствовать на власть, чтобы она измѣнялась, улучшалась, стала больше считаться с народом?

Мои сомнѣнія я разрѣшил тѣм, что я формулировал в преслѣ тезисом: «политическій дѣятель не может оставаться безутѣшным вдовцом». Я рѣшил сдѣлать попытку возобновить политическую работу. Чтобы нащупать почву, я рѣшил выступить с лекціей на тему: «Почему русский интеллигент должен быть демократом, но не социалистом». Из моей попытки ничего не вышло. Отказать мнѣ в разрѣшеніи военным вла-

стямъ было неудобно. Онѣ предпочли не разрѣшать никаких «собраній», не включая общаго собранія членск карточнаго клуба, лишь бы имѣть повод доказывать мнѣ, что «теперь никакія собранія, а потому и гублячныя лекціи, вообще по нѣкоторымъ государственнымъ соображеніямъ (что разумѣется — тайна) недопустимы».

Тогда началась другая попытка. Совмѣстно с В. С. Розенблюмом, членом Ц. К. партіи эсеров, и Ф. З. Чембуловым, членом Ц. К. партіи народных сопролетств, мы образовали группу, человекъ в 15 организаторов «Демократическаго Союза». Признавая власть россійскаго правительства и верховнаго агента, какъ фактъ, союз выдвигал чисто демократическую программу, включая в нее основныя положенія Союза Возрожденія. Мы выработали платформу и устав и стали хлопотать о регистраціи союза, рассчитывая получить возможность публичныхъ выступленій для развитія союза. Устав был, послѣ долгихъ хлопотъ, зарегистрирован, но слишкомъ поздно: чуть не наканунѣ эвакуаціи Екатеринбургa.

5.

15 іюня открылась чрезвычайная сессія пермскаго губернскаго земства. Гвоздемъ сессіи былъ вопросъ о выборѣ кандидатовъ в государственное экономическое совѣщаніе.

В докладѣ управы указывалось, что еще 5 мая от председателя совѣщанія, Гинса, было получено предложеніе назвать кандидатовъ от земства, такъ какъ по «Положенію» кандидаты представляются губернскими земскими собраніями или «временно управами». Но управа не сочла возможнымъ взять это дѣло на себя, «принимая во вниманіе всю серьезность и отвѣтственность работъ в государственномъ экономическомъ совѣщаніи», и предпочла, чтобы этимъ занялось само земское собраніе, которое, «вспомня о традиціяхъ земства, обязано принять дѣятельное участіе в теоретической и организательной государственной работѣ».

Так гласила часть официальная. Фактически же управа была определенно настроена, как и все эсеры, против участия в государственном экономическом совещании. Независимо от общей эсеро-ской линии поведения в отношении правительства Колчака, их не удовлетворяла ни цель государственного экономического совещания («содействовать правительству в трудах по восстановлению и развитию хозяйственного-экономической жизни государства»), ни его совещательный характер, и возмущало то положение, в которое ставились мундци палатные органы.

Возмущаться было чем. В самом деле, в государственном экономическом совещании, кроме министров, начальники штаба верховного главнокомандующего и членов по назначению (в несравненно меньшем числе), участвовали представители самых разнообразных организаций, до двух представителей совета частных банков включительно, все — выборные. Только для земств и городов было сделано исключение: они выбирали кандидатов, из которых «не свыше двадцати» назначалось верховным правительством по представлению председателя совещания членами его.

Лучшего повода эсерам провести кампанию за бойкот государственного экономического совещания дать нельзя было, и они его использовали в полной мере и, вообще говоря, с успехом. Я стал, однако, на другую, обычную для наскадетов, точку зрения — антибойкотистскую. Надо использовать все, что возможно, в интересах народа.

Борьба была не из легких: большинство гласных крестьян прошло под эсеро-ским флагом. Но они были людьми живыми. А в это время Оханский уезд уже эвакуировался, войска отступали. И вот, огромное большинство крестьян грустило все, что возможно, на телеги, возило недозрелый хлеб на траву, и, бросивши все свое хозяйство на произвол судьбы, двинулось в неизвестную даль, спасаясь от наступающей советской армии. Это говорило ясно за то, что советская власть для крестьян неприемлема.

В частном совещании гласных я по-

ставил дилемму: выбор существует только между двумя властями: колчаковской и советской; выбирайте между ними.

Много мало лестных отзывов пришлось здесь выслушать по адресу Омска: горько жаловались крестьяне на его порядки. Но еще большие ужасы рассказывали крестьяне про советскую власть. Интересно при этом то, что они указывали, что своя «объядота» еще хуже, чем комиссары по значению. Были и безразличные. «А не все ли мне равно, как называется тот, кто меня порет: комиссар или комендант?! — заявил один из гласных крестьян.

В результате было принято следующее постановление:

«Заслушав доклад управы о выборах в государственное экономическое совещание и считая необходимым оказать всемерное содействие правительству, губернское земское собрание 66-й очередной сессии постановляет:

1) Избрать трех кандидатов в состав государственного экономического совещания.

2) В уверенности что правительство учтет разнообразие нужд Пермской губернии и утвердит всех трех представителей, обязать избранных кандидатов, в случае утверждения их членами государственного экономического совещания, отчетом перед губернским земским собранием.

В связи с этим рршением и принимая во внимание:

1) что государственное экономическое совещание по своему характеру и конструкции может быть исключительно совещательным учреждением при правительственном аппарате и ничем другим быть не может, а тем более не может явиться выразителем интересов, нужд и желаний населения;

2) что современные условия таковы, что широкие массы забывают мало по малу пережитое ими со стороны большевиков и, представляя себя неясно намерения власти, впадают в апатию;

3) что неудачный подбор органов исполнительной власти на местах, проявляющих противоборство, несмотря на не-

однократныя предписанія высшей власти, вызывает в населеніи недовольство властью вообще;

4) что регулирование чрезвычайно сложных форм современной жизни и правильное государственное строительство, как в области законодательства, так и надзора возможно только при существовании правильно организованного народного представительства, созданного на основѣ народовласти.

5) что настоящий момент требует подъема энтузіазма в населеніи для успешной борьбы с прогнившим демократическим большевизмом, как справа, так и слева, —

Губернское земское собрание постановляет обратить вниманіе правительства на неотложность принятія слѣдующих мѣр:

1. Немедленное принятіе правительством мѣр къ созыву в кратчайшій срок народного представительства на основах всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права на территоріи, освобожденной от большевиков, для законодательства по текущим вопросам государственной жизни, не предвосхищающаго воли полновластнаго Учредительнаго Собранія в коренных вопросах социальнаго и государственнаго строительства нашей родины, и для контроля над органами исполнительной власти.

2. Твердое и категорическое заявленіе правительства о том, что избирательный закон в органы мѣстнаго самоуправления, волостные, уѣздные и губернскіе будет основан на тѣх же началах всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

3. Прекращеніе проявляющейся системы недовѣрія къ органам мѣстнаго самоуправления и внушеніе мѣстным властям необходимости внимательнаго отношенія къ голосу выборных учреждений в вопросах административной практики и пресѣченія всякаго произвола.

4. Созданіе законных гарантій гражданских свобод, которыя позволили бы общественности выйти из опаснаго состоянія апатіи и принять участие в общей работѣ по возрожденію страны.

5. Внесеніе путем опредѣленной и яс-

ной земельной политики в крестьянскую массу твердой увѣренности, что земля останется за трудовым крестьянством.

6. Принятіе энергичных мѣр къ реальному проведенію в жизнь законов, направленных къ охранѣ труда рабочих.

В виду остраго положенія Пермской губерніи, находящейся в прифронтовой полосѣ, и опасности возможнаго психологическаго перелома в народных массах, довести о настоящем постановленіи по телеграфу до свѣдѣнія Верховнаго Правительства с указаніем на необходимость безотлагательнаго проведенія в жизнь вышеуказанных мѣропріятій».

Положеніе гласных эс-эров-интеллигентов, вынужденных, в силу партійной дисциплины, выступать против подобнаго постановленія, было не из легких.

По мѣрѣ сил, но явно по обязанности, они возражали, и это не помогло.

Приступили къ выборам. Первым кандидатом пришел я, вторым — Н. А. Вармунд, старый земец, по политическим взглядам — то, что именовалось в 1905 году «лѣвѣе к.-д.», третьим — А. В. Подшивалов, личность мало замѣтная.

Мнѣ мало улыбалось ѣхать в Омск, хотя бы уже по одному тому, что город — не из особенно пріятных. Но отказываться от баллотировки я не чувствовал возможности. Я утѣшался тѣм, что, при моей репутациі «сопозитионера», или Гинс меня не представит, или адмирал Болчак не утвердит. Я был увѣрен, что утвердят одного Вармунда.

Тотчас послѣ выборов ко мнѣ подошел крестьянин, только в эту сессію ставшій гласным.

— Вы кто будете? в деревню вернуть, спрашивать будут, — говорит он.

— Фабрикант... — отвѣчаю я.

Физиономія собесѣдника вытягивается.

— Инженер... — тяну я.

Физиономія — не лучше.

— Член Учредительнаго Собранія, — заканчиваю я.

Лицо собесѣдника расплывается в широкую улыбку, и он заявляет:

— Ну, так-то лучше. Это у нас уважают.

Вторым важным вопросом сессіи бы-

ло заключение, запрошенное правительством у земства, о проектируемом земельном законѣ.

Пункт 5 принятого земским собранием постановленія показывал, что крестьян-весьма волнует туманная политика Омска в вопросѣ о землѣ. В самом дѣлѣ, из появившейся весной деклараціи крестьянамъ было ясно одно: что «всѣ, в чѣмъ пользованіи земля сейчасъ находится, всѣ, кто ее засеял и обработал, хотя бы не былъ ни собственникомъ, ни арендаторомъ, имѣютъ право собрать урожай».

Что касается дальнѣйшей участи земли, то, хотя и была ссылка на то, что окончательно вопрос о ней будет рѣшенъ «Національнымъ Собраніемъ», но в общемъ декларація была изложена так, что можно было ее понимать всячески.

Крестьянинъ не довѣрялъ, и двусмысленная земельная политика Омска далеко не располагала къ нему крестьян.

Наиболѣе захватившій в данный моментъ крестьян-гласныхъ вопросъ былъ — о возвратѣ земель, захваченныхъ крестьянами у крестьян. Одни изъ гласныхъ были за возвратъ земли, другіе — противъ. Я былъ на сторонѣ первыхъ. Пренія приняли чрезвычайно страстный характеръ.

В перерывѣ ко мнѣ подошла группа крестьян.

— Какъ же быть, Л. А., — обратился одинъ ко мнѣ, — все шли вмѣстѣ, а теперь вы с нами разошлись.

— Л. А. правъ, — отозвался другой.

— Вы что, изъ захватившихъ землю? — спросилъ я перваго.

— Захватить не захватили, а по сѣвѣсти между собой передѣляли.

— Сколько же у васъ теперь земли на живую душу?

— По 15 десятинъ.

— А если вернете, сколько будетъ?

— По 10 десятинъ.

— Такъ этого вамъ мало?

— Мало не мало, а по 15 всетаки лучше.

— Такъ вы, значитъ, хотите по эс-эровски?

— Да, они правильно говорятъ.

— А вотъ придутъ сюда тульскіе и ряжанскіе крестьяне. Будете дѣлиться с

ними поровну? Вѣдь тогда, дай Богъ, чтобы по три десятины на душу пришлось.

— А зачѣмъ имъ сюда приходиться? Пусть тамъ между собой, какъ хотятъ, такъ и дѣлятъ.

Противники захватившихъ поддерживали меня: у нихъ захватили. Такъ рѣшили вопросъ обѣ стороны, прошедшія и та и другая подъ эс-эровскимъ флагомъ.

Споръ закончился обращенной ко мнѣ просьбой найти компромиссъ, но тутъ я оказался безсиленъ.

Частныя бесѣды мои послѣ этого съ тѣми, кто стоялъ на «эс-эровской» точкѣ зрѣнія и защищалъ захватъ, ярко показывали отношеніе крестьянъ къ социализаціи земли. В одинъ голосъ заявляли они, что обрабатывать землю, какъ слѣдуетъ, не жалѣя труда и удобренія, никто не станетъ, не имѣя твердой увѣренности, что дальнѣе передѣловъ не будетъ, и что земля не перейдетъ къ его дѣтямъ. Подъ эс-эровскимъ флагомъ были типичные собственники.

По пути в Екатеринбургъ, в вагонѣ, у меня завязалась бесѣда съ двумя эс-эрами: председателемъ и членомъ Камышловской земской управы. Первый былъ интеллигентъ, второй — крестьянинъ. Я развивалъ мысль, что в концѣ-концовъ, какъ бы ни разрѣшенъ былъ земельный вопросъ, по кадетской ли или эс-эровской программѣ, крестьяне мало-по-малу, будучи большинствомъ в странѣ, заставятъ черезъ законодательный корпусъ измѣнить законъ: сначала перейти отъ ограниченнаго пользованія землей къ неограниченному, а затѣмъ и къ собственности на землю.

— Правильно, — заявилъ членъ управы.

— Хорошъ эс-эр! — строго отозвался председатель.

— Чувствовалъ я всегда, что в нашей программѣ что-то неладно, да сообразить не могъ, что именно. Вотъ теперь, спасибо Л. А., онъ разъяснилъ.

Вернувшись в Екатеринбургъ, я приступилъ къ обычнымъ моимъ занятіямъ. Группа Демократическаго Союза готовилась къ выборамъ в городскую думу в противовѣстѣ Національному Союзу, в которомъ А. С. Бѣлоруссовъ терпѣлъ большія разочарованія. Входящія в него нѣкоторыя группировки оказывались до того реак-

ціонними, що Бѣлоруссов разошелся с ними в чрезвычайно рѣзких тонах.

Совершенно неожиданно для себя, я за утренним чаем прочел в газетѣ телеграмму о своем назначеніи членом Государственного Экономическаго Совѣщанія, а на слѣдующій день я получил телеграмму от Г. К. Гинса с просьбой пріѣхать поскорѣе. Дѣлать было нечего. Приходилось принимать послѣдствія собственной настойчивости.

28 іюня я выѣзжал в Омск. На вокзалѣ пришлось ждать мучительно долго. С часу на час откладывался приход поѣзда из Перми. Когда он, наконец, пришел, мы узнали потрясающую новость: это

— вѣроятно, послѣдній поѣзд из Перми. Пермь эвакуируется!

Это было все, что можно было узнать. Подробностей не было. А в Екатеринбургѣ все было совершенно спокойно. Да и чего было беспокоиться?

Наши войска прошли от Екатеринбурга до Перми около полугода. Значит, в худшем случаѣ, и мы имѣем по меньшей мѣрѣ еще столько же времени: Уральскій хребет лежит между нами и Пермью!

И выѣзжая, я отнюдь не предполагал, что катастрофа приближается с такой скоростью, как оказалось, и что я уѣзжаю из Екатеринбургa на долго.

Конец третьей части.

ЧАСТЬ IV.

РАСПЛАТА.

(ИЮЛЬ 1919—АПРѢЛЬ 1920 ГОДА).

ГЛАВА XXV.

Приезд в Омск. — «Общежитие». — Оппозиционное большинство в Г. Э. Совещании. — Экономика и политика. — Эвакуация Екатеринбургa и впечатление от нея. — Вопрос о расширении компетенции Г. Э. Совещания. — Доклад генерала Андогского. — Возмущение адмирала Колчака. Угроза разгона. Ауденция. Успокоение. — Санитарное состояние и снабжение армии. — Действительный и списочный состав армии. — Непомёрные штаты. — Падение курса рубля. — Попытка Устругова. — Омские министры.

1.

В Омск я прибыл 1 июля. Первой заботой было найти себѣ пристанище. Это было в тот момент не так просто. О гостиницѣ и мечтать было нечего. Заѣхал к знакомому. В канцелярии Государственного Экономического Совѣщанія я узнал, что для членов его устроено два общежитія. В лучшее из них я и направился. «Общежитіем» оказалась одна комната. Продольныя стѣны ея были заняты установленными вдоль койками (по четыре у каждой стѣны) вплотную друг к другу. Между этими двумя рядами коек с небольшими проходами с обѣих сторон стояли в притык длинныя узкіе столы. Вот и все! Можно было или сидѣть за столом или лежать на своей койкѣ. В таких прозах я и застал членов Государственного Экономического Совѣщанія, одних за занятіями, других за довольно шумной бесѣдой за столом.

Найдя обстановку мало приспособленной как для жилья, так и для занятій, я на всякій случай абонировал себѣ одну койку, но предпочел пока диван моего знакомаго, впредь до лучших дней; в общежитіе я до конца пребывания в Омскѣ не переѣзжал. Но «общежитіе» осталось у меня в памяти: оно прекрасно иллюстрировало отношеніе власти к представителям общественности, которых она звала к себѣ на помощь.

Государственное Экономическое Совѣщаніе открылось до моего приѣзда (19 июня). Я оказался заочно выбранным в финансовую комиссію. При этом проявился весьма характерный психологически

штрих. Члены Государственного Экономического Совѣщанія разбились в нем не на фракціи по партійным признакам, а на группы по характеру представительства: торгово-промышленную, кооперативную, казачью, академическую и земско-городскую.

Распределеніе мѣст в комиссіях было пропорциональное, и каждой группѣ представлялось давать в комиссію представителей по своему усмотрѣнію. Такое соглашеніе было, разумѣется, завуалированным. Мою кандидатуру выставила земско-городская группа.

И вот, при выборах финансовой комиссіи оказалось, что я получил меньше записок, чѣм всѣ остальные кандидаты. Натура торгово-промышленников сказала: они предпочли нарушить соглашеніе, чѣм голосовать за меня.

В составѣ членов Государственного Экономического Совѣщанія я нашел лиц, которых менѣ всего ожидал встрѣтить. Тут были: Бужейханов; старый шликсельбуржец, эс-эр В. С. Панкратов; бывший глава Амурскаго правительства, эс-эр А. Н. Алексѣевскій; перешедшій в 1917 году от эн-эсов к эс-эрам Н. П. Огановскій

Характерным, между прочим, было то, что Огановскій был членом Государственного Экономического Совѣщанія не по выборам, а по назначенію. В числѣ членов по назначенію был также В. А. Виноградов и ряд лиц из «представителей науки», явно-оппозиционно настроенных к правительству. К послѣдним приходилось отнести и Н. А. Вармунда, второго

кандидата Пермского губернского земства, которого также утвердили.

Таким образом, земско-городская, кооперативная и частью академическая группа составляли вместе весьма внушительную «опозицию». Это позволило выбрать товарищем председателя Государственного Экономического Совещания В. А. Виноградова, а секретарем — Н. А. Алексеевского. «Опозиция» была в большинстве. Гинс так бы старался проводить в Государственное Экономическое Совещание оппозиционеров.

Такое скопление разнородных представителей оппозиции не могло не ставить перед ними политического вопроса: как же быть дальше? Идея обособления экономики от политики сама по себе, конечно, — абсурд.

Какой бы мы «экономический» законопроект ни обсуждали, какой бы «экономический» доклад министра ни заслушивали, «политика» лезла изо всех щелей. А тут как раз шли доклады министров.

Петров, министр земледелия, выступил с очень туманным и пустым докладом об общей экономической политике правительства.

Шумиловский (соц.-демократ-меньшевик), министр труда, выступил с докладом о политике правительства в области рабочего вопроса, доказывая, что «в заботах о рабочих идет дальше австралийского законодательства».

А рядом с ним в совете министр в сидел министр внутренних дел, В. Н. Пензенев, и проектировал, как до нас доходили слухи, восстановление института земских начальников. Австралийское законодательство и... земские начальники! Абсурд слишком явно бросался в глаза!

Шумиловский, конечно, увлекался, когда полагал, что он опережает австралийское законодательство, но в общем его доклад встретил сочувствие.

Во время перерыва я предложил закончить прения формулой перехода, одобряющей политику министерства труда. Поднялся спор. Доказывали, что мы не имеем права одобрять, иначе придется признать за нами право и не одобрять;

ссылались на то, что доклад Петрова был оставлен без ответа (это было до моего приезда).

Я отстаивал свою точку зрения, что, раз нам делают доклад, то мы вправе ответить на него и одобрением и неодобрением, что наше одобрение доклада Шумиловского только подчеркивает молчание по докладу Петрова. Я настаивал на одобрении доклада Шумиловского, указывая на политическую целесообразность такого шага, чтобы рабочие Урала, где мы отступаем, знали, чего они могут от Омска ожидать. Это убедило. Одобрительная формула перехода была принята.

В речах ораторов в заседаниях Государственного Экономического Совещания стали звучать политические ноты. Мы переходили неизбежно от экономики к тесно связанной с ней политике. Неотступно становился вопрос о замысле Государственного Экономического Совещания органом народного представительства. К разработке вопроса мы и приступили.

2

В середине июля советские войска заняли Екатеринбург. В течение двух недель они прошли от Перми тот путь, который они в свое время отдавали постепенно в течение полугода.

Если у них в свое время было отступление, то мы теперь имеем налицо не отступление, а бегство. Иначе нельзя назвать отход на 350 верст в течение двух недель, да еще при необходимости перехода через Уральский хребет.

Подробности «эвакуации» были прямо ужасающи. Еще за два дня до объявления эвакуации Екатеринбурга приказ коменданта грозил военно-полевым судом за распространение ложных слухов, «сбьющих панику: никакой опасности Екатеринбургу нет. Еще за два дня до эвакуации в реквизированном «для военных надобностей» у Биржевого Комитета особняк заканчивался ремонт квартиры для начальника штаба армии, и его супруга перевозила туда роюль. Эвакуация была так же стремительна и неожиданна, как и из Перми. Колоссальные запасы во-

онного имущества и всякаго другого попали в руки совѣтских войск.

Для частных лиц, желающих эвакуироваться, в поѣздах мѣст не было: в поѣзда допускались лишь лица, близкія военным. Как и из Перми частныя лица выѣзжали на лошадях, и вереница телег шла от Екатеринбургa до Тюмени, растянувшись верст на триста.

Из Екатеринбургa, как и из Перми, эвакуировалась вся буржуазія и вся интеллигенція, почти без исключенія. Из Нижне-Исетскаго завода (верст около 15 от Екатеринбургa) собирались, в случаѣ прихода большевиков, эвакуироваться рабочие и заранѣе заготавливали для стариков припасы.

Но за недѣлю до эвакуаціи Екатеринбургa, туда пришел отряд одного из сибирских атаманов. В Нижне-Исетскѣ он занялся розысками святаго с пьедестала памятника Александру II, перепорол при этом много рабочих, и они рѣшили... остаться.

С публикой при эвакуаціи не стѣснялись. Тут же отбирали лошадей у эвакуирующихся. И масса двигалась с ужасом перед наступающими и с проклятием по адресу власти, никого не предупредившей, не позаботившейся ни о ком, ни о чем.

Беспорядок при эвакуаціи Екатеринбургa доходил до того, что нельзя было добиться от военных властей грузовиков для перевозки литографіи, равной которой правительство не располагало, и в которой печаталось до 70% «сибирок» (обязательств казначейства, замѣнявших кредитки). Грузовики были заняты перевозкой солдатских шинелей, что можно было дѣлать и на лошадях. Так литографіи и не эвакуировали.

В довершеніе всего оказался отрѣзанным отряд генерала Пепеляева, при чем злые языки утверждали, что это было не случайностью, а слѣдствіем таких распоряженій частям арміи, при которых Пепеляев не мог не потерять связи.

Все это не могло не потрясти членов Государственного Экономическаго Совѣщанія. Надо было принимать мѣры съоружья. Думать в таких условіях о созывѣ представительнаго органа нельзя было:

времени нѣтъ. Значит, необходимо расширить компетенцію Государственного Экономическаго Совѣщанія.

Чѣм оно должно быть: органом законосовѣщательным или законодательным? Разумѣется — законодательным.

Но можно-ли так ставить вопрос в условіях момента?

По отзывам близко стоявших к адмиралу Колчаку, он был уже не тот, что в ноябрѣ: тогда он с удовольствіем, говорили они, отдал бы власть другому, а теперь... попробуйте! Даже слишком стремительное движеніе арміи вперед объясняли двумя причинами: одной — подталкиваніем со стороны союзников, обещающих признать Россійское Правительство, когда оно будет «на берегу Волги»; другой — стремленіем опередить Деникина и взять Москву раньше его.

Вокруг адмирала создавался своего рода «двор», его окружили «шелтуны», Жардецкій ежедневно появлялся у адмирала к чаю в 4 — 5 часов дня. Адмирал знал цѣну своему окруженію, не стѣснялся в весьма энергичных эпитетах по его адресу, но другимъ людей не находил, и другого вліянія на него не было.

Значеніе совѣта министров отошло на второй план. Господствовали военные и связанные с ними отдѣльные министры, как Михайлов или Сукин и еще нѣкоторые, входившіе в совѣт. Верховнаго Правительства и образовавшіе нѣчто вродѣ Звѣздной Палаты.

При таких условіях нужна была большая осторожность в предложеніях. Надо было не раздражать адмирала, не давать слишком больших козырей военным и Жардецким.

Рѣшено было поэтому ограничиться требованіем законосовѣщательнаго органа, учитывая, что он уже сам неизбежно потребует законодательныхъ прав.

Кромѣ того, нельзя было особенно жаловаться на то, чтобы законодательство было особенно плохим. Плохо, и очень плохо обстояло в области управленія. Отсюда — необходимость требованія права запросов.

В результатѣ была выработана для врученія адмиралу записка. В ней отмѣчалось:

«Дѣятельность Центрального Правительства не подчинена какой либо определенной программѣ. Она случайна и зависит часто от скрытых и безответственных вліяній. Несогласованность дѣйствій между всеми вѣдомствами нарушает планомѣрную работу; военные власти вмешиваются в область гражданскаго управления, нарушая закон и элементарныя права народа. Тѣлесныя наказания применяются столь широко, что населеніе начинает выражать сомнѣніе в преимуществах власти Россійскаго Правительства перед властью большевиков. Армія, благодаря несогласованности работы вѣдомств, остается без одежды, без снаряженія, а раненые и больные — без помощи. По свѣдѣніям вѣдомств все обстоит благополучно, а, в дѣйствительности, наша боевая сила начинает разлагаться на почвѣ недостатка снабженія. В итогѣ, разобщенность и тренія между вѣдомствами, непригодность послѣдних к практической работѣ приводят к противорѣчіям между заявленными властью демократическими принципами и дѣйствительностью, и населеніе начинает терять вѣру в серьезность обѣщаній власти и намѣренія эти обѣщанія выполнить».

Выводом были требованія, из которых серьезными были два:

«Созданіе солидарнаго совѣта министров на определенной демократической программѣ» и

«Срочное преобразование Государственнаго Экономическаго Совѣщанія в Государственное Совѣщаніе — законосовѣщательный орган по всем вопросам законодательства и государственнаго управления с тѣм, чтобы всѣ законопроекты, принятые совѣтом министров, представлялись в Государственное Совѣщаніе, как в высшую законосовѣщательную инстанцію и отсюда поступали на утвержденіе Верховной Власти. Предсѣдательство в Государственном Совѣщаніи должно быть возложено на лицо, не входящее в состав совѣта министров. Государственному Совѣщанію предоставить права: а) законодательной инициативы; б) рассмотрѣнія бюджета; в) контроля над дѣятельностью вѣдомств; г) запроса ру-

ководителям вѣдомств; д) непосредственнаго представленія своих постановленій Верховной Власти».

Записка вызвала возраженія справа. Она мѣняла конституцію 18 ноября, по которой законодательная власть принадлежала Верховному Правителю совместно с совѣтом министров. (Поэтому законопроекты — экономическіе и финансовыя — вносились в Государственное Экономическое Совѣщаніе отдѣльными министрами, а затѣм уже из него шли в совѣтъ министров).

По нашему проекту единственным законодателем являлся Верховный Правитель, но он не мог принять закона до его рассмотрѣнія в проектировавшемся Государственном Совѣщаніи.

Наша «правая» не хотѣла никакой ломки. Ей хотѣлось путем давленія получить «своих» министров и только.

Часть «центра» из академической группы, большей частью из лиц, состоявших на государственной службѣ, прістѣпительно уклонилась, отойти подальше от грѣха.

Нѣкоторые находили, что запросы несвоевременны.

Если наша записка была неприемлема для «правой», то не без колебанія подписал ее А. Н. Алексѣевскій: она для него была слишком умѣренной.

Трудным было также положеніе подписавшаго записку В. А. Виноградова, входившаго в состав Восточнаго Отдѣла Ц. К., относившагося рѣзко отрицательно к «парламентаризму». (Меня это не касалось, ибо я открыто «Азіатскаго Отдѣла» не признавал и дѣла с ним не имѣл).

Подписали записку всего 19 членов Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, в том числѣ нѣкоторые, входившіе в состав «блока», и среди них один из столпов его, кооператор А. В. Сазонов. Было рѣшено, что записку адмиралу представит делегация. Получить аудіенцію было не просто; с назначеніем ея тянули. Мы рѣшили поэтому ждать возвращенія Гивса из отпуска.

Тѣм временем генерал Андогскій выступил в закрытом засѣданіи Государственнаго Экономическаго Совѣщанія с

докладом о положеніи дѣл на фронтѣ. Доклад был не из веселых. Он рисовал матеріальное состояніе арміи в весьма печальных тонах: армія была раздѣтая и босая. Подчеркивал генерал и отсутствіе лозунгов для арміи, в то время, как у большевиков они имѣются. Теперь нужны лозунги «от брюха», говорил генерал. Большевики их дают, а у нас их нѣтъ.

Доклад Андоговаго был весьма умѣлый. Он говорил много, но сказал очень мало. Так как из его объясненій видно было, что армія противобольшевистская во много раз превышает совѣтскую, то я задамъ ему вопрос, чѣмъ же в такомъ случаѣ объясняется наше отступленіе?

«Старой нашей болѣзью: незначительной численностью арміи на фронтѣ в сравненіи с арміей в тылу», отвѣтил Андогоскій.

Задавали и другіе вопросы. Так, Алексѣевскій задамъ вопрос: вѣрно-ли, что придется отступать за Тоболъ?

Не помню, что отвѣтил Андогоскій, но через пару дней стало извѣстно, что адмирал крайне раздражен и самым фактомъ доклада Андоговаго, что выходило за пределы нашей компетенціи, и вопроса ми (в особенности Алексѣевскаго), которые предлагались Андогоскому.

Передавали, что в совѣтъ Верховнаго Правительства адмирал стучал кулаком и кричал: «совдеп! разогнать!».

По окончаніи слѣдующаго засѣданія Государственнаго Экономическаго Совѣщанія нам передавали, что в зданіи была наготовѣ рота, чтобы нас разогнать. Это вызвало у нас смѣх. Для того, чтобы разогнать нас достаточно было много меньше роты. Достаточно было бы не только указа, но объявленія, вывѣшеннаго у дверей. Никто из нас народнымъ представителем себя не считал, да и депутатской неприкосновенностью мы не пользовались.

С пріѣздом Гинса наступило успокоеніе. Гинс добился аудіенціи для делегаціи. Мы ждали ея возвращенія с нетерпѣніем. Вернувшись, делегаты сообщили, что их очень удивило, когда, войдя в кабинет адмирала, они застали в нем и Гинса. Адмирал, рассказывая де-

легаты, плохо понимал, чего, собственно говоря, мы хотим. Он объяснял все неурядицы тѣм, что людей нѣтъ вообще, а честных — в особенности. Удовлетворило адмирала элементарное объясненіе Н. А. Вармунда, что представительный орган, главнымъ образом, нужен для того, чтобы населеніе могло жаловаться через депутатов на акты произвола на мѣстах. В результатѣ адмирал заявил, что он согласен на преобразованіе Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, что есть нѣсколько проектов по этому вопросу, и что они будут поставлены на обсужденіе.

Характером пріема делегація осталась в общемъ довольна.

Впечатленіе о политическомъ уровнѣ адмирала делегація вынесла весьма неблагоприятное: чересчур элементарен!

Обсудив доклад делегаціи, мы рѣшили, раз идетъ рѣчь о нѣсколькихъ проектахъ преобразованія Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, выступить и со своимъ.

3.

Работы в комиссіяхъ Г. Э. Совѣщанія выясняли крайне печальное состояніе государственнаго управленія.

С санитарной частью обстояло болѣе, чѣмъ неблагополучно. Число больных в арміи росло с каждымъ днем. Почему?

— Армія разута и раздѣта, — отвѣчали врачи.

Перед нами в санитарной комиссіи си дѣла цѣлая шеренга представителей разныхъ вѣдомствъ, крайне перепутанныхъ между собой в дѣлѣ снабженія арміи.

— Итак, безусловно доказано, что ми нистерствомъ снабженія дѣйствительно куплено и доставлено по четыре комплекта бѣлья на каждаго солдата по списочному составу арміи. С другой стороны показано, что солдат ни одного комплекта не получил, почему и производится принудительный сбор бѣлья с населенія. Наконец, на базарѣ продается ка оенное бѣлье. У кого же из васъ пропало бѣлье? — обращаюсь я к представителямъ вѣдомствъ.

Слово беретъ главный интендантъ.

«Мнѣ особенно тяжело выступать, я

ворит он, так как знаю отношение к интендантам. Но я — строевой офицер, инвалид. Я только теперь стал интендантом. И я скажу, что ругали мы во время великой войны интендантство, но такого безобразия, как теперь, никогда не было. Что я такое теперь? — Бухгалтер! Я только заново пишу, что куплено по данным министерства снабжения и что отправлено по распоряжению штаба армии. Товаров самых мы никогда не видим».

«Чтобы вы поняли что у нас творится, могу рассказать вам следующую факт. Получаю телеграмму от интенданта из Тюмени. Спрашивает, должен ли он исполнить телеграфное распоряжение «Снабзаша» из Троицки. Ничего не понимаю: насколько знаю, «снабзаша» — начальник снабжения западного фронта — упрямлен. Поэтому рѣшаю телеграфировать в Троицк «снабзашу»: телеграфируйте, кто вы такой? Проходит мѣсяц, получаю письмо, что «снабзаша» теперь — начальник снабжения западной армии. А я и понятия не имѣл, что теперь такой существует».

«Другой случай: мѣсяца полтора тому назад получаю извѣщеніе, что должность Главнаго Полевого Интенданта упрямляется, и что его функции возлагаются на меня. Жду передачи мнѣ дѣл. Раз приходят и докладывают, что привезли какіе то возы с «дѣлами» и спрашивают, куда складывать. Оказывается, в этом — вся сдѣла мнѣ управления полевого интендантства. Вот уже мѣсяц, как сидят мои чиновники и разбираются в дѣлах, а я по сей день не знаю, какія обязанности мнѣ переданы». И главный интендант разрыдался до того, что ему стало дурно, и его пришлось успокаивать.

Добиться, гдѣ пропало бѣлье, так и не удается. Механизм снабжения армии усложнен до невѣроятія. Среди представителей вѣдомств недостает одного — представителя ставки, но ставка для нас недостижима. Злоупотребленія на лицо, но добиться толку нельзя. Выясняется наличность огромных злоупотребленій с медикаментами на Дальнем Востоке, до ставки нигде негодных хирургических

инструментов по бѣшенным цѣнам. Недосток шинелей ведет к простудѣ. Тифозная эпидемія растет, и врачи рисуют нам зривую хода эпидеміи, указывают предусмотрѣнный медицинкой неизбѣжный рост ея и, с карандашом в руках, вычисляют, что скоро мы должны оказаться без аравіи. Но главный военный инспектор непосредственного доклада у Верховнаго Главнокомандующаго на имѣет и ничего добиться не может.

Не лучшія свѣдѣнія доходят и из комиссіи по продовольствию и снабженію. Доходят слухи, что представитель Франціи протестует, что из 30,000 шинелей, присланных из Франціи, въ плечи солдат попало всего семь тысяч: французскіе плательщики налогов не желают платить их для того, чтобы разворовы вали.

В бюджетной комиссіи, при разскаотрѣннн смѣты государственнаго контроля, задаю вопрос государственному контролеру, Краснову, производится ли контроль на фронтѣ и как?

— У меня имѣются полезные контролеры, — отвѣчает Краснов.

— Как проверяется снабженіе и продовольствіе, по списочному составу или по дѣйствительному?

— По списочному, так как проверять дѣйствительный состав на фронтѣ очень трудно.

— Но вѣдь вы можете от военнаго министра узнать дѣйствительный состав?

Краснов шнестя и с трудом пронзает сит:

— Военный министр сам на днях спрашивал меня, не могу ли я через моих полевых контролеров выяснить состав армии на фронтѣ и сообщить ему.

— Если так, то не полагаете ли вы, что между списочным и дѣйствительным составом существует разницца?

— Не полагаю, а увѣрен.

— А как вы ее, хотя бы приблизительно, оцениваете?

Наступает длинная пауза, и Краснов упрямом выпаливает:

— В пять раз!

Отвѣт этот, буквально ошеломляет нас всех. Как? значит отшусается в

пять раз больше, чѣм нужно, и при всем том люди не одѣты, не обуты и не набортованы? Необходимо, значит, усилить контроль, увеличить его состав! Надо признать, что государственный контроль прямо бездѣйствует!

Все удивляются, и тѣм болѣе, что Краснов, как рѣдкое исключеніе среди министров, пользуется общим уваженіем. Разводят руками.

Недоумѣніе Краснов разсѣивает:

— Хорошо говорить: усилить контроль! Надо понять положеніе полевых контролеров. На днях один из них сумелъ произвести контроль, как слѣдует. Генерал, усмотрѣвъ в его дѣйствіях «оскорбленіе», арестовал его и предал военнополовому суду. Контролеру грозил расстрѣл. Пришлось мнѣ поѣхать лично ко Верховному, и только этим путем удалось с трудом спасти контролера от вѣрной смерти. При таких условіях не легко находить хороших людей для полевого контроля. Теперь по приказу адмирала начали устраивать инспекторскіе смотры, что позволяет болѣе или менѣе подочитывать вѣличныи состав.

И тут, в области контроля, мы упирались в тот военный произвол, который был альфой и омегой омской мудрости.

С перваго взгляда может показаться странным, как могли военныя власти не знать численности арміи. Объяснялось это очень просто: командующим арміями предоставлялось производить мобилизацію на мѣстах, а они осведомляли центр о результатѣ мобилизаціи, как Бог на душу положит. Моя попытка через генерала Шереховскаго, вѣдавшаго мобилизаціоннымъ отдѣломъ ставки, узнать, гдѣ находится одинъ близкій мнѣ офицер, окончилась неудачей. Шереховскій откровенно говорил мнѣ, что в ставкѣ ничего не знают. Между тѣм в ставкѣ штат был вѣроятнo велик. В ней насчитывали свыше 2,000 человекъ и эту цифру сравнивали со штатомъ ставки генерала Фоша, командовавшаго всеми союзными арміями, в 180 человекъ.

Генералами я, в особенности, юными генералами Омскія улицы кишѣли. Столько генералов сразу я, по крайней мѣрѣ, нигдѣ и никогда не встрѣчал. И

вмѣстѣ с тѣмъ серьезныя офицеры в бе-сѣдахъ со мной жаловались, что опытные боевые офицеры не находят себѣ при-мѣненія на фронтѣ, несмотря на то, что они рвутся туда. Давать им мелкія части штабъ находитъ неудобнымъ, несоот-вѣтственнымъ ихъ положенію, а давать крупныя части нельзя, ибо или мѣста заняты, или ихъ надо давать «своимъ», хо-тя бы и молодымъ, чтобы они имѣли воз-можность отличиться. Нешоизм игралъ огромную роль.

Штаты были раздуты в тылу не толь-ко в области военной и «морской» (бы-ло и самостоятельное Морское министер-ство), но и в гражданскихъ органахъ уп-равленія. Тут спасались и спасали от во-енной службы. Кроме того, Омскіе мини-стры любили большіе штаты, чтобы ихъ министерства казались похожими на «на-стоящія». Так, в министерствѣ иностран-ныхъ дѣлъ Сукинъ развел 16 отдѣловъ (по имѣвшимся свидѣніямъ, Нератовъ у Дени-кина обходился штатомъ в восемь чело-вѣкъ, начиная с самого Нератова и кон-чая швейцаром). А Михайлов в мини-стерствѣ финансовъ развел такой штатъ, что комиссія, подъ предсѣдательствомъ Краснова, по сокращенію штатовъ нашла возможнымъ сократить штатъ только в од-номъ центральномъ управленіи финансовъ на вѣсколько сот (!) человекъ сразу.

Такая расточительность была вѣдь вся-каго соотвѣтствія с состояніемъ финан-совъ. Единственное, что давало мало-мальски серьезный доход — это прода-жа казеннаго вина, которая была воста-новлена. Жили за счетъ печатнаго стан-ка, выпускавшаго с каждымъ днемъ все большее количество «обязательствъ госу-дарственнаго казначейства», купюрами начиная с 25 рублей, замѣнявшихъ кре-дитки. Технически онѣ были настолько несовершенны, настолько отличались да-же по цвѣту краски, что были случаи, когда Приходная Касса государственнаго банка отказывалась принимать, как фаль-шивыя, обязательства, только что полу-ченныя от Расходной Кассы.

По мѣрѣ увеличенія выпусковъ обяза-тельствъ, они, естественно, обезцѣнива-лись. Увеличенію же выпусковъ способст-вовала, помимо всего, совершенно нелѣ-

ная мѣра, предпринятая по отношенію къ двадцати и сорока рублевым «керенкам», обменъ которыхъ на «сибирски» в опредѣленный срокъ былъ объявленъ обязательнымъ. Этимъ путемъ надѣялись отгородиться отъ наплыва «керенокъ», «сло мѣръ» продвиженія на западъ».

Когда я впервые узналъ изъ газетъ в срединѣ іюня о проектируемой Михайловымъ мѣрѣ, я рѣшилъ, что это — утка. Косебать в населеніи зѣру в тѣ или другія кредитки было абсурдомъ. Не даромъ Омскомъ, какъ и правительствомъ Урала, были признаны даже областныя совѣтскія кредитки, печатавшіяся в Екатеринбургѣ. Тѣмъ болѣе опасно было бы, подвигаясь впередъ, аннулировать керенки и тѣмъ возбуждать опасенія в населеніи еще находящихся подъ совѣтской властью мѣст.

Оказалось, однако, что проектъ сталъ закономъ. И ударилъ онъ не только по тому мѣсту, котораго я опасался. По отзывамъ военныхъ, законъ этотъ отнялъ серьезный стимулъ у солдатъ: большевикетскій комиссаръ и красноармеецъ перестали быть для нихъ лироожками с начинкой изъ керенокъ. С другой стороны, на Дальнемъ Востокѣ принятая мѣра вызвала недовѣріе и къ сибиркамъ, а с этимъ я сильнѣйшее паденіе курса нашего рубля. А отсюда произошло неизбежное слѣдствіе: усиленіе выпусковъ обязательствъ, новое паденіе курса и такъ далѣе. Мы попадали в заколдованный кругъ.

Паденіе курса рубля вело къ росту цѣнъ на предметы первой необходимости, что болѣе всего отразилось на рабочемъ людѣ, оплата труда котораго всегда отставала отъ роста цѣнъ. Это не могло не волновать рабочихъ, и в особенности давало себя чувствовать со стороны желѣзнодорожныхъ рабочихъ.

Послѣднее обстоятельство побуждало мнѣ нѣстра путей сообщенія, Устругова, внести въ Г. Э. Совѣщаніе законопроектъ, лишennyй оригинальности. В основѣ его лежали слѣдующія положенія:

Каковы бы ни были цѣны на предметы первой необходимости, неквалифицированный, наименѣе вознаграждаемый, работникъ долженъ получать вознагражденіе в такой суммѣ, чтобы имѣть возмож-

ность жить со своей семьей; значит, при измѣняющейся цѣнности рубля, онъ долженъ получать и измѣняющееся в размѣрѣ денежное вознагражденіе, за которое онъ могъ бы приобрести необходимое. Такимъ минимумомъ вознагражденія является 1,6 «прожиточнаго минимума» 1 человѣка в зависимости отъ существующихъ цѣнъ на рынкѣ. Что касается вознагражденія квалифицированнаго труда, то онъ долженъ, разумѣется, вознаграждаться по степени своей цѣнности. Но градация оплаты, доступная богатому государству, недоступна бѣдному. Поэтому, если до войны градация между двумя служачими послѣдовательныхъ ранговъ была в пять рублей, т. е. в размѣрѣ половины «минимума» того времени, то, при обѣднѣннн и обезцѣннвшнхся деньгахъ, градацию приходится понизить и принять в одинъ процентъ современнаго минимума. В цѣломъ же вознагражденіе должно быть построено на такихъ основаніяхъ, чтобы при пониженіи цѣнности рубля, разница в оплатѣ квалифицированнаго труда и неквалифицированнаго уменьшалась, при улучшеніи же курса рубля увеличивалась, возвращая служащихъ всѣхъ ранговъ почти къ нормальному до войны соотношенію вознагражденія, при восстановленіи полной цѣны рубля и довоенныхъ цѣнъ на продукты.

Этимъ положеніямъ соответствовала предложенная в законопроектѣ алгебраическая формула, по которой вычислялось вознагражденіе служащихъ.

Законопроектъ привлекъ общае вниманіе. Внесеніе его сразу вызвало усложненіе в средѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. В финансовой комиссіи (предсѣдателемъ которой я былъ в это время) я выступилъ горячимъ защитникомъ этого законопроекта, провелъ его в комиссіи и былъ избранъ докладчикомъ в пленумѣ Г. Э. Совѣщанія. Тутъ мнѣ пришлось выдерживать страстную борьбу с торгово-промышленной группой, интересы которой законопроектъ, несомнѣнно, задѣвалъ. Законопроектъ мнѣ удалось провести. Горячая защита мною законопроекта создала то, что сибирскіе рабочіе круги стали поддерживать требованіе съ зведеніи «формулы Крولى». Я долженъ, однако, сказать, что

формула принадлежит не мнѣ, а математику Виноградову, служившему в министерствѣ путей сообщения; я же для внесенной им в законопроектъ формулы, как эмпирической, напел лишь правильный математическій вывод.

Вышедшій из Г. 9. Совѣщанія законопроектъ былъ принятъ совѣтомъ министровъ, о чемъ Уструговъ сообщил по линии желѣзной дороги. Недоставало только подписи Верховнаго правителя, чтобы законопроектъ сталъ закономъ. Но тутъ промышленники оказались сильнѣе рабочихъ. Были нажаты всѣ пружины, и адмиралъ совершенно неожиданно для Устругова, къ крайнему его и моему огорченію, отказалъ въ принятіи закона. Свокорыстію промышленниковъ былъ принесенъ въ жертву законъ, не только соотвѣтствующій социальной справедливости, но имѣвшій и огромную политическую цѣнность. В будущемъ, можетъ быть, историкъ оценитъ, какъ отразилось отклоненіе законопроекта на дальнейшей жизни Россійскаго правительства, и в частности, на увеличеніи числа жертвъ эвакуаціи изъ Омска.

Не собиравшись останавливаться подробно на дѣловой, будничной, работѣ Г. 9. Совѣщанія, касавшейся текущаго законодательства, отпѣчу работы, могущія имѣть цѣнность в будущемъ. Это — во первыхъ, законопроектъ «О расширеніи бюджетныхъ правъ земствъ», исполнѣ разработанный в 17 засѣданіяхъ финансовой коммисіи, и оборванный в прохожденіи в пленумѣ; во вторыхъ, законопроектъ «О переходѣ имущества безвозмездными способами», почти законченный в той же коммисіи.

Останавливаясь также только взглядѣ на министрахъ того времени, какъ они обрисовывались в выступленияхъ в Г. 9. Совѣщанія.

Пелелаяевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, выступилъ с настолько безцвѣтнымъ докладомъ, что у меня от него ровно ничего в памяти не осталось.

Тельбергъ, министръ юстиціи, главноуправляющій дѣлами Верховнаго правителя и совѣта министровъ, членъ совѣта Верховнаго правителя, произвелъ на всѣхъ членовъ Г. 9. Совѣщанія безъ исключенія опредѣленно отталкивающее впечатлѣ-

ніе своей надменностью, заносчивостью и докладомъ о томъ, какъ онъ насаждаетъ юстицію: ни ему, ни его юстиціи гнѣздо не вѣрилъ.

Преврасное впечатлѣніе своимъ докладомъ произвелъ Уструговъ. Онъ говорилъ откровенно и со знаніемъ дѣла. Его засыпали послѣ доклада вопросами. И на нихъ онъ отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ.

Какъ разъ вслѣдъ за нимъ выступилъ с докладомъ министръ продовольствія, Нежнотинъ. Красочно рисовалъ этотъ молодой человекъ, какъ блестяще обстоитъ дѣло продовольствія. И когда онъ кончилъ докладъ, со всѣхъ скамей раздались возгласы: «перерыв!»

Этотъ перерывъ длился недолго. По возвращеніи в залъ засѣданія, ни одинъ ораторъ не выступилъ. Была внесена и единогласно принята формула перехода: «За слушавъ докладъ министра продовольствія о прекрасномъ состояніи продовольственнаго дѣла и имѣя оффиціальныя свѣдѣнія о крайне неблагополучномъ состояніи продовольствія, Г. 9. Совѣщаніе постановляетъ отложить пренія по докладу до заслушанія доклада военнаго министра и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Казалось бы, отвѣтъ для министра достаточный. Но на слѣдующій день распространился слухъ, что Нежнотинъ на вопросъ одного министра, какъ проишли вчера доклады, отвѣтилъ:

«У Устругова очень неудачно: таянул, мямнил; ну, и засыпали же его вопросами. А я сдѣлалъ обстоятельный докладъ ясно, отчетливо, такъ что мнѣ даже ни одного вопроса не задали».

Военный министръ, баронъ Будбергъ, произвелъ прекрасное впечатлѣніе своей непосредственностью и искренностью. Онъ былъ назначенъ недавно, только что вернулся с фронта и рисовалъ картину, крайне неприглядную.

«Очень извиняюсь, говорилъ онъ, что позволю себѣ с этой трибуны непарламентское выраженіе, но, если вы хотите понять, что я испытывалъ отъ видѣннаго мною, скажу кратко: такъ и хотѣлось дать в морду». И мы его понимали: его желаніе было психологическимъ естественнымъ. Баронъ Будбергъ, честность и искрен-

ность которого стояла вне всяких сомнений, оказался не во дворе и быстро исчез с горизонта.

Доклада министра финансов, Михайлова, ждали с большим нетерпением, но он покинул пост раньше, чем он успел назначить свой доклад. Его взгляд на положение финансов был, однако, более

или менее известен. Весь город облетел слух, что в заседании Совета один из министров задал вопрос, есть ли основания беспокоиться о возможности финансового банкротства, на что Михайлов живо ответил: «беспокоиться г. министру не о чем, ибо мы уже обанкротились».

ГЛАВА XXVI.

Частныя совѣщанія — Назначеніе В. А. Жардецкаго. — Реакціонность омских к-д. — Ухудшеніе положенія на фронтѣ. — Настроенія в населеніи. — Отставка И. А. Михайлова. — Отказ в приемъ делегаціи Г. Э. Совѣщанія. — Уход из Г. Э. Совѣщанія группы Алексѣевскаго. — Уход чехов на восток. — Грамата и рескрипт о Государственном Земском Совѣщаніи. — Переговоры с чехами о помощи. — Разжалованіе Гайды — Смерть Бѣлоруссова. — Развал „блока“. — Демократическій Союз в Омскѣ. — Бесѣды с Вологодским, Уструговым и фон-Гойером.

1.

Разработка проекта «Положенія о Государственном Совѣщаніи», предпринятая в частном порядкѣ группой членов Г. Э. Совѣщанія, быстро подвигалась вперед. Одновременно мы часто стали собираться в «частное совѣщаніе». Чтобы рѣзче подчеркнуть частный характер этих засѣданій, в них председательствовал А. В. Сазонов.

Во время одного из таких засѣданій вдруг в зал вошел В. А. Жардецкій.

— Вы ошиблись, повидимому, В. А., — обратился к нему Сазонов, здѣсь могут присутствовать только члены Г. Э. Совѣщанія.

— Никакой ошибки нѣтъ: указом Верховнаго Правительства я назначен членом Г. Э. Совѣщанія.

Это произвело фурор. О желаніи Жардецкаго попасть в Г. Э. Совѣщаніе было давно извѣстно. Но назначеніе в него человека, совершенно чуждаго вопросам экономики, представлялось маловѣроятным. Ходили слухи, что Гинс, обычно предлагавшій для проформы кандидатов в Г. Э. Совѣщаніе Совѣту Министров перед тѣм, как представить их на утвержденіе адмиралу, раз поставил в Совѣтъ Министров вопрос: как отнестись бы Совѣтъ к кандидатурѣ Жардецкаго в Г. Э. Совѣщаніе? Это, говорили, вызвало такое изумленіе в Совѣтѣ, что Гинс послѣдним заявилъ, что он только вопрос поставил, а предложенія не вносил.

Теперь Жардецкій вступил к нам. Бы-

ло ясно, что назначеніе его было в связи с политическим моментом. Ожидали, повидимому, что Жардецкій будет пользоваться у нас политическим вліяніем. Расчет этот, однако, не оправдался ни в какой мѣрѣ. Жардецкій только нас всѣх «объединил», как это в шутку говорили. «Объединеніе» заключалось в том, что, стоило выговорить Жардецкому, как всѣ немедленно уходили из зала, оставляя Жардецкому двух — трех слушателей, в кулуары, гдѣ «объединялись» за чайным столом. Рѣчи Жардецкаго были всегда облечены в весьма красивую форму пустословіем: взять нас этим было мудрено.

В частныя совѣщанія рѣзко намѣтились двѣ группы: «лѣвая», в основѣ требованій которой лежало скорѣйшее привлеченіе к дѣлу народнаго представительства и созданіе Совѣта министров, солидарнаго на демократической платформѣ, и «правая», для которой все сводилось к персональному составу Совѣта Министров. Объединило обѣ группы определенное недовольство наличным составом Совѣта Министров. Обѣ группы разными путями, несомнѣнно, стремились к переходу от военной диктатуры к болѣе или менѣе правовому строю. Единственным, стоявшим за диктатуру и усиленіе ея, готовым оправдывать все и вся, был Жардецкій. Так называемый «Восточный Оудѣл Ц. К. партіи к.-д.» был в то время самым ярким проводником реакціи в Сибири, для чего он пользовался своей газетой «Сибирской Рѣчью».

Характер партии в этот момент прекрасно схвачен стихотворением, напечатанным в одной из омских газет (сейчас не помню, какой именно):

КАДЕТСКИЙ ПАРУС.

О, парус корабля кадетского,
Тобю правит мелкий б'йс.
От Милокова — до Жарцекаго,
Какой разительный регресс!

От Петрункевича — к лабазникам!
Внемли, читатель (да и в'брь!),
«Сибирской Р'вчи» безобразникам
«Р'вч'» указала бы на дверь.

Омские «кадеты», точно сл'пые, ничего не вид'ли, что творилось вокруг. Поражение армии ничему не научало их. С усердием, достойным лучшей участи, Кларфтон усиленно занимался распространением реакционной и погромной литературы, над'ясь этим поднять дух армии и населения. Тщетно старались воздействовать на «азиатский» Ц. К. входившие в состав его В. А. Виноградов, а зат'м и прибывшие с юга, в качестве представителей Деникина, Н. К. Волков и А. А. Червев-Водали. (В противоположность моему мн'нию, что нужно отрясти от ног своих прах подобнаго «Центрального Комитета», они считали, что нужно бороться с его большинством внутри его). Даже А. С. Б'лоруссов, и тот прозр'вал. Он уже был далеко не тот, что в Екатеринбург'е. При встречах со мной жаловался на то, что он увид'л в Омск'е. В частности, он передавал мн'е, что на вопрос И. А. Михайлову, какова же программа Сов'ета Министров, он получил отв'т: «У нас программы н'т, и никакой надобности в ней мы не видим. Мы д'лаем каждый день то, что нужно». И Б'лоруссов призадумывался, и было над ч'м.

Д'ла на фронт'е шли все хуже. Сл'дом за Екатеринбургом пали Тюмень и Тобольск. Оставалась одна Сибирь, территория, сельское население которой почти или вовсе практически не испытало советской власти так, как ее испытала Европейская Россия, и не испытало очевь

слабо. Эвакуировавшиеся крестьяне Пермской губернии были встречены сибирскими крестьянами далеко не радушно. Их рассказам не в'рили. «Что вы рассказываете? И у нас были большевики, а ничего худого мы от них не вид'ли. Вы просто врете!» Так, по словам моих земляков-крестьян, относились сибиряки-крестьяне к их рассказам о пережитом. Сократ у сибиряков-крестьян большевики еще не брали, налогами не облагали. А теперь шли мобилизация за мобилизацией, налоги брали, тайное винокурение пресл'довали, реквизировали лошадей и телеги, и, в довершение всего, пороли! А с другой стороны недостаток в предметах фабричного производства чувствовали довольно остро, а деньги обезц'нивались с каждым днем. И в крестьянстве с каждым днем усиливалось недовольство, переходившее мало-помалу в возмущение, постепенно охватывавшее Сибирь. О рабочих крутах, при таких условиях, и говорить нечего, что же в них могло правительство Болшева искать опоры в борьб'е с большевиками. В результате вся полоса отчуждения железнодорожной магистрали и прилегающие города были объявлены на военном положении. На восток был командирован генерал Розанов, жестоко расправлявшийся с населением. А это, в свою очередь, возмущало население против власти. Возмущало это и демократически настроенную интеллигенцию. В конц'е-концов, в лучшем случае власть им'ла за себя торговпромышленный класс, если можно только серьезно говорить о такой опор'е в лиц'е класса, который и в самый острый момент не способен отр'питься от основной мысли — о барыш'е.

2.

Неудачи на фронт'е всегда заставляют искать виновников, и в середине августа в жертву общественному недовольству был принесен И. А. Михайлов. Он был отставлен, как наиболее одиозная фигура. Но и тут не сум'ли сохранить надеждущим образом тайны. Вслед за увольнением Михайлова, адмирал по'хал на фронт, и, когда он вернулся, стало известно, что он изв'ст о совершившем-

ся, так как отставка Михайлова вызвала недовольство в военных кругах (Михайлов вскорѣ был назначен членом Г. Э. Совѣщанія и, послѣ одного весьма малоудачнаго выступленія по адресу своего преемника, Л. В. фон-Гейера, ступшевался).

Во второй половинѣ августа, закончив проект «Положенія о Государственном Совѣщаніи», частное совѣщаніе членов Г. Э. Совѣщанія рѣшило направить к адмиралу делегацию с этим проектом.

Проект не удовлетворял нашу «правую», с одной стороны. С другой стороны, он не удовлетворял и Совѣтъ Министров, ибо совершенно отрицал у него законодательныя права. Единственным законодателем становился Верховный правитель, которому предоставлялось принять мнѣніе или большинства или меньшинства Государственного Совѣщанія. Не знаю, вѣрил ли искренно Совѣтъ Министров, что, сохраняя участие в законодательствѣ, он «ослабляет» диктатуру, и тѣм самым он «демократичнѣе», чѣм наша «лѣвая», но Совѣтъ Министров был опредѣленно против нашего проекта.

Это, вѣроятно, имѣло известное значеніе, и, куда наша делегация явилась к адмиралу, она не была принята. Так как Гинс входил в состав Совѣта Министров, то отказ в приемѣ делегации был приписан ему, и это сразу охладило отношенія членов Г. Э. Совѣщанія и к нему, и к адмиралу, хотя в отношеніи адмирала все объясняли его слабой политической подготовкой.

Отказ в приемѣ делегации оказал очень рѣзкое вліяніе на нашу крайнюю лѣвую с А. Н. Алексѣевским во главѣ. Для Алексѣевского наш проект «Положенія» был, разумеется, крайней степенью уступки, на которую демократ мог идти. Но он шел на нее, как и нѣкоторые из нас, считая, что, может быть, при созывѣ немедленно народнаго представительства, хотя бы и с урѣзанной компетенціей, удастся еще исправить положеніе. Отказ в приемѣ делегации, а слѣдовательно, и отсрочка созыва представительнаго органа вырывала послѣднюю надежду у Алексѣевского, уже выдви-

павшаго среди лѣвой части Г. Э. Совѣщанія мысль о необходимости поиска путей примиренія с «свѣтской властью». Теперь он считал карту окончательно битой и с другими дальневосточными членами Г. Э. Совѣщанія бросил его и уѣхал на Восток. Взгляд Алексѣевского на то, что ставка Колчака бита, раздѣляла среди нас много, и ряды наши рѣдѣли. Уѣхали домой нѣкоторые профессора из Томска, уѣхал во Владивосток В. А. Виноградов. Нѣкоторые из нас, в том числѣ и я, упорно оставались и пытались еще искать пути к спасенію положенія. К сожалѣнію, с отъѣздом Алексѣевского и его группы, наше положеніе стало труднѣе: оголился лѣвый фланг, и я очутился... в крайних лѣвых. И, если при существованіи группы Алексѣевского мои предложенія казались умѣренными, то теперь равнодѣйствующая не могла не идти правѣе меня, а спасеніе было не в этом.

Чехи, со времени переворота 18 ноября прекратившіе участие в активных дѣйствіях против большевиков, теперь опредѣленно стягивались и уходили на восток. Уходили они и из Омска. Правда, распространяли слухи, что они пойдут не на восток, а на запад. Но их представитель в Омскѣ, майор Кошек, опредѣленно говорил мнѣ, что, если бы даже политически был нелезно для чехов бороться с большевиками, то нельзя не считаться с психологіей добровольцев (а армія была добровольческая), не желающих идти за одно с правительством Колчака, как реакціонным. Чехи поэтому опредѣленно пойдут на восток охранять желѣзнодорожный путь.

Оставалась послѣдняя надежда — на казачество. Оно и было подяято. В первой половинѣ сентября начались нѣкоторые успѣхи. Так, был обратно отбит Тобольск. Но какіе успѣхи были в направленіи Челябинска.

Военный успѣх был найден основаніем для постановки вопроса о представительном органѣ, по инициативѣ якобы, самой власти. Грамотой Верховнаго Правителя от 16 сентября торжественно возмѣщалось о рѣшеніи со-

звать «Государственное Земское Совѣщаніе», которое, «составленное из людей, близких землѣ, должно будет озабочиться вопросами укрѣпленія благосостоянія народнаго». Одновременно в рескриптѣ на имя Вологодскаго сообщалось, что Государственное Земское Совѣщаніе должно состоять «по преимуществу изъ представителей крестьянства и казачества, на которыхъ выпала главная тяжесть борьбы». Вологодскому поручалось «разработать проект Положенія о Гос. Зем. Совѣщаніи, как органѣ законосовѣщательномъ с правомъ запросовъ министрамъ и с правомъ выраженія пожеланій о необходимости законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій».

Какъ представлялъ себѣ адмиралъ Колчакъ свои предположенія? Объ этомъ можно судить по бесѣдѣ его съ А. В. Сазоновымъ, которому адмиралъ очень довѣрялъ и котораго онъ вызвалъ къ себѣ для совѣта. Адмиралъ просилъ Сазонова посоветовать, какъ дѣлать, чтобы крестьянское представительство дѣйствительно отражало волю крестьян: «не могу же я повѣрить, говорилъ онъ, что Кроль, дѣйствительно, является представителемъ крестьян, хотя они его и выбрали». Кстати, адмирала волновалъ и другой вопросъ: и такъ уже много министровъ, а до него дошелъ слухъ, что въ связи съ вопросомъ о Государственномъ Совѣщаніи члены Г. Э. Совѣщанія предполагаютъ ввести въ Совѣтъ Министровъ еще двухъ—трехъ министровъ безъ портфелей; зачѣмъ это? И Сазоновъ, самъ не особенно тонко разбирающійся въ такихъ вопросахъ, съ удовольствіемъ рассказывалъ намъ, какъ онъ уяснилъ адмиралу, что мы хотимъ, чтобы были одни министры, занимающіеся дѣломъ, а другіе — занимающіеся политикой. Это объясненіе вполне удовлетворяло адмирала. Намъ это мало удовлетворяло. Мы были увѣрены, что Жардецкій чертутуръ легко выяснитъ адмиралу всю слабость подобнаго объясненія.

Что дала торжественная грамата? Намъ — очень мало. При искреннемъ желаніи, можно было уже мѣсяцъ тому назадъ использовать готовый нашъ проектъ, преобразовывавшій Г. Э. Совѣщаніе в

представительный органъ, поспешенно превращающійся въ выборный. Населенію? — Но оно уже достаточно слышало обѣщаній и мало вѣрило въ нихъ. Мало того, то, что населеніе, можетъ быть, приняло бы съ трудомъ по инициативѣ Г. Э. Совѣщанія, при превращеніи его немедленно въ представительный органъ, оно приняло бы явно враждебно теперь: законосовѣщательный органъ, да еще въ будущемъ! Грамата никого не удовлетворила, возбудивъ лишь дополнительное недоумѣніе.

Успѣхи на фронтѣ не особенно обманывали руководящіе круги. Военная помощь была необходима. И ее рѣшили искать у чеховъ, тѣхъ самыхъ чеховъ, которымъ еще въ свое время Гриппинъ-Алвандовъ предлагалъ уходить, если имъ здѣсь не нравится, которыхъ озлилъ переворотомъ 18 ноября и которыхъ травля «патріотическая» печатъ. Чеховъ рѣшили привлечь путемъ обѣщанія имъ земельныхъ участковъ въ Сибиріи и денежныхъ выгодъ. Переговоры однако налаживались. Главнымъ камнемъ преткновенія былъ вопросъ о травлѣ печати. И тутъ рѣшился пойти на большое самопожертвованіе А. С. Бѣлоруссовъ. Старикъ, много силъ положившій на травлю чеховъ, рѣшилъ поѣхать въ Иркутскъ уприсить чеховъ пойти на помощь. Отъ него получены были извѣстія, что соглашеніе налаживается. Но тутъ произошло новое обстоятельство.

Генералъ Гайда, уѣзжавшій изъ Россіи, задержался во Владивостокѣ и вошелъ въ какую-то комбинацію съ мѣсными эсерами. Адмиралъ Колчакъ, узнавъ объ этомъ, телеграммой отдалъ приказъ о разжалованіи Гайды. Казалось бы, что чехамъ, рѣзко разошедшимся съ Гайдой послѣ переворота 18 ноября, это должно было быть безразличнымъ. Но чехи это принимали иначе: какъ-никакъ, но Гайда былъ для нихъ своеобразнымъ героемъ. Переговоры съ Бѣлоруссовымъ были внезапно прерваны, и старикъ не вынесъ скончался отъ разрыва сердца.

А военное счастье длилось недолго. Опять началось отступленіе...

3.

Въ соответствии съ грамотой Верховнаго Правительства Совѣтъ Министровъ принялъ

ся за разработку проекта Государственного Земельного Совещания. Так как у нас, как я уже говорил, был готовый свой проект, то в порядке частного соглашения было решено создать комиссию, состоящую из министров и членов Г. Э. Совещания в равном числе.

Пока эта комиссия работала, те движения, которые выяснились в Г. Э. Совещании, не могли остаться без выявления во вне. В частности, они не могли не отразиться на «блоке», в котором с одной стороны видную роль играли торгопромышленники, определенно стремившиеся к сдвигу Совета Министров, а с другой стороны, не менее видную роль играли кооперативы во главе с Сазоновым, пошедшим в Г. Э. Совещании с левым крылом, и, наконец, тянули определенно реакционную линию «кадеты» во главе с Жардцевым. «Блок» трещал по всем швам.

Чем хуже шли дела на фронт, тем более чуждыми становились друг другу в «блоке» крайние его крылья, и тем естественнее становилось тяготение его левого крыла к нам, «левым». Результатом этого тяготения явилось возрождение в Омске, основанного в Екатеринбург, Демократического Союза. Образовалась инициативная группа, в которой несколько человек, в том числе Чембулов и я, принадлежали к основателям Союза в Екатеринбург. Из кадетов, кроме меня, приняли участие в разработке платформы Н. К. Волков и А. А. Червен-Водали.

С Н. К. Волковым, членом нашего Ц. К., меня связывала совместная многолетняя партийная работа, причем мы оба принадлежали к левому крылу. В 1918 году его отбросило вправо, но, вне его вѣры в спасительность диктатуры, как тактического пути борьбы с большевиками, в остальном мы оставались единомышленниками, и нам столковаться было не трудно. Он был далек от того, чтобы быть социалистом, и был сторонником Демократического Союза.

С А. А. Червен-Водали я в Омске по-

знакомился впервые. Кадет не вѣдшей, мартовской, формации, он производил прекрасное впечатление своей мужественной прямоотой. С ним можно было не соглашаться (он был кадетом умеренным), но его нельзя было не уважать. И я с большим удовольствием отдыхал в обществе его и П. А. Бурныкина (вѣвпартийного радикала), людей искренно преданных стране, исходящих из ее интересов, а не лично своих, а это было большой редкостью в Омске. Они вместе прѣвхали от Деникина для связи с Колчаком и с искренней грустью смотрѣли на окружающее. Они признавали, что в Сибири вѣвше «демократичнее», чем на Юге, но вместе с тем говорили, что на Юге реальной законности больше чем в Сибири. Будучи сторонниками полной диктатуры в условиях момента, они тем не менее признавали, что в той обстановке, что создалась в Сибири, представительный орган необходим.

Волков, Червен и Бурныкин, (а затем и позднее прибывший Третьяков) возмѣли, повидимому, влияние на В. Н. Пепеляева, и к тому моменту (начало октября), когда образовался Демократический Союз, мы знали от них, что Пепеляев относится с большим интересом к Союзу и не прочь был-бы, если бы Союз по своему характеру ему подошел, войти в него. Нельзя сказать, чтобы нам это известие доставило удовольствие: В. Н. Пепеляев успѣл, к сожалѣнию, приобрести слишком одиозную популярность.

Выработанная Союзом платформа в общем была приемлема для Волкова и Червен-Водали. Но на одном пункте мы серьезно столкнулись: на вопросе об отношении к адмиралу Колчаку. Союз признавал власть его, как факт, с которым нельзя не считаться, и только. Волков и Червен считали необходимым, чтобы Союз выдвинул положение о власти Колчака, как власти, которую Союз считает необходимым поддерживать. На это мы не шли, и на этом мы разошлись. По выходе в свѣт платформы Союза, Восточный Отдел Ц. К.

запретил членам партии к.-д. входить в Союз.

Выяснив, что в проект «Положения о Гос. Зем. Совѣщаніи» предполагается допустить представительство от крестьян исключительно из их среды, Комитет Демократическаго Союза рѣшил выступить против этого. Мы считали, что совершенно недопустимо, чтобы крестьяне были поставлены в худшее положение, чѣм другіе классы, могущіе выбирать кого угодно в качестве защитников их интересов. Мы выработали поэтому записку в Совѣтъ Министров, в которой отстаивали право крестьян — выборщиков выставлять за подписью 5 выборщиков кандидатуры в Гос. Зем. Совѣщаніе и не крестьян и этих кандидатов допускать с совѣщательным голосом в собраніе выборщиков. Эту записку было рѣшено через делегацию вручить председателю Совѣта Министров, Вологодскому.

Делегация, в которую входил и я, была принята Вологодским. Он прочел записку, и завязалась бесѣда. Характер она носила очень вялый. Вологодскій производил впечатлѣніе человека, крайне усталого, измученнаго, которому все надоѣло. Не помню, что он нам отвѣтил, но, кажется, обѣщал наши соображенія поддерживать.

Кромѣ этого официального посѣщенія премьера было рѣшено, что отдѣльные члены Комитета посѣтят министров, симпатизирующих народоуправству, и поговорят о поддержкѣ нашего предложенія. На мою долю выпало побесѣдовать с Уструговым и фон-Гоьером. Устругов пользовался ревною опредѣленнаго демократа, что же касается фон-Гоьера, то его доклады и выступления в финансовой комиссіи, хотя и по чисто дѣловым вопросам, производили на меня очень хорошее впечатлѣніе, как идущіе со стороны человека европейскіи культурнаго и симпатизирующаго широкому массам. И к Устругову и к фон-Гоьеру я пошел очень охотно.

Я не позкажалъ о своем посѣщеніи. Бесѣды с обоими носили очень хоро-

шій характер, но в обѣих бесѣдах выяснилась у обоих министров одна общая черта.

Устругов, сын крестьянина, как он сказал мнѣ, отнесся с большим интересом к вопросу, касающемуся крестьян, но он задавал мнѣ цѣлый ряд довольно элементарных вопросов, прося заранее меня не удивляться, так как он специалист-путеец, а не политик, и даже от тонкостей избирательнаго права. Чтобы голосовать по совѣсти в Совѣтѣ министров, он должен каждый раз предварительно знакомиться с предстоящим к разрѣшенію политическим вопросом.

Фон-Гоьер еще рѣзче подчеркнул свой аполитизм. Он объяснил мнѣ, что 23-лѣтним юношей уѣхал из Россіи за границу и вернулся теперь, спустя 20 лѣт. Поэтому он мало отдает себѣ отчета в политическом положеніи во внутренних дѣлах, и считает своим дѣлом техническое и политическое руководство финансами в связи с иностранными дѣлами, которыя ему не чужды. В виду этого при рѣшеніи в совѣтѣ министров вопросов внутренней политики он большей частью от голосованія воздерживается. Поэтому и он просил меня не удивляться тѣм вопросам, которые он мнѣ задаст.

Обоим министрам пришлось отвѣтить на цѣлый ряд вопросов. Оба обѣщали обдумать и внимательно отнестись к возбужденному нами вопросу. Не знаю как в результатѣ они отнеслись, но на меня большое впечатлѣніе произвел тот фактъ, что в такой острый період, какой мы переживали, могли быть в Совѣтѣ министров министры, которые отнюдь не считали себя призванными шршнить политическіе вопросы. При таких условиях лѣтъ ничего удивительнаго, что, когда Вологодскій, чувствуя потерю своего вліянія, поставил в Совѣтѣ Министров вопрос о своей отставкѣ, записки, поданныя за кандидатов в премьеры, дали такой неопредѣленный результат между Вологодским, Пепеляевым и Третьяковым, что, не получив большинства премьером остался... все тот же Вологодскій.

ГЛАВА XXVII.

Вопрос о премьерѣ.—„Подводная война“.—„Крестоносцы“.—Вопрос об эвакуаціи Омска
Колебания.—Вѣсти о Совѣтской власти из Тобольска.—Эвакуація Г. Э. Совѣщанія.—В
пути.—Вѣсть о паденіи Омска—Иркутск и эс-эры.—Чешскій меморандум.—Оторван-
ность Колчака.—Пепеляев и земцы.—Новый Совѣт Министров.—Засѣданіе Г. Э. Совѣ-
щанія 8 декабря.

1.

Разработка Положенія о государств-
ственном Земском Совѣщаніи подвигалась
вперед туго. Одним из тормазов служи-
ло упорное отстаиваніе Совѣтом минист-
ров своего права на совмѣстное с Вер-
ховным правителем законодательство.
В концѣ-концов нашли, как будто,
выход в том, что закон из Гос. Зем. Со-
вѣщанія направляется в совѣт минист-
ров и, в случаѣ разногласія между ними,
Верховный Правитель утверждает один
из двух проектов.

Параллельно с треніями в этой обла-
сти шли тренія в вопросѣ о смѣнѣ со-
вѣта министров и, в частности, премье-
ра. Что Вологодскій политически выдох-
ся, сознавали всѣ. Но в вопросѣ о том,
къмъ его замѣнить, мнѣнія сильно рас-
ходились. «Лѣвая» общественность вы-
двигала кандидатуру С. И. Третьякова.
Как бывший член Вр. Правительства Ке-
ренскаго (послѣднато состава), он мог
импозировать буржуазіи, как прямой
ея представитель, с одной стороны, и
радикальным кругам — с другой. Но эта
кандидатура почему-то не подходила ад-
миралу Колчаку. Он ея рѣзко не откло-
нял, но по слухам, каждый раз, когда
ему эту кандидатуру предлагали, он спра-
шивал у предлагающаго, а каково его
мнѣніе о кандидатурѣ Пепеляева. А эта
фигура пріобрѣла такой одумъ в глазах
широких кругов, что общественность,
независимо от политических лагерей,
считала кандидатуру Пепеляева совер-
шенно неприемлемой. При таких усло-
віях продолжал занимать мѣсто премье-

ра Вологодскій, в общественных же кру-
гах все росло недовольство...

А военные дѣла шли все хуже и ху-
же. Опять пришлось оставить Тобольск,
куда еще недавно ѣздили Колчак. Адми-
рал все меньше сидѣлъ в Омскѣ, все ча-
ще ѣздил на фронт. К этим поѣздкам
населеніе относилось совершенно опре-
дѣленно. «Ну, теперь поѣхал Петронав-
ловск сдавать», говорили в городѣ. И,
дѣйствительно, каждая поѣздка адми-
рала сопровождалась тѣм, что, вскорѣ
послѣ его отъѣзда, селеніе или город пе-
реходили в руки совѣтских войск. Харак-
тер борьбы получился особенный. Она
в офицерских кругах получила назва-
ніе «подводной войны». «Красные» под-
вигались вперед на подводах, нагоняя
отступающих пѣшим порядком «бѣ-
лых». Прямѣру «красных» послѣдова-
ли и «бѣлые». Отбив и задержав про-
тивника, «бѣлые» заставляли крестьян
отвезти их на подводах верст за 50-60
и останавливались в ожиданіи против-
ника. Вернувшись домой, крестьяне на
тѣх же подводах были вынуждены вез-
ти подошедших «красных» в догонку
«бѣлым».

Вѣсти доходили до населенія в Ом-
скѣ, и населеніе считало приход боль-
шевиков в Омск неминуемым. Оффи-
ціальная и оффиціозная пресса заявля-
ла, конечно, очень твердо, что об эва-
куаціи Омска не может быть и рѣчи, но
в это никто не вѣрил. Издавъ был при-
каз о воспрещеніи выѣзда из Омска
лиц, моложе повѣстнаго возраста. Фор-
мировались отряды «Крестоносцев» и в
том числѣ отряды мусульман о полу-

мѣсяцем на их знаменах. Борьбѣ придавался характер религиозный. Но все это носило для мало-мальски наблюдательнаго чловѣка характер бутафорскій. Вѣры в успѣх не было, и разговоры об эвакуаціи не прекращались.

В Тобольскѣ сосредоточилась масса бѣженцев из буржуазіи и интеллигенціи с Урала и из Тюмени. Недостаток перевозочных средств позволил вывезти из Тобольска в Омск и Томск только очень незначительную часть этих бѣженцев, при наступленіи на Тобольск краевой арміи. Оставшіеся тщетно просили об эвакуаціи их. Они, вполне естественно, опасались, что с ними, как с бѣжавшими от совѣтской власти расправятся.

Но вот, совѣтскія войска побѣди в Тобольскѣ больше мѣсяца, ушли, и у бѣженцев пропала охота эвакуироваться, когда вторично началась эвакуація Тобольска. Настолько корректно держала себя в Тобольскѣ совѣтская власть. Она совершенно не преслѣдовала бѣженцев, да и мѣстные жители не страдали от нея. Даже с мѣстным духовенством, и в том числѣ с архіереем, у совѣтской власти установились корректныя отношенія. О поведеніи красноармейцев, как презвух и подчеркнуто-вѣжливых, доходили самые лестныя отзывы.

Что это означало? То-ли, что на совѣтскую власть произвели впечатлѣніе совершенно опустѣвшіе от буржуазіи, а в особенности от интеллигенціи города Урала? То-ли, что совѣтская власть рѣшила дѣйствовать на психологію Сибири вѣстями о ея кротости?

Что бы это ни означало, психологическое дѣйствіе извѣстія из Тобольска оказали на Омскую интеллигенцію огромное. Не бездѣйствовали в этом направленіи и большевитскіе агенты в Омскѣ. (Многіе из них проникали в Омск под видом возвращающихся из Германіи военнопленных).

И эти агенты сообщали отдѣльным лицам из интеллигенціи, даже причастным к политической противобольшевицкой работѣ, что они могут оста-

ваться на мѣстѣ спокойно без опасенія репрессій. Подкрѣпляли они свои слова ссылкой на факты—на Тобольск. Это дѣйствовало, и тѣм болѣе, что существующій режим в значительной мѣрѣ опротивѣл. Лица свободных профессій рѣшали в случаѣ эвакуаціи оставаться на мѣстѣ: тяжелое положеніе бѣженцев из других мѣст и полное отсутствіе помощи им со стороны власти мало располагали к тому, чтобы брѣсть насиженныя мѣста. Эвакуироваться в случаѣ чего, рѣшали только чиновники, и то главным образом из бѣженцев, если их эвакуируют на казенный счет.

Омск эвакуируется.. Омск обороняется во что-бы то ни стало.. Так мѣнялись настроенія; было уже отдано распоряженіе об эвакуаціи, затѣм оно было отмѣнено, затѣм опять пошли колебанія. Рѣшили однако создать «запасный центр» в Иркутскѣ, передвинуть туда Г. Э. Совѣщаніе и совѣт министров. В концѣ октября занятія Г. Э. Совѣщанія были прерваны указом Верховнаго Правительства, и мы готовились к переѣзду в Иркутск. Делегатія Г. Э. Совѣщанія в составѣ Червен-Водали, Щукина и Березовскаго посѣтила адмирала, принесла извѣстіе, что адмирал оставляет свой выбор премьера на Пеняевѣ, возвращенія котораго он ждет из Сибири. Что касается Омска, то Дидерихе считает болѣе разумным эвакуировать его и начинает отводить армію.

Как смотрѣли на положеніе мы?—О военной обстановкѣ мы судить не могли, не будучи ни специалистами, ни в курсѣ дѣла. Общественная обстановка говорила за то, что карта бита.

— Ёдете с нами в Иркутск, спросил я у Букейханова.

— Нѣтъ, отвѣтил он, я ѣду домой, в степь; лучше умирать дома, у себя.

Нѣкоторые из членов Г. Э. Совѣщанія, принадлежавшіе к Томской профессурѣ, ѣхали опредѣленно в Томск с твердым намѣреніем не ѣхать в Иркутск: незачѣм!

Числа втораго ноября мы погрузились на вѣтѣ. Мы ѣхали «богато»: для членов Г. Э. Совѣщанія был от-

веден один «классный вагон»... третьего класса. Остальной состав поезда для высших чинов разных ведомств и для официальной и полуофициальной прессы был из теплушек. А рядом красовался действительно богатый состав из вагон-салонов для гг. министров. Они должны были выехать вслед за нами.

Суток трое мы околичивались на путях, пока нас передвинули на магистраль да пока выпустили. Кто-то тормазил. С нашим поездом шла какая-то игра. Приезжал провѣдать нас Гинс (он ѣхал с министрами). Выяснилось, что кто-то из высоких военных, обиженный за то, что в поезд отказались принять близкаго ему офицера, заявил: «посмотрим, как этот поезд поѣдет». Пришлось прибѣгнуть к личному вмешательству Колчаня!

Челвертаго или пятаго ноября мы, наконец, выѣхали. В это время генерал Дидерихс вдруг был смѣщен, всѣ распоряженія его об эвакуаціи были отменены, главнокомандующим был назначен генерал Сахаров. Омск рѣшено защищать! Но мы прожили трое суток на вокзалѣ! И малоопытному глазу было видно, что при таких порядках-не до обороны.

2.

Нѣсколько дней задержки нашего поезда на станціи имѣли свои послѣдствія: мы очутились в «лентѣ». Из опыта эвакуаціи Урала мы знали, чѣм это грозит. Поезд за поездом, с незначительными промежутками, подвигается крайне медленно один за другим, рискуя остаться то без воды, то без топлива, то без паровоза. При долгой затайкѣ тут можно ожидать, чего угодно. И для многих из поездов, как вышедших из Омска незадолго до нашего, так и позже, «лента» закончилась трагически.

Выбиться из ленты, добиться перевода нашего поезда на лѣвый путь, было первоочередной задачей. В этом заинтересована была и власть, ибо наш поезд вез впереди нея «ея» общественность, ея прессу. Но по лѣвому пути нам шли навстрѣчу воинскіе поезда, еще недавно отправленные из Омска, в

виду рѣшенной эвакуаціи его, а теперь возвращающіеся неожиданно обратно, в виду внезапнаго рѣшенія защищать Омск.

Только на пятый день пути мы выбились на привилегированный, лѣвый, путь. Мы были однако далеко не первыми, и, значительно обгоняя поезда, шедшіе в лентѣ, мы задерживались на станціях. Мы двигались медленно.

Мы были оторваны от выѣзжаго міра: ни газет, ни извѣстій. Свободнаго времени было много. Неудивительно поэтому, что по вечерам возникали дебаты на политическія темы, превращаясь в миниатюрные митинги. В них неизбежно выявлялись «правые» и «лѣвые». Моя позиція оставалась незамѣнной: раз народоуправства нѣтъ, то большевистскими методами большевиков не побѣдить; при одиноквых методах управления, сочувствіе населенія — за большевиками, и антибольшевистская карта бита. При таких условіях я перестаю вѣрить в успѣх вооруженной борьбы с большевиками.

На правой сторонѣ твердо держался своей позиціи Н. К. Волков: нѣтъ пути, кромѣ вооруженной борьбы с большевиками, и на этом пути нужно идти кѣм угодно, не исключая атамана Семенова. Крайней правой являлся Устрялов. О большевиках он говорил с пѣной у рта и отказывался понимать, как можно подходить к вопросу исключительно разсудочным путем, как я. «Борьба не на живот, а на смерть: борьба — до конца», вот что страстно проповѣдывал Устрялов.

Интересныя свѣдѣнія о царской семьѣ сообщил нам в пути Панкратов, бывшій при Вр. Правительствѣ комиссаром по надзору за царской семьей, во время ея ссылки в Тобольск. Панкратов относился к царской семьѣ мягко, сострадательно (заключеніе в Шлиссельбургѣ не озлобило его), а к молодежи и с симпатіей. Между прочим, он разсказал нам, что от него впервые услышали царскія дочери поэмы Некрасова, в очень удивлялись, что существуют такіе хорошіе русскіе поэты.

Газеты в пути, выходящія под стрѣ-

гой военной цензурой, были пусты. Все, что я видел из Томских, Красноярских и других газет, это — то, что Екатеринбург и Пермь разбаны по всей линии Сибирской железной дороги. Не помню, где мы узнали о падении Омска, внезапном, безтолковом. Помню, что это никого из нас не потрясло, не поразило неожиданностью. Мысль направлялась вперед. Возникал вопрос: придет правительство в Иркутск в качестве правительства, или застанет там уже другое?

На расстоянии полусуток пути от Иркутска (под конец мы шли уже быстро) нас обогнал на разъездъ поезд Советов Министров. В ярко освещенном вагон-салонъ видны были знакомыя фигуры. И у нас в вагонъ некоторые высказывали мысль, что, может быть, лучше, что мы идем, хотя и с меньшим комфортом, но не с ними: кто знает, какая встреча ждет их?

3.

В Иркутск мы прибыли 18 или 19 ноября. Оказалось, что власть правительства Колчака еще существует. Первым затруднением было найти себѣ пристанище. Иркутск был перенаселен до предела. К счастью, благодаря тому, что в квартирѣ высланнаго административным порядком моего отдаленнаго родственника М. А. Кроля, стараго эс-ера, нашлась комната, я болѣе или менѣе сносно устроился.

Р. И. Кроль, как и ея муж, была партийной работницей, и ее часто навѣщали эс-еры. В этой же квартирѣ занимали комнату редактор «Чехо-Словацкого Дневника», Павел, и его помощник, Гербек. Я попал таким образом в дом, богатый информацией.

Иркутск был городом сугубо эс-еровским. Разница между Иркутском и Омском давала себя чувствовать сразу. Политическія ссыльные, осѣдавшіе в Иркутскѣ в течение столѣтій, создали из него бойкій, самостоятельный центр политической мысли. И каждая политическая группировка имѣла здѣсь настоящее свое лицо: эсер был эсером, мень-

шевик — меньшевиком, кадет — кадетом. Господствующее положеніе занимали эсеры. Несмотря на новый избирательный закон Колчака, основанный на мажоритарной системѣ, большинство в Иркутской Городской Думѣ было социалистическим с преобладаніем эсеров.

Вполнѣ понятно, что, при таких условиях, об удовлетвореніи иркутян правительством Колчака не могло быть и рѣчи. Тут, наоборот, было рѣзко отрицательное отношеніе. И оно было таковым почти во всехъ слоях, не исключая буржуазіи: пусть приходит, кто угодно, как угодно; только — не то, что есть! Такому настроенію способствовали еще усиленные слухи, что большевики круто измѣнились, что они теперь — не тѣ, что были. Прекращеніе гражданской войны, примиреніе с большевиками — таков был лозунг момента в Иркутскѣ. Выразить открыто такая настроенія, при военном положеніи и цензурѣ, было, конечно, невозможно.

И вот, при такой атмосферѣ, 13 ноября чехами был вручен генералу Жагрену и представителям остальных «союзников» рѣзкій меморандум. В нем они между прочим заявляли:

«Под защитой чехо-словацких штыков, мѣстные русскіе военные органы позволяют себѣ дѣйствія, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мір. Выжиганіе деревень, избиеніе мирныхъ русскихъ граждан цѣлыми сотнями, разстрѣлы без суда представителей демократіи по простому подозрѣнію в политической неблагонадежности — составляютъ обычное явленіе, и отвѣтственность за все перед судом народовъ всего міра ложится на нас: почему мы, имѣя военную силу, не воспротивились этому беззаконію». Отсюда был вывод, что, при невмѣшательствѣ во внутреннія русскія дѣла, чехи являются потворщиками преступленій, и требованіе, как немедленной эвакуаціи чехов на Восток, так и представленія им «свободы в воспрепятствованію безправію и преступленіям, откуда бы они ни исходили».

Документ этот был за подписью Павлу и Гирсы. Документ имѣл, конечно, чисто дипломатическое значеніе. Во пер-

вых, чехи чувствовали, что угрозыка между ними и наступающей красной армией очень малочисленна: бывшая, правительственная армия, уже не представляла собой серьезной силы, с которой можно было бы считаться; а между ней и чехами, охранявшими желѣзнодорожный путь, были польскія и сербскія части, на которыя чехи смотрѣли, как на дачею на серьезную опору. Самим же вести арьергардные бои серьезнаго свойства солдаты—чехи отнюдь не были расположены, а принуждать их к этому их командование было бы бессильно, если-бы даже хотѣло. С другой стороны, в Чехо-Славии, только что возродившейся к самостоятельной государственной жизни, дух царил радикально-демократическій, во главѣ ея стоял социалист Массарик, и вернуться в Чехо-Славию с именем «антисоциалистов» вождям арміи было невыгодно. «Гайда, котораго мы признали реакционером, вернется домой послѣ владивостокских событий демократическим героем, а мы реакционерами? — Нѣтъ, этого мы допустить не могли», — так говорили позднѣе чехи, и в этом — один из ключей к меморандуму. Кличка «реакционеров» была неудобна, а в октябрѣ Ирвутская Городская Дума мотивированно отказалась привѣтствовать чехов по случаю годовщины их республики, обвиняя чехов в разстрѣлах и безчеловѣчествѣ при усмиреніи возставшаго населенія в желѣзнодорожной полостѣ. Меморандум, официально опубликованный, имѣл для чехов значеніе дипломатическаго документа исключительно в их собственных интересах. Говорить серьезно о невмѣшательствѣ чехов в наши внутреннія дѣла, само собою разумѣется, нельзя было.

Меморандум был опубликован чехами в «Чехо-Словацком Дневникѣ» и его телеграммах на русском языкѣ. При полной подавленности русской прессы, появившіяся меморандумы были встрѣчены широкими кругами, как отзывъ их собственных чувств, независимо от источника его выявленія, весьма сочувственно.

Экспансивный адмирал Колчак реаги-

ровал на меморандум по своему. Не входя ни в какія сношенія с Совѣтом Министров, он телеграфировал генералу Жанену протест против меморандума и требованіе принять мѣры к тому, чтобы Чехо-Славія замѣстила Павлу «представителем, умѣющим прилично держаться». По слухам, генерал Жанен сообщил в отвіт, что в виду недопустимаго тона телеграммы Колчака, он отказывается дать ей ход. Телеграмма Колчака попала, однако, помимо генерала Жанена, в руки чехов, и она подыкала в их средѣ бурю негодованія уже лично против адмирала. Уже через нѣсколько дней стало извѣстно, что любяд адмирала подвигается крайне медленно, так как чехи не дают для него паровозов. Дошел слух, что на одной станціи, когда адмирал потребовал лично к себѣ чешскаго коменданта по вопросу о паровозѣ, от коменданта послѣдовал отвіт: «среди нас нѣтъ людей, умѣющих прилично держаться; пусть адмирал подождет, поѣзда принимаютъ подходящихъ людей из Праги».

Верховный Правитель был оторван от Совѣта Министров. Законодательные акты, в том числѣ и о Государственном Земском Совѣщаніи, оставались без утвержденія. Обостреніе отношеній власти с чехами обрываетъ эсеров. Вѣсти с фронта, доставляемыя чехами, говорили о том, что фронта нѣтъ, а есть сумбурное бѣгство. Настроеніе населенія в отношеніи правительства ухудшалось с каждым днем. Надо было дѣйствовать, быстро и рѣшительно перемѣнивъ курс политики. Но это, конечно, было не по плечу овершено расхлябавшемуся премьеру, Боггудскому.

За дѣло взялся энергичный В. Н. Пепеляев. Он, видимо, понял положеніе и сдѣлал попытку сплотиться с собственными эсерами, предложив им коалицію. На совѣщаніи с эсерами, на просьбу Пепеляева высказаться опроверженно, председатель губернской Земской Управы Ходужин указал Пепеляеву, что он, Пепеляев, является самой одиозной фигурой, а потому меньше всего эсеры могли бы пойти в кабинет, возглавляемый им. Затѣм эсеры отвергли зако-

нособъщательный орган, требовали законодательного Земского Собора и отрицали моральное право правительства Волчака, потерявшего всякое доверие населения, даже на созыв такого Собора.

При отказѣ асеров войти в коалицію, возглавленіе кабинета Пепеляевым было еще болѣе опасно. Его имя было синонимом реакціи. Совѣтъ Министров это понимал, но он считался с адмиралом, для котораго был приемлем только Пепеляев.

Программа, выдвинутая Пепеляевым, несомнѣнно, порывала с прошлым. Главными ея подожженіями были: 1) управленіе исключительно через посредство Совѣта Министров, приглашаемых премьером по его выбору; 2) отказ от системы военного управленія; 3) борьба с произволом и беззаконіем, към бы они ни чинились; 4) расширеніе прав Государственного Земскаго Совѣщанія; 5) сближеніе с оппозиціей; 6) сближеніе с чехо-словаками.

В кабинет Пепеляева вошли С. Н. Третьяков, в качествѣ замѣстителя председателя Совѣта и Министром иностранных дѣл, А. А. Червен-Водали — управляющим внутренними дѣлами (министром считался Пепеляев) и П. А. Бурышкин — министром финансов. Последний мало вѣрил в возможность удачнаго исхода и шел, сѣрбя сердце, не желая отойти от двух своих друзей. С Третьяковым я был мало знаком, поэтому не знаю, как он себя чувствовал. Что касается Червен-Водали, то он или вѣрил в возможность успѣха дѣла или притворялся, идя на жертву.

Тотчас по назначеніи (в концѣ ноября), Пепеляев поѣхал навстрѣчу адмиралу Волчаку, с которым у него были перед этим довольно рѣзкія бесѣды по прямому проводу, а Третьяков рѣшил выступить с декларацией перед Г. Э. Совѣщаніем, воспользовав его, как политическую трибуну.

Адмирал с трудом согласился на указ о возобновленіи засѣданій Г. Э. Совѣщанія, и 8 декабря оно открылось. Кворум едва набирался. Зато мѣст для публики не хватало.

Декларация Третьякова была блѣдной. Сильна была та часть, в которой он критиковал прошлое Омской власти.

Первому с отвѣтом на декларацию пришлось выступить мнѣ, и, при всем желаніи смягчить свою рѣчь, я не мог не сказать Совѣту Министров горькой правды:

«Я не могу не начать с констатированія того печальнаго факта, что Правительство выслушает перед Экономическим Совѣщаніем, а не перед народным представительством. Мы — орган совѣщательный, не могущій отражать желаній и потребностей страны. Мы скорѣе всего — коммиссія экспертов по экономическим вопросам, при обсужденіи которых на каждом шагу сталкиваешься с вопросами внутренней и внешней политики.

Нам, членам Совѣщанія, с первых шагов стало ясно, что Совѣщаніе не может замѣнять собой народное представительство. Не имѣя поддержки в народѣ, оно не может быть и опорой правительства.

Мы устраивали подчас закрытыя частныя совѣщанія, но то были собранія отдѣльных граждан, высказывающих свои личныя мнѣнія. Общество не знало, что мы в этих частных совѣщаніях говорим, что мы говорим правительству. И правительство подчас, когда ему становилось туго, прибѣгало к нашим частным совѣщаніям. Но стоило хоть чуть чуть уллучиться положенію, как оно старалось обойтись без этого плохенькаго суррогата народнаго представительства. Нашим требованіем созыва дѣйствительнаго народнаго представительства пренебрегали.

Если бы перед нами выступил старый Совѣтъ Министров, а бы ему отвѣтил: вы не имѣете права выступать перед нами по политическим вопросам, и мнѣ с вами говорить не о чем.

Но перед нами выступает новый Совѣтъ. Есть ли разница между ним и старым? Нѣкоторыя имена в новом кабинетѣ являются для меня гарантіей, что разница между новым и старым кабинетом есть. Когда министр Третьяков нам говорит, что новый кабинет будет «пра-

вительством чистой совести», то я ему вѣрю и вѣрю, что эти он, ни Буряшкин, ни Червен-Водаки не будут держаться за портфели и уйдут, если убѣдятся, что им своей программы не провести. Меня не пугает даже, что во главе правительства стоит В. Н. Пепеляев. Я увѣрен, что В. Н. Пепеляев, при свойственной ему искренности, с таким же рвеніем будет ломать реакционную систему управления, с каким он ее насаждал. Он — из людей, которые учатся на своих собственных ошибках, а на чем поучиться, у него есть. И этому кабинету я одобряю.

Много перенесло население Пермской губернии от большевиков и с энтузиазмом встретило сибирскую армию. Но это настроение длилось не долго. Оно скоро перешло в недовѣріе, даже в ненависть, благодаря исключительно агентам власти. Она страдала дальтонизмом. Вчерашніе антибольшевики ступились в тюрьмах; систематически и безнаказанно процвѣтало казнокрадство; шла порка. Крестьянину стало безразлично, как называется тот, кто его порет: комсидант или комиссар. И мы видим, что лояльнѣйшее из земств, Пермское, требует немедленнаго созыва народнаго представительства, превращенія своеволия и восстановления гражданских прав. Если таковы стали настроенія в Пермской губернии, прошедшей полный курс большевизма, то чего же ожидать в Сибири, совершенно не испытавшей его?

Из рѣчи министра я не вижу, чтобы Земскому Совѣщанію предполагалось дать законодательныя права немедленно. Между тѣм, политическій разум требует категорически немедленнаго изданія такого закона. Этим, может быть, еще будет вырвано жало у тѣх, кто питает другіе замыслы. Теперь — не время торговаться и ждать выясненія физиономіи будущаго Земскаго Совѣщанія, чтобы тогда рѣшить, стоит ли дать ему законодательныя права. Законодательный орган должен собраться возможно скорѣе.

Если министр Третьяков говорит, что нужны административныя реформы, то я скажу: необходима административная

революція! Негодные администраторы должны быть устранены, преступные — преданы суду! Безсмысленные аресты и ссылки должны быть немедленно отменены! Правительство должно проводить политику грубо — демократическую, чтобы население ясно увидѣло новую эру, совершенно порывающую с прошлым!

Если говорить о помощи союзников, то она приемлема только тогда, когда она совпадает с симпатіями населенія, и при условіи сохраненія русскаго суверенитета. Правительство не должно опираться на штыки, недовѣрчивое населенію, как это было с правительством Скоропадскаго, чтобы не прийти к такому же печальному концу.

Улучшеніе финансов возможно также лишь при честной демократической политикѣ. От огромнаго количества кредиток можно избавиться лишь принудительным займом, что доступно лишь правительству, пользующемуся довѣріем и поддержкой населенія. В противном случаѣ такая мѣра может вызвать только бунт, не дав ничего.

Красивых слов мы слышали много. Теперь — пора рѣшительных дѣйствій, но их пока не видно, хотя каждый час дорог. До сих пор еще не освобождены безмысленно арестованные и сосланные, а явно преступные администраторы суда еще не преданы, хотя новый кабинет имѣл для этого цѣлую недѣлю времени.

Я вѣрю в искренность правительства, но не убѣжден, что оно располагает реальной властью для проведенія своей программы. Злые языки говорят, что, кромѣ двух официальных властей, военной и гражданской, существует еще и третья — безответственная!

Если у вас есть реальная власть, проявите ее возможно скорѣе. Населеніе ненавидит в равной мѣрѣ лѣвый и правый большевизм. Истинный демократизм — лучшее противоядіе от большевизма. Но торопитесь, ибо бьет двѣнадцатый час...

Из выступивших послѣ меня ораторов, ни один не затронулъ заступу старой системы: она была слишком явно

битой. Раздался одинокий голос представителя кооперации Емельина в пользу мира с большевиками, но он был закрыт такой репликой председательствовавшего Гинса.

Засѣданіе не вышло импозантным.

Изобразить из Г. Э. Совѣщанія народное представительство не удалось. Не было в нем, и не могло в нем быть надлежащей авторитетности народных представителей. Правительство висѣло в воздухѣ...

ГЛАВА XXVIII.

Надежды на японцев и на атамана Семенова.—Назначение Семенова главнокомандующим.—Рост недовольства.—Совещание земцев.—Запрещение собрания.—Возстание в Черемховь.—Возстание в Глазковь.—Отношение „союзников“.—Беседа с Павлу.—Возстание в Иркутск.—Переход власти к Политическому Центру.—Выдача адмирала Колчака.—Арест Червена-Водали.—Положение Политического Центра.—Передача власти большевикам.—Разстрел адмирала Колчака.—Отъезд на Восток.—Решение отойти от политической деятельности.

1.

В своей речи я отвечал на упоминание Третьякова о помощи союзников. Это упоминание было так же не случайным, как не случайно было и то, что в местах, отведенных дипломатическим представителям, сидел только японский генерал Фукуда со своим адъютантом.

Вопрос о помощи японцев в борьбу с советской властью был не новым; о непосредственном вооруженном участии японцев были разговоры еще летом 1918 года, когда на японцев рассчитывали в образовании противогерманского фронта; возобновились разговоры о помощи японцев в июль — август 1919 года, по мере ухудшения положения на фронтах и выяснения отхода чехов от борьбы с большевиками. Подробностей мы не знали, но, по слухам, переговоры с японцами велись; от этих переговоров, однако, ничего не ожидали даже сторонники всяких уступок, учитывая японофобию адмирала Колчака. С другой стороны, японцы явно поддерживали в Чите независимость и самостоятельность атамана Семенова, что далеко не соответствовало Омску, а, наоборот, разваливало его власть.

Теперь, когда происходила на западе от Иркутска катастрофа, когда доносились слухи, будто Троцкий, удревший в Омск, заявил: «я оставляю Сибирь мы возьмем по телеграфу», взоры правых кругов обратились в сторону единственной реальной силы, способной оказывать

помощь, в сторону японцев. Расчет при этом основывался не на японцах, которые еще когда-то откуда-то должны прийти, а на японцах, которые имеются тут налицо, имеют гарнизон в городѣ и охраняют железнодорожный путь и туннель от Иркутска до Маньчжурii. Легенда добавляла к этому, что, кроме японского гарнизона, в городѣ имеется еще масса японцев штатских, которые в любой момент могут оказаться военными.

Если справа на японцев смотрели с упованием, то слева их ненавидѣли. До Иркутска вопрос о японской интервенции был частью одного общего вопроса об иностранной интервенции. Здесь, в Иркутскѣ, вопрос получал характер конкретный и психологический. К нему подходили с точки зрения национального чувства, и враждебность широких кругов населения к японцам была совершенно ясной. Им ставилась в вину жестокая расправа с сельским населением, возставшим в предѣлах территории железнодорожной дороги. Даже лично к адмиралу Колчаку проявлялась особенная враждебность за телеграфный приказ, приписывавшийся ему: «расправляться по-японски», т. е. совершенно уничтожать бунтующія деревни.

Для меня такая ненависть к японцам, ненависть непосредственная, была совершенно новым явлением, но она резко бросилась в глаза и я не мог не учитывать ее и не учитывать на опасность даже расчета власти на японскую по

мощь. Один расчет власти на эту помощь уже возбуждал население против власти.

Второй реальной силой, на которую власть возлагала надежды, был атаман Семенов. Адмирал Колчак назначил его, совершенно неожиданно для Совѣта Министров (так уверяли по крайней мѣрѣ министры) главнокомандующим всѣми вооруженными силами Дальняго Востока. Это сразу подбодрило правых группировки, видѣвшія в атаманѣ Семеновѣ болѣе яркое выявление диктатуры, чѣм в самом адмиралѣ: в Читѣ военная диктатура была неограниченной, и правые в такую «силу» вѣрили. Но чѣм пріемлемѣе была Чита для правых, тѣм одиознѣе она была для лѣвых: она была для них символом реакціи. О читинских порядках ходили самыя невѣроятныя слухи, и в отношеніи Забайкалья не было такого слуха о расправах власти с населеніем, которому бы не повѣрили. Особенно славилась Даурія, гдѣ полным хозяином был барон Унгерн-Штернберг, о застѣнках котораго создавались прямо легенды. Так, дошел слух, что у бывшаго Начальника Края на Уралѣ, Посникова, в Дауріи нашли в вагонѣ скрытое им золото, и что не только конфисковали золото, но и дали 50 розог Посникову. Проверить этот слух и установить истину мнѣ не удалось, но в Иркутскѣ этот слух не возбуждал в публикѣ ни малѣйшаго сомынія. Слѣва о Читѣ говорили с ужасом и ненавистью.

Назначеніе атамана Семенова главнокомандующим обострило еще болѣе отношеніе слѣва к правительству. А тут, через нѣсколько дней послѣ засѣданія Г. Э. Совѣщанія, Третьяков выѣхал в Читѣ, в чем усмотрѣли стремленіе Совѣта Министров договориться с атаманом.

Недовольство росло, а верхушки власти налицо не было: Пепеляев был гдѣ-то в поѣздѣ с Верховным Правителем, никак не могущим доѣхать; Третьяков был в Читѣ. В Совѣтѣ Министров председательство было передано Червен-Водали — даже не министру, а товарищу министра с правами управляющаго вѣдомством.

2.

Эвакуація Омска отразилась на выпускѣ кредиток: большая часть станков остановилась. А ухудшеніе положенія власти понижало и без того низкій курс рубля. Иркутск, питающійся хлѣбом и мясом из Маньчжури, особенно сильно ощущал вліяніе паденія курса рубля. Цѣны на все росли, кредитных знаков требовалось больше, а их было мало. Правительство выпустило в обращеніе на правах кредиток билеты выигрышнаго займа, заготовленные в Америкѣ во время правительства Беренскаго. Но и этого не хватало. Стали выдавать деньги из Государственного Банка в ограниченных суммах. К политическому недовольству одних прибавлялось все болѣе и болѣе экономическое недовольство почти всѣх остальных. Недовольство переходило в открытый ропот.

При таком положеніи вещей Губернская Земская Управа числа 18 — 20 декабря созвала на совѣщаніе всѣх пребывающих в Иркутскѣ земских и городских гласных послѣдняго созыва.

Гласных из весьма разнообразных мѣст Россіи оказалось не мало. Совѣщаніе было импонирующим. В числѣ прибывших оказались и Червен-Водали с Бурякиным. Предсѣдателем был избран А. Н. Алексѣевскій. Недавно вышедшій из тюрьмы, с опущенной бородой, он был почти не узнаваем, хотя с момента нашего послѣдняго свиданія в Омскѣ прошло не больше четырех мѣсяцев.

Как быть дальше? Таков был основной вопрос, поставленный иркутскими земцами. — И они выдвигали положенія: во-первых, замѣну власти новой; во-вторых, прекращеніе вооруженной борьбы с совѣтской властью и, наконец, связанное со вторым — созданіе государства-буфера между Японіей и Совѣтской Россіей, независимаго от послѣдней. На это, утверждали земцы-иркутяне, пойдут и совѣтская власть, и Японія: первая — из опасенія неудачнаго исхода вооруженной борьбы с Японіей и потери престижа внутри страны; вторая — из желанія избѣгнуть неминуемой войны при непосредственном соудѣствіи

с Советской и возможных из-за этого осложнений с Америкой. Одним словом, заверяли нас, принципиально создание «буфера» не встречает препятствий.

Прения по вопросу развились широко. Принял в них участие и я, и тщетно старался убедить собрание, что никакого буфера не создать, что эсерам власти не удержат, что фактически все закончится приходом эсерами за собой большевиков, являющихся самым опасным из врагов правдолюбства, ибо они его отрицают идеологически.

Взяло верх эсеровское течение. Мало того, был поднят вопрос о привлечении к участию в совещании представителей профессиональных союзов. Тщетно доказывал я, что нет надобности в собрании гласных, куда входят и гласные-работчие, вводить еще особое рабочее представительство. Вопрос был решен положительно и самое собрание решено было сделать публичным.

23 декабря с разрешения Червено-Водали собрание должно было состояться в городском театре. Гласных собралось человек полтора; для них был отведен партер. Публика переполняла весь ярус. Особая ложа была занята дипломатическими представителями. Перед самым открытием заседания оно внезапно было запрещено. Командующий войсками генерал Артемьев, ссылаясь на военное положение и на то, что разрешение должно было быть испрошено у него, чего сделано не было, приказал собрание закрыть.

Разошлись совершенно спокойно. Но запрещением собрания наносился удар по Червено-Водали, разрешившему его. Вскрывалось, что Совет Министров, с которым могли еще вступать в переговоры, фактически совершенно безвластен. Запрещение собрания истолковывалось как «разгон» земцев. Вопрос о путях выхода из положения изымался из области открытых дебатов, а, стало быть, и критики тех или иных путей. Он переносился в область скрытую, в область конспирации, в подполье, куда критик умеренных кругов доступа не было. Лэвых земцев как бы умаленно толкнули с пути среднего, к которому

они звали всех земцев, на путь единения с крайними лэвыми. И это делалось (конечно, бессознательно) в такой момент, когда в Черемховь — угольных копях вблизи Иркутска, питающих топливом железную дорогу и город — только что, 21 декабря, уже произошел переворот, а попасть туда войскам из Иркутска нельзя было, так как произошла изумительная «случайность»: «следоходом» был сорван как раз в тот же день мост через Ангару.

События не замедлили и в городе. 24 декабря произошло возмущение в отрезанном от города, благодаря отсутствию моста, предместьи его, Глазковь, где находится вокзал. Власть в городе бросилась арестовывать заговорщиков, что в отношении 17 человек и удалось. Повстанцы отбили со своей стороны арестом высших чинов, живших в Глазковь, в том числе — министра земледелия Петрова.

25 декабря стало известно, что власть решила на следующий день начать артиллерийский обстрел Глазкова и предупредила об этом имевших пребывание на путях при вокзале представителей «союзников», которые могли попасть под обстрел, а на это послышался ответ генерала Жанена, что он в таком случае прикажет обстреливать город. Такое заявление генерала, стоявшего во главе всех «союзных» войск, сразу определяло положение: «союзники» больше правительства адмирала Колчака не поддерживали. Повстанцы получали все преимущества: железнодорожный путь был в их руках.

Такое отношение «союзников» для меня не было неожиданностью. Приблизительно за неделю до этих событий я побывал у Павлу, который уезжал, будучи отозван: он оказывался для чешского правительства слишком «правым» по моменту. Теперь, по видимому, нужен был представитель с более лэвым уклоном, более приемлемый для эсеров, а может быть, и более приспособленный к переговорам с наступающими большевиками. Павлу был в минорном настроении. Он печален результатом начатой в свое время работы с таким

энтузиазмом борьбы против большевиков. Он продолжал стоять на точке зрения заинтересованности Чехо-Славян в сильной России, чего он не ждал от нея при большевиках. При всем том он считал, что карта правительства Колчака бита, и изумлялся, как правительство этого не понимает, и само не ищет себя заместителя: «Всюду принято, что правительство само ищет, кому передать власть, раз почувствовало, что не имеет опоры. А у вас, в России, каждое правительство считает ниже своего достоинства уйти раньше, чем его зарьжут».

Если так смотрела на положение вещей Павлу, то тем менее удивительным было, что так смотрят остальные «союзники». Опыт Жанена и невозможность действовать на другом берегу Ангары (пароходы захватили чехи, объявившие, что не дадут ими пользоваться ни той, ни другой из борющихся сторон) ставили Совет Министров в необходимость вступить в переговоры как с «союзниками», так и с земцами.

С «союзниками» было достигнуто как будто соглашение о нейтрализации железнодорожной полосы, что же касается переговоров с земцами, то, по доходившим слухам, они закончились отрицательно, в виду полученного от Третьякова из Чилы сообщения, что он не согласен на компромисс и что атаман Семенов идет на помощь Иркутску.

Вечером 27 декабря началось возстание в город: первым поднял знамя его отряд особого назначения, состоявший при управляющем губернией, захватив телеграфную и телефонную станции. На следующий день возставшие перенесли свою деятельность в Знаменское предместье. Толпы любопытных могли свободно наблюдать, как передвигаются цѣпи повстанцев по направлению к городу. Они были так малочисленны, что только удивлялись, как власть не справится с таким ничтожным противником: было ясно, что власть сама ничѣм не располагает. Мало по малу свист пуль на улицах стал увеличиваться, а число любопытных на улицах — уменьшаться.

Бои шли в самом городѣ, число раненых и убитых увеличивалось.

Ряды повстанцев росли за счет рабочих из предместий. Ряды правительственных войск рѣдѣли: переходили на сторону повстанцев. На лѣвом берегу прибыли семеновскія части, вступили в бой с повстанцами и вынуждены были отступить. Стало известно, что на помощь прибывают японцы. Эшелоны их прибыли, но японцев не видеть было.

Звуки перестрѣлки стали нормальным явлением. К нам в квартиру в окна, обращенная к Знаменскому предместью, влетѣли двѣ пули, к счастью не причинив никому вреда. Просыпаясь утром, удивлялись, если не слышно было стрельбы. На улицу выходили, но мѣрѣ возможности рѣже. Общаться во внѣ было трудно. Раза два я видѣлся с Волковым. Ничего опредѣленнаго сказать он мнѣ не мог. Информациа Павла, сочувствовавшего эсерам, казалась односторонней. И все таки, нужно сказать, что, оставляя в сторонѣ эсерствующих, почти не встрѣчалось мѣстных людей, которые бы опредѣленно сочувствовали правительству. Его к этому уже и считали ни во что. Боялись наступления власти Семенова; меньше этого опасались возможной власти большевиков; желали власти земской.

Так тянулось время, казавшееся безконечно долгим. От Павла я зналъ, что 2 января начались в походѣ генерала Жанена переговоры Совета Министров с «союзниками» и Политическим Центром, на время которых должно быть установлено перемирие. 24-часовое перемирие было объявлено с 12 часов дня 3 января. На сутки наступает кажущаяся давно забытой тишина. По доходившим слухам, нейтралитет «союзников» опредѣленно односторонен в пользу Политического Центра. «Союзники» опредѣленно требуют отречения адмирала Колчака.

Переговоры затягиваются. Всѣ нервно ждут их исхода. По доходившим слухам, шансов на достижение соглашения между Советом Министров, настаивающим на предоставленіи возможности эвакуироваться на Байкал, и Полити-

ческим Центром, требующим капитуляции, нѣт.

Наступает 12 часов ночи 4 января. Извѣстій о возвращении с вокзала Червена, Бурыйкина и других, ведущих переговоры в поѣздѣ Жанена, нѣт. На улицах совершенно тихо. Около часа ночи на нашей улицѣ появляются патрули Политическаго Центра. Иркутск оказался занятым без сопротивления: правительственные войска ушли из города до окончания перемирия, до окончания переговоров.....

3.

5 января на улицах появился «манифест» Политическаго Центра, манифест «последовательно-демократической политики». Как и всѣ подобнаго рода акты, манифест, кромѣ парадной стороны, включал и программу. Характерными чертами ея были: 1) полнота власти на мѣстах органов самоуправления; 2) усиленное покровительство кооперации; 3) национализация каменноугольной промышленности и средств передвижения; 4) контроль над внешней торговлей, с участием в нем представителей кооперации, и контроль над всеми областями торговли и промышленности, с участием в нем представителей мѣстнаго самоуправления и профессиональных союзов.

Население встрѣтило переворот радостно. Но далеко не радостно были настроены члены Политическаго Центра. С некоторыми из них, в том числѣ с председателем Политическаго Центра, Федоровичем, и членом его, Косьминским, я встречался ежедневно за табльдотом. И уже на третій—четвертый день послѣ переворота они при мало знакомых людях (я числу которых относился и я) не скрывали, что их положеніе крайне тяжело. Они уже чувствовали, что произвели переворот чужими силами, большевистскими, и эти силы теперь насѣдали, становились требовательнѣе, толкали к непосредственному большевизму.

Через нѣсколько дней послѣ переворота произошло событіе, которое ошеломило буквально всѣх: союзникамъ былъ выдан Политическому Центру адмирал Кол-

чак! Этого уже никто не ожидал, и я меньше других. Я былъ случайно связанъ с текстом постановленія Высшихъ Комиссаров. Он гласил почти текстуально слѣдующее (цитирую по памяти): «Высшіе Комиссары, учитывая создавшееся положеніе, предлагают адмиралу Колчаку отдаться под ихъ покровительство, и, если-бы онъ этого пожелал, то поручить охрану адмирала чехо-словацкимъ войскамъ и доставить его в мѣсто по его указанію. Если-бы адмиралъ Колчакъ не пожелалъ сейчасъ воспользоваться настоящимъ предложеніемъ, а обратился за покровительствомъ позднѣе, то не отказывать ему в нем, если это по обстоятельствамъ окажется тогда возможнымъ». Вопросъ былъ поставленъ настолько ясно, что времени на размысленіе адмиралу не давали, и он, само собою разумѣется, отдался под покровительство «союзниковъ». Выдать при такихъ условіяхъ человѣка было актомъ высшего позора, актомъ, къ которому съ презрѣніемъ относились даже тѣ, кому выдали адмирала. Между тѣмъ, выдача адмирала не была одностороннимъ актомъ чехов: она состоялась съ благословенія тѣхъ, кто предложилъ ему покровительство.

Члены Политическаго Центра эсеры были, какъ это чувствовалось, сами смущены своей удачей в требованіи выдачи адмирала. И тѣмъ не менѣе, чуть не на завтра послѣ этой выдачи, Политическій Центр принялъ законъ о смертной казни за нѣкоторыя преступленія. И это — эсеры, для которыхъ требованіе отмены смертной казни было однимъ изъ яркихъ лозунговъ до революціи!

Постановленіе о восстановленіи смертной казни тѣмъ болѣе поразило многихъ, что дня черезъ два телеграфъ принесъ извѣстіе объ отменѣ смертной казни Советскою властью. Эсеры оказались большими католиками, чѣмъ сама Пала. Политическій Центр явно поддавался требованіямъ толпы.

Не могу не упомянуть и о печальной участи А. А. Червена-Водала. Какъ я уже указывалъ, в моментъ вступленія повстанцевъ в городъ Червенъ в поѣздѣ генерала Жанена велъ переговоры съ представителями Политическаго Центра и, естественно, остался тамъ. Это нисколько не

промышленно дѣвой прессѣ трубить на завтра, что Червен-Водаши бѣжал, бросив все на произвол судьбы. И вот, благородство Червена преодолѣло в нем расчет: он счел нужным, явиться в Политическому Центру и заявить, что он не намерен бѣжать. В результатѣ—арест, стоившій Червену впоследствии, уже при большевиках, жизни.

Совершенно явная тенденція к прямой власти большевиков заставляла подумывать об отъѣздѣ из Иркутска. Правда, знакомые эсеры урезонивали меня, что самое лучшее — остаться в Иркутскѣ, гдѣ реакціонера во мнѣ не видят; меня убѣждали также в том, что большевики стали неузнаваемы, совершенно измѣнились: «скуда они придут уже вегетарианцами», как выразился один эсер. Кроме того, они и не придут в Иркутск, ибо они согласятся на создание «буфера», о котором с Москвой ведет переговоры из Красноярска Колосов. Меня все это мало убѣждало; я рѣшил ѣхать.

Выѣхать, однако, было не просто. Единственный реальный способ выѣзда был в каком-либо чешском эшелонѣ. Пришлось потратить не мало хлопот, чтобы получить приказ генерала Сырвого, предоставившій мнѣ право проѣзда в чешских эшелонах. Но такого приказа было мало. Надо было еще, чтобы в эшелонѣ было свободное мѣсто, а эпоха была такая, что не во всѣх эшелонах охотно брали частных пассажиров. Чехи торопились уходить, и уже далеко не так просторно ѣздили, как в бывшія времена. С отъездом дѣло затягивалось.

Между тѣм, событія шли гораздо быстрее, чѣм даже я предполагал. С каждым днем большевики все сильнѣе насаждали на Политическій Центр, требуя уклона от его программы к большевизму. Надо отдать справедливость эсерам, что в этом отношеніи они на уступки не шли. Чувствуя, однако, что реальныя силы на другой сторонѣ, они заявляли: «не нравится вам, берите власть вы». Это, в свою очередь, не подходило почему-то большевикам, и в таком неустойчивом равновѣсіи дѣло тянулось до вечера 20 января, когда предложено эсерам передать власть большевикам было

внезапно принято послѣдними. Утро 21 января принесло нам прокламацію о передачѣ Политическим Центром своей власти Революціонному Комитету. На слѣдующій день пришла разгадка происшедшаго.

Мѣстные большевики получили телеграмму о согласіи Москвы признать власть Политическаго Центра в Иркутской губерніи и на восток от нея, а от Политическаго Центра телеграмма была скрыта. Мѣстные большевики, будучи противниками московскаго рѣшенія, и повели дѣло так, что телеграмма стала известна Политическому Центру только послѣ передачи им власти, когда было уже поздно.

Цикл замкнулся. Я опять очутился на территоріи, подвластной большевикам. Я торопился уѣзжать и 23 января я получил мѣсто в теплушкѣ эвакуировавшихся польских граждан. нас «отправляли» раза по три в день и прицѣпили, наконец, к поезду 7 февраля, когда мы и отправились. Это был день, когда неожиданно для всѣх был расстрѣлян адмирал Колчак. Я говорю «неожиданно», ибо, по доходившим безспорно точным свѣдѣніям, адмирал импонировал не только членам Политическаго Центра, но и большевистской комиссіи, допрашивавшей его. По всѣм данным, к адмиралу относились хорошо, с уваженіем; шла рѣчь о судѣ над ним в Москвѣ. Меньше всего кто либо думал о том, что возможен такой конец адмирала в Иркутскѣ, и не в судебном порядкѣ, а внезапно, внѣ всякаго даже самим ревкомом установленнаго порядка.

В чрезвычайнo тяжелом настроеніи уѣзжал я из Иркутска. Кончалось трехлѣтіе со дня начала революціи, и что мы имѣли? Временное Правительство пало под натиском большевиков, оставшись без всякой поддержки. Учредительное собраніе, Комуч, Директорія пали, оставшись также без всякой поддержки. Пало теперь, наконец, правительство Колчака, имѣя массы опредѣленно против себя и будучи бессильным одолѣть ничтожную горсть повстанцев в городѣ.

Отсюда, конечно, нельзя было дѣлать

вывода, что массы стоят определенно за советскую власть: онѣ воставали и против нея. Но за то можно было считать установленным: во первых, что всё происшедшія мѣстные востанія, как против советской власти, так и против диктатуры справа, были отвѣтом на становившійся невыносимым произвол, а не во имя какого либо определеннаго государственнаго строя; во-вторых, что массы не желают длительной гражданской войны; в третьих, что, при прочих равных условиях, большевизм слева находит больший процент поддерживающих его, чѣм большевизм справа; наконец, что нечего рассчитывать на успѣх организованной вооруженной борьбы с большевиками против воли широких масс.

Приходилось признать, что массы не осознали насущной необходимости для них подлиннаго демократизма. Онѣ еще ни разу его не ощущали, чтобы его цѣнить настолько, чтобы за него бороться. Массы выявили, чего онѣ не хотят, но пока не знают, чего хотят. Если навязывать силой диктатуру пролетариата, коммунизму, — безнадежное стремленіе «загнать

ослов дубинкой в рай» (по удачному выраженію покойнаго А. И. Шингарева), то прямо химера — попытка вставить народ против его воли бороться за народоправство: в такой мысли кроется вину-треннее противорѣчіе.

Что дѣлать при таких условиях нам, кадетам? Одни из нас пошли общим фронтом с реакціонерами, считая, что жертвуют своим «я», своими пребываніями народоправства, во имя высшей цѣли одолѣнія большевиков, хотя бы путем диктатуры; другіе — пошли совместно с социалистическими группировками на борьбу за народоправство; третьи — положили всё силы на то, чтобы вліять на правых, внушая им необходимость демократическаго, а не реакціоннаго курса. И всё эти карты были биты! Приходилось признать, что народ не сознает, что мы ему нужны, а навязываться ему безнадежно.

Придя к этим выводам, я, не рѣшая вопроса для других, для себя вопрос рѣшил: устранился от политической работы. С этим твердым намѣреніем я уѣзжал из Иркутска на восток.

Г Л А В А Х Х I X.

Недѣля в Читѣ.—Бесѣда с С. А. Таскиным.—В оккупированном Приморьи.—Мѣстная национальная задача.—Отказ от рѣшенія отойти от политической дѣятельности.

Медленно подвигались мы вперед. Только через три недѣли со дня выѣзда из Иркутска, 28 февраля, прибыли мы в Читѣ. Тут, вслѣдствіе каких то недоразумѣній между польским комендантом и польской делегацией, наш вагон был отцеплен, а мы, его пассажиры, задержаны. Нас привели, прежде всего, в бронепоезд. Страшной славой пользовались читинскіе бронепоезда, не с легким сердцем вошел я в него и с удовольствіем услышал распоряженіе отправить нас в государственную охрану.

Здѣсь меня допросил офицер, по всему видимому, жандармскій еще царских времен, держал себя в высшей степени корректно и сравнительно скоро отпустил. Но тут начались мятарства. У власти было убѣжденіе, что мои спутники везут огромныя богатства. Производили обыск, болѣе походившій на разгром, чѣм на обыск. Встали осматривали и мои вещи, ссылаясь на то, что в общей теплушкѣ трудно разобрать принадлежность вещей. Встали производили у меня личный осмотр и рылись в моих бумагах, все время очень извиняясь и объясняя мнѣ, что обыск ко мнѣ лично никакого отношенія не имѣет. Чувствовалось прямое издѣвательство.

Но обыск на меня произвел не такое впечатлѣніе, как результат его, когда два молодых офицера услышав тут же обобщать вслух, что из найденных цѣнностей (найденно было очень немного) подлежит возврату и что имѣт: вернуть ли ребенку коиланку с 8 рублями мелкой серебряной монетой, не слишком ли много на мужа с женой 5000 рублей романовских, и все ли им вернуть?

Задержали нас в Читѣ с повторными обысками цѣлую недѣлю, пока не удалось добиться включенія нашего вагона вновь в чешскій эшелон, что равнялось своего рода экстерриториальности.

Перед отъѣздом я заглянул к однопартийцу, бывшему члену государственной думы от Забайкалья, С. А. Таскину. Теперь он был управляющим гражданской частью у атамана Семенова. Отъѣзды в Читѣ о нем были хорошіе: если бы не он, режим был бы много тяжелѣе.

Я рассказал Таскину о своих мятарствах, рассказал о довольно неприятном разговорѣ с одним из офицеров, знакомым с моей дѣятельностью и заявившим мнѣ, что из всѣх моих прегрѣшеній самое страшное то, что я с давних пор кадет. Я указал Таскину, что, вполне понятное с большевистской точки зрѣнія отношеніе к частной собственности недопустимо для власти, признающей частную собственность, а то, что я видѣл при обыскѣ в вагонѣ—полное надругательство над понятіем о частной собственности.

Рассказ мой Таскина не удивил; удивило его то, что я давал себя подвергать неприятностям, не предложив вызвать к телефону его и не сообщил ему о моем задержаніи, что, конечно, избавило бы меня от всего, что я претерпѣл.

— Пожав в эту исторію, я хотѣл посмотреть, что здѣсь дѣлается у вас, так как слышал я очень много; соскучился на Вас я рѣшил в крайнем случаѣ, — отъѣтил я.

— В крайнем случаѣ? Храбрый вы человек! У нас «в крайнем случаѣ» может быть слишком поздно.

Не знаю, был ли Таскин сам неточно осведомлен, что делается во Владивостоке, или про каким либо соображением считал нужным не все говорить, но он определенно не говорил мне, какая власть там: по его словам выходило, что во Владивостоке «как будто» власть большевиков. Настроение Таскина совершенно расходилось с моим. Он был настроен жизнеутвердительно и продолжал, несмотря на все, верить в успех организованной вооруженной борьбы с большевиками; уверен он был и в японской помощи.

От Таскина я получил разрешение на выезд на восток. 7 марта я выехал и несмотря на полученную карту, с опаской заехал на проезд через Даурию. Один из производивших обыск офицеров советовал мне не ехать дальше из Читы в той теплушке, в которой я приехал: в Даурии, утверждал он, за эту теплушку возьмутся, и после Даурии обыск в Читы покажется мне самым пустяком. По мере приближения к Даурии даже чехи первичали. Эшелон был технический, с ним шли мастерские, и личный состав его был далеко не из боевых. Тем более беспокойны были мы, и особенно облегченно вздохнули, когда поезд, совершенно неожиданно для нас, пропел, не останавливаясь на страшном разъезде.

Так же медленно, как и до Читы, мы двигались дальше. В дороге нас застала забастовка рабочих на Китайско-Восточной железной дороге, забастовка, окончившаяся свержением власти генерала Хорвата, власти наиболее мягкой в то время в Сибири. И тут повторилось то же, что и во всей Сибири: масса тянула влево. И тут подтверждалось мое предположение, и подкреплялось мое решение отойти от политической деятельности.

Только 26 марта я прибыл во Владивосток, и тут я нашел совершенно неожиданную политическую обстановку.

Власть была номинально в руках Приморской Земской Управы, в руках эсеров. Фактическая власть была в руках коммунистов. Это обстоятельство очень удачно охарактеризовал позднее один из видных местных коммунистов, Бушарев: «мы вместо себя подожгли эсеров».

Здесь эсеры и не думали, как в Иркутске, проводить что либо свое: они соглашались быть ширмой коммунистов.

Но за то и коммунисты себя выставляли ненормально.

Приморье было фактически оккупировано японцами; грозила потеря края Россией, и коммунисты, учитывая это, вели себя здесь не по-большевистски. С другой стороны, управление ген. Розанова успело оставить по себе такую печальную память во всех слоях населения без исключения, что буржуазия относилась к новой власти без недоброжелательства, мирясь с ее в большинстве большевистским запахом. Что касается левых антибольшевиков, то они спешкой были на службе у новой власти, и она их допускала даже на весьма ответственные посты. Так, А. Н. Крутикова (правого эсера) я застал на посту министра внутренних дел, и генерала Болдырева — консультантом военного ведомства.

Не успел я ориентироваться в положении, как в ночь с 4 на 5 апреля японцами было совершено вооруженное выступление, военные силы правительства разоружены, и встал вопрос о власти. И вот тут, заданный за живое национальный вопрос высоко поднялся над партийными перегородками. Собравшаяся в Городской думе местная общественность в лице представителей всех без исключения слоев населения единодушно заявила о своей поддержке приморскому правительству — Приморской Земской Управе. Отбыла момент и другая сторона, и председатель совета министров Нивинфоров, заявил, что раз в Приморье необходимо сохранять буржуазный строй и бороться за национальные интересы, то он, коммунист, покажет, как поддерживают национальную промышленность и торговлю.

Приморье становилось на демократический путь. Ставилась задача создать на Д. Востоке демократический буфет. Созывалось народное представительство — «Народное Собрание» — с обширными правами. Учитывалось, что при существовавших настроениях буржуазия имеет мало шансов на представительство, избирае-

мое в городах по пропорциональной системе. Поэтому 10 депутатских мест предоставили выборным от торгово-промышленной палаты, уравновесив их 10 депутатами от профессиональных союзов.

Приморье становилось на путь парламентаризма, с ответственным перед палатой кабинетом. Борьба переносилась в плоскость шпуню, чѣм до сих пор — в плоскость парламентскую. Мои предположения отойти от политической работы отпадали. Кадетам представлялась возможность принять участие в борьбѣ, шайболѣ свойственной им, и они, в том числѣ и я, участие в ней приняли.

Задача стояла перед нами, правда, мѣстная, но очень важная в общегосударственном смыслѣ: сохранение края за Россіей. Этой задачѣ подчиняли в тот момент все и всѣ, от коммуниста до капиталиста.

Этот момент и эти задачи объясняют

весьма многое, мало понятное без знания условий момента. Без этого трудно, несомнѣнно, было многим за границей и даже в Россіи понять, как Виноградов и я могли очутиться с одной стороны в общем кандидатском спискѣ с прогрессивной, но весьма умѣренной, торгово-промышленной буржуазіей, а с другой, правая Народнаго Собрания — в коалиционном кабинетѣ от торговопромышленника до коммуниста (во главѣ кабинета) включительно.

Этот период — период высокого подъема в конвульсивных движѣніях части государства в момент опасности быть оторванной в пользу другого государства — заслужит несомнѣнно вниманіе историка в будущем. К сожалѣнію, период этот еще слишком близок, чтобы мнѣ можно было излагать свои воспоминанія о нем без слишком существенных пропусков. Приходится поэтому отложить их до болѣе благоприятнаго времени.

К О Н Е Ц .

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
ПРЕДИСЛОВІЕ	3

Часть I: В Москвѣ

(январь—іюнь 1918 года).

ГЛАВА I. Центральный Комитет к.-д. в подпольи.—Разгон Учредительнаго Собранія.—Убійство Кокошкина и Шингарева	7—10
ГЛАВА II. Увѣренность в непрочности Совѣтской власти.—Учредительное Собраніе или монархія?	11—15
ГЛАВА III. Брестскій мир.—Москва в ожиданіи прихода нѣмцев.—Положеніе обывателей.—Внѣшній характер Совѣтской власти.—Возвращеніе петроградских узников и их впечатлѣнія	16—21
ГЛАВА IV. Разгромъ анархистовъ.—Моральный выигрыш Совѣтской власти.—„Союзники“ и флирт с Совѣтской властью.—Вопросъ о борьбѣ с Совѣтской властью.—Вѣсти из деревни	22—26
ГЛАВА V. Вопрос об иностранной помощи.—Опасность японской интервенціи.—Необходимость объединенія противобольшевицкой общественности.—Рознь у к.-д.—Союз Возрожденія, Правый Центр, Национальный Центр.—К.-д. и диктатура	27—30
ГЛАВА VI. Переѣзд Совѣтской власти в Москву.—Положеніе интеллигенціи.—Сношенія с большевиками.—Совнархоз	31—36
ГЛАВА VII. Я. М. Свердлов.—Приобщеніе науки к пролетариату	37—43
ГЛАВА VIII. Поѣздка в Архангельск и Вологду.—Партія к.-д. и федерація.—Сепаратизм и экономика.—Партіяная конференція.—Опять в подпольи.—Командировка на Восток	44—48

II

ГЛАВА IX. Внѣшняя жизнь в Москвѣ.—Маленькая Коммуна.—Моральный развал.—Материальное оскудѣніе.—Отѣзд из Москвы.—Радужныя перспективы	49—
--	-----

Часть II: За Волгой

(іюль—сентябрь 1918 года).

ГЛАВА X. От Москвы до Казани.—Вѣсти из Екатеринбургa.—От Казани до Сѣрных Вод.—За предѣлами досягаемости	55—57
ГЛАВА XI. На территоріи Комуча	58—61
ГЛАВА XII. От Самары до Челябинска.—Комуч и Омск.—В Челябинскѣ.—Сѣзд „держав“.—Дипломатическая переписка.—Урал, Сибирь и Поволжье.—Совѣщаніе 16 іюля .	62—66
ГЛАВА XIII. В Омскѣ.—В. А. Жардецкій.—Омская общественность.—Омское правительство.—Осложненія с Самарой.—Отѣзд.—Казачество и федерація	67—70
ГЛАВА XIV. От Челябинска до Екатеринбургa.—„Союзники“ в роли хозяев.—Сложность положенія промышленных предприятий.—Вопрос о совѣтских декретах.—Образованіе правительства Урала	71—79
ГЛАВА XV. В Челябинскѣ.—В. Н. Пепеляев и директивы Центрального Комитета.—Тренія между правительствами Урала и Сибири.—Омск и чехи.—Предварительное Государственное Совѣщаніе	80—87
ГЛАВА XVI. Положеніе в Екатеринбургѣ.—Отношеніе населенія к правительству Урала.—Омская политика и правительство Урала	88—92
ГЛАВА XVII. В Уфѣ.—Взаимоотношенія правительств.—Засѣданія Государственного Совѣщанія.—„Болѣзнь“ Пепеляева и мое положеніе.—Декларациі делегацій.—Омскій реализм	93—101
ГЛАВА XVIII. Совѣт Старѣйшин.—„Сѣзд“ членов Учр. Собранія.—Вопрос о контролирующем органѣ.—Отношеніе к Учр. Собранію и Сѣзду.—Программные вопросы	102—121
ГЛАВА XIX. Четвертое засѣданіе Государственного Совѣщанія.—В Совѣтъ Старѣйшин: Предѣлы компетенціи областных правительств. Разногласія в вопросѣ о кандидатурах. Отказ от партійнаго давленія на членов Директоріи.—Торжественное засѣданіе.—Привѣтствія французскаго и англійскаго правительств.—Акт об образованіи Верховной власти	122—131

Часть III: Борьба за власть

(сентябрь 1918—іюнь 1919 года).

ГЛАВА XX. Вопрос о резиденціи Директоріи.—Убійство Новоселова в Омскѣ.—Избраніе Екатеринбургa резиденціей.	
--	--

III

Колебания. — Приготовление в Екатеринбургѣ. — Внезапное изменение рѣшенія. — Встрѣча с Директоріей в Челябинскѣ. — Сэр Эллиот и Авксентьев	136—141
ГЛАВА XXI. Поѣздка в Омск. — В поисках Директоріи. — Поѣздствіе по дѣлу Новоселова. — „Блок“ — Соглашеніе Директоріи с Административным Совѣтом. — Бесѣда с Авксентьевым. — Предупрежденіе Болдырева о готовящемся переворотѣ. — Вопросы продовольствія и финансов. — Безсиліе Директоріи	142—148
ГЛАВА XXII. Приѣзд Вологодскаго. — Похищеніе В. Н. Моисеенко. — Конфликт на вопросѣ о составѣ Совѣта Министров. — Новоявленный „Ц. К.“. — С. В. Востротин о кандидатурѣ адмирала Колчака. — Разрѣшеніе конфликта. — Соглашеніе правительства Урала с Директоріей. — Упраздненіе правительства Урала	149—155
ГЛАВА XXIII. Съѣзд членов Учр. Собранія в Екатеринбургѣ. — Прокламація Ц. К. партіи с.-р. — Екатеринбургскіе к.-д. о Директоріи и диктатурѣ. — Переворот 18 ноября — „Конституціонная диктатура“. — „Семерка“. — Ликвідація ея и „Съѣзда“. — Генерал Гайда. — „Партія государственнаго переворота“	156—164
ГЛАВА XXIV. Национальный Союз. — Адмирал Колчак в Екатеринбургѣ. — Военные успѣхи и черносотенная пропаганда. — Отношеніе крестьян к совѣтской власти и реставраціи. — Военный режим на Уралѣ. — Съѣзд промышленников. — Демократическій Союз. — Выборы от земства в Государственное Экономическое Совѣщаніе. — Земельный вопрос и крестьяне	165—176

Часть IV: Расплата

(іюль 1919—апрѣль 1920 года).

ГЛАВА XXV. В Омскѣ. — Оппозиціонное большинство в Государственном Экономическом Совѣщаніи. — Вопрос о расширеніи его компетенціи. — Отношеніе к нему адмирала Колчака. — Состояніе арміи. — Непомѣрные штаты. — Паденіе курса рубля. — Омскіе министры	179—188
ГЛАВА XXVI. Частныя совѣщанія. — Омскіе к.-д. — Настроенія в населеніи. — Отказ в приѣмѣ делегаціи Г. Э. Совѣщанія и уход из него группы Алексѣевского. — Грамата о Государственном Земском Совѣщаніи. — Переговоры с чехами о помощи. — Развал „блока“. — Демократическій Союз в Омскѣ	189—194
ГЛАВА XXVII. Вопрос о премьерѣ. — „Подводная война“. — Вопрос об эвакуаціи Омска. — Вѣсти о Совѣтской власти. — Эвакуація Г. Э. Совѣщанія. — Иркутск и эс-эры. Чешскій меморандум. — Новый Совѣт Министров. — Засѣданіе Г. Э. Совѣщанія 8 декабря	

IV

ГЛАВА XXVIII. Надежды на японцев и на атамана Семенова.—Совѣщаніе земцев.—Возстаніе.—Отношеніе „союзников“.—Политическій Центр.—Выдача Колчака.—Передача власти большевикам.—Разстрѣл адмирала Колчака.—Отъѣзд на Восток	203—
ГЛАВА XXIX. Недѣля в Читѣ.—В оккупированном Приморьи.—Мѣстная національная задача	210—;
